ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП

★

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

ПРОТОКОЛЫ И СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП

МАРТ 1898 ГОДА

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

☆

МОСКВА · 1958

PRINTED IN USSR

ПРЕДИСЛОВИЕ

По решению ЦК КПСС на Институт марксизма-ленинизма возложена задача — подготовить к изданию протоколы и стенографические отчеты всех съездов и конференций нашей партии.

В отличие от последующих I съезд РСДРП не оставил после себя никаких протоколов, никаких более или менее исчерпывающих записей. Поэтому вместо протоколов первого съезда РСДРП Институтом марксизма-ленинизма подготовлен сборник документов и материалов, освещающих историю созыва и проведения съезда, неразрывно связанную с историей борьбы революционных марксистов России во главе с В. И. Лениным за создание партии нового типа.

Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии, провозгласивший образование РСДРП, состоялся в марте 1898 г.

Съезд происходил на грани двух столетий, в один из наиболее сложных периодов в истории борьбы за создание подлинно марксистской социал-демократической рабочей партии в России. Он завершил собою полосу «детства и отрочества» в развитии партии, начавшуюся, по словам Ленина, с образования Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». «С быстротой эпидемии, — писал Ленин, характеризуя этот период, — распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди... Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий... Борьба заставляла учиться... Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия.

Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы» *.

90-е годы прошлого столетия были годами быстрого промышленного развития России и нарастания массового рабочего движения. Капиталистическая Россия к концу XIX века вступала в новую эпоху — эпоху империализма — и становилась узловым пунктом империалистических противоречий. Центр мирового революционного движения перемещался в Россию.

Промышленный подъем 90-х годов, обусловленный притоком иностранного капитала, быстрым разорением мелких производителей и наличием дешевой рабочей силы, в области социальной привел к резкой классовой дифференциации, выдвинув на сцену новую могучую революционную силу — промышленный пролетариат. 90-е годы явились годами непрекращавшейся стачечной борьбы на заводах и фабриках, сопровождавшейся студенческими волнениями. Стачки носят еще экономический характер, но, разрастаясь вширь и вглубь, отчетливо приобретают черты организованного движения.

В 1892 г. проходит полоса стачек в Донецком бассейне и ряде городов Западного края: в Лодзи, Варшаве, Риге и других. Стачечное движение особенно большие размеры начинает принимать в середине 90-х годов. В 1895—1896 гг. происходят знаменитые петербургские стачки, главным образом в текстильной промышленности. Небывалые по своей организованности, стойкости и выдержанности, петербургские стачки охватывают до 35 000 человек. Из Петербурга они перекидываются в другие промышленные центры России и выливаются в мощную волну массового организованного рабочего движения.

Весной и летом 1895 г. бастуют рабочие железнодорожного депо на Московско-Курском вокзале, рабочие и работницы ткацкой фабрики Прохорова в Москве, рабочие фабрики Мазурина и Герасимовых в Кусково под Москвой, рабочие склада товарищества К. и С. Поповых.

Весной 1895 г. вспыхивают большие стачки на Ярославской мануфактуре, в Тейкове и Иваново-Вознесенске; стачки подавляются с помощью войск; волнуются рабочие Нижнего Новгорода, Екатеринослава и других городов.

На почве роста рабочего движения, а также под влиянием западноевропейского рабочего движения в России стали появляться и быстро расти марксистские кружки и группы. Еще в 1883 г. за границей начала действовать первая марксистская группа «Освобождение труда», организованная Г. В. Плехановым. Несмотря на ряд крупных ошибок в своей теоретической деятель-

---

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 483, 484.

ности, явившихся зародышем будущих меньшевистских взглядов ее деятелей, группа «Освобождение труда» проделала огромную работу по распространению идей научного социализма в России.

Широкое распространение марксизма в России сопровождалось теоретическими боями его с народничеством. Народничество, утопическая теория которого вдребезги разбивается действительностью, пытается еще удержать свои прежние позиции, отбить успешное наступление марксизма. В решительных схватках с народничеством первый основной удар народнической системе взглядов наносит в 80-х годах Г. В. Плеханов. Идейный разгром народничества завершает В. И. Ленин.

Одновременно с борьбой против народничества Ленин выступает против буржуазного течения, прикрывавшегося марксизмом, против так называемого «легального марксизма» (Струве, Туган-Барановский). Ленин дает резкий отпор попыткам «легальных марксистов» извратить революционный марксизм, он разоблачает буржуазную сущность этих пособников капитализма.

Борьба Г. В. Плеханова и В. И. Ленина с народничеством, затем борьба В. И. Ленина с «легальным марксизмом» способствуют отмежеванию пролетарского социализма от буржуазных течений, стремившихся подчинить своему влиянию растущее рабочее движение, способствуют упрочению и распространению теории и программы революционной социал-демократии.

Быстро развиваясь, социал-демократические кружки и марксистские группы ведут большую работу по распространению идей революционного марксизма и программных положений социал-демократии. Однако ни заграничная группа «Освобождение труда», ни марксистские кружки и группы, существовавшие тогда в России, не были связаны с массовым рабочим движением. Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению.

Оторванность социализма от рабочего движения приводила к слабости и социализма, и рабочего движения. Необходимо было создать пролетарскую партию, которая смогла бы направить стихийное движение рабочих против отдельных эксплуататоров в русло организованной борьбы с самодержавием и капитализмом, соединить идеи научного социализма с рабочим движением.

Задача объединения разрозненных кружков и групп в единую социалистическую рабочую партию впервые выдвигается Лениным в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В этой замечательной работе, явившейся манифестом рождавшейся партии, наряду с блестящей критикой народнической идеологии, Ленин изложил основы революционного марксизма, определил конечные и ближайшие задачи русского пролетариата и роль рабочего класса, как гегемона революции. Ленин впервые в этой работе выдвинул идею революцион-

ного союза рабочих и крестьян как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии. «На класс рабочих, — писал Ленин, — и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**), *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**»*.

Определяя задачи русской социал-демократии, Ленин подчеркнул в этой работе необходимость из разрозненных марксистских кружков и групп организовать боевую пролетарскую партию, партию коммунистической революции.

Мысль о создании единой социал-демократической партии Ленин начинает осуществлять и практически. Он объединяет в 1895 г. все марксистские кружки в Петербурге в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который в течение короткого времени становится фактическим руководящим центром складывающейся российской социал-демократии. Появление Петербургского «Союза борьбы» открывает новый период в истории российской социал-демократии. Отныне русская социал-демократия выступает на историческую арену не только как теоретическое течение, но и «как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия» **.

Петербургский «Союз борьбы» строится Лениным по принципу строжайшего централизма. Члены Союза разбиваются на районные группы (по 4—5 человек), общее руководство которыми сосредоточивается в руках центрального ядра. Периферия организации состоит из сети рабочих кружков, связанных с центральной группой через организаторов района. Союз первым из социал-демократических организаций России осуществил переход от пропаганды идей социализма в замкнутых кружках к широкой агитации среди масс пролетариата, впервые связав эту агитацию и призыв к борьбе против капитализма с политической борьбой против самодержавия.

В период стачечного подъема 1895—1896 гг. Союз выпустил ряд политических прокламаций и принял непосредственное участие в руководстве стачечной борьбой. При переходе к новым

---

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 1, стр. 282.
** *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 483.

формам работы основное ядро Союза выдержало борьбу с выявлявшимися уже тогда оппортунистическими тенденциями внутри социал-демократии, сводившимися к попыткам свести социал-демократическую деятельность к узко экономической борьбе. «...*первые* социал-демократы.., — писал позднее Ленин в «Что делать?», характеризуя работу революционных социал-демократов этого периода, — *усердно занимаясь экономической агитацией*... не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности» *.

Сколачивая и тщательно подбирая лучшие революционные силы вокруг «Союза борьбы», Ленин не ограничивается только работой в Петербурге: он ставит конкретную задачу создания всероссийской организации. С этой целью Петербургским «Союзом борьбы» устанавливаются широкие связи с социал-демократическими организациями других городов. Известны связи Союза с Москвой, Вильно, Киевом, Нижним Новгородом, Самарой, Саратовом, Орехово-Зуевом, Ярославлем, Орлом, Тверью, Владимиром, Иваново-Вознесенском, Минском, Екатеринославом.

Весной 1895 г. для знакомства с социал-демократическим движением Запада и установления постоянной связи с заграничной группой «Освобождение труда» Ленин ездил за границу.

В конце 1895 г. под руководством Ленина Союз предпринимает издание социал-демократической газеты «Рабочее Дело», которая должна была, по мысли Ленина, явиться и органом будущей единой партии. Попытка издания газеты Союзом не удается. Готовый к печати первый номер газеты захватывается полицией.

Петербургский «Союз борьбы», созданный Лениным на строго централистических основах и на идеях революционного марксизма, явился первым серьезным зачатком революционной марксистской партии, опирающейся на рабочее движение. В лице Петербургского «Союза борьбы» была осуществлена первая попытка Ленина построить боевую партию пролетариата, партию нового типа, которая в отличие от западноевропейских партий поставила бы основной своей задачей революционное свержение буржуазно-помещичьего строя.

Петербургский «Союз борьбы» дал толчок к объединению отдельных социал-демократических кружков в других городах России. Вскоре по примеру его образуется Иваново-Вознесенский «Рабочий союз». К 1896 г. при непосредственной помощи Ленина, поддерживавшего связь с Москвой через встречи с А. И. Елизаровой и С. И. Мицкевичем — одним из основателей социал-демо-

---

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 348.

кратической группы в Москве, — социал-демократическое движение широко развертывается в Москве. В январе 1896 г. отдельные социал-демократические группы объединяются в Московский «Рабочий союз», который с первых же дней развертывает большую работу, охватывая руководством массы московского пролетариата. Несмотря на ряд крупных провалов, он в скором времени насчитывает уже до 1000 рабочих. К празднованию 25-летия Парижской Коммуны Союз посылает адрес к французским социалистам, под которым подписываются 600 рабочих от 28 фабрик и заводов. В июле 1896 г. Союз от имени 1000 членов посылает мандат на имя В. И. Засулич для представительства на Лондонском международном социалистическом конгрессе.

Московский «Рабочий союз» ведет вначале главным образом пропагандистскую работу, но под влиянием забастовочного движения в Петербурге резко меняет свою тактику: он переходит к широкой агитационной работе. Центральный комитет Союза издает несколько воззваний с призывом поддержать петербургских товарищей всеобщей забастовкой. По призыву Союза в Москве бастуют, поднимаясь один за другим, фабрики, заводы, требуя повышения расценок и уплаты за коронационные дни.

Крупные аресты в июле 1896 г. временно затрудняют работу Союза, но, несмотря на это, он продолжает существовать. К началу 1898 г. Московский «Рабочий союз», по примеру Петербурга, принимает название «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1897 г. социал-демократические организации возникают в крупных промышленных центрах юга. В марте 1897 г. создается «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Киеве. Еще в 1896 г., в результате споров о целесообразности перехода от пропаганды к агитации из социал-демократических групп в Киеве возникает новая социал-демократическая группа «Рабочее Дело». Группа решает наряду с пропагандой приступить к новым формам работы — к широкой агитации. В течение 1897 г. она выпускает ряд прокламаций и издает два номера киевского рабочего листка «Вперед». Газета не носит, однако, выдержанного политического характера. Основной задачей она выдвигает еще экономическую борьбу. В марте 1897 г., по инициативе группы «Рабочее Дело», созывается конференция представителей Петербурга, группы польских социал-демократов в Киеве и группы «Рабочее Дело». Конференция выносит постановление о переименовании всех русских социал-демократических организаций, по примеру Петербурга, в «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса».

В декабре 1897 г. организуется Екатеринославский «Союз борьбы». Ведущая роль в создании его принадлежит одному из

участников Петербургского «Союза борьбы», сосланному в Екатеринослав, ученику Ленина — рабочему Бабушкину. По примеру Петербурга Екатеринославский «Союз борьбы» кладет там начало широкому применению агитации среди рабочих. Союз завязывает связи с заводскими рабочими, собирает сведения об условиях труда на заводах. В течение февраля 1898 г. он выпускает ряд листовок к рабочим 7 заводов в количестве 2—3 тысяч экземпляров.

В 1897 г. создается «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (Бунд), объединивший преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. К концу 90-х годов Бунд представляет собой довольно крупную организацию в России.

В 1897—1898 годах социал-демократические организации возникают в Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Самаре, Воронеже, Закавказье и других местах.

Крупную роль в Закавказье играет тифлисская социал-демократическая организация. В 1898 г. в тифлисской марксистской группе «Месамедаси» начинает свою работу И. В. Сталин.

Тесно связываясь с рабочими, возникшие социал-демократические организации повсюду ведут широкую агитацию и через передовых рабочих принимают участие в руководстве стачечной борьбой.

Арест Ленина в декабре 1895 г. наносит серьезный удар Петербургскому «Союзу борьбы». Он отрывает Ленина на некоторое время от непосредственного руководства борьбой за создание партии. Однако даже из тюрьмы Ленин продолжает руководить деятельностью Союза по объединению социал-демократии. Он посылает на волю письма, в которых дает руководящие указания, и, по словам Н. К. Крупской, «торопит» с организацией партии *.

В тюрьме Ленин пишет и передает на волю брошюру «О стачках», там же он составляет и передает членам Петербургского «Союза борьбы» для будущей единой революционной организации «Проект и объяснение программы социал-демократической партии», в котором формулирует цель и ближайшие задачи революционного пролетариата.

В конце 1897 г., уже в ссылке, Ленин пишет программную работу «Задачи русских социал-демократов». В ней Ленин с гениальной прозорливостью намечает задачи, стоящие перед российской социал-демократией, и решительно призывает к объединению разрозненных и разбросанных кружков, социал-демократических групп и «Союзов борьбы» в единую социал-демократическую рабочую партию.

---

* Архив Института марксизма-ленинизма, фонд 12, оп. № 1, ед. хр. 184.

В качестве примера, образца, по которому должна строиться революционная партия в России, Ленин берет созданный им Петербургский «Союз борьбы», «...организация, объединяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа С.-Петербургский, Московско-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется «Союз борьбы» среди с.-петербургских рабочих, ...подобная организация, — пишет Ленин, — была бы крупнейшим политическим фактором в современной России» *.

Оставшиеся на воле члены Петербургского «Союза борьбы» пытаются провести в жизнь ленинскую установку на организацию социал-демократической партии и созыв партийного съезда. «На подготовке партийного съезда настаивал всячески Владимир Ильич» **, — вспоминала Н. К. Крупская.

В июле 1896 г. по вопросу о созыве съезда от имени Петербургского «Союза борьбы» Н. К. Крупская едет на юг. В Полтаве на совещании с представителями киевской социал-демократической организации она договаривается о созыве съезда партии и издании партийного нелегального органа.

Аресты и ссылка в Сибирь крупнейших руководителей Петербургского «Союза борьбы» во главе с Лениным, усиление после этого оппортунистического крыла внутри Союза не дают, однако, возможности Петербургу практически осуществить мысль Ленина о созыве Всероссийского съезда. Но лозунг был дан, и опыт, проделанный Петербургом, явился блестящим примером для других социал-демократических организаций России.

К мысли о созыве съезда приходит под влиянием Питера ряд других социал-демократических организаций. Вопрос о связи с другими социал-демократическими организациями и о созыве съезда ставится Московским «Рабочим союзом». В апреле 1896 г., по рассказам М. Владимирского, московской организацией делаются и первые шаги к созыву съезда, вырабатывается детальная программа съезда. Однако разгром московской с.-д. организации в 1896 г. помешал москвичам осуществить мысль о созыве съезда.

Вопрос об объединении социал-демократических групп в одну партию ставится в 1897 г. на Цюрихском (Швейцария) совещании представителей петербургской, виленской, киевской социал-демократических организаций и заграничного «Союза русских социал-демократов».

---

* См. настоящее изд., стр. 35.

** Архив Института марксизма-ленинизма, фонд 12, оп. 1, ед. хр. 175.

Практическое разрешение вопроса подготовки и созыва съезда удалось провести уцелевшей от полицейских разгромов, с хорошим конспиративным аппаратом киевской социал-демократической организации. Она имела тесные связи с Петербургским «Союзом борьбы». Представители киевской организации часто бывали в Петербурге, присутствовали на заседаниях Петербургского «Союза борьбы».

Киевляне были хорошо знакомы с программными работами Ленина. Рукопись Ленина «Задачи русских социал-демократов», посланную в Киев Петербургским «Союзом борьбы», читали все руководители киевской социал-демократической организации.

Попытку созыва съезда киевская с.-д. организация «Рабочее Дело» делает еще в марте 1897 г. Попытка кончается неудачей. Явившиеся на съезд представители Петербурга, группы польских социал-демократов в Киеве и киевской социал-демократической группы «Рабочее Дело» устраивают вместо съезда конференцию, которая решает организовать в Киеве общерусскую газету и поручает практическую работу по подготовке съезда особо выделенной группе «Рабочей Газеты».

Усилиями этой группы после подготовительной работы и был созван первый съезд РСДРП.

До созыва съезда киевлянам удалось поставить издание газеты. В августе 1897 г. вышел первый и в декабре (помечен ноябрем) 1897 г. второй номера «Рабочей Газеты». Оба номера пропагандировали идею создания партии. Газета не носила еще ярко выраженного политического характера. Предназначенная, по словам участников съезда, для «серого» читателя, она слишком была приспособлена к уровню отсталых рабочих масс и не соответствовала общему подъему и характеру рабочего движения. Второй номер газеты, по сравнению с первым, носил более четкий политический характер. Передовая статья «Ближайшие задачи русского рабочего движения» подчеркивала необходимость создания русской рабочей партии и выдвигала основной целью борьбу за социализм, а ближайшей задачей — свержение самодержавия и завоевание политической свободы.

Съезд был созван в обстановке, когда среди российской социал-демократии стало проявляться оппортунистическое, «экономистское» направление, сущность которого сводилась к отказу от политической борьбы, к признанию необходимости борьбы только за повседневные экономические нужды. Трудности перехода к новым методам работы, усиливающееся влияние ревизионизма (бернштейнианство) на международной арене, наконец, аресты выдающихся руководителей революционной социал-демократии во главе с Лениным, переход руководства в ряде социал-демократических организаций в руки «молодых» способствовали распространению «экономизма». Оппортунистические идеи постепенов-

щины, отказ от руководства массами, приспособление к отсталости («хвостизм») находили выражение в организационной разобщенности социал-демократии, в кустарничестве, в боязни централизма.

На фоне усиливающихся оппортунистических настроений и созывается первый съезд российских социал-демократических организаций.

Инициаторы съезда, далеко не достигшие по программным, теоретическим и организационным вопросам уровня Петербургского «Союза борьбы», руководимого Лениным, пытаются, однако, при созыве съезда сохранить принципиальную позицию социал-демократии 1894—1896 годов. На съезд не приглашаются петербургские «молодые» и ряд других организаций (Николаевская, Одесская), не вполне устойчивых и недостаточно конспиративных, с точки зрения киевских социал-демократов.

Съезд состоялся в Минске с 1 (13) по 3 (15) марта 1898 г. На съезде присутствовали представители четырех «Союзов борьбы»: Петербургского, Московского, Киевского, Екатеринославского, группы «Рабочей Газеты» и Бунда. Всего 9 делегатов: С. И. Радченко — от Петербурга, А. А. Ванновский — от Москвы, К. А. Петрусевич — от Екатеринослава, Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик — от «Рабочей Газеты», П. Л. Тучапский — от Киевского «Союза борьбы» и Киевского рабочего комитета, А. Кремер, А. Мутник (Глеб) и Ш. Кац — от Бунда.

Ленина на съезде не было: он в это время находился в ссылке в Сибири. Отсутствие Ленина сказалось на работе съезда и его решениях. Съезд оказался не на высоте выдвинутых перед ним задач. На съезде не был представлен написанный Лениным «Проект и объяснение программы социал-демократической партии».

Основным вопросом съезда явился вопрос о конституировании партии. Съезд без прений решил слить местные «Союзы борьбы» и Бунд в единую социал-демократическую организацию. Вопрос о названии партии вызвал на съезде большие споры. Участникам было предложено для обсуждения несколько вариантов названия партии: «Русская социал-демократическая партия», «Русская рабочая партия», «Русский рабочий союз». Название «социал-демократическая» разногласий не вызвало. Вместо «Русская» внесено было предложение назвать партию «Российская». Предложение это возражений также не встретило. Это решение имело большое принципиальное значение. Социал-демократы ставили задачей объединить в своих рядах рабочих всех национальностей России для борьбы с общим врагом — царизмом и капитализмом.

Прения несколько затянулись по вопросу о том, включать ли в название партии слово «рабочая». Часть делегатов выступила

против включения этого слова в название партии, мотивируя свое мнение тем, что фактически в социал-демократические организации входит пока незначительное количество рабочих и что назвать партию «рабочей» было бы «самозванством». Мнения разделились и большинством голосов съезд отверг предложение о включении в название партии слова «рабочая». В результате обсуждений съезд утвердил название организации «Российская социал-демократическая партия». Слово «рабочая» в наименование партии было включено уже после съезда, при составлении «Манифеста», с согласия двух членов ЦК.

При обсуждении следующего затем вопроса повестки дня — об отношении к ППС (Польской социалистической партии) — съезд разрешил вопрос общепрограммного характера об отношении партии к национальному вопросу, — приняв чрезвычайно важное в принципиальном отношении решение о признании за каждой нацией права на самоопределение.

Съезд заслушал ряд докладов делегатов с мест и обсудил вопрос об организации партии. Результатом обсуждения последнего вопроса явился ряд решений съезда об основных принципах организационного построения партии. Решения эти, однако, далеко не соответствовали задачам построения партии, настоятельно выдвигавшимся Лениным уже в середине 90-х годов. В решениях съезда совсем не были учтены ленинские принципы централизма, на которых строился Петербургский «Союз борьбы». Они не обеспечивали построения революционной боевой партии пролетариата — партии нового типа, быстрого и точного выполнения на местах указаний центра.

Особенно слабыми пунктами организационных решений явились пункты об автономии местных комитетов. Они предоставляли местным комитетам самостоятельность вплоть до права решать в каждом отдельном случае вопрос о приемлемости тех или иных решений ЦК. Большая самостоятельность была предоставлена и Бунду, признанному съездом автономной организацией в вопросах, «касающихся специально еврейского пролетариата».

Право местных комитетов решать в каждом отдельном случае вопрос о приемлемости тех или иных постановлений ЦК шли вразрез с ленинскими организационными принципами построения партии. Решения съезда не могли привести к централизации партии, к ее организационному укреплению, они открывали безграничный простор оппортунистическим действиям в партии. Пункт о предоставлении широкой самостоятельности местным комитетам шел вразрез с ленинскими принципами демократического централизма, отличавшими ленинскую партию нового типа от любой социал-демократической партии II Интернационала. При таком построении местных комитетов партия не могла стать передовым и организованным отрядом рабочего класса. Она не имела бы единой воли и

не могла бы руководить борьбой рабочего класса, вести его на штурм самодержавия, на штурм капитализма.

Съезд избрал Центральный Комитет из трех человек — представителей Петербургского «Союза борьбы», киевской «Рабочей Газеты» и Бунда. Официальным органом партии была признана съездом «Рабочая Газета».

Съезд утвердил решение о выпуске «Манифеста» партии, поручив составление его Центральному Комитету.

«Манифест» съезда, как известно, был написан легальным марксистом П. Б. Струве, по поручению и под контролем С. И. Радченко. Продиктованный в значительной мере представителем ленинского направления, последним из «стариков» — С. И. Радченко, «Манифест» ставил во главу угла борьбу за политическую свободу, проводил идею гегемонии пролетариата в революционном движении, подчеркивал задачи борьбы с абсолютизмом и связывал политическую борьбу с общими задачами рабочего движения. «Политическая свобода, — подчеркивалось в «Манифесте», — нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только *сам*.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем бóльшие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы» *.

«Манифест» правильно отмечал также, что завоевание политической свободы является лишь первым шагом к осуществлению великой исторической задачи пролетариата — к созданию нового общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком.

Провозгласив основание Российской социал-демократической рабочей партии, съезд не создал, однако, партии как единого целого, ему не удалось объединить и связать воедино местные социал-демократические организации. Тотчас же после съезда полицией был произведен разгром центральных организаций партии и произведены массовые аресты в 27 городах Европейской России, в том числе и участников съезда. Только что организованная партия превратилась, по выражению Ленина, «в бесформенный конгломерат местных партийных организаций (назван-

* См. настоящее изд., стр. 80.

ных комитетами)» *. Местные комитеты партии остались и после съезда такими же изолированными, не связанными друг с другом организациями.

Съезд не выработал программы, не сплотил фактически организации, политическая линия его не была достаточно марксистски выдержана и четка в определении исторических задач пролетариата.

Тем не менее, I съезд, выпустивший «Манифест» и провозгласивший основание всероссийской единой организации, сыграл определенную роль в истории нашей партии. Он явился первой, хотя и неудавшейся, попыткой объединить и связать между собой разрозненные и разбросанные по России революционно-марксистские кружки, группы и организации в единую социал-демократическую партию и этим знаменовал собой шаг вперед в деле сплочения вокруг революционной социал-демократии пробудившийся к политической жизни пролетариат. Сама идея организованной пролетарской политической партии с тех пор стала, по словам Ленина, «путеводной звездой и желанной целью всех сознательных социал-демократов». «Со времени основания русской социал-демократии (1883 г.), — писал Ленин в конце 1899 года, — русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими социал-демократами, стремилось слиться с ними. Основание «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 г.) знаменует крупнейший шаг на пути к этому слиянию. В настоящее время — *главная* задача всех русских социалистов и всех сознательных русских рабочих упрочить это слияние, укрепить и сорганизовать «Рабочую социал-демократическую партию»» **.

В жизни русской революционной социал-демократии первый съезд явился крупным событием. Весть о состоявшемся съезде, о провозглашении партии произвела огромное впечатление на всех революционно настроенных социал-демократов. Старый большевик П. Лепешинский приводит интересные сведения о том, с какой радостью была встречена Лениным, находившимся тогда в ссылке в селе Шушенском, весть о состоявшемся первом съезде. «Он радовался, как ребенок, — пишет Лепешинский. — Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член Российской социал-демократической рабочей партии. Мы тоже все с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах» ***.

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 7, стр. 444.
** *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 4, стр. 237.
*** *П. Лепешинский.* Первый съезд партии, 1928, стр. 26.

Вокруг съезда и «Манифеста», вокруг признания всероссийской организации, провозглашенной съездом и «Манифестом», разгорелась тотчас же борьба.

Заграничный «Союз русских социал-демократов», перешедший к этому времени в руки «экономистов», и работавшие в России «экономисты» выступили против признания съезда и его решений. «Экономисты» пытались отвлечь рабочий класс от политической борьбы и превратить его в политический придаток буржуазии, поэтому к первому съезду и его решениям они отнеслись резко отрицательно, считая его преждевременным, а политическую линию «Манифеста» — вредной.

Оппортунистическим наскокам «экономистов» дал отпор Ленин, взявший под свою защиту основные положения «Манифеста». Несмотря на то, что решения съезда были во многом неудовлетворительны, Ленин считал их все же важным оружием в борьбе с оппортунистами. Ленин призывал сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под знаменем революционной социал-демократии, выдвинутым первым съездом.

«Мы признаем себя членами этой партии, — писал Ленин, — вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей» *.

Раздробленность социал-демократического движения, кустарничество, продолжавшее царить и после первого съезда и разгрома центральных учреждений партии, идейный разброд и шатания внутри социал-демократии ставили со всей остротой вопрос о создании действительно революционной боевой организации, связанной единой программой и тактикой и могущей дать решительный отпор «экономизму», ревизионизму и другим видам искажений марксизма.

Эту задачу борьбы за действительное объединение, за создание революционной партии рабочего класса на новой, высшей основе и взял на себя вернувшийся из ссылки Ленин.

Когда в начале 1899 г. была сделана попытка возобновить издание разгромленной «Рабочей Газеты», признанной съездом Центральным Органом партии, и Ленину, еще находившемуся в ссылке, было предложено сначала редактирование, а потом сотрудничество в ней, он тотчас же дал согласие. Попытка издания газеты не осуществилась, но Лениным для № 3 газеты был написан ряд руководящих статей, посвященных основным программным вопросам и организационному оформлению рабочей партии. В этих статьях («Письмо к редакторской группе», «Наша программа», «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос»),

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 4, стр. 328.

Ленин настаивал на важности революционной организации и, в противовес господствующему кустарничеству, выдвинул, как ближайшую и насущную задачу социал-демократии, организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии, который должен был бы преодолеть идейный разброд и кустарничество и объединить социал-демократию в действительно революционную партию нового типа.

Этот знаменитый «план общерусской газеты» Ленину и удалось осуществить в созданной им газете «Искра».

В упорной и принципиальной борьбе с «экономизмом» ленинская «Искра» преодолела идейный разброд и кустарничество, связала между собой разрозненные социал-демократические кружки и группы и подготовила II съезд, на котором была создана РСДРП и возник большевизм как течение большевистской мысли, как политическая партия.

* *
*

Настоящий сборник содержит работы В. И. Ленина, написанные накануне I съезда РСДРП — «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (1895—1896 гг.), «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), в которых отражена идейная и организаторская роль Ленина в подготовке создания партии, а также статьи, написанные Лениным после съезда (1899 г.) для № 3 «Рабочей Газеты»: «Письмо к редакторской группе», «Наша программа», «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос», посвященные основным вопросам оформления социал-демократической партии в России.

В сборник входят все имеющиеся документы и материалы съезда: «Манифест РСДРП», «Решения», проекты повестки дня, проект «Манифеста», материалы и извещения о состоявшемся съезде РСДРП.

Кроме официальных документов и материалов съезда, в сборнике даются воспоминания о работе «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», участвовавших на съезде — Петербургского, Московского, Екатеринославского, Киевского, с характеристикой состояния рабочего движения и социал-демократических организаций досъездовского и съездовского периодов, а также — воспоминания о подготовке и работе I съезда РСДРП участников и организаторов его.

В «Приложения» к сборнику включены: первая и вторая с.-д. программы группы «Освобождение труда», написанные Г. В. Плехановым в 1884 и 1887 гг., письмо Г. В. Плеханова

в «Рабочую Газету», киевская «Рабочая Газета» №№ 1 и 2 и другие материалы, дополняющие картину подготовки и работы I съезда РСДРП.

Сборник снабжен научно-вспомогательным аппаратом: примечаниями в конце текста.

Сборник подготовлен к печати Р. И. Марковой; помощник З. С. Николаевская; редакторы — Г. Д. Обичкин и М. Д. Стучебникова.

I

СТАТЬИ В.И. ЛЕНИНА

ПРОЕКТ И ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ[1]

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ

А. 1. Все быстрей и быстрей развиваются в России крупные фабрики и заводы, разоряя мелких кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все больше и больше народа в города, фабричные и промышленные села и местечки.

2. Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с ней и к беззащитности рабочих.

3. Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами, и среди них появляется усиленное стремление к объединению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4. Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны идти на пользу самим трудящимся.

5. Движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное (социал-демократическое) движение рабочего класса всех стран.

6. Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответственными чиновниками. Опираясь на привилегии землевладельцев и капиталистов и на прислужничество их интересам, оно держит в полной бесправности низшие сословия и тем связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. 1. Русская социал-демократическая партия объявляет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы.

2. Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы.

3. Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян-землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

4. Напротив того, русская социал-демократическая рабочая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а следовательно, и развитие рабочего класса.

5. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

6. Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от его гнета.

В. Исходя из этих воззрений, русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания Земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции [2].

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и полного равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом, без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 часами в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного установления праздничного отдыха.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также и на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в ведомстве министерства финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

8. Надзора выборных от рабочих за правильным составлением расценок, за браковкой товара, за расходованием штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей земель.

4. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ

Программа разделяется на три главные части. В первой части излагаются все воззрения, из которых вытекают остальные части программы. В этой части указывается, какое положение занимает рабочий класс в современном обществе, какой смысл и значение имеет его борьба с фабрикантами и каково политическое положение рабочего класса в русском государстве.

Во второй части излагается *задача партии* и указывается, в каком отношении она находится к другим политическим направлениям в России. Здесь говорится о том, какова должна быть деятельность партии и всех сознающих свои классовые интересы рабочих и как следует им относиться к интересам и стремлениям других классов русского общества.

3-я часть содержит практические требования партии. Эта часть подразделяется на 3 отдела. 1-й отдел содержит требование общегосударственных преобразований. 2-й отдел — требования и программу рабочего класса. 3-й — требования в пользу крестьян. Некоторые предварительные объяснения к этим отделам даны ниже, перед переходом к практической части программы.

А 1. Программа говорит прежде всего о быстром росте крупных фабрик и заводов, потому что это главное явление в современной России, совершенно изменяющее все старые условия жизни, в особенности условия жизни трудящегося класса. При старых условиях почти все количество богатств производилось мелкими хозяевами, которые составляли громадное большинство населения. Население жило неподвижно по деревням, производя бóльшую часть продуктов либо на свое собственное потребление, либо на небольшой рынок окрестных селений, мало связанный с другими соседними рынками. На помещиков работали те же мелкие хозяева, и помещики заставляли их производить продукт главным образом на собственное потребление. Домашние продукты отдавались в обработку ремесленникам, которые жили тоже по деревням или ходили набирать работу по окрестностям.

И вот со времени освобождения крестьян эти условия жизни массы народа подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой; они вытесняли мелких хозяев, превращая их в наемных рабочих, и заставляли сотни и тысячи рабочих работать вместе, производя в громадном количестве товар, распродающийся по всей России.

Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бро-

силась на поиски заработка, идя на фабрики, на постройку железных дорог, соединяющих разные концы России и развозящих повсюду товары крупных фабрик. Масса народа пошла на заработки в города, занималась постройкой фабричных и торговых зданий, доставкой топлива к фабрикам, подготовлением материалов для нее. Наконец, множество лиц занято было работой на дому, раздаваемой купцами и фабрикантами, не успевающими расширять своих заведений. Такие же изменения произошли в земледелии, помещики стали производить хлеб на продажу, появились крупные посевщики из крестьян и купцов, сотни миллионов пудов хлеба стали продаваться за границу. Для производства потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забрасывая свои крохотные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, производящим хлеб на продажу. Вот эти-то изменения старых условий жизни и описывает программа, говоря, что крупные фабрики и заводы разоряют мелких кустарей и крестьян, превращая их в наемных рабочих. Мелкое производство повсюду заменяется крупным, и в этом крупном производстве массы рабочих уже простые наемники, работающие за заработную плату на капиталиста, который владеет громадными капиталами, строит громадные мастерские, закупает массы материала и кладет себе в карман всю прибыль этого массового производства объединенных рабочих. Производство стало капиталистическое и оно давит беспощадно и безжалостно всех мелких хозяев, разрушая их неподвижную жизнь в деревнях, заставляя их простыми чернорабочими ходить из конца в конец всей страны, продавая свой труд капиталу. Все бо́льшая и бо́льшая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы.

Вот в чем состоят те громадные изменения в жизни страны, которые произведены крупными фабриками и заводами: мелкое производство заменяется крупным, мелкие хозяева превращаются в наемных рабочих. Что же означает эта перемена для всего трудящегося народа и к чему она ведет? Об этом и говорит дальше программа.

А 2. Замена мелкого производства крупным сопровождается заменой мелких денежных средств в руках отдельного хозяина — громадными капиталами, заменой мелких, ничтожных барышей — миллионными барышами. Поэтому рост капитализма ведет повсюду к росту роскоши и богатства. В России создался целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, создался целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов, отдаваемых под проценты

промышленникам; обогатились крупные землевладельцы, получая с крестьян много выкупа за землю, пользуясь их нуждой в земле для повышения цен на отдаваемую в аренду землю, заводя в своих имениях крупные свеклосахарные и винокуренные заводы. Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками. Но положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих. Таким образом, вот в чем состоит первая перемена, к которой ведет рост капитализма: громадные богатства скопляются в руках небольшой кучки капиталистов, а массы народа превращаются в нищих.

Вторая перемена состоит в том, что замена мелкого производства крупным повела ко многим улучшениям в производстве. Прежде всего на место труда поодиночке, порознь в каждой маленькой мастерской, у каждого мелкого хозяина отдельно, стала работа соединенных рабочих, трудящихся вместе на одной фабрике, у одного землевладельца, у одного подрядчика. Совместный труд гораздо успешнее (производительнее) одиночного и дает возможность производить товары гораздо легче и скорее. Но всеми этими улучшениями пользуется один капиталист, который платит рабочим их же гроши и даром присваивает всю выгоду от соединенного труда рабочих. Капиталист оказывается еще сильнее, рабочий еще слабее, потому что он привыкает к одной какой-нибудь работе и ему труднее перейти на другое дело, переменить занятие.

Другим, гораздо более важным улучшением в производстве являются *машины,* которые вводит капиталист. Успешность труда увеличивается во много раз от употребления машин; но капиталист обращает всю эту выгоду против рабочих: пользуясь тем, что машины требуют меньшего физического труда, он ставит к ним женщин и детей, платя им меньшую плату. Пользуясь тем, что при машинах нужно гораздо меньше рабочих, он выталкивает их массами с фабрики и пользуется этой

безработицей, чтобы еще сильнее поработить рабочего, чтобы увеличить рабочий день, чтобы отнять у рабочего ночной отдых и превратить его в простой придаток машины. Безработица, созданная машинами и постоянно увеличивающаяся, ведет теперь к полной беззащитности рабочего. Его искусство теряет цену, он легко заменяется простым чернорабочим, быстро привыкающим к машине и охотно идущим работать за меньшую плату. Всякая попытка отстоять себя от еще большего давления капитала ведет к расчету. Поодиночке рабочий оказывается совершенно бессильным перед капиталом, машина грозит задавить его.

А 3. Мы показали в объяснении к предыдущему пункту, что рабочий в одиночку оказывается бессильным и беззащитным перед капиталистом, вводящим машины. Рабочему приходится во что бы то ни стало искать средств дать отпор капиталисту, чтобы отстоять себя. И такое средство они находят в *соединении*. Бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении с своими товарищами, получает возможность бороться против капиталиста и дать ему отпор.

Соединение становится необходимостью для рабочего, против которого стоит уже крупный капитал. Но возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике? Программа указывает те условия, которые подготовляют рабочих к соединению и развивают в них способности и умение соединяться. Эти условия следующие: 1) крупная фабрика с машинным производством, требующим постоянной работы круглый год, совершенно разрывает связь рабочего с землей и с собственным хозяйством, делая его полным пролетарием. А собственное хозяйство на кусочке земли разъединяло рабочих, давало каждому из них некоторый особый интерес, отдельный от интересов товарища, и таким образом препятствовало их объединению. Разрыв рабочего с землей разрывает эти препятствия. 2) Далее, совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих. 3) Наконец, постоянные перебрасывания рабочих с фабрики на фабрику приучают их сличать условия и порядки на разных фабриках, сравнивать их, убеждаться в одинаковости эксплуатации на всех фабриках, заимствовать опыт других рабочих в их столкновениях с капиталистом и таким образом усиливают сплочение, солидарность рабочих. Вот эти-то условия, вместе взятые, и повели к тому, что появление на свет крупных фабрик и заводов вызвало соединение рабочих. Среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках (о том, почему нашим рабочим недоступно соединение в форме союзов или касс, мы будем говорить позже). Чем сильнее развиваются

крупные фабрики и заводы, тем чаще, сильнее и упорнее становятся рабочие стачки, так что, чем сильнее гнет капитализма, тем более необходим совместный отпор рабочих. Стачки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках. Но, по мере дальнейшего роста капитализма и учащения стачек, они оказываются недостаточными. Фабриканты принимают против них общие меры: они заключают между собой союз, они выписывают рабочих из других мест, они обращаются за содействием к государственной власти, которая помогает им подавлять сопротивление рабочих. Против рабочих стоит уже не один отдельный фабрикант каждой отдельной фабрики, против них стоит *весь класс капиталистов* с помогающим ему правительством. Весь *класс капиталистов* вступает в борьбу со всем *классом рабочих,* изыскивая общие меры против стачек, добиваясь от правительства законов против рабочих, перенося фабрики и заводы в более глухие местности, прибегая к раздаче работы на дом и к тысяче всяких других уловок и ухищрений против рабочих. Соединение рабочих отдельной фабрики, даже отдельной отрасли промышленности оказывается недостаточным для отпора всему классу капиталистов, становится безусловно необходимым совместное действие *всего класса рабочих.* Таким образом, из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба всего рабочего класса. Борьба рабочих с фабрикантами превращается в *классовую борьбу.* Всех фабрикантов объединяет один интерес — держать рабочих в подчинении и платить им как можно меньше рабочей платы. И фабриканты видят, что им не отстоять своего дела иначе, как при совместном действии всего класса фабрикантов, иначе, как приобретая влияние на государственную власть. Рабочих точно так же связывает один общий интерес — не дать капиталу задавить себя, отстоять свое право на жизнь и на человеческое существование. И рабочие точно так же убеждаются, что и им необходимо объединение, совместное действие всего класса — рабочего класса — и что для этого необходимо добиться влияния на государственную власть.

А 4. Мы объяснили, каким образом и почему борьба фабричных рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой, борьбой рабочего класса — пролетариев — с классом капиталистов — буржуазией. Спрашивается, какое значение для всего народа и всех трудящихся имеет эта борьба? При современных условиях, о которых мы говорили уже в объяснении к 1 пункту, производство посредством наемных рабочих все более и более вытесняет мелкое хозяйство. Число людей, *живущих наемным трудом,* быстро увеличивается и не только увеличивается число постоянных фабричных рабочих, но еще более увеличивается число крестьян, которые должны искать себе той же наемной

работы, чтобы прокормиться. В настоящее время работа по найму, работа на капиталиста стала уже самой распространенной формой работы. Господство капитала над трудом охватило массу населения не только в промышленности, но и в земледелии. Вот эту-то эксплуатацию наемного труда, которая лежит в основании современного общества, крупные фабрики доводят до высшей степени развития. Все приемы эксплуатации, которые употребляются всеми капиталистами во всех отраслях промышленности, от которых страдает вся масса рабочего населения России — здесь, на фабрике, собираются вместе, усиливаются, делаются постоянным правилом, распространяются на все стороны труда, жизни рабочего, создают целый распорядок, целую систему выжимания соков из рабочего капиталистом. Поясним это примером: везде и всегда каждый, нанимающийся на работу, отдыхает, оставляет работу в праздник, если его празднуют в окрестности. Совсем другое дело на фабрике: нанимая работника, фабрика распоряжается уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности. Фабрика гонит его на работу тогда, когда ей это нужно, заставляя пригонять к ее требованиям всю свою жизнь, заставляя разрывать на части свой отдых, при работе сменами заставляя работать и ночью и в праздник. Все злоупотребления, какие можно себе представить относительно рабочего времени, фабрика пускает в ход, а вместе с тем вводит свои «правила», свои «порядки», обязательные для каждого рабочего. Фабричный порядок оказывается нарочно подогнанным так, чтобы выжать из нанятого рабочего все то количество труда, какое он может дать, выжать как можно скорее и затем выбросить его долой! Другой пример. Всякий, нанимающийся на работу, обязывается, конечно, подчиняться хозяину, исполнять то, что ему прикажут. Но, обязываясь исполнять временную работу, нанимающийся вовсе не отказывается от своей воли; находя неправильным или чрезмерным требование хозяина, он уходит от него. Фабрика же требует, чтобы рабочий отказался совершенно от своей воли; она заводит у себя дисциплину, заставляет рабочего по звонку вставать на работу и прекращать ее, она присваивает себе право самой наказывать рабочего и за каждое нарушение ею же составленных правил подвергает его штрафу или вычету. Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же беспрекословен, порабощен, лишен собственной воли, как и сама машина.

Еще 3-й пример. Всякий, нанимающийся на работу, сплошь и рядом оказывается недовольным хозяином, обращается с жалобой на него в суд или к начальнику. И начальник и суд решают спор обыкновенно в пользу хозяина, держат его руку, но это

потворство хозяйским интересам основывается не на общем правиле или законе, а на услужливости отдельных чиновников, которые иногда больше защищают, иногда меньше, которые решают дело несправедливо в пользу хозяина или по знакомству с хозяином, или по незнанию условий работы и неумению понять рабочего. Каждый отдельный случай такой несправедливости зависит от каждого отдельного столкновения рабочего с хозяином, от каждого отдельного чиновника. Фабрика же соединяет вместе такую массу рабочих, доводит притеснения до такой степени, что становится невозможным разбирать особо каждый случай. Создаются общие правила, составляется закон об отношениях рабочих к фабрикантам, закон, обязательный для всех. И в этом законе потворство интересам хозяина закрепляется уже государственною властью. На место несправедливости отдельных чиновников становится несправедливость самого закона. Появляются, напр., такие правила, что рабочий за прогул не только теряет заработок, но платит еще штраф, а хозяин, посылая гулять рабочего, ничего не платит ему; что хозяин может рассчитать рабочего за грубость, а рабочий не может по той же причине уйти от него; что хозяин вправе самовольно налагать штрафы, вычет или требовать сверхурочной работы и т. п.

Все эти примеры показывают нам, каким образом фабрика усиливает эксплуатацию рабочих и делает эту эксплуатацию всеобщей, делает из нее целый *«порядок»*. Рабочему волей-неволей приходится уже теперь иметь дело не с отдельным хозяином и его волей и притеснением, а с произволом и притеснением всего класса хозяев. Рабочий видит, что его угнетатели не какой-нибудь один капиталист, а весь класс капиталистов, потому что у всех заведений одинаковый порядок эксплуатации; отдельному капиталисту нельзя даже отступить от этого порядка: если бы он вздумал, напр., сократить рабочее время, ему обошлись бы дороже товары, чем его соседу, другому фабриканту, который заставляет рабочего за ту же плату работать дольше. Чтобы добиться улучшения своего положения, рабочему приходится теперь иметь дело с целым общественным устройством, направленным к эксплуатации труда капиталом. Против рабочего стоит уже не отдельная несправедливость одного какого-либо чиновника, а несправедливость самой государственной власти, которая берет под свою защиту весь класс капиталистов и издает обязательные для всех законы в пользу этого класса. Таким образом, борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплуатации труда капиталом. Поэтому борьба рабочих и приобретает общественное значение, становится борьбой от лица всех трудящихся против всех классов, живущих чужим трудом. Поэтому борьба рабочих откры-

вает собою новую эпоху русской истории и является зарей освобождения рабочих.

На чем же держится господство класса капиталистов над всей массой рабочего люда? На том, что в руках капиталистов, в их частной собственности находятся все фабрики, заводы, рудники, машины, орудия труда; на том, что в их руках громадные количества земли (из всей земли Европейской России более $^1/_3$ принадлежит землевладельцам, число которых не составляет полумиллиона). Рабочие, сами не имея никаких орудий труда и материалов, должны продавать свою рабочую силу капиталистам, которые платят рабочим только то, что необходимо на содержание их, и весь излишек, производимый трудом, кладут себе в карман; они уплачивают таким образом только часть потребленного им на работу времени и присваивают себе остальную часть. Все увеличение богатства, происходящее от соединенного труда массы рабочих или улучшений в производстве, достается классу капиталистов, и рабочие, трудясь из поколения в поколение, остаются такими же неимущими пролетариями. Поэтому есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т. е. власть управления государством, из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его полного освобождения. К этой конечной цели должны стремиться сознательные, объединенные рабочие; но у нас в России они встречают еще огромные препятствия, мешающие им вести борьбу за свое освобождение.

А 5. Борьбу с господством класса капиталистов ведут в настоящее время уже рабочие всех европейских стран, а также рабочие Америки и Австралии. Соединение и сплочение рабочего класса не ограничивается пределами одной страны или одной национальности: рабочие партии разных государств громко заявляют о полной одинаковости (солидарности) интересов и целей рабочих всего мира. Они собираются вместе на общие конгрессы, выставляют

общие требования к классу капиталистов всех стран, учреждают международный праздник всего объединенного, стремящегося к своему освобождению, пролетариата (1 мая), сплачивая рабочий класс всех национальностей и всех стран в одну великую рабочую армию. Это объединение рабочих всех стран вызывается необходимостью, тем, что класс капиталистов, господствующий над рабочими, не ограничивает своего господства одной страной. Торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; капитал переходит постоянно из одной страны в другую. Банки, эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распределяющие его в ссуду капиталистам, становятся из национальных международными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капиталистам Европы и Америки. Громадные акционерные компании устраиваются уже для заведения капиталистических предприятий не в одной стране, а в нескольких сразу; появляются международные общества капиталистов. Господство капитала международно. Вот почему и борьба рабочих всех стран за освобождение имеет успех лишь при совместной борьбе рабочих против международного капитала. Вот почему товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз, точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские. Так, в последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши. Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию. Русские рабочие протягивают руки международному рабочему движению.

А 6. Мы говорили уже о том, как крупные фабрики и заводы доводят до высшей степени гнет капитала над трудом, как они создают целую систему приемов эксплуатации; как рабочие, восставая против капитала, неизбежно приходят к необходимости объединения всех рабочих, к необходимости совместной борьбы всего рабочего класса. В этой борьбе против класса капиталистов рабочие сталкиваются с общими государственными законами, которые берут под свою охрану капиталистов и их интересы.

Но ведь если рабочие, соединяясь вместе, оказываются в силах вынуждать уступки капиталистов, давать им отпор, то рабочие могли бы точно так же своим объединением влиять на государ-

ственные законы, добиваться их изменения. Так и поступают рабочие всех других стран, но русские рабочие не могут прямо влиять на государство. Рабочие поставлены в России в такие условия, при которых они лишены самых простых гражданских прав. Они не смеют ни собираться, ни обсуждать своих дел совместно, ни устраивать союзов, ни печатать свои заявления, другими словами — государственные законы не только составлены в интересах класса капиталистов, но они прямо лишают рабочих всякой возможности влиять на эти законы и добиться их изменения. Происходит это оттого, что в России (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства, то есть такое государственное устройство, при котором издавать законы, обязательные для всего народа, может один только царь по своему усмотрению, а исполнять эти законы могут одни только чиновники, назначаемые им. Граждане лишены всякого участия в издании законов, обсуждении их, предложении новых, требовании отмены старых. Они лишены всякого права требовать отчета от чиновников, проверять их действия, обвинять пред судом. Граждане лишены даже права обсуждать государственные дела: они не смеют устраивать собрания или союзы без разрешения тех же чиновников. Чиновники являются, таким образом, в полном смысле слова безответственными; они составляют как бы особую касту, поставленную над гражданами. Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране.

Таким образом, по закону русское правительство является совершенно неограниченным, оно считается как бы совершенно независимым от народа, стоящим выше всех сословий и классов. Но если бы это было действительно так, отчего бы и закон и правительство во всех столкновениях рабочих с капиталистами становились на сторону капиталистов? Отчего бы капиталисты встречали все больше поддержки по мере того, как увеличивается их число и растет их богатство, — а рабочие встречали все более и более сопротивлений и стеснений?

На самом деле правительство не стоит выше классов и берет под свою защиту один класс против другого, берет под свою защиту класс имущих против неимущих, капиталистов против рабочих. Неограниченное правительство не могло бы и управлять таким громадным государством, если бы оно не оказывало всяческих льгот и поблажек имущим классам.

Хотя по закону правительство является неограниченной и независимой властью, но на деле капиталисты и землевладельцы имеют тысячи способов влиять на правительство и на государ-

ственные дела. У них есть свои, законом признанные, сословные учреждения, дворянские и купеческие общества, комитеты торговли и мануфактур и т. п. Выборные представители их или прямо становятся чиновниками и принимают участие в управлении государством (напр., предводители дворянства) или приглашаются в качестве членов во все правительственные учреждения: напр., фабриканты по закону заседают в фабричных присутствиях (это — начальство над фабричной инспекцией), выбирая туда своих представителей. Но этим прямым участием в управлении государством они не ограничиваются. В своих обществах они обсуждают государственные законы, вырабатывают проекты, и правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их мнение, оно предлагает им какой-нибудь проект и просит сделать на него замечания.

Капиталисты и землевладельцы устраивают общерусские съезды, на которых обсуждают свои дела, изыскивая разные мероприятия на пользу своего класса, заявляют от лица всех дворян-помещиков, от «всероссийского купечества» ходатайства об издании новых законов и изменении старых. Свои дела они могут обсуждать в газетах, ибо как ни стесняет правительство печать своей цензурой, но отнять у имущих классов право обсуждать свои дела оно и думать не смеет. Они имеют всяческие ходы и доступы к высшим представителям государственной власти и легче могут обсуждать произвол низших чиновников, легко могут добиться отмены особенно стеснительных законов и правил. И если ни в одной стране в мире нет такого множества законов и правил, такой беспримерной полицейской опеки правительства, предусматривающей всякие мелочи и обезличивающей всякое живое дело — то ни в одной стране в мире не нарушаются так легко эти буржуазные правила и так легко не обходят эти полицейские законы по одному милостивому соизволению высшего начальства. А в этом милостивом соизволении никогда не отказывают.

Б 1. Этот пункт программы самый важный, самый главный, потому что он указывает, в чем должна состоять деятельность партии, защищающей интересы рабочего класса, и деятельность всех сознательных рабочих. Он указывает, каким образом стремления социализма, стремления устранить вечную эксплуатацию человека человеком должны быть соединены с тем народным движением, которое порождается условиями жизни, созданными крупными фабриками и заводами.

Деятельность партии должна состоять в содействии классовой борьбе рабочих. Задача партии состоит не в том, чтобы сочинить из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести.

Задача партии защищать интересы рабочих и представлять интересы всего рабочего движения. В чем же должна проявляться помощь рабочим в их борьбе?

Программа говорит, что эта помощь должна состоять, во-1-х, в развитии классового самосознания рабочих. О том, как борьба рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой пролетариата с буржуазией — мы уже говорили.

Из сказанного нами тогда вытекает, что̀ надо разуметь под классовым самосознанием рабочих. Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться этого землевладельцы и капиталисты.

Каким же путем приобретают рабочие понимание всего этого? Рабочие приобретают его, постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большее число рабочих по мере развития крупных фабрик и заводов. Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании *отомстить* капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство и т. п. Это была *первая,* начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления к защите себя. Но из этой первоначальной формы русское рабочее движение уже выросло. Вместо смутной ненависти к капиталисту рабочие стали уже понимать враждебность интересов класса рабочих и класса капиталистов. Вместо неясного чувства угнетения они стали уже разбирать, *чем именно и как именно* давит их капитал, и восстают против той или другой формы угнетения, ставя предел давлению капитала, защищая себя от алчности капиталиста. Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условий работы, повышения платы, сокращения рабочего дня. Каждая стачка сосредоточивает все внимание и все усилия рабочих то на

одном, то на другом условии, в которые поставлен рабочий класс. Каждая стачка вызывает обсуждение этих условий, помогает рабочим оценить их, разобраться, в чем состоит тут давление капитала, какими средствами можно бороться против этого давления. Каждая стачка обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу объединения рабочих и побуждает других воспользоваться успехом товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приемов борьбы. В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих. Помощь рабочим должна состоять в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна идти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в разъяснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергает рабочих двойному грабежу. Помощь должна состоять в том, чтобы точнее и определеннее выразить требования рабочих и публично выставить их, в том, чтобы выбрать наилучший момент для сопротивления, в том, чтобы выбрать способ борьбы, обсудить положение и силы обеих борющихся сторон, обсудить, нельзя ли избрать еще лучшего способа борьбы (прием вроде, может быть, письма к фабриканту, или обращения к инспектору, или к врачу, смотря по обстоятельствам, если не следует прямо перейти к стачке и т. д.).

Мы сказали, что переход русских рабочих к такой борьбе указывает на сделанный ими громадный шаг вперед. Эта борьба ставит (выводит) рабочее движение на прямую дорогу и служит верным залогом его дальнейшего успеха. На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-1-х, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплуатации, соображать их и с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплуатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплуатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом. Во-2-х, на этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-3-х, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена усло-

виями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти. Рабочие слушают тут впервые «политические речи». Сначала хотя бы от фабричных инспекторов, разъясняющих им, что уловка, посредством которой их дожал фабрикант, основана на точном смысле правил, утвержденных надлежащей властью и оставляющих на произвол фабриканта дожимать рабочих, или что притеснения фабриканта вполне законны, потому что фабрикант пользуется только своим правом, опирается вот на такой-то закон, утвержденный государственной властью и охраняемый ею. К политическим объяснениям гг. инспекторов прибавляются иногда еще более полезные «политические объяснения» г. министра, напоминающего рабочим о чувствах «христианской любви», которой они обязаны фабрикантам за то, что фабриканты наживают миллионы на счет труда рабочих. После к этим объяснениям представителей государственной власти и к непосредственному знакомству рабочих с тем, в чью пользу эта власть действует, присоединяются еще листки или другие объяснения социалистов, так что рабочие вполне уже получают на такой стачке свое политическое воспитание. Они учатся понимать не только особые интересы рабочего класса, но и особое место, занимаемое рабочим классом в государстве. Итак, вот в чем должна состоять та *помощь*, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды.

Вторая *помощь* должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимо организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс, и для агитации среди рабочих, распространения среди них листков или объявлений, воззваний и т. п. Еще более необходима организация, чтобы защитить себя от преследования полиции и жандармерии, чтобы скрыть от них все соединения рабочих, все их сношения, чтобы устроить им доставку книг, брошюр, газет и т. д. Помощь во всем этом — такова вторая задача партии.

Третья состоит в указании настоящей цели борьбы, т. е. в разъяснении рабочим того, в чем состоит эксплуатация труда капиталом, на чем она держится, каким образом частная

собственность на землю и орудия труда ведет к нищенству рабочих масс, заставляет их продавать свой труд капиталистам и отдавать им даром весь излишек, производимый трудом рабочего сверх его содержания, в разъяснении, далее, того, как эта эксплуатация неизбежно ведет к классовой борьбе рабочих с капиталистами, каковы условия этой борьбы и ее конечные цели — одним словом, в разъяснении того, что вкратце указано было в этой программе.

Б 2. Что это значит, что борьба рабочего класса есть борьба политическая? Это значит, что рабочий класс не может вести борьбу за свое освобождение, не добиваясь влияния на государственные дела, на управление государством, на издание законов. Необходимость этого влияния давно уже поняли русские капиталисты, и мы показали, каким образом они, несмотря на всяческие запрещения полицейских законов, сумели найти себе тысячи способов влияния на государственную власть, и как эта власть служит интересам класса капиталистов. Отсюда само собой следует, что и рабочему классу невозможно вести своей борьбы, невозможно даже добиться постоянного улучшения своей участи помимо влияния на государственную власть.

Мы уже говорили, что борьба рабочих с капиталистами неизбежно приведет их к столкновению с правительством, и правительство само изо всех сил старается доказать рабочим, что только борьбой и соединенным сопротивлением они могут повлиять на государственную власть. Особенно наглядно показывают это те крупные стачки, которые были в России в 1885—1886 гг. Правительство сейчас же занялось правилами о рабочих, тотчас же издало новые законы о фабричных порядках, уступив настоятельным требованиям рабочих (напр., введены были правила по ограничению штрафов и о правильной расплате), точно так же и теперешние (1896 г.) стачки опять-таки вызвали немедленно участие правительства, и правительство уже поняло, что ему нельзя ограничиться арестами и высылками, что смешно потчевать рабочих глупыми наставлениями о благородстве фабрикантов (см. циркуляр министра финансов Витте к фабричным инспекторам. Весна 1896 г. [3]). Правительство увидело, что «соединенные рабочие представляют из себя силу, с которой приходится считаться», и вот оно предприняло уже пересмотр фабричных законов и созывает в С.-Петербурге съезд старших фабричных инспекторов, чтобы обсудить вопрос о сокращении рабочего дня и о других неизбежных уступках рабочим.

Таким образом, мы видим, что борьба рабочего класса с классом капиталистов необходимо должна быть борьбой политической. Эта борьба, действительно, оказывает уже теперь влияние на государственную власть, приобретает политическое значение. Но чем дальше развивается рабочее движение, тем яснее, резче

выступает и чувствуется полная политическая бесправность рабочих, о которой мы говорили раньше, полная невозможность для рабочих открытого и прямого влияния на государственную власть. Поэтому самым насущным требованием рабочих и первой задачей влияния рабочего класса на государственные дела должно быть *достижение политической свободы*, т. е. прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством, обеспечение за всеми гражданами права свободно собираться, обсуждать свои дела, влиять на государственные дела союзами и печатью. Достижение политической свободы становится *«насущным делом рабочих»*, потому что без нее рабочие не имеют и не могут иметь никакого влияния на государственные дела и таким образом неизбежно остаются бесправным, униженным, бессловесным классом. И если даже теперь, когда борьба рабочих и сплочение их только еще начинается, правительство спешит уже сделать уступки рабочим, чтобы остановить дальнейший рост движения, то нет сомнения, что когда рабочие сплотятся и объединятся под руководством одной политической партии, они сумеют заставить правительство сдаться, сумеют завоевать себе и всему русскому народу политическую свободу!

В предыдущих частях программы было указано, какое место занимает рабочий класс в современном обществе и современном государстве, какова цель борьбы рабочего класса и в чем состоит задача партии, представляющей интересы рабочих. При неограниченной власти правительства в России нет и не может быть явных политических партий, но есть политические направления, выражающие интересы других классов и оказывающие влияние на общественное мнение и на правительство. Поэтому, чтобы выяснить положение с.-д. партии, необходимо теперь указать отношение ее к остальным политическим направлениям в русском обществе, чтобы рабочие определили то, кто может быть их союзником, до каких пределов и кто их враг. Это и указывается в 2-х следующих пунктах программы.

Б 3. Программа объявляет, что союзниками рабочих являются, во-1-х, все те слои общества, которые выступают против неограниченной власти самодержавного правительства. Так как эта неограниченная власть есть главное препятствие в борьбе рабочих за свое освобождение, то отсюда само собою следует, что прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства). Чем сильнее развивается капитализм, тем глубже становятся противоречия между этим чиновничьим управлением и интересами самих имущих классов, интересами буржуазии. И с.-д. партия объявляет, что она будет поддерживать все слои и разряды буржуазии, выступающие против неограниченного правительства.

Для рабочих бесконечно выгоднее *прямое влияние* буржуазии на государственные дела, чем теперешнее ее влияние через посредство оравы продажных и бесчинствующих чиновников. Для рабочих гораздо выгоднее *открытое* влияние буржуазии на политику, чем теперешнее *прикрытое*, якобы всесильным «независимым» правительством, которое пишется «божьей милостью» и раздает «свои милости» страждущим и трудолюбивым землевладельцам и бедствующим и угнетенным фабрикантам. Рабочим нужна *открытая борьба* с классом капиталистов, чтобы весь русский пролетариат мог видеть, за какие интересы ведут борьбу рабочие, мог учиться, как следует вести борьбу, чтобы происки и стремления буржуазии не прятались в прихожих великих князей, в гостиных сенаторов и министров, в закрытых от всех департаментских канцеляриях, чтобы они выступили наружу и раскрыли глаза всем и каждому на то, кто на самом деле внушает правительственную политику и к чему стремятся капиталисты и землевладельцы. Поэтому долой все, что прикрывает теперешнее влияние класса капиталистов, поэтому поддержка всех и всяких представителей буржуазии, *выступающих* против чиновничества, чиновничьего управления, против неограниченного правительства! Но, объявляя о своей поддержке всякого общественного движения против абсолютизма, с.-д. партия признает, что она не отделяет себя от рабочего движения, потому что у рабочего класса свои особые интересы, противоположные интересам всех других классов. Оказывая поддержку всем представителям буржуазии в борьбе за политическую свободу, рабочие должны помнить, что имущие классы могут лишь временно быть их союзниками, что интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены, что устранение неограниченной власти правительства нужно рабочим лишь для того, чтобы открыто и широко повести свою борьбу с классом капиталистов.

Далее с.-д. партия объявляет, что будет оказывать поддержку всем восстающим против класса привилегированных дворян-землевладельцев. Дворяне-помещики считаются в России первым сословием в государстве. Остатки их крепостной власти над крестьянами до сих пор угнетают массу народа. Крестьяне продолжают платить выкуп за освобождение из-под власти помещиков. Крестьяне остаются еще прикрепленными к земле, чтобы господа помещики не могли испытывать недостаток в дешевых и покорных батраках. Крестьяне до сих пор как бесправные и несовершеннолетние отданы на произвол чиновников, оберегающих чиновничий карман, вмешивающихся в крестьянскую жизнь, чтобы крестьяне «исправно» платили выкупы или оброки крепостникам-помещикам, чтобы они не смели «уклоняться» от работы на помещиков, не смели, например, переселяться и этим заставить, пожалуй, помещиков нанимать рабочих со стороны, не таких дешевых и не так задавленных нуждой. Закабаляя миллионы и

десятки миллионов крестьян в службу себе и поддерживая их бесправность, гг. помещики пользуются за эту доблесть высшими государственными привилегиями. Дворянами-землевладельцами замещаются главным образом высшие государственные должности (да и по закону дворянское сословие пользуется наибольшим правом на государственную службу); знатные помещики стоят ближе всего к двору и прямее и легче всех склоняют на свою сторону политику правительства. Они пользуются своей близостью к правительству, чтобы грабить государственную казну и получать из народных денег подарки и подачки в миллионах рублей, то в виде крупных поместий, раздаваемых за службу, то в виде «уступок» *.

Написано в тюрьме в 1895—1896 гг.
Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 3

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, 4 изд., т. 2, стр. 77—104

* На этом обрывается гектографированная тетрадь. *Ред.*

ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ[4]

Вторая половина 90-х годов характеризуется замечательным оживлением в постановке и разрешении русских революционных вопросов. Появление новой революционной партии народоправцев, растущее влияние и успехи социал-демократов, внутренняя эволюция народовольчества, — все это вызвало оживленное обсуждение программных вопросов как в кружках социалистов — интеллигентов и рабочих, — так и в нелегальной литературе. Стоит указать в последней области на «Насущный вопрос» и «Манифест» (1894) партии «Народного права»[5], на «Летучий Листок «Группы народовольцев»»[6], на заграничный «Работник»[7], издаваемый «Союзом русских социал-демократов»[8], на усиливающуюся деятельность по изданию революционных брошюр, главным образом для рабочих, в России, на агитационную деятельность социал-демократического «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в С.-Петербурге[9] в связи с знаменательными петербургскими стачками 1896 г. и т. д.

В настоящее время (конец 1897 г.) наиболее животрепещущим вопросом является, с нашей точки зрения, вопрос о *практической* деятельности социал-демократов. Мы подчеркиваем *практическую* сторону социал-демократизма, ибо теоретическая сторона его пережила уже, по-видимому, наиболее острый период упорного непонимания противников, усиленных стремлений подавить новое направление при самом его появлении, с одной стороны, и горячей защиты оснований социал-демократизма, с другой. Теперь теоретические воззрения социал-демократов представляются *в главных и основных своих чертах* достаточно выясненными. Нельзя сказать того же о *практической* стороне социал-демократизма, о его политической *программе,* о его приемах деятельности, его тактике. Именно в этой области господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народовольчества, а на практике — либо приходят самой силой вещей к пропаганде и агитации среди рабочих, даже более: к постановке своей деятельности среди рабочих на почву *классовой борьбы;* — либо стремятся выделить *демократические* задачи в основу всей программы

и всей революционной деятельности. Если мы не ошибаемся, последняя характеристика подходит к тем двум революционным группам, которые действуют в настоящее время в России наряду с социал-демократами, именно: к народовольцам и народоправцам.

Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка разъяснить *практические* задачи социал-демократов и изложить те основания, по которым мы считаем их программу наиболее рациональной из трех наличных программ, а возражения против нее основанными в значительной степени на недоразумении.

Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России). Мы сказали: *как известно.* И действительно, с самого своего появления, в качестве особого социально-революционного направления, русские социал-демократы всегда с полной определенностью указывали на такую задачу своей деятельности, всегда подчеркивали двоякое проявление и содержание классовой борьбы пролетариата, всегда настаивали на неразрывной связи своих социалистических и демократических задач, — связи, наглядно выраженной в названии, принятом ими. Тем не менее, и до сих пор вы встречаете зачастую социалистов, которые имеют самые превратные представления о социал-демократах, обвиняя их в игнорировании политической борьбы и т. п. Остановимся же несколько на характеристике обеих сторон практической деятельности русской социал-демократии.

Начнем с социалистической деятельности. С тех пор, как социал-демократический «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в СПБ. проявил свою деятельность среди петербургских рабочих, характер социал-демократической деятельности в этом отношении, казалось бы, должен быть вполне ясен. Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в *пропаганде* учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных *классах* русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит *агитация* среди рабочих, выдвигаясь естественно на первый план при современных политических условиях России и при уровне

развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и проч. и проч. Наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов, издание и распространение рабочей литературы, организация корреспонденций из всех центров рабочего движения, издание агитационных листков и прокламаций и распространение их, подготовление контингента опытных агитаторов, — таковы, в общих чертах, проявления социалистической деятельности русской социал-демократии.

Наша работа прежде всего и больше всего направлена на фабрично-заводских, городских рабочих. Русская социал-демократия не должна раздроблять свои силы, она должна сосредоточиться на деятельности среди промышленного пролетариата, наиболее восприимчивого для социал-демократических идей, наиболее развитого интеллектуально и политически, наиболее важного по своей численности и по концентрированности в крупных политических центрах страны. Создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских, городских рабочих является поэтому первой и насущной задачей социал-демократии, задачей, отвлекаться от которой в настоящее время было бы в высшей степени неразумно. Но, признавая необходимость сосредоточить свои силы на фабрично-заводских рабочих, осуждая раздробление сил, мы вовсе не хотим сказать, чтобы русская социал-демократия игнорировала остальные слои русского пролетариата и рабочего класса. Ничего подобного. Русский фабричный рабочий по самым условиям своей жизни вынужден сплошь да рядом становиться в самые тесные отношения к кустарям — этому промышленному пролетариату, разлитому вне фабрики в городах и деревнях и поставленному в гораздо худшие условия. Русский фабричный рабочий приходит в непосредственное соприкосновение и с сельским населением (нередко фабричный рабочий имеет семью в деревне) и, след., не может не сближаться и с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщиков, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими

случайными «заработками», т. е. той же работой по найму. Русские социал-демократы считают несвоевременным *направлять* свои силы в среду кустарей и сельских рабочих, но они вовсе не намерены оставлять без внимания эту среду и будут стараться просвещать передовых рабочих и по вопросам быта кустарей и сельских рабочих, чтобы эти рабочие, приходя в соприкосновение с более отсталыми слоями пролетариата, заносили и в них идеи классовой борьбы, социализма и политических задач русской демократии вообще и русского пролетариата в частности. Непрактично посылать агитаторов к кустарям и сельским рабочим, покуда остается такая масса работы среди фабрично-заводских, городских рабочих, но в массе случаев социалист-рабочий, помимо своей воли, соприкасается с этой средой и он должен уметь пользоваться этими случаями и понимать общие задачи социал-демократии в России. Поэтому глубоко заблуждаются те, кто обвиняет русскую социал-демократию в узости, в стремлении игнорировать массу трудящегося населения из-за одних фабрично-заводских рабочих. Напротив, агитация среди передовых слоев пролетариата есть вернейший и единственный путь к пробуждению (по мере расширения движения) и всего русского пролетариата. Распространение социализма и идеи классовой борьбы среди городских рабочих неминуемо разольет эти идеи и по более мелким, более раздробленным каналам: необходимо для этого, чтобы указанные идеи пустили более глубокие корни в более подготовленной среде и насытили этот авангард русского рабочего движения и русской революции. Направляя все свои силы на деятельность среди фабрично-заводских рабочих, русская социал-демократия готова поддерживать тех русских революционеров, которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата, не скрывая при этом нисколько, что никакие практические союзы с другими фракциями революционеров не могут и не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, в программе, в знамени. Убежденные в том, что революционной теорией, служащей знаменем для революционного движения, может быть в настоящее время только учение научного социализма и классовой борьбы, русские социал-демократы будут всеми силами распространять его, охранять от лжетолкований, восставать против всяких попыток связать еще молодое рабочее движение в России с менее определенными доктринами. Теоретические соображения доказывают, а практическая деятельность социал-демократов показывает, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*.

Переходим к *демократическим* задачам и к демократической работе социал-демократов. Повторяем еще раз, что эта работа *неразрывно* связывается с социалистической. *Пропагандируя* среди рабочих, социал-демократы *не могут* обходить вопросы поли-

тические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть их глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. Наряду с пропагандой научного социализма, русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и *демократических идей*, они стараются распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. *Агитируя* среди рабочих на почве ближайших *экономических* требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса, — агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами, — агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности, — агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство. Если нет такого вопроса рабочей жизни в области экономической, который не подлежал бы утилизации его для экономической агитации, то точно так же нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации. Эти два рода агитации неразрывно связаны в деятельности социал-демократов, как две стороны одной медали. И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбой русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая. И та и другая агитация, пробуждая сознание рабочих, организуя, дисциплинируя их, воспитывая их для солидарной деятельности и для борьбы за социал-демократические идеалы, даст возможность рабочим пробовать свои силы на ближайших вопросах, ближайших нуждах, даст возможность им добиваться частичных уступок у своего врага, улучшая свое экономическое положение, заставляя капиталистов считаться с силой организованных рабочих, заставляя правительство расширять права рабочих, прислушиваться к их требованиям, держа правительство в постоянном страхе перед враждебно настроенными рабочими массами, руководимыми прочной социал-демократической организацией.

Мы указали на нераздельную близость *социалистической* и *демократической* пропаганды *и* агитации, на полную параллельность революционной работы в той и другой сфере. Но есть и крупная разница между обоими видами деятельности и борьбы.

Эта разница состоит в том, что в борьбе экономической пролетариат стоит совершенно одиноко, имея против себя и землевладельцев-дворян, и буржуазию, пользуясь разве (и то далеко не всегда) помощью тех элементов мелкой буржуазии, которые тяготеют к пролетариату. Между тем, в демократической, *политической* борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; наряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах. *Рядом* с пролетариатом стоят здесь и оппозиционно настроенные элементы буржуазии или образованных классов, или мелкой буржуазии, или преследуемых абсолютизмом народностей, или религий и сект и т. д. и т. д. Является естественно вопрос, в какие отношения должен стать рабочий класс к этим элементам? И затем, не должен ли он соединиться с ними для общей борьбы против абсолютизма? Ведь социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической революции; не следует ли, соединившись со всеми политически оппозиционными элементами для борьбы против абсолютизма, отодвинуть пока социализм, не обязательно ли это для усиления борьбы против абсолютизма?

Разберемся в обоих вопросах.

Что касается до отношения рабочего класса, как борца против абсолютизма, ко всем остальным политически оппозиционным общественным классам и группам, то оно вполне точно определено основными принципами социал-демократизма, изложенными в знаменитом «Коммунистическом манифесте». Социал-демократы поддерживают прогрессивные общественные классы против реакционных, буржуазию против представителей привилегированного и сословного землевладения и против чиновничества, крупную буржуазию против реакционных вожделений мелкой буржуазии. Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с не социал-демократическими программами и принципами, это — поддержка союзника против *данного* врага, причем социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут *для себя* от этих временных союзников и ничего не уступают им. Социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность.

Поддержка всех политически оппозиционных элементов выразится в пропаганде социал-демократов тем, что, доказывая враждебность рабочему делу абсолютизма, социал-демократы будут указывать и на враждебность абсолютизма тем или другим общественным группам, будут указывать на солидарность рабочего класса с этими группами *в тех или других вопросах, в тех или других задачах* и т. п. В агитации эта поддержка выразится

тем, что социал-демократы будут пользоваться каждым проявлением полицейского гнета абсолютизма и указывать рабочим, как падает этот гнет на всех русских граждан *вообще,* на представителей особо угнетенных сословий, народностей, религий, сект и т. д. в частности и как отражается этот гнет на *рабочем классе* в особенности. Наконец, на практике эта поддержка выражается тем, что русские социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей, и эта готовность не раз была доказана на деле.

Тут мы подходим и ко второму вопросу. Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников. Нам скажут: «такое указание *ослабит* всех борцов за политическую свободу в настоящее время». Такое указание *усилит* всех борцов за политическую свободу, — ответим мы. Сильны только те борцы, которые опираются на *сознанные* реальные интересы известных *классов,* и всякое затушевывание этих классовых интересов, играющих уже доминирующую роль в современном обществе, только ослабит борцов. Это во-1-х. А во-2-х, в борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо *только* он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, *только* между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, *только* в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна,* демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III-го), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата *ради* укрепления своего положения, как *мелких собственников.* Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать ком-

промиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-2-х, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. Вот почему *слияние* демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп *ослабило* бы силу демократического движения, *ослабило* бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, *выделение* рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, *усилит* демократическое движение, *усилит* борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет *подталкивать* все остальные демократические и политически оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Мы сказали выше, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*. Мы добавляем теперь: все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*.

Поясним нашу мысль примером. Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом. Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества. Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над управлением, но и там этот контроль *далеко не полон,* и там бюрократия сохраняет не мало привилегий, является нередко господином, а не слугой

народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что *полная* демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата: самые передовые слои буржуазии защищают некоторые прерогативы чиновничества, восстают против выборности всех чиновников, против совершенной отмены ценза, против непосредственной ответственности чиновников перед народом и т. п., ибо эти слои чувствуют, что подобной окончательной демократизацией воспользуется пролетариат *против* буржуазии. Так и в России. Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства, — чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины, — чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только *пролетариат* безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетариата* нет никаких *нитей*, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними.

Доказывая, что пролетариат, руководимый в его классовой борьбе социал-демократией, является передовым борцом русской демократии, мы встречаем тут крайне распространенное и крайне странное мнение, будто русская социал-демократия отодвигает назад политические задачи и политическую борьбу. Как видим, это мнение — диаметрально противоположно истине. Чем же объяснить такое поразительное непонимание принципов социал-демократии, излагавшихся много раз и изложенных уже в первых русских социал-демократических изданиях, — в заграничных брошюрах и книгах группы «Освобождение труда» [10]? Нам кажется, что объяснение этого изумительного факта заключается в следующих трех обстоятельствах:

Во-первых, в общем непонимании принципов социал-демократизма представителями старых революционных теорий, привыкшими к построению программ и планов деятельности на основании абстрактных идей, а не на основании учета действующих в стране реальных классов, поставленных историей в такое-то

взаимоотношение. Именно отсутствие этого реалистического обсуждения тех *интересов,* которые поддерживают русскую демократию, и могло лишь вызвать мнение, будто русская социал-демократия оставляет в тени демократические задачи русских революционеров.

Во-вторых, в непонимании того, что соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, во единую *классовую борьбу пролетариата* не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия. Русскому радикалу нередко кажется, что социал-демократ, который вместо того, чтобы прямо и непосредственно звать передовых рабочих на политическую борьбу, вместо этого указывает на задачу развития рабочего движения, организации классовой борьбы пролетариата, — что социал-демократ таким образом *отступает* от своего демократизма, отодвигает назад политическую борьбу. Но если здесь и есть *отступление,* то разве такое, о котором говорит французская поговорка: «il faut reculer pour mieux sauter!» (нужно отступить, чтобы сильнее прыгнуть).

В-третьих, недоразумение вызвано тем, что самое понятие «политическая борьба» имеет различное значение для народовольца и народоправца, с одной стороны, и для социал-демократа — с другой. Социал-демократы иначе понимают политическую борьбу, они понимают ее *гораздо шире,* чем представители старых революционных теорий. Наглядную иллюстрацию к этому положению, которое может показаться парадоксом, дает нам «Летучий Листок «Группы народовольцев»» № 4 от 9-го декабря 1895 г. Приветствуя от всей души это издание, свидетельствующее о глубокой и плодотворной работе мысли, которая идет в среде современных народовольцев, мы не можем не отметить статьи П. Л. Лаврова «О программных вопросах» (стр. 19—22), которая рельефно показывает иное понимание политической борьбы народовольцами старого толка *. «...Здесь, — пишет П. Л. Лавров, говоря об отношении программы народовольческой к программе социал-демокра-

* Статья П. Л. Лаврова, напечатанная в № 4, есть лишь «выдержка» из обширного письма П. Л. Лаврова, предназначенного для «Материалов». Мы слышали, что нынешним летом (1897) вышли за границей и это письмо П. Л. Лаврова в полном виде и ответ Плеханова, но мы не могли видеть ни того, ни другого. Точно так же неизвестно нам, вышел ли № 5-ый «Летучего Листка «Группы народовольцев»», в котором редакция обещала редакционную статью по поводу письма П. Л. Лаврова [11]. См. № 4, стр. 22, столбец 1-ый, примечание.

тической, — существенно одно и только одно: возможна ли организация сильной рабочей партии при абсолютизме и помимо организации революционной партии, направленной против абсолютизма?» (стр. 21, столб. 2); то же самое несколько выше (столб. 1-ый): «... организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против этого абсолютизма». Нам совершенно непонятны эти различия, для П. Л. Лаврова столь кардинально существенные. Как это? «Рабочая партия *помимо* революционной партии, направленной против абсолютизма»?? Да разве сама рабочая партия не есть революционная партия? Разве она не направлена против абсолютизма? Разъяснение этой странности дает следующее место статьи П. Л. Лаврова: «Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического *заговора* * против абсолютизма со всеми условиями подобного *заговора* *, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно» (стр. 21, ст. 1). Вот в чем суть-то! Для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического *заговора!* Надо сознаться, что в этих словах П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и у социал-демократов. Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений не повинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно суживать ее, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы. Всякий понимает, что слова П. Л. Лаврова, будто «деятельность Запада служит для русских социал-демократов безусловным образцом» (стр. 21, ст. 1), являются не больше, как полемической выходкой, а что на самом деле никогда русские социал-демократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли задачи борьбы за социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве

* Курсив наш.

заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибивающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность «Союза», при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки? Закон 2-го июня 1897 г.[12] и торопливостью его проведения, и своим содержанием наглядно показывает свое значение, как вынужденной уступки пролетариату, как отвоеванной позиции у врага русского народа. Эта уступка весьма миниатюрна, позиция очень незначительна, но ведь и та организация рабочего класса, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой, ни прочностью, ни давностью, ни богатством опыта или средств: «Союз борьбы» основался, как известно, лишь в 1895/96 году, и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что подобная организация, объединяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа С.-Петербургский, Московско-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется «Союз борьбы» среди с.-петербургских рабочих, — что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России, — фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей и внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои ближайшие экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства, — подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против

абсолютизма. Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки, — рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством. Это было бы похоже на то, как если бы генералы устроили военный совет раньше, чем они собрали войско, мобилизовали его, повели в поход на неприятеля. А когда армия пролетариата будет неуклонно и под руководством крепкой социал-демократической организации бороться за свое экономическое и политическое освобождение, — тогда эта армия сама укажет генералам приемы и средства действия. Тогда и только тогда можно будет решить вопрос о нанесении окончательного удара абсолютизму, ибо решение вопроса зависит именно от состояния рабочего движения, от широты его, от выработанных движением приемов борьбы, от свойств руководящей движением революционной организации, от отношения к пролетариату и к абсолютизму других общественных элементов, от условий внешней и внутренней политики, — одним словом, от тысячи условий, предугадывать которые наперед и невозможно, и бесполезно.

Поэтому в высшей степени несправедливо также и следующее суждение П. Л. Лаврова:

«Если же им (социал-демократам) придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы *фактически* (курсив автора) примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов подготовления основных пунктов, но — не более» (стр. 21, ст. 1).

Странно даже оспаривать это последнее положение, будто разница во взглядах на основные вопросы русской жизни и развития русского общества, на основные вопросы понимания истории могут касаться лишь «частностей»! Давно уже сказано, что без революционной теории не может быть и революционного движения, и *в настоящее время* вряд ли есть надобность доказывать подобную истину. Теория классовой борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическая оценка современного экономического и политического положения России, признание необходимости сводить революционную борьбу к определенным интересам определенного класса, анализируя его отношения к другим классам — называть эти крупнейшие революционные вопросы «частностями», — до такой степени колоссально

неверно и неожиданно со стороны ветерана революционной *теории*, что мы почти готовы считать это место просто lapsus'ом *. Что же касается до первой половины выписанной тирады, то ее несправедливость еще поразительнее. Заявлять печатно, что русские социал-демократы только группируют рабочие силы для борьбы с капиталом (т. е. для одной экономической борьбы!), не сплачивая революционных личностей и групп для борьбы с абсолютизмом — это значит либо не знать, либо не хотеть знать общеизвестных фактов о деятельности русских социал-демократов. Или, может быть, П. Л. Лавров не считает практически работающих в России социал-демократов «революционными личностями» и «революционными группами»?! Или (это, пожалуй, вернее) под «борьбой» с абсолютизмом он разумеет только заговоры против абсолютизма? (Ср. стр. 21, столб. 2: «...дело идет об... организации революционного *заговора*»; курсив наш.) Может быть, по мнению П. Л. Лаврова, тот, кто не устраивает политических заговоров, не ведет и политической борьбы? Повторяем еще раз: такое воззрение вполне соответствует старинным традициям старинного народовольчества, но оно совершенно не соответствует ни современным представлениям о политической борьбе, ни современной действительности.

Нам остается еще сказать несколько слов о народоправцах. П. Л. Лавров вполне прав, по нашему мнению, говоря, что социал-демократы «рекомендуют народоправцев, как более откровенных, и готовы их поддерживать, впрочем, не сливаясь с ними» (стр. 19, ст. 2); надо бы только добавить: как более откровенных *демократов* и *поскольку* народоправцы выступают, как последовательные демократы. К сожалению, это условие — скорее желательное будущее, чем действительное настоящее. Народоправцы выразили желание освободить демократические задачи от народничества и вообще от связи с устарелыми формами «русского социализма», но они оказались сами далеко не освободившимися от старых предрассудков и далеко не последовательными, когда назвали свою партию исключительно политических преобразований — партиею «социально (??!)-революционной» (см. «Манифест» их, датированный 19 февраля 1894 года) и заявили в своем «Манифесте», что «в понятие народного права входит организация народного производства» (мы вынуждены цитировать на память), вводя таким образом под сурдинкой те же предрассудки народничества. Поэтому, пожалуй, П. Л. Лавров был не совсем не прав, назвав их «маскарадными политиками» (стр. 20, ст. 2). Но, может быть, более справедливо смотреть на народоправство, как на переходное учение, которому нельзя не поставить в заслугу того, что оно устыдилось самобытности народнических доктрин и открыто вступило в полемику с теми отвратительнейшими реак-

* — обмолвкой. *Ред.*

ционерами народничества, которые перед лицом полицейски-классового абсолютизма позволяют себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований (см. «Насущный вопрос», издание партии «Народного права»). Если в партии народоправцев нет действительно никого, кроме бывших социалистов, прячущих свое социалистическое знамя в видах тактических, надевающих только маску политиков не-социалистов (как предполагает П. Л. Лавров, стр. 20, ст. 2), — тогда, конечно, эта партия не имеет никакой будущности. Но если в этой партии есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты, — тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии, стараясь пробудить политическое самосознание класса нашей мелкой буржуазии, мелких торговцев, мелких ремесленников и т. д., — этого класса, который везде в Западной Европе сыграл свою роль в демократическом движении, который у нас в России сделал особенно быстрые успехи в культурном и других отношениях за пореформенную эпоху и который не может не чувствовать гнета полицейского правительства с его циничной поддержкой крупных заводчиков, финансовых и промышленных тузов-монополистов. Для этого необходимо только, чтобы народоправцы поставили своей задачей именно сближение с различными слоями населения, а не ограничивались все той же «интеллигенцией», бессилие которой при оторванности от реальных интересов масс признает и «Насущный вопрос». Для этого необходимо, чтобы народоправцы оставили всякие претензии на слияние разнородных общественных элементов и отстранение социализма перед политическими задачами, чтобы они оставили ложный стыд, препятствующий сближению с буржуазными слоями народа, т. е. чтобы они не только говорили о программе политиков не-социалистов, но и поступали сообразно с этой программой, пробуждая и развивая классовое самосознание тех общественных групп и классов, для которых социализм вовсе не нужен, но которые чем дальше, тем сильнее чувствуют гнет абсолютизма и необходимость политической свободы.

Русская социал-демократия еще очень молода. Она только-только выходит из того зародышевого состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность. На место критики социал-демократических теорий и программ революционеры других фракций должны, в силу необходимости, выступать с критикой *практической деятельности* русских социал-демократов. И надо признать, что эта последняя критика отличается самым резким образом от критики теоретической, отличается до того, что оказалось возможным сочинить комический слух, будто

С.-Петербургский «Союз борьбы» есть организация не социал-демократическая. Самая возможность подобного слуха показывает уже неправильность ходячих обвинений социал-демократов в игнорировании политической борьбы. Самая возможность такого слуха свидетельствует уже о том, что многие революционеры, которых не могла убедить *теория* социал-демократов, начинают убеждаться их *практикой*.

Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают вовсю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих, — способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ.

Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию!*

Написано в ссылке в конце 1897 г.
Впервые напечатано отдельной брошюрой в Женеве, 1898 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, 4 изд., т. 2, стр. 299—323

СТАТЬИ ДЛЯ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» [13]

ПИСЬМО К РЕДАКТОРСКОЙ ГРУППЕ

Дорогие товарищи!

Посылаю, согласно Вашей просьбе, три статьи для газеты и считаю нужным сказать несколько слов по поводу моего сотрудничества вообще и сношений между нами в частности.

На основании предыдущего Вашего сообщения я представлял себе дело так, что вы хотите основать издательскую фирму и предоставить мне редактирование серии социал-демократических брошюр.

Теперь я вижу, что дело ставится иначе, что у вас образована своя редакция, которая начинает издание газеты и приглашает меня сотрудничать.

Я охотно соглашаюсь, разумеется, и на это предложение, но должен сказать при этом, что успешное сотрудничество я считаю возможным *лишь при следующих условиях:* 1) *аккуратные* сношения редакции с сотрудником *с извещением* о судьбе всех рукописей (принятие, отклонение, изменение) и с *сообщением всех изданий вашей фирмы;* 2) подпись моих статей особым псевдонимом (если посланный мною затерялся, то выберите любой сами); 3) согласие редакции с сотрудником в основных взглядах на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и на характер желательной постановки газеты (или серии брошюр).

Я надеюсь, что редакция согласится на эти условия и, чтобы скорее установить соглашение между нами, я теперь же остановлюсь несколько на вопросах, связанных с 3-им условием.

Вы находите, как мне пишут, что «старое течение крепко» и что в полемике против бернштейниады и ее русских отражений нет особенной нужды. Я считаю этот взгляд слишком оптимистическим. Публичное заявление Бернштейна о согласии с ним большинства русских социал-демократов [14]; раскол между «молодыми» русскими социал-демократами за границей и группой

«Освобождение труда» [15], которая является и основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей «старого течения»; потуги «Рабочей Мысли» сказать какое-то новое слово, восставать против «широких» политических задач, возводить в апофеоз мелкие дела и кустарничество, пошло иронизировать над «революционными теориями» (№ 7 «Мимоходом») [16]; наконец, полный разброд легальной марксистской литературы и ярое стремление массы ее представителей ухватиться за модную «критику» бернштейниады, — все это ясно показывает, по-моему, что восстановление «старого течения» и энергичное отстаивание его составляет прямо-таки злобу дня.

О том, как я смотрю на задачу газеты и план ее ведения, вы увидите из статей, и я очень желал бы знать, насколько мы солидарны по этому вопросу (статьи писаны, к сожалению, несколько наскоро: мне очень бы важно, вообще, знать предельные сроки доставки статей).

Против «Рабочей Мысли», я думаю, *необходимо прямо поднять полемику,* но для этого я просил бы достать мне *№№ 1—2, 6 и после 7-ого; «Пролетарскую Борьбу»* [17]. Последняя брошюра нужна и для рецензии об ней в газете.

Насчет размера, пишете Вы, не стесняться. Я думаю, пока есть газета, предпочитать газетные статьи и разбирать в них даже брошюрные темы, — предоставляя себе впоследствии эти же статьи переработать в брошюрки. Темы, которыми я предполагаю заняться в ближайшем будущем, следующие: 1) проект программы — вышлю вскоре *; 2) вопросы тактики и организации, подлежащие обсуждению будущего съезда российской социал-демократической рабочей партии [18]; 3) брошюру о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке. По образцу польской брошюры («правила поведения» — если можно, просил бы достать ее мне); 4) о стачках (I — их значение, II — законы о стачках; III — обзор некоторых стачек последних годов); 5) брошюра «Женщина и рабочее дело» и пр.

Желательно бы знать приблизительно, каким материалом располагает редакция, чтобы избежать повторений и не браться за «исчерпанные» уже вопросы.

Буду ждать ответа от редакции через ту же передаточную инстанцию. *(Кроме этого пути я не имел и не имею другого пути к вашей группе.)*

Ф. П.

---

* См. «Проект программы нашей партии», настоящее изд., стр. 56—76. *Ред.*

НАША ПРОГРАММА

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — *классовую борьбу*, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, *с пролетариатом*, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.*

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего:* они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна [19], от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере) [20].

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов.

Каковы же главные вопросы, возникающие при применении к России программы, общей всем социал-демократам? Мы сказали уже, что суть этой программы состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. Классовая борьба про-

летариата разделяется на экономическую борьбу (борьбу против отдельных капиталистов или против отдельных групп капиталистов за улучшение положения рабочих) и на политическую борьбу (борьбу против правительства за расширение прав народа, т. е. за демократию, и за расширение политической власти пролетариата). Некоторые русские социал-демократы (к числу их, по-видимому, принадлежат те, которые ведут газету «Рабочая Мысль») считают несравненно более важной экономическую борьбу, политическую же чуть ли не откладывают до более или менее отдаленного будущего. Такое мнение совершенно неверно. Все социал-демократы согласны в том, что необходимо организовать экономическую борьбу рабочего класса, что необходимо вести агитацию среди рабочих на этой почве, т. е. помогать рабочим в их ежедневной борьбе с хозяевами, обращать их внимание на все виды и случаи притеснений и разъяснять им таким образом необходимость объединения. Но из-за экономической борьбы забывать политическую — значило бы отступать от основного положения всемирной социал-демократии, значило бы забывать то, чему учит вся история рабочего движения. Завзятые сторонники буржуазии и служащего ей правительства не раз пытались даже организовать чисто-экономические союзы рабочих и отвлечь их таким образом от «политики», от социализма. Очень возможно, что и русское правительство сумеет предпринять что-либо подобное, ибо оно всегда старалось бросать народу грошовые подачки или, вернее, лжеподачки, лишь бы отвлечь его от мысли о его бесправии и его угнетении. Никакая экономическая борьба не может принести рабочим прочного улучшения, не может даже вестись в широких размерах, если рабочие не будут иметь право свободно устраивать собрания, союзы, иметь свои газеты, посылать своих представителей в народные собрания, как это делают рабочие Германии и всех других европейских стран (кроме Турции и России). А чтобы добиться этих прав, надо вести *политическую борьбу*. В России не только рабочие, но и все граждане лишены политических прав. Россия — монархия самодержавная, неограниченная. Царь один издает законы, назначает чиновников и надзирает за ними. От этого *кажется*, что в России царь и царское правительство не зависит ни от каких классов и заботится о всех одинаково. А *на деле* все чиновники берутся только из класса собственников и все подчинены влиянию крупных капиталистов, которые веревки вьют из министров и добиваются всего, чего хотят. На русском рабочем классе лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа. Всякая стачка против капиталиста ведет к тому, что на рабочих напускают войско и полицию. Всякая экономическая

борьба необходимо превращается в политическую, и социал-демократия должна неразрывно связать и ту и другую в *единую классовую борьбу пролетариата.* Первой и главной целью такой борьбы должно быть завоевание политических прав, *завоевание политической свободы.* Если одни петербургские рабочие, при небольшой помощи социалистов, сумели быстро добиться от правительства уступки — издания закона о сокращении рабочего дня, то весь русский рабочий класс, руководимый одной «Российской социал-демократической рабочей партией», сумеет добиться упорной борьбой и несравненно более важных уступок.

Русский рабочий класс сумеет и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он не получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. Полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников возмущают и всех сколько-нибудь честных образованных людей, которые не могут помириться с травлей всякого свободного слова и свободной мысли, возмущают преследуемых поляков, финляндцев, евреев, русских сектантов, возмущают мелких купцов, промышленников, крестьян, которым не у кого искать защиты от притеснений чиновников и полиции. Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе, но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы, — ему отовсюду протянут руку помощи. Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

Таковы наши основные воззрения, которые мы будем систематически и всесторонне развивать в нашей газете. Мы убеждены, что таким образом мы будем идти по пути, намеченному «Российской социал-демократической рабочей партией» в изданном ею «Манифесте» *.

---

* См. настоящее изд., стр. 79—81. *Ред.*

НАША БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА

Русское рабочее движение находится в настоящее время в переходном периоде. Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 года). Сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций. Партия не перестала существовать, она только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву. Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму, освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов.

Мы все согласны в том, что наша задача — организация классовой борьбы пролетариата. Но что такое классовая борьба? Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовою борьбою лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против *всего класса* капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства. Только тогда, когда отдельный рабочий сознает себя членом всего рабочего класса, когда в своей ежедневной, мелкой борьбе с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками он видит борьбу против всей буржуазии и против всего правительства, только тогда его борьба становится классовой борьбой. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая»[21] — эти знаменитые слова Маркса неверно

было бы понимать в том смысле, что всякая борьба рабочих с хозяевами *всегда бывает* политической борьбой. Их надо понимать так, что борьба рабочих с капиталистами необходимо *становится* политической борьбой *по мере того*, как она становится *классовой* борьбой. Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними *превратить* их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической *партии* за определенные политические и социалистические идеалы. Одной местной работой такая задача не может быть достигнута.

Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала. Нам недостает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной *партии*. Наш главный недостаток, на устранение которого мы должны направить все свои силы, это — узкий, «кустарный» характер местной работы. В силу этого кустарничества масса проявлений рабочего движения в России остаются чисто местными событиями и сильно теряют в своем значении, как образца для всей русской социал-демократии, как стадии всего русского рабочего движения. В силу этого кустарничества рабочие не проникаются в достаточной мере сознанием общности своих интересов по всей России, недостаточно связывают с своей борьбой мысль о русском социализме и русской демократии. В силу этого кустарничества различные взгляды товарищей на теоретические и практические вопросы не обсуждаются открыто в центральном органе, не служат для выработки общей программы партии и общей тактики, а теряются в узкой кружковщине или ведут к непомерному преувеличению местных и случайных особенностей. Довольно с нас этого кустарничества! Мы уже достаточно зрелы, чтобы перейти *к общей работе*, к выработке общей программы партии, к совместному обсуждению нашей партийной тактики и организации.

Русская социал-демократия сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; она не ограничилась одной критикой и теоретизированием; она доказала, что ее программа не висит на воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный, шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения. Социал-демократия не сводится к простому служению рабочему движению: она есть *«соединение социализма с рабочим движением»* (употребляя определение К. Каутского, воспроизво-

дящее основные идеи «Коммунистического манифеста»); ее задача — внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии.* История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот *материал,* которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское. Было бы очень опасно впадать на этот счет в какие-либо иллюзии. А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники (мы нисколько не колеблясь признаём эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно вырабатывать свою организацию.

Два главных вопроса выдвигается при постановке такой задачи с особенной силой. 1) Как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую — и, следовательно, централистическую — партию? Социал-демократия почерпает всю свою силу в стихийном рабочем движении, которое проявляется неодинаково и неодновременно в различных промышленных центрах; деятельность местных социал-демократических организаций является *основой* всей деятельности партии. Но если это будет деятельность изолированных «кустарей», тогда нельзя даже, строго говоря, назвать ее социал-демократической, ибо это не будет организацией и руководством *классовой* борьбы пролетариата. 2) Как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией, которая ставит главною своею целью борьбу за политическую свободу, — с тем, что социал-демократия решительно отказывается устраивать политические заговоры, решительно отказывается «звать рабочих на баррикады» (по верному выражению П. Б. Аксельрода) или вообще навязывать рабочим тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров?

Русская социал-демократия имеет полное право считать, что *теоретическое* решение этих вопросов она дала; останавливаться на этом значило бы повторять сказанное в статье «Наша

программа». Дело идет теперь о *практическом* решении этих вопросов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой, — его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов, и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии.* Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего *вся* деятельность социал-демократов. Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством». Образование партии, — если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете, — останется в значительной степени одним словом. Экономическая борьба, не объединяемая центральным органом, не может сделаться *классовой* борьбой всего русского пролетариата. Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам политики и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела*, без установления — чрез посредство центрального органа — *ответственности* каждого члена партии перед всей партией.

Говоря о необходимости сосредоточить *все* силы партии — все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и пр. — на основании и правильном ведении органа всей партии, мы нисколько не думаем о том, чтобы оттеснить на второй план другие виды деятельности, напр., местную агитацию, манифестации, бойкот, травлю шпионов, травлю отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и пр. и пр. Напротив, мы убеждены в том, что все эти виды деятельности составляют *основу* деятельности партии, но *без* объединения их в органе всей партии все эти формы революционной борьбы *теряют девять десятых своего значения*, не ведут к созданию общего опыта партии, к созданию партийной традиции и преемственности. Орган партии не только не будет конкурировать с такой деятельностью, а, напротив, окажет громадное влияние на ее распространение, упрочение, введение в систему.

Необходимость сосредоточить *все* силы на организации правильно выходящего и доставляемого органа партии обусловливается оригинальным положением русской социал-демократии в отличие от социал-демократии других европейских стран и от старых русских революционных партий. У рабочих Германии,

Франции и пр. есть кроме газет масса других способов публичного проявления своей деятельности, других способов организации движения: и парламентская деятельность, и выборная агитация, и народные собрания, и участие в местных общественных учреждениях (земских и городских), и открытое ведение ремесленных (профессиональных, цеховых) союзов и пр. и пр. У нас *заменой всего этого,* но именно *всего* этого, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна *никакая* широкая организация всего рабочего движения. В заговоры мы не верим, от единичных революционных предприятий разрушить правительство мы отказываемся; практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии, Либкнехта: «Studieren, propagandieren, organisieren» — учиться, пропагандировать, организовать — и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только *орган партии.*

Но возможна ли и при каких условиях возможна правильная и сколько-либо устойчивая постановка такого органа? Об этом мы поговорим в следующий раз.

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

Мы сказали в предыдущей статье, что нашей насущной задачей является организация правильно выходящего и доставляемого органа партии, и поставили вопрос, возможно ли и при каких условиях возможно достигнуть этой цели. Рассмотрим важнейшие стороны этого вопроса.

Нам могут возразить, прежде всего, что для достижения этой цели надо *сначала* развить деятельность местных групп. Мы считаем это, довольно распространенное, мнение ошибочным. За основание и прочную постановку органа партии — а, следовательно, и самой партии — мы можем и должны взяться немедленно. Необходимые для такого шага условия есть налицо: местная работа ведется, и очевидно, что она пустила уже глубокие корни, ибо все учащающиеся погромы приводят только к небольшим перерывам; на место павших в бою быстро становятся свежие силы. Издательские средства и литературные силы имеются у партии не только за границей, но и в России. Вопрос, следовательно, стоит о том, следует ли ту работу, *которая уже ведется,* продолжать вести по-«кустарному» или следует сорганизовать ее в работу одной партии и сделать так, чтобы она вся отражалась в одном общем органе.

Здесь мы подходим к насущному вопросу нашего движения, к его больному пункту — организации. Улучшение революционной организации и дисциплины, усовершенствование конспиративной техники необходимы настоятельно. Надо открыто признать, что в этом отношении мы отстали от старых русских революционных партий и должны приложить все усилия, чтобы догнать и перегнать их. Без улучшения организации невозможен никакой прогресс нашего рабочего движения вообще, невозможно в частности и образование активной партии с правильно действующим органом. Это с одной стороны. А с другой стороны, теперешние органы партии (органы и в смысле учреждений и

групп, и в смысле газет) должны обратить больше внимания на вопросы организации и влиять в этом направлении на местные группы.

Местная, кустарная работа всегда ведет к чрезмерному обилию личных связей, к кружковщине, а мы выросли уже из кружковщины, которая становится слишком узкой для теперешней работы и которая ведет к чрезмерной трате сил. Только слияние в одну партию даст возможность систематически провести принципы разделения труда и экономии сил, — а этого необходимо достигнуть, чтобы уменьшить число жертв и создать более или менее прочный оплот против гнета самодержавного правительства и его отчаянных преследований. Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, потому что за демократию и социализм стоят все здоровые и развивающиеся слои всего народа, но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы, одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвертые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки корреспонденций и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр. Такая специализация требует, мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо больше уменья сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа.

Но русские социалисты и русский рабочий класс доказали уже свою способность к героизму, и, вообще говоря, нам грешно было бы жаловаться на недостаток в людях. Среди рабочей молодежи наблюдается страстное, неудержимое стремление к идеям демократии и социализма, а помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки. Если среди всех этих рекрутов революционного дела будет широко пропагандироваться мысль о необходимости более строгой организации, то план устройства правильно выходящей и доставляемой газеты партии перестанет быть мечтой. Возьмем одно условие успеха такого плана: обеспечение газеты правильным поступлением корреспонденций и материалов отовсюду. Разве история не показывает, что во все времена оживле-

ния нашего революционного движения такая цель оказывалась вполне достижимой даже по отношению к заграничным органам? Если работающие в разных местностях социал-демократы будут смотреть на газету партии как на *свою* газету и считать своим главным делом поддержание с ней постоянной связи, обсуждение в ней своих вопросов, отражение в ней всего своего движения, — тогда обеспечение газеты полными сведениями о движении будет вполне осуществимо, при условии соблюдения вовсе не особенно хитрых конспиративных приемов. Другая сторона дела — правильная доставка газеты во все местности России — гораздо труднее, труднее, чем была соответствующая задача при прежних формах революционного движения в России, когда газеты не предназначались в такой степени для народных масс. Но назначение социал-демократических газет облегчает их распространение. Главные местности, куда должна правильно и в большом количестве экземпляров доставляться газета, это — промышленные центры, фабричные села и города, фабричные кварталы больших городов и т. п. В таких центрах почти все население сплошь рабочее; рабочий здесь фактически — хозяин положения, имеющий сотни способов обмануть бдительность полиции; сношения с соседними фабричными центрами отличаются чрезвычайной оживленностью. В эпоху исключительного закона против социалистов (с 1878 по 1890 г.) германская политическая полиция работала не хуже, а вероятно даже лучше русской, и однако немецкие рабочие сумели благодаря своей организованности и дисциплинированности достичь того, что еженедельно выходящая нелегальная газета правильно ввозилась из-за границы и доставлялась на дом всем подписчикам, так что даже министры не могли не восхищаться социал-демократической почтой («красной почтой»). О таком успехе мы, конечно, не мечтаем, но достигнуть того, чтобы газета нашей партии выходила не менее 12 раз в год и правильно доставлялась во все главные центры движения всем доступным социализму кругам рабочих, — мы вполне можем, если направим на это все усилия.

Возвращаясь к вопросу о специализации, мы должны также указать, что недостаток ее объясняется отчасти преобладанием «кустарной» работы, отчасти и тем, что наши социал-демократические газеты слишком мало места уделяют обыкновенно вопросам организации.

Только создание общего органа партии может дать каждому «частичному работнику» революционного дела сознание того, что он идет «в ряду и в шеренге», что его работа непосредственно нужна партии, что он является одним из звеньев той цепи, кольца которой задушат злейшего врага русского пролетариата и всего русского народа — русское самодержавное правительство. Только строгое проведение такой специализации даст возможность эконо-

мить силы: не только каждая отдельная сторона революционной работы будет исполняться меньшим числом лиц, но получится возможность выделить ряд сторон современной деятельности в *легальные* (= дозволенные законом) дела. Такую *легализацию* своей деятельности, подведение ее под законные рамки, давно уже советовал русским социалистам «Vorwärts» («Вперед») — главный орган немецкой социал-демократии. С первого взгляда подобный совет поражает, — а на самом деле он заслуживает серьезного внимания. Почти каждый, работавший в местном кружке какого-либо города, легко припомнит, что среди той кучи разнообразнейших дел, которыми он занимался, было несколько таких дел, которые сами по себе легальны (напр., собирание сведений о положении рабочих, изучение легальной литературы многих вопросов, ознакомление с известного рода иностранной литературой и реферирование ее, известного рода сношения, содействие рабочим в делах общего образования, в изучении фабричных законов, и мн. др.). Выделение такого рода дел в особые функции особого разряда лиц уменьшило бы численность активной, стоящей «в огне» революционной армии (без всякого уменьшения ее «боевой способности») и увеличило бы численность резерва, пополняющего места «убитых и раненых». Возможно это лишь тогда, когда и активные члены и резерв видят отражение своей деятельности в общем органе партии и чувствуют свою связь с ней. Конечно, местные собрания рабочих и местных групп будут всегда необходимы, как бы мы далеко ни проводили специализации, но, с одной стороны, число многолюдных революционных собраний (которые особенно опасны в полицейском отношении и продуктивность которых часто далеко не соответствует их опасности) значительно уменьшится, а, с другой стороны, выделение различных сторон революционной работы в специальные функции даст больше возможности прикрывать такие собрания легальными формами собраний: увеселительными собраниями, собраниями законом дозволенных обществ и т. п. Ведь умели же французские рабочие при Наполеоне III-ем и немецкие рабочие при исключительном законе против социалистов изобретать всякие прикрытия для своих политических и социалистических собраний. Сумеют это сделать и русские рабочие.

Далее, только улучшение организации и создание общего органа партии даст возможность расширить *и* углубить самое содержание социал-демократической пропаганды и агитации. А мы в этом очень нуждаемся. Местная работа почти неизбежно ведет к преувеличению местных особенностей, к* . . . . . это невозможно без центрального органа, который был бы в то же время и передовым демократическим органом. Только тогда

* Часть рукописи не сохранилась. *Ред.*

наше *стремление* превратить социал-демократию в передового борца за демократию — станет *действительностью*. Только тогда мы можем выработать и определенную политическую тактику. Социал-демократия отказалась от неверного учения о «единой реакционной массе». Она видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных. При местном характере организаций и органов эта задача почти не исполняется: дальше сношений с отдельными лицами из «либералов» и извлечения из них разных «услуг» дело не идет. Только общий орган партии, последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа! А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!

В дальнейших номерах мы поместим проект программы Российской социал-демократической рабочей партии * и начнем более детальное обсуждение отдельных вопросов организации.

Написаны во второй половине 1899 г.
Впервые напечатаны в 1925 г. в Ленинском сборнике III

Печатаются по тексту Сочинений В. И. Ленина, 4 изд., т. 4, стр. 185—206

---

* См. «Проект программы нашей партии», настоящее изд., стр. 56—76. *Ред.*

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ [22]

Начать следует, пожалуй, с вопроса, действительно ли настоятельна потребность в программе русских социал-демократов. Нам доводилось слышать от действующих в России товарищей то мнение, что в составлении программы нет именно теперь особой надобности, что насущный вопрос — развитие и укрепление местных организаций, более прочная постановка агитации и доставки литературы, что выработку программы удобнее отложить до того момента, когда движение встанет на более прочный базис, что теперь программа может оказаться беспочвенной.

Мы не разделяем этого мнения. Разумеется, «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», как сказал К. Маркс [23]. Но ни Маркс, ни кто-либо другой из теоретиков или практических деятелей социал-демократии не отрицал громадную важность программы для сплоченной и последовательной деятельности политической партии. Русские социал-демократы как раз пережили уже период наиболее ожесточенной полемики с социалистами других направлений и с не-социалистами, не хотевшими понять русской социал-демократии; они пережили также и начальные стадии движения, когда работа велась разрозненно по мелким местным организациям. Необходимость соединения, образования общей литературы, появления русских рабочих газет — вызвана самой жизнью, и основание весной 1898-го года «Российской социал-демократической рабочей партии», объявившей о своем намерении в ближайшем будущем выработать программу партии, наглядно доказало, что именно из потребностей самого движения выросло требование программы. В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в развитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в соединении, в организации. Программа необходима для этого шага; программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи,

указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрозненные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований. Теперь, когда социал-демократическая деятельность встряхнула уже довольно широкий круг и интеллигентов-социалистов и сознательных рабочих, настоятельно необходимо закрепить связь между ними программой и дать таким образом всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой, деятельности. Наконец, программа настоятельно необходима также и потому, что русское общественное мнение очень часто самым глубоким образом заблуждается насчет истинных задач и приемов деятельности русских социал-демократов: отчасти такие заблуждения естественно вырастают на болоте политической затхлости нашей жизни, отчасти они порождаются искусственно противниками социал-демократии. Во всяком случае считаться с этим фактом приходится. Рабочее движение, сливаясь с социализмом и политической борьбой, должно образовать партию, которая рассеяла бы все эти заблуждения, если она хочет стать во главе всех демократических элементов русского общества. Могут возразить, что настоящий момент еще и потому неудобен для составления программы, что среди самих социал-демократов возникают разногласия и начинается полемика. Мне кажется, наоборот: это еще один довод *за* необходимость программы. С одной стороны, раз полемика началась, то можно надеяться, что при обсуждении проекта программы выскажутся все взгляды и все оттенки взглядов, можно надеяться, что обсуждение программы будет всесторонним. Полемика указывает на оживление в рядах русских социал-демократов широких вопросов о целях нашего движения, о его ближайших задачах и его тактике, а такое оживление именно и необходимо для обсуждения проекта программы. С другой стороны, для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Полемика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки,* есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. *Только* внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти, настоятельно требующие ответа, вопросы; — только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих *программных* взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике, — но она

твердо установит те основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные разногласия в среде ее членов по частным вопросам.

Итак, к делу.

Когда говорят о программе русских социал-демократов, то общие взгляды устремляются, вполне естественно, на членов группы «Освобождение труда», которые основали русскую социал-демократию и так много сделали для ее теоретического и практического развития. Наши старейшие товарищи не замедлили отозваться на запросы русского социал-демократического движения. Почти в то самое время — весной 1898 года — когда подготовлялся съезд русских социал-демократов, положивший основание «Российской социал-демократической рабочей партии», П. Б. Аксельрод издал свою брошюру: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (Женева, 1898; предисловие помечено мартом 1898 г.) и перепечатал в приложении к ней «Проект программы русских социал-демократов», изданный группой «Освобождение труда» еще в 1885 году [24].

С обсуждения этого проекта мы и начнем. Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» — «коммунистическая революция»; — указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений»: «захват рабочим классом политической власти»; — указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; — указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»; — указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения. Ввиду этого русские социал-демократы могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы «Освобождение труда», — проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях.

Попытаемся наметить те из этих частных изменений, которые представляются нам целесообразными и по поводу которых желательно бы вызвать обмен мнений между всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими.

Прежде всего, должен несколько измениться, конечно, характер построения программы: в 1885 году это была программа группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. В 1900 году речь идет уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских социал-демократических организаций. Помимо тех редакционных изменений, которые необходимы ввиду этого (и на которых нет нужды останавливаться подробнее, так как они разумеются сами собой), из этого различия вытекает необходимость выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия социал-демократического рабочего движения, и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей социал-демократическая партия. Характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития следовало бы поставить во главу угла программы (ср. в программе группы «Освобождение труда»: «Капитализм сделал в России громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству»...) и вслед за тем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации»[25]. Эти последние знаменитые слова Маркса повторены во втором абзаце Эрфуртской программы германской социал-демократической партии; в последнее время критики, группирующиеся вокруг Бернштейна, с особенной силой напали именно на этот пункт, повторяя старые возражения буржуазных либералов и социал-политиков против «теории обнища-

ния». По нашему мнению, полемика, которая велась по этому поводу, вполне доказала *полную несостоятельность* подобной «критики». Бернштейн сам признал верность указанных слов Маркса, как характеризующих *тенденцию* капитализма, — тенденцию, которая превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеванных рабочим классом законов об охране рабочих. Именно в России мы видим в настоящее время, как указанная тенденция проявляется с громадной силой на крестьянстве и на рабочих. А затем, Каутский показал, что слова о «росте нищеты и пр.» верны не только в смысле характеристики тенденции, но также и в смысле указания на рост «социальной нищеты», т. е. рост несоответствия между положением пролетариата и уровнем жизни буржуазии, — уровнем общественных потребностей, повышающихся наряду с гигантским ростом производительности труда. Наконец, эти слова верны еще и в том смысле, что «на пограничных областях» капитализма (т. е. в тех странах и в тех отраслях народного хозяйства, в которых капитализм только возникает, встречаясь с докапиталистическими порядками) рост нищеты — и притом не только «социальной», но и самой ужасной физической нищеты, до голодания и голодной смерти включительно — принимает массовые размеры. Всякий знает, что к России это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо другой европейской стране. Итак, слова о «росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации» необходимо должны, по нашему мнению, войти в программу, — во-1-х, потому, что они совершенно справедливо характеризуют основные и существенные свойства капитализма, характеризуют именно тот процесс, который происходит перед нашими глазами и который является одним из главных условий, порождающих рабочее движение и социализм в России; во-2-х, потому, что эти слова дают громадный материал для агитации, резюмируя целый ряд явлений, наиболее угнетающих, но и наиболее возмущающих рабочие массы (безработица, низкая зараб. плата, недоедание, голодовки, драконовская дисциплина капитала, проституция, рост числа прислуги и пр. и пр.); в-3-х, потому, что этой точной характеристикой гибельного действия капитализма и необходимости, неизбежности возмущения рабочих мы отгородим себя от тех половинчатых людей, которые, «сочувствуя» пролетариату и требуя «реформ» в его пользу, стараются занять «золотую середину» между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами. А отгородиться от этих людей именно в настоящее время особенно необходимо, если стремиться к единой и сплоченной рабочей партии, ведущей решительную и бесповоротную борьбу за политическую свободу и за социализм.

Здесь необходимо сказать пару слов о нашем отношении к Эрфуртской программе. Из вышеизложенного всякий увидел уже, что мы считаем необходимыми такие изменения в проекте группы «Освобождение труда», которые приближают программу русских социал-демократов к программе германских. Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что̀ хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы. Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-1-х, к нашим политическим задачам и средствам борьбы; во-2-х, к борьбе против всех остатков патриархального, докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке *крестьянского* вопроса.

После этой необходимой оговорки пойдем дальше. За указанием на «рост нищеты» должна идти характеристика *классовой борьбы* пролетариата, — указание цели этой борьбы (переход в общественную собственность всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим), — указание международного характера рабочего движения — указание *политического* характера классовой борьбы и ее *ближайшей* цели (завоевание политической свободы). Признание борьбы против самодержавия за политические свободы — первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения; — и в практическом отношении, чтобы охарактеризовать центральный пункт, к которому должна сводиться и около которого должна группироваться вся разнообразная деятельность социал-демократии, состоящая в пропаганде, агитации и организации. Нам думается, следовало бы также *кроме того* посвятить особый абзац программы указанию того, что социал-демократическая рабочая

партия ставит своей *задачей* поддержку всякого революционного движения против абсолютизма и борьбу против всех попыток самодержавного правительства развратить и затемнить политическое сознание народа посредством чиновничьей опеки и лжеподачек, посредством той демагогической политики, которую наши немецкие товарищи назвали «Peitsche und Zuckerbrot» (плеть и пряник). Пряник = подачки тем, кто из-за частичных и отдельных улучшений материального положения отказывается от своих политических требований и остается покорным рабом полицейского произвола (для студентов — общежития и т. п., для рабочих — стоит только вспомнить прокламации министра финансов Витте во время с.-петербургских стачек 1896 и 1897 гг. или речи в защиту рабочих, произносившиеся членами от министерства внутренних дел в комиссии об издании закона 2 VI 1897 г.). Плеть = усиленные преследования тех, кто, несмотря на эти подачки, остается борцом за политическую свободу (отдача в солдаты студентов; циркуляр 12 VIII 1897 г. о ссылке в Сибирь рабочих; усиление преследований против социал-демократии и пр.). Пряник — для приманки слабых, подкупа и развращения их; плеть — для устрашения и «обезвреження» честных и сознательных борцов за рабочее и за народное дело. Покуда существует абсолютизм (— а мы должны теперь сообразовать нашу программу именно с существованием абсолютизма, ибо падение его неизбежно вызовет такое крупное изменение политических условий, которое заставит рабочую партию существенно изменить формулировку своих ближайших политических задач) — пока существует абсолютизм, мы должны ожидать постоянного обновления и усиления этих демагогических мероприятий правительства, а, след., должны систематически вести борьбу против них, разоблачая лживость полицейских радетелей народа, показывая связь правительственных реформ с рабочей борьбой, научая пролетариат пользоваться каждой реформой для укрепления своей боевой позиции, для расширения и углубления рабочего движения. Указание же на поддержку *всех* борцов против абсолютизма необходимо в программе потому, что русская социал-демократия, неразрывно слитая с передовыми элементами русского рабочего класса, должна выкинуть *общедемократическое* знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за политическую свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу.

Таков наш взгляд на те требования, которым должна удовлетворять *принципиальная* часть нашей программы, и на те основные положения, которые должны быть возможно точнее и рельефнее выражены в ней. Из проекта программы группы «Освобождение труда» должны отпасть, по нашему мнению (из принципиальной части) 1) указания на форму крестьянского землевла-

дения (о крестьянском вопросе мы скажем ниже); 2) указания на причины «неустойчивости» и пр. интеллигенции; 3) пункт об «устранении современной системы политического представительства и замене ее прямым народным законодательством»; 4) пункт о «средствах политической борьбы». Мы не видим, правда, в этом последнем пункте ничего устарелого или неправильного: напротив, мы полагаем, что средства должны быть именно те, которые указаны группой «Освобождение труда» (агитация, — революционная организация, — переход «в удобный момент» к решительному нападению, не отказывающемуся, *в принципе,* и от террора), — но мы думаем, что в программе *рабочей партии* не место указаниям на средства деятельности, которые были необходимы в программе заграничной группы революционеров в 1885 году. Программа должна оставить вопрос о средствах открытым, предоставив выбор средств борющимся организациям и съездам партии, устанавливающим *тактику* партии. Но вопросы *тактики* вряд ли могут быть вводимы в программу (за исключением наиболее существенных и *принципиальных* вопросов, вроде вопроса об отношении к другим борцам против абсолютизма). Вопросы тактики будут, по мере их возникновения, обсуждаться в газете партии и окончательно разрешаться на ее съездах. Сюда же относится, по нашему мнению, и вопрос о терроре: обсуждение этого вопроса — и, конечно, обсуждение не с принципиальной, а с тактической стороны — непременно должны поднять социал-демократы, ибо рост движения сам собой, стихийно приводит к учащающимся случаям убийства шпионов, к усилению страстного возмущения в рядах рабочих и социалистов, которые видят, что все бо̀льшая и бо̀льшая часть их товарищей замучивается насмерть в одиночных тюрьмах и в местах ссылки. Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что по нашему лично мнению террор является *в настоящее время не*целесообразным средством борьбы, что партия *(как партия)* должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить *все свои силы* на укреплении организации и правильной доставки литературы. Подробнее об этом говорить здесь не место.

Что касается до вопроса о прямом народном законодательстве, то нам кажется, что вносить его в программу в настоящее время вовсе не следует. Принципиально связывать победу социализма с *заменой* парламентаризма прямым народным законодательством — нельзя. Это доказали, на наш взгляд, прения по поводу Эрфуртской программы и книга Каутского о народном законодательстве[26]. Известную пользу народного законодательства Каутский признает (на основании исторического и политического анализа) при следующих условиях: 1) отсутствие противоположно-

сти между городом и деревней или перевес городов; 2) существование высокоразвитых политических партий; 3) «отсутствие чрезмерно централизованной государственной власти, самостоятельно противостоящей народному представительству». В России мы видим *совершенно противоположные* условия, и опасность вырождения «народного законодательства» в империалистический «плебисцит» была бы у нас особенно сильна. Если про Германию и Австрию Каутский говорил в 1893 году, что «для нас, восточно-европейцев, прямое народное законодательство относится к области «государства будущего»», то про Россию нечего и говорить. Мы думаем поэтому, что теперь, при господстве в России самодержавия, нам следует ограничиться требованием «демократической конституции» и два первые пункта практической части программы группы «Освобождение труда» предпочесть двум первым пунктам практической части «Эрфуртской программы».

Переходим к практической части программы. Эта часть распадается, по нашему мнению, если не по изложению, то по существу дела, на три отдела: 1) требования общедемократических преобразований, 2) требования мер для охраны рабочих и 3) требования мер в интересах крестьян. По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» группы «Освобождение труда», требующего 1) всеобщего избирательного права; 2) жалованья представителям; 3) всеобщего, светского, дарового и обязательного образования и пр.; 4) неприкосновенности личности и жилища граждан; 5) неограниченной свободы совести, слова, собраний и пр. (сюда следовало бы, пожалуй, специально добавить: свободы стачек); 6) свободы передвижений и занятий (сюда следовало бы, может быть, добавить: «свободы переселений» и «полной отмены паспортов»); 7) полной равноправности всех граждан и пр.; 8) замены постоянного войска всеобщим вооружением народа; 9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, не совместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщины с мужчиной». К этому же отделу должно присоединиться требование финансовых реформ, формулированное в программе группы «Освобождение труда» в числе требований, которые «выдвинет рабочая партия, опираясь на эти основные политические права» — «устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога». Наконец, здесь же следовало бы еще быть требованию «выбора чиновников народом; предоставления каждому гражданину права преследовать судом всякого чиновника, без жалобы по начальству».

По второму отделу практических требований мы находим в программе группы «Освобождение труда» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, *рабочая партия* должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы, запрещения работы детей до 14 лет; (3) непрерывного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выбора рабочими помощников инспекторов, имеющих равные права с инспекторами; (5) учреждения промышленных и сельскохозяйственных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и от рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих, как промышленных, так и сельских; (8) законодательного установления при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр., законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работ; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и проч.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предыдущим) дать основные, руководящие положения для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставление агитаторами в отдельных местностях, отраслях производства, фабриках и прочих других, несколько видоизмененных, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не опустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для *всего* рабочего класса; с другой стороны, — надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы нерационально.

Требование «государственной помощи производительным ассоциациям», стоящее в программе группы «Освобождение труда», должно быть вовсе устранено из программы, по нашему мнению. И опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склонность буржуазных либералов

и полицейского правительства заигрывать с «артелями» и с «покровительством» «народной промышленности», и т. п.) — все говорит против выставления этого требования. (Конечно, 15 лет тому назад дело обстояло во многих отношениях иначе, и *тогда* включение социал-демократами подобного требования в свою программу было естественно.)

Нам остается последний — третий — отдел практической части программы: требования по крестьянскому вопросу. В программе группы «Освобождение труда» находим одно такое требование, именно требование «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.».

Мне кажется, что основная мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива и что социал-демократическая рабочая партия действительно должна выставить в своей программе соответствующее требование (говорю: соответствующее, ибо некоторые изменения представляются мне желательными).

Я понимаю этот вопрос следующим образом. Крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем,* что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества.* Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет. На Западе промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни, причем это отделение закреплено уже соответствующими правовыми учреждениями. В России «промышленный пролетариат, по своим составным элементам и условиям существования, в высокой степени связан еще с деревней» (П. Б. Аксельрод, цитир. брош., с. 11). Правда, процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных рабочих идет у нас с громадной силой, с поразительной быстротой, но этот процесс еще далеко не закончился, и — главное — этот процесс идет все еще в рамках старых, крепостнических учреждений, связывающих всех крестьян тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общины. Таким образом, русский социал-демократ, даже если он принадлежит (как пишущий эти строки) к решительным противникам охраны или поддержки мелкой собственности или мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, т. е. даже если и в аграрном вопросе он становится (как пишущий эти строки) на сторону тех марксистов, которых всякие буржуи и оппортунисты любят

теперь ругать «догматиками» и «правоверными», — может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив, именно в силу этих убеждений — стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности.* Ведь мы все, социал-демократы, объявляем, что готовы поддержать и крупную буржуазию, *поскольку она способна* на *революционную* борьбу с указанными явлениями, — так как же мы можем отказать в такой поддержке многомиллионному классу мелкой буржуазии, сливающемуся постепенными переходами с пролетариатом? Если поддерживать либеральные требования крупной буржуазии не значит поддерживать крупную буржуазию, то ведь поддерживать демократические требования мелкой буржуазии отнюдь не значит поддерживать мелкую буржуазию: напротив, именно то развитие, которое откроет России политическая свобода, будет с особенной силой вести к гибели мелкого хозяйства под ударами капитала. Мне кажется, что по этому-то пункту среди социал-демократов не будет споров. Вопрос весь, значит, в том: 1) как выработать именно такие требования, которые бы *не сбивались* на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? и 2) способно ли хоть отчасти наше крестьянство на *революционную* борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?

Начнем с второго вопроса. Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революци-

онной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять *носителем* революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая *обусловила бы* революционность своего движения революционным настроением крестьянства. Ничего подобного мы ведь и не думаем предлагать русским социал-демократам. Мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, *пройти мимо* тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западноевропейские крестьяне при низвержении абсолютизма, — это вопрос, на который история еще не дала ответа. Если не сумеют, — социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (может быть не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют, — то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию.

Переходя к первому поставленному выше вопросу, мы должны сказать, что требование «радикального пересмотра аграрных отношений» представляется нам неотчетливым: оно могло быть достаточно 15 лет тому назад, но вряд ли можно удовлетвориться им теперь, когда мы должны и дать руководящий материал для агитации, и отгородить себя от защитников мелкого хозяйства, столь многочисленных в современном русском обществе и находящих столь «влиятельных» сторонников, как гг. Победоносцев, Витте и весьма многие чиновники министерства внутренних дел. Мы позволим себе предложить на обсуждение товарищей такую примерно формулировку третьего отдела практической части нашей программы:

«Поддерживая всякое революционное движение против современного государственного и общественного строя, русская социал-демократическая рабочая партия объявляет, что она будет поддерживать крестьянство, поскольку оно способно на революционную борьбу против самодержавия как класс, наиболее страдающий от бесправия русского народа и от остатков крепостного права в русском обществе.

Исходя из этого принципа, русская социал-демократическая рабочая партия требует:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2) Возвращения народу тех денег, которые награбили с крестьян правительство и помещики в виде выкупных платежей.

3) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

4) Уничтожения всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков, проистекают ли эти остатки от особых законов и учреждений (напр., положение крестьян и рабочих в горнозаводских округах Урала) или от того, что крестьянские и помещичьи земли все еще не размежеваны (напр., остатки сервитутов в Западном крае[27]), или от того, что отрезка крестьянской земли помещиком ставит крестьян фактически в безвыходное положение прежних барщинных крестьян.

5) Предоставления крестьянам права требовать по суду понижения непомерно высокой арендной платы и преследовать за ростовщичество помещиков и вообще всех лиц, которые, пользуясь нуждой крестьян, заключают с ними кабальные сделки».

На мотивировке такого предложения мы должны остановиться особенно подробно — не потому, чтобы эта часть программы была наиболее важна, а потому, что она наиболее спорна и стоит в наиболее далекой связи с общеустановленными, всеми социал-демократами признанными истинами. Вступительное положение об (условной) «поддержке» крестьянства кажется нам необходимым потому, что пролетариат не может и не должен, вообще говоря, брать на себя защиту интересов класса мелких хозяйчиков; он может лишь поддерживать его *постольку, поскольку* он революционен. А так как именно самодержавие воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения, то необходимо указать, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с *самодержавием*. Такое положение исключается, по-видимому, следующим положением проекта группы «Освобождение труда»: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но это — противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) отличается двойственными чертами. Не повторяя известных политико-экономических доводов, доказывающих внутренне-противоречивое положение крестьянства, напомним следующую характеристику, данную Марксом французскому крестьянству начала 50-х годов:

...«Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных усло-

вий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севеннов, а его современной Вандеи» («Der 18. Brumaire», S. 99 *). Вот именно поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т. е. в России прежде всего и больше всего самодержавие, и необходима для рабочей партии. Русские социал-демократы всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее. В программе группы «Освобождение труда» это выражено не только в вышецитированном требовании «радикального пересмотра» и проч., но и в следующих словах: «Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности». 15 лет тому назад, когда живы еще были традиции революционного народничества, достаточно было такого заявления, но теперь мы сами должны начать обсуждение «основных принципов деятельности» в крестьянстве, если мы хотим, чтобы социал-демократическая рабочая партия сделалась передовым борцом за демократию.

Но не ведут ли предложенные нами требования к поддержке не личности крестьян, а их собственности? к укреплению мелкого хозяйства? соответствуют ли они всему ходу капиталистического развития? Рассмотрим эти вопросы, наиболее важные для марксиста.

По поводу 1-го требования и 3-го вряд ли может быть между социал-демократами разногласие *по существу дела.* Второе требование вызовет, вероятно, разногласия и по своему существу. В защиту его говорят, по нашему мнению, следующие соображения: (1) что выкупные платежи были прямым ограблением крестьян помещиками, что они платились не только за крестьянскую землю, но и за крепостное право, что правительство собрало с крестьян *больше,* чем оно уплатило помещикам, это факт; (2) у нас нет оснований смотреть на этот факт, как на вполне

* — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», стр. 99[28]. *Ред.*

законченное и сданное уже в архив истории событие, ибо так не смотрят на крестьянскую реформу сами благородные эксплуататоры, кричащие теперь о «жертвах», понесенных ими тогда; (3) именно теперь, когда голодание миллионов крестьян становится хроническим, когда правительство, соря миллионами на подарки помещикам и капиталистам, на авантюристскую внешнюю политику, выторговывает гроши от пособий голодающим, именно теперь уместно и необходимо напомнить о том, во что обошлось народу хозяйничанье самодержавного правительства, служащего интересам привилегированных классов; (4) социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений. А вряд ли кто станет утверждать, что серьезная помощь возможна без революционных мер; (5) экспроприация удельных земель и усиленная мобилизация дворянских земель, — т. е. то, что̀ явилось бы следствием осуществления предлагаемого требования, — принесли бы лишь пользу всему общественному развитию России. *Против* предлагаемого требования нам указали бы, вероятно, главным образом, на его «неисполнимость». Если такое указание подкреплялось бы только фразами против «революционаризма» и «утопизма», то мы наперед скажем, что подобные *оппортунистические фразы* нас нисколько не испугают и мы не придадим им никакого значения. Если же такое указание будут подкреплять анализом экономических и политических условий нашего движения, то мы вполне признаем необходимость более подробного обсуждения этого вопроса и пользу полемики по поводу него. Заметим только, что это требование не стоит самостоятельно, а входит, как часть, в требование поддерживать крестьянство, *поскольку* оно революционно. Вопрос о том, как именно и с какой силой проявят себя эти элементы крестьянства, решит история. Если под «исполнимостью» требований разуметь не общее соответствие их с интересами общественного развития, а соответствие их с данной конъюнктурой экономических и политических условий, то такой критерий был бы совершенно неправилен, как это убедительно показал Каутский в своей полемике против Розы Люксембург, указывавшей на «неисполнимость» (для польской рабочей партии) требования о независимости Польши. Каутский указал тогда (если память нам не изменяет), как на пример, на то требование Эрфуртской программы, которое говорит о выборе чиновников народом. «Исполнимость» этого требования более чем сомнительна в современной Германии, но никто из социал-демократов не предлагал ограничить свои требования узкими рамками возможного в данный момент и при данных условиях.

Далее, что касается до 4-го пункта, то в принципе, вероятно, никто не будет возражать против необходимости для социал-демократов выставить требование об уничтожении всех остатков крепостной зависимости. Вопрос будет идти, вероятно, лишь о формулировании этого требования и затем о широте его, т. е. включать ли в него, напр., требование мер, устраняющих *фактическую* барщинную зависимость крестьян, созданную отрезками крестьянской земли в 1861 году? По нашему мнению, вопрос этот надо решить в утвердительном смысле. Громадное значение фактического переживания барщинного (отработочного) хозяйства вполне установлено литературой, а равно и громадная задержка общественному развитию (и развитию капитализма), создаваемая этим переживанием. Конечно, развитие капитализма ведет и приведет в конце концов «само собой, естественным путем» к устранению этих переживаний, но, во-первых, эти переживания обладают исключительной прочностью, так что на очень быстрое устранение их нельзя рассчитывать, а во-вторых — и это главное — «естественный путь» означает не что иное, как вымирание крестьян, которые *фактически* (благодаря отработкам и пр.) привязаны к земле и порабощены помещикам. Разумеется, социал-демократы не могут при таких условиях обойти этот вопрос молчанием в своей программе. Нас спросят: как могло бы быть осуществлено это требование? Мы думаем, что говорить об этом в программе не надо. Конечно, осуществление этого требования (зависящее, как осуществление почти всех требований этого отдела, от силы революционных элементов крестьянства) потребует всестороннего рассмотрения местных условий местными выборными, крестьянскими комитетами, — в противовес тем дворянским комитетам, которые совершали свой «законный» грабеж в 60-х годах; демократические требования программы достаточно определяют демократические учреждения, которые понадобились бы для этого. Это был бы именно «радикальный пересмотр аграрных отношений», о котором говорит программа группы «Освобождение труда». Как было уже замечено выше, мы согласны в принципе с этим пунктом проекта группы «Освобождение труда» и желали бы только (1) оговорить условия, при которых пролетариат может бороться за классовые интересы крестьянства; (2) определить *характер* пересмотра: уничтожение остатков крепостной зависимости; (3) выразить требования конкретнее. — Предвидим еще одно возражение: пересмотр вопроса об отрезных землях и т. п. должен вести к возвращению этих земель крестьянам. Это ясно. А разве это не укрепит мелкую собственность, мелкую парцеллу? разве могут социал-демократы желать замены крупного капиталистического хозяйства, которое, может быть, ведется на награбленных у крестьян землях — мелким хозяйством? Ведь это была бы *реакционная* мера! — Отвечаем: несом-

ненно, замена крупного хозяйства мелким реакционна, и мы не должны стоять за нее. Но ведь разбираемое требование *обусловлено* целью «уничтожить остатки крепостной зависимости» — след., к дроблению крупных хозяйств оно не может вести; оно относится только к старым хозяйствам чисто-барщинного, в сущности, типа, — и *по отношению к ним* крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений (ср. п. 3), *не реакционно, а прогрессивно.* Конечно, разграничительную линию тут провести не легко, — но ведь мы вовсе не думаем, чтобы какое-нибудь требование нашей программы было «легко» осуществимо. Наше дело: наметить основные принципы и основные задачи, а о частностях сумеют позаботиться те, кому доведется практически решать эти задачи.

Последний пункт по своей цели стремится к тому же, как и предыдущий: к борьбе против всех (столь обильных в русской деревне) остатков *докапиталистического способа производства.* Как известно, крестьянская аренда в России очень часто прикрывает лишь переживание барщинных отношений. Идея же этого последнего пункта заимствована нами у Каутского, который, указав на то, что по отношению к Ирландии уже либеральное министерство Гладстона провело в 1881 году закон о предоставлении суду права понижать чрезмерно высокие арендные цены, включил в число желательных требований такое: «Понижение чрезмерных арендных плат судебными учреждениями, созданными для этой цели» (Reduzierund übermässiger Pachtzinsen durch dazu eingesetzte Gerichtshöfe) [29]. В России это было бы особенно полезно (конечно, при демократической организации таких судов) в смысле вытеснения барщинных отношений. Мы думаем, можно бы присоединить к этому и требование распространить законы о ростовщичестве на кабальные сделки: в русской деревне кабала развита так безмерно, она так тяжело давит крестьянина *в качестве рабочего,* она так громадно задерживает социальный прогресс, что борьба против нее особенно необходима. А установить кабальный, ростовщический характер сделки суду было бы, конечно, не труднее, чем установить чрезмерность арендной платы.

В общем и целом, предлагаемые нами требования сводятся, по нашему мнению, к двум основным целям: 1) уничтожение всех *докапиталистических,* крепостнических учреждений и отношений в деревне (дополнение этих требований заключается в первом отделе практической части программы); 2) сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера. Нам думается, именно эти принципы должны служить руководством для социал-демократической «аграрной программы» в России; — необходимо решительно отгородить себя от столь обильных в России стремлений *сгладить* классовую борьбу

в деревне. Господствующее либерально-народническое направление отличается именно этим характером, но, решительно отвергая его (как это и сделано в «Приложении к докладу русских социал-демократов на международном конгрессе в Лондоне»[30]), не следует забывать, что мы должны выделить революционное содержание народничества. «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, как составной элемент, в программу русской социал-демократии» (Аксельрод: «К вопросу о современных задачах и тактике», с. 7). В русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией. Для социал-демократов, конечно, вторая борьба имеет более важное значение, но они необходимо должны поддержать и первую борьбу, *поскольку это не противоречит* интересам общественного развития. Крестьянский вопрос не случайно занимал и занимает так много места в русском обществе и в русском революционном движении: этот факт — лишь отражение того, что и первая борьба продолжает сохранять большое значение.

В заключение необходимо предупредить одно возможное недоразумение. Мы говорили о «революционном призыве» крестьян социал-демократией. Не значит ли это разбрасываться, вредить необходимой концентрации сил на работу среди промышленного пролетариата? Нисколько; необходимость такой концентрации признают *все* русские социал-демократы, она указана и в проекте группы «Освобождение труда» в 1885 г. и в брошюре «Задачи русских социал-демократов» в 1898 г. След., нет решительно никаких оснований бояться того, что социал-демократы станут разбрасывать свои силы. Программа ведь не инструкция: программа должна охватывать *все* движение, а на практике, конечно, приходится выдвигать на первый план то ту, то другую сторону движения. Никто не станет спорить против необходимости говорить в программе не только о промышленных, но и о сельских рабочих, хотя в то же время ни один русский социал-демократ и не думал еще звать товарищей в деревню при настоящем положении дел. Но рабочее движение само собой, даже помимо наших усилий, неизбежно поведет к распространению демократических идей в деревне. «Агитация на почве экономических интересов неизбежно приведет социал-демократические кружки в непосредственное столкновение с фактами, наглядно показывающими теснейшую солидарность интересов нашего промышленного проле-

тариата с крестьянскими массами» (Аксельрод, ib. *, с. 13), и вот почему «Agrarprogramm»** (*в указанном смысле:* конечно, строго говоря, это вовсе не «аграрная программа») настоятельно необходима для русских социал-демократов. В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда. Вопросы о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате — живо интересуют сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, напр., рабочих, в среду которых тоже начала проникать социал-демократическая пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для социал-демократов и сознательных рабочих, попадающих в деревню. Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению.

Итак, вот каковы должны быть, по нашему мнению, составные части программы Российской социал-демократической рабочей партии: 1) указание на основной характер экономического развития России; 2) указание на неизбежный результат капитализма: рост нищеты и рост возмущения рабочих; 3) указание на классовую борьбу пролетариата, как на основу нашего движения; 4) указание на конечные цели социал-демократического рабочего движения, — на его стремление завоевать для осуществления этих целей политическую власть, — на международный характер движения; 5) указание на необходимый политический характер классовой борьбы; 6) указание на то, что русский абсолютизм, обусловливая бесправие и угнетение народа и покровительствуя эксплуататорам, является главной помехой рабочего движения, и потому завоевание политической свободы, необходимое и в интересах всего общественного развития, составляет ближайшую политическую задачу партии; 7) указание на то, что партия будет поддерживать все партии и слои населения, борющиеся против абсолютизма, будет вести войну против демагогических происков нашего правительства; 8) перечисление основных демократических требований, — затем 9) требований в пользу рабочего класса и 10) требований в пользу крестьян с объяснением общего характера этих требований.

---

* — ibidem — там же. *Ред.*
** — «Аграрная программа». *Ред.*

Вполне сознавая трудность задачи дать вполне удовлетворительную формулировку программы без ряда совещаний с товарищами, мы считаем однако необходимым взяться за это дело, полагая, что откладывать его (по вышеуказанным причинам) нельзя, и надеясь, что нам придут на помощь и все теоретики партии (во главе их члены группы «Освобождение труда») и все практически работающие в России социалисты (а не одни только социал-демократы: слышать мнение социалистов других фракций нам было бы очень желательно, и мы не отказались бы от напечатания их отзывов) и все сознательные рабочие.

Написано в конце 1899 г.
Впервые напечатано в 1924 г. в первом издании Сочинений В. И. Ленина, т. 1

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, 4 изд., т. 4, стр. 207—233

II

РЕШЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ СЪЕЗДА

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года.

Впервые на сцену выступил — как крупная историческая сила — современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, по-видимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и по мере своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мере развития капитализма размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда

в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 годах. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 года о продолжительности рабочего времени. Этот закон — как бы ни были велики его недостатки — останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он *требовал,* и впредь будут давать лишь то, чего он *потребует.*

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний, — словом, всех тех орудий и средств, которыми западноевропейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только *сам.*

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем бо́льшие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата — к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации рус-

ской социал-демократии в единую «Российскую социал-демократическую рабочую партию». В сознании этого представители «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей «Рабочую Газету», и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» [31] устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли» [32]. Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

Впервые опубликован в апреле 1898 г. отдельным листком, выпущенным типографией «Партии»

Печатается по тексту отдельного листка, сверенному с текстом женевского издания 1903 г.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА *

1. Организации «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочей Газеты» и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» сливаются в единую организацию, под названием «Российской социал-демократической рабочей ** партии», причем «Общееврейский рабочий союз в России и Польше» входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата [33].

2. Исполнительным органом партии является Центральный Комитет, избранный съездом партии, которому он и отдает отчет в своей деятельности.

3. На обязанности Центрального Комитета лежит:

а) забота о планомерной деятельности партии (распределение сил и средств, выставление и проведение однообразных требований и проч.); Центральный Комитет руководится при этом общими указаниями, даваемыми съездами партии;

б) создание и доставка местным комитетам литературы;

в) организация таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1 Мая, издание листков по поводу выдающихся фактов, помощь стачечникам и проч.).

4. В особо важных случаях Центральный Комитет руководится следующими принципами:

а) в вопросах, допускающих отсрочку, Центральный Комитет обязан обращаться за указаниями к съезду партии;

б) в вопросах, не допускающих отсрочки, Центральный Комитет по единогласному решению поступает самостоятельно, от-

---

* Здесь приводятся лишь те постановления съезда, которые, по существующим в России законам, могут быть опубликованы.

** Слово «рабочая» в решениях съезда отсутствовало и было внесено при составлении Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии. *Ред.*

давая отчет в сделанном ближайшему очередному или экстренному съезду партии.

5. Центральный Комитет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

6. Средства партии, которые находятся в распоряжении Центрального Комитета, составляются:

а) из добровольных единовременных взносов местных комитетов в момент образования партии;

б) из добровольных периодических отчислений из средств местных комитетов и

в) из специальных сборов на партию.

7. Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководясь лишь программой партии [34].

8. Партия через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право самоопределения [35].

> *Примечание*. Местные комитеты вступают в сношения с такими организациями только с ведома и по указаниям Центрального Комитета.

9. Высшим органом партии является съезд представителей местных комитетов. Съезды бывают очередные и экстренные. Каждый очередной съезд назначает время следующего очередного. Экстренные съезды созываются Центральным Комитетом как по собственной инициативе, так и по требованию двух третей числа местных членов.

10. «Союз русских социал-демократов» за границей является частью партии и ее заграничным представителем.

11. Официальным органом партии объявляется «Рабочая Газета».

(Подробная программа партии будет опубликована по рассмотрении ее местными комитетами.)

Впервые опубликованы в апреле 1898 г. отдельным листком, выпущенным типографией «Партии»

Печатаются по тексту отдельного листка, сверенному с текстом женевского издания 1903 г.

МАТЕРИАЛЫ СЪЕЗДА

ПРОЕКТ МАНИФЕСТА [36]

Вторая половина XIX века составляет для России знаменательный момент: в это время совершился в России переход от натурального хозяйства к денежному и развился капитализм со всеми его последствиями. Начиная с шестидесятых годов, со времени уничтожения крепостного права, крупная промышленность развилась с гигантской быстротой: железные дороги, банки, фабрики, заводы и т. д. и т. д. — вот те проявления развития капитализма, которые бросаются в глаза на каждом шагу. Создалась крупная буржуазия, которая сделала правительство своим послушным слугой. Политика правительства сделалась политикой русской буржуазии, и почти все, что делалось и делается правительством как внутри государства, так и вне его, объяснялось и объясняется интересами буржуазии.

Но развитие капитализма повлекло за собой не только создание буржуазии: оно создало и русский пролетариат. Теперь в России стоят лицом к лицу две силы: буржуазия с правительством и антипод ее — пролетариат. Интересы этих двух классов диаметрально противоположны. Между ними должна была неизбежно возникнуть борьба, та борьба, которая ведется во всех капиталистических странах мира и которая неизбежно ведет к социалистическому строю. И эта борьба возникла. Нам незачем приводить факты этой борьбы: они слишком известны. Сначала эта борьба велась стихийно: пролетариат восстал под непосредственным влиянием гнета своего положения, не сознавая ясно, к чему ему нужно стремиться и чего требовать от буржуазии и правительства. Второй ступенью явилось образование в отдельных промышленных центрах рабочих организаций, которые сознательно, ставя свои цели в духе по большей части социал-демократической программы, руководили борьбой местных рабочих за улучшение своего положения. Третьей ступенью должно было явиться объединение этих отдельных рабочих организаций в единую рабочую партию, которая направила бы борьбу рабочего класса во всей России к одной цели: политическому и экономи-

ческому освобождению всего русского пролетариата. Это объединение наступило теперь: русские социал-демократические организации слились в одну *русскую социал-демократическую партию.*

Русская социал-демократическая партия, стремясь организовать под своим знаменем весь русский промышленный и земледельческий пролетариат и имея в виду исключительно его интересы, добивается *в ближайшем будущем:*

1. *Свободы слова, печати, союзов и собраний, а также созыва русского парламента на началах всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права.*

2. а) Восьмичасового рабочего дня с уничтожением сверхурочной работы. Воспрещения ночной работы. Непрерывного воскресного отдыха в 36 часов. *Воспрещения работы детей моложе 15 лет. Обязательного государственного страхования рабочих от болезни, старости, несчастных случаев и безработицы.*

б) *Распространения всех как ныне существующих фабричных законов, так и тех, которые будут издаваемы в будущем, на все ремесленные заведения с каким бы то ни было числом рабочих.*

в) *Распространения рабочего законодательства во всем его объеме на сельских рабочих применительно к условиям земледельческой промышленности.*

Конечной же целью стремлений русской социал-демократической партии является:

Социалистический строй, т. е. переход всех средств производства — земли, копей, фабрик, заводов и путей сообщений — в руки всего народа.

Более подробно излагает свои стремления русская социал-демократическая партия в своей программе, которая приготовляется к печати.

Своими представителями за границей партия объявляет заграничный «Союз русских социал-демократов».

Своим органом партия признает «Рабочую Газету».

Русская социал-демократическая партия, являясь представительницей интересов русского пролетариата и вступая в борьбу за эти интересы с русским правительством и русской буржуазией, не допускает никаких уступок в своих требованиях, но охотно вступит в союз с другими революционными и оппозиционными партиями и группами, если это не нарушит интересов русского пролетариата.

Да здравствует русский пролетариат!

Да здравствует международная социал-демократия!

Центральный Комитет русской
социал-демократической партии

Впервые напечатан в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 1

Печатается по тексту журнала

УСТАВ КОЛЛОКВИУМА [37]

Группа «Рабочей Газеты», Киев, 1897—1898 г.

I

1. Главной задачей настоящего коллоквиума является объединение доныне разрозненных социал-демократических групп России в единую организацию.

2. Ввиду этого участие в коллоквиуме ограничено теми социал-демократическими группами или союзами, которые принципиально признают своевременность такого объединения.

3. Социал-демократические группы или союзы, участвовавшие в коллоквиуме, присылают по возможности 2 делегатов — одного от интеллигенции, другого от рабочих, причем желательно, чтобы делегатом от рабочих был рабочий же. Если будет прислан один делегат, то он должен представлять собою и интеллигенцию и рабочих.

4. Полномочия делегатов должны быть возможно шире, чтоб не мешать им присоединяться к общим решениям и тем не тормозить занятий коллоквиума. Во всяком случае каждая группа или союз должны снабдить своих делегатов определенным решением по главнейшим пунктам.

A) Какую форму объединения предлагает группа: в виде ЦК с постоянными полномочиями, в виде периодических съездов представителей или в каком-либо другом виде.

B) Какое название предлагает группа для имеющей образоваться организации — русская социал-демократическая партия, русская рабочая партия, русский рабочий союз и пр.

C) Какие функции группа считает нужным передать тому органу, в котором будет ведать дела организации, будет ли то ЦК или что-либо другое.

a) Литературные предприятия общего характера, заведывание «рабоч. газет.», издание брошюр и книг;

b) межгрупповые сношения, созыв коллоквиумов и распределение средств, присоединение новых групп и пр.;

c) сношение с группами других направлений;

d) сношение с русским социал-демократическим союзом за границей (перевозка нелегальных листовок и пр.);

e) организация общих предприятий (празднование 1 Мая, распространение общего листка по всей России по поводу какой-нибудь фальшивки и пр.).

II

В исполнение постановлений конспекта. Какие права и обязанности должен иметь орган, ведающий дела организации в пределах своих функций:

а) какими финансовыми средствами будет располагать;

б) в каких вопросах может он действовать самостоятельно и в каких только по предварительному опросу групп;

в) как будет избираться этот орган;

г) имеет ли он право самостоятельно привлекать в свой состав лиц, которых он найдет полезными.

E) Согласна ли группа в интересах скорейшего образования организации предоставить настоящему коллоквиуму следующие права:

а) избрать из своей среды первичные организации, долженствующие ведать делами;

b) объявить в «Рабочей Газете», органе и специальном листке об образовании единой социал-демократической организации (партии, союза и пр.);

с) утвердить проект программы, составленный Плехановым, если таковой будет представлен на коллоквиум;

d) по каким из перечисленных вопросов группа согласна подчиниться решению простого большинства и по каким она безусловно остается при своем мнении;

е) согласна ли группа, чтоб члены настоящего коллоквиума остались в ближайшее будущее агентами-посредниками между местными группами и Центральным Комитетом.

Впервые напечатан в 1923 г. в журнале «Красная Летопись» № 7

Печатается по тексту журнала

ПРОЕКТЫ ПРОГРАММЫ РАБОТ СЪЕЗДА

ПИТЕРСКИЙ УСТАВ [38]

Главная цель съезда — объединить отдельные группы в социал-демократическую партию. Это можно лишь при существовании общей теоретической и практической программы.

Задача съезда — выработать ее. Для этого каждый депутат должен представить проект программы. Теоретические посылки и практические выводы из них должны быть выражены в ясных, кратких выражениях. Каждое из последних должно быть отдельно обосновано (образцом может служить Эрфуртская программа). Важно в современном экономическом положении России особенное внимание обратить на аграрный вопрос, общину, переселения, артели, кустарей, дать подробную и определенную характеристику общественных слоев России. Группировка партий, отношение к ним социал-демократов, критика народников и народовольцев, отношение к ППС.

Выразителем партии является общий орган в России: программа, состав редакции, техника дела, необходимость и характер заграничного органа, местные органы, их характер.

Необходимо для ясного представления о практической работе, чтобы каждый депутат выдвинул назревшие в его районе вопросы: 1) Агитация — устная и письменная, экономическая и политическая, стачки, 1 Мая. 2) Пропаганда: а) кружки, цель их, способ и программа занятий; б) литература — подготовительная, переходная и серьезная, экономическая, политическая и религиозная; наметить темы; в) легальная пропаганда: воскресные школы, народные читальни, чтения, библиотеки. 3) Организация: общая организация партии и ее организация по районам; сношения отдельных городов (заготовка к съезду побольше адресов), финансы. Местная организация, общий рабочий союз, собрание представителей, центральный рабочий комитет, заводские кружки, руководители; профессиональные союзы. Кассы — общая и местная (в каждом заводе и фабрике), характер их (боевая и взаи-

мопомощи). Библиотеки, дисциплина. Отношение к рабочей интеллигенции, к рабочим организациям. Организация такой интеллигенции. Транспорт, обмен литературой, сношения с организациями; где лучше издавать литературу — в России или за границей? Работа в деревне, характеристика, нужная для этого литература, практические отношения к другим революционным группам, к ППС. Заведывание изданием литературы. Отношение к эмигрантам. Программа вопросов для собирания сведений о положении рабочего класса в России.

Работы съезда должны начаться выслушанием докладов представителей различных групп о положении дел в районах действия этих групп. Таким образом будут выяснены силы и средства, которыми мы можем располагать.

ПРОГРАММА СЪЕЗДА

А

I. Ознакомление с положением дел в различных пунктах даст основание для постановки вопроса о форме объединения групп. Здесь возникает вопрос: возможна ли в настоящее время организация партии или только федеративного союза отдельных групп.

Доводы pro и contra *

II. Цель предполагаемой организации.

III. Необходимые в том и другом случаях учреждения:

1) Центральный Комитет, задачи его и соответствующий состав:

а) Входят ли в его задачи редакционные функции и не должны ли эти последние быть предоставлены особому органу редакционной комиссии.

Сюда необходимо примыкает вопрос о постановке органа и об устройстве типографии.

Примечание. Центральный Комитет есть учреждение представительное. Ему присваиваются две функции:

а) инициаторская,

б) исполнительная.

Функция а) заключается в том, чтобы намечать ближайшие задачи общего характера (съезды, маевки и проч.) и предлагать их обсуждению всех групп.

Функция б) исполнительная распадается на а) внутреннюю — поместную и б) внешнюю: сношения одних групп с другими, сношения с заграницей, установление единства шифра, паролей и т. д., и т. д.

---

* — за и против. *Ред.*

Сюда входит также вопрос о транспорте.

b) Отношение Центрального Комитета к местным организациям.

2) Местная организация:

a) местные центральные комитеты;

b) рабочие комитеты;

c) организации рабочих.

3) Вопросы тактики:

a) агитация и пропаганда на почве рабочего движения. Вопросные листки для собирания сведений о положении рабочего класса в данной местности;

b) агитация: агитаторы, листки;

c) пропаганда: газеты, книги, кружки.

Б

Выработка общей программы русских социал-демократов.

Примечание. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» представит со своей стороны мотивированный проект программы [39].

Важнейшими пунктами являются:

I. Тезисы теоретических основ русской социал-демократии.

II. Практическая программа:

a) Рабочий вопрос.

b) Экономика и политика.

c) Практическое отношение к абсолютизму.

d) Аграрный вопрос.

e) Отношение к другим революционным партиям.

f) Отношение к Польской социалистической партии.

g) Отношение к группе «Освобождение труда».

h) Отношение к западноевропейской социал-демократии.

i) Участие в конгрессах.

Впервые напечатан в 1903 г. в брошюре «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии (1898 г.)», Женева, изд. Г. А. Куклина

Печатается по тексту брошюры

КИЕВСКИЙ УСТАВ [40]

Согласны принципиально с мыслью устройства съезда с.-д. организаций и союзов и выслать делегатов от Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и Рабочего комитета.

Форма будущей Центральной организации — периодические съезды представителей от организаций и союзов при существовании постоянного Центрального Комитета.

Название: (русская с.-д. партия) *. Российская? с.-д. партия. Компетенция 1) ЦК:

a) Литература.

b) Созыв съездов и устройство сношений межгрупповых, а также присоединение новых групп, распределение сил и средств.

c) Сношение с группами других направлений.

d) Сношение с заграничным русским социал-демократическим союзом.

e) Организация общих предприятий.

f) Исполнение поручений съезда.

Функции и полномочия ЦК.

Финансы: 10—15% в случае бесплатного доставления лит. и 20—25%; в противном случае единовременно 100 руб.

a) Желательна литература для интеллигенции, рабочих и для разбрасывания.

b) Распределение сил и средств: на первый год очень широкие полномочия.

c) Определение сношений с группами других направлений, за исключением чисто деловых, должно быть передано съезду, а также и...

d) Организация общих предприятий, заранее известных, поручается съезду, а экстренные и не особенно важные — ЦК. Как будет организован ЦК — избирается съездом из его членов. Число

* Зачеркнуто в тексте. *Ред.*

и состав членов ЦК определяется съездом, который назначает одновременно и кандидатов для замещения выбывших по какому-либо поводу членов ЦК. Делегатам дается право рассмотреть и утвердить программу, если она будет представлена, в противном случае составить и обнародовать манифест.

Если программа будет написана не *Плехановым*, то ее нужно дать Плеханову для рассмотрения.

a) Предложить заграничному «Союзу русских социал-демократов» быть представителем РСДП и завязать тесные сношения.

b) Выпустить листок и брошюру.

c) РСДП может входить в сношения с революц. группами иных направлений, не противоречащих его целям по разным практическим вопросам.

От нас

P. S. Условия принятия новых групп.

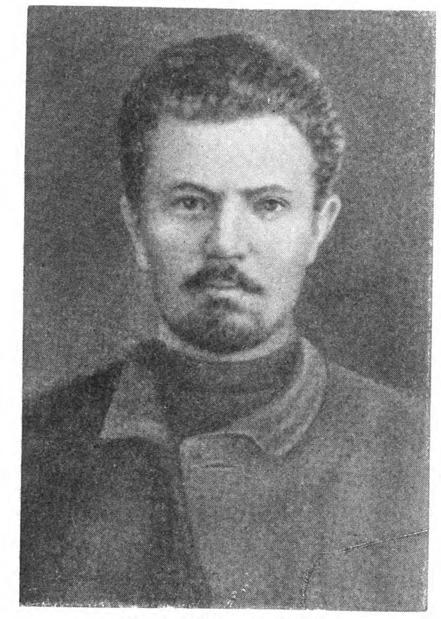
1) Принятие с.-д. программы.

2) Она должна иметь сношения с рабочими.

3) Она должна быть конспиративна.

Впервые напечатан в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 1

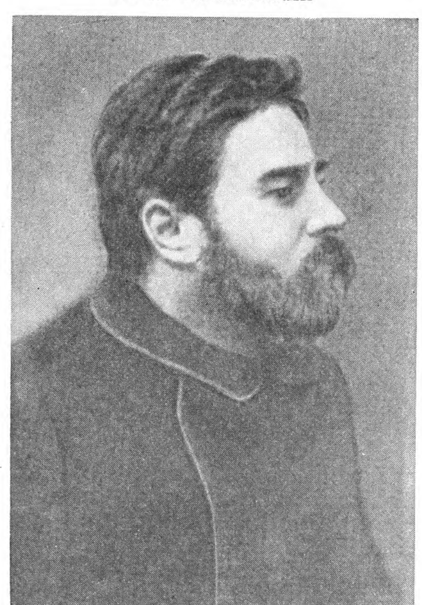
Печатается по тексту журнала

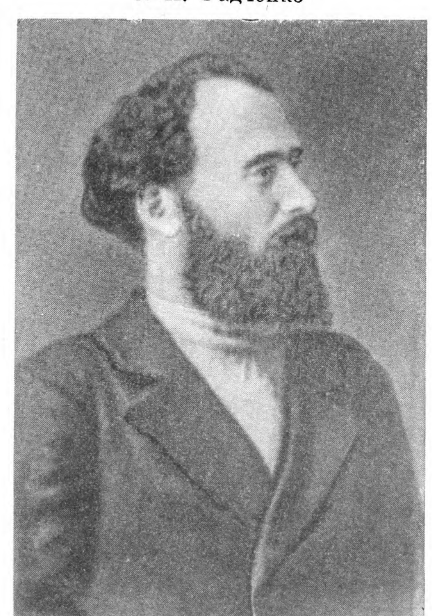
А. А. Ванновский

С. И. Радченко

П. Л. Тучапский

Б. Л. Эйдельман

ГРУППА УЧАСТНИКОВ I СЪЕЗДА РСДРП

ПОРЯДОК (ОГЛАВЛЕНИЕ) № 3 «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» [41]

ПОРЯДОК!!!

??? 1898 ГОДА № 3

«РАБОЧАЯ ГАЗЕТА»

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Порядок	Надписанные на рукоп. номера
№ 1. Манифест?	
№ 2. Новая попытка подавить рабочее движение	№ 15
№ 3. Внутреннее обозрение	№ 14

ПО РОССИИ

№ 4. Петербург	№ 2
№ 5. Нижний Новгород	24
№ 6. Иваново-Вознесенск	25
№ 7. Орехово-Зуево	23
№ 8. Тверь	6
№ 9. Екатеринослав	3
№ 10. Вильно	26
№ 11. Варшава	8
№ 12. Корюковский завод	22
№ 13. Черкассы	21
№ 14. Юзово	4
№ 15. Пермь (Урал)	5
№ 16. Киев	27
№ 17. Из разных мест	12

ЗАГРАНИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Порядок	Надписанные на рукоп. номера
№ 18. Из разных мест	№ 11
№ 19. (Бюджет)	№ 28
№ 20. Город и деревня — Кольцова (?) . .	№ 19
№ 21. Хроника арестов	№ 17
№ 22. Вышли издания	№ 18
№ 23. Фельетон «Рабочие собрания в Берлине»	№ 16

Редакция

Впервые напечатано в 1923 г. в сборнике Истпарта ЦК РКП(б) «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923)», М. — Пг., стр. 283

Печатается по тексту сборника

III

МАТЕРИАЛЫ И ИЗВЕЩЕНИЯ О СОСТОЯВШЕМСЯ СЪЕЗДЕ

К МАНИФЕСТУ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ [42]

С чувством глубокого удовлетворения можно констатировать факт объединения разрозненных до сих пор наших социал-демократических групп в одну общую организацию, созданную конгрессом, в котором участвовали представители следующих союзов:

«Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». Редакция «Рабочей Газеты». Союз еврейских рабочих в России и в Польше.

Упомянутые три группы объединяются в одну организацию под общим именем Российская социал-демократическая партия, причем Союз еврейских рабочих сохраняет свою автономию, равно как и свободу действий по отношению к частным интересам еврейского пролетариата. Российская социал-демократическая партия, руководствуясь во всем той основной мыслью, что освобождение рабочих классов должно совершиться ими самими, отклоняет участие буржуазии в этом великом деле. Во всем остальном Российская социал-демократическая партия солидарна с программой народовольческой партии, органом которой служила «Народная Воля».

Эта солидарность отразилась между прочим в организации конгресса, как увидит читатель из приложения А.

Приложение А

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Во главе партии стоит Центральный Комитет, избранный конгрессом. На обязанности этого Комитета лежит руководство и управление действиями партии согласно указаниям конгресса. В частности, он заботится о печатании и распространении книг, брошюр, летучих листков и вообще всякого рода изданий социалистического содержания, коими он снабжает местные комитеты.

Равным образом на обязанности Центрального Комитета лежит устройство стачек, расходы по которым покрываются взносами, поступающими от комитетов. Центральный Комитет может увеличивать число своих членов и в случаях экстренных постановляет решения, сообразуясь с требованиями данного момента.

Центральному Комитету подчиняются комитеты местные, которым, однако, предоставляется свободно обсуждать своевременность тех или других решений Центрального Комитета.

Российская социал-демократическая партия входит при посредстве Центрального Комитета в сношения с другими революционными организациями, поскольку эти последние солидарны с ее программой.

Высшее руководительство партией принадлежит конгрессу, причем в случаях особенно важных Центральный Комитет может созвать чрезвычайный съезд.

Российская социал-демократическая партия имеет своим представителем вне пределов России «Союз русских социал-демократов» за границей.

Официальным органом партии является «Рабочая Газета».

Напечатано в журнале «Пролетарская Революция» № 1, 1921 г.

Печатается по тексту журнала

ПИСЬМО ЦК РСДРП «СОЮЗУ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» ЗА ГРАНИЦЕЙ

«СОЮЗУ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» [43]

Представители Петербургского, Московского, Киевского и Екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей «Рабочую Газету», и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» на только что закончившемся съезде постановили слиться в единую организацию под названием *«Российская социал-демократическая партия»*. «Общееврейский рабочий союз в Р. и П.» вошел в состав партии, как автономное целое. Устав партии * выработан и вместе с манифестом будет в ближайшем будущем обнародован в «Рабочей Газете» и в особом листке. И то и другое будет вам послано, но до обнародования в России устав и манифест не подлежат опубликованию [44].

Главный пункт устава, это — учреждение исполнительного органа партии — Центрального Комитета, к которому переходит заведывание общими функциями и регулирование деятельности отдельных групп — местных комитетов.

Общие издания подписываются Центральным Комитетом, местные — следующим образом: «Российск. соц.-дем. партия» — в виде заголовка, затем подпись: «(такой-то) местный соц.-дем. комитет».

Официальным органом партии объявляется «Рабочая Газета».

«Союзу русских соц.-демократов» решено предложить вступить в «РСД партию» в качестве составной ее части и быть ее заграничным органом. Если «Союз русских социал-демократов» принимает это предложение, то Центральный Комитет просит его с настоящего времени, не дожидаясь специальных переговоров, писать на своих изданиях: «Российская социал-демократическая партия» в виде заголовка. Название «Союз русск. соц.-дем.»

* См. настоящее изд., стр. 82—83. *Ред.*

может быть сохранено или заменено названием: «Заграничный соц.-дем. комитет».

Март 1898 г.

Центральный Комитет Российской соц.-дем. партии

Принимая во внимание плодотворную литературную деятельность товарищей В. И. Засулич, Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, съезд глубоко чтит в них основателей русской социал-демократии [45].

Март 1898 г.

Впервые опубликовано в 1928 г. в журнале «Каторга и Ссылка» № 3 (40)

Печатается по тексту журнала

НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ! [46]

Петербург, 15 марта 1898 г.

Товарищи! Мы шлем вам свой привет в годовщину великой борьбы против политического бесправия народа. Пятьдесят лет тому назад немецкому абсолютизму был нанесен первый удар борцами революции. Склоняясь теперь перед могилами этих павших борцов, германский пролетариат, создавший политическую партию, которая ведет его прямым путем к победе, может со справедливой гордостью сознать себя достойным носителем революционной традиции.

Мы, русские рабочие, чествуя память борцов 1848 г., тем глубже чувствуем их заслуги перед немецким пролетариатом, что наш русский абсолютизм стоит еще перед нами во всей своей неограниченности и, загораживая дорогу, навязывает нам тем самым труднейшую задачу. Положение русского пролетариата тем труднее, что он не может рассчитывать на союзничество со стороны буржуазии. Финансовые затруднения вынудили русское правительство уничтожить крепостное право и без борьбы со стороны буржуазии предоставить нашей промышленности ту возможность развития, которую на Западе приходилось добиваться посредством баррикад.

Но промышленное развитие России идет вперед исполинскими шагами, а вместе с тем растет и пролетариат, растет и его классовое самосознание. Близко то время, когда борьба против абсолютизма сделается ближайшею целью русского пролетариата и необходимым условием его дальнейшего развития.

Вы знаете, как тяжелы те условия, при которых нам приходится бороться. Тысячи наших товарищей пропадают в тюрьмах

и в Сибири. Но русский пролетариат не испугается никаких преследований и не прекратит борьбы, не добившись освобождения от политического рабства.

Мы чтим память героев 1848 года, павших в бою за политическую свободу, как наших учителей в предстоящей нам борьбе за ту же свободу.

Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» и «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше»

Напечатано в сборнике «Листок «Работника»» № 8, 1898 г., Женева, изд. «Союза русских социал-демократов», стр. 44—45.

Печатается по тексту сборника

ПИСЬМО П. Б. АКСЕЛЬРОДУ [47]

Среда, ночью.

Дорогой Павел Борисович!

К вечеру я получил газету из *Минска* от Александра Кремера, и там он пишет следующее:

Только что кончился *съезд представителей соц.-дем. организаций в России; постановлено образовать Российскую соц.-дем. партию;* заграничный — ваш — *«Союз»* объявить *членами партии* и заграничным органом. Если согласны, отвечайте немедленно же телеграммой, — да или нет, — в Берлин. Туда написали, чтобы эту телеграмму переслали. Ответ необходим скоро, чтобы *издать манифест*. До выхода *манифеста* все это должно быть тайной.

Берлинцам не писали. Предоставляют это сделать вам по своему усмотрению.

Подробности книгой, которую получите. Переговоры будет вести с вами и Питер.

Уведомьте немедленно о получении настоящего письма.

Напечатано в книге «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II, М., 1925 г., стр. 7

Печатается по тексту книги

ПРОКЛАМАЦИЯ КИЕВСКОГО РАБОЧЕГО КОМИТЕТА

ПИСЬМО КИЕВСКИМ РАБОЧИМ [48]

Борясь с капиталистами, русский рабочий вскоре должен был столкнуться с царским правительством, которое всегда и везде защищало и защищает интересы его эксплуататоров. Против рабочих, на помощь капиталистам, царское правительство высылает полицию, жандармов и войска. Царские министры в своих тайных циркулярах приказывают не удовлетворять даже законные требования рабочих, предписывают немедленно высылать без суда подозрительных рабочих. Еще не прошло и четырех лет со времени вступления на престол Николая II, и «всемилостивейшие» руки царя уже успели обагриться невинной кровью, это — кровь наших ярославских и домбровских товарищей, осмелившихся требовать и подумаешь чего? — уменьшения хозяйского гнета.

Эта каждодневная непрекращающаяся борьба убедила рабочих, что на их требования лучшей человеческой жизни царское правительство всегда отвечало и отвечает штыками, выстрелами, тюрьмой и каторгой. Русский рабочий убедился, что правительство самодержавного царя дорожит интересами одних только капиталистов, что капитал — это тот бог, на которого оно не перестает молиться. Русский рабочий понял, что его борьба с капиталистами есть вместе с тем и борьба с самодержавным правительством, стоящим за плечами каждого капиталиста, и русский рабочий смело и бодро вступил в эту борьбу: на знамени русского пролетариата начертаны роковые для самодержавия слова — *политическая свобода.*

По всем городам России возникают социал-демократические союзы, разбрасываются запрещенные книги и листки, издаются рабочие газеты, появляется печатный русский социал-демократический орган «Рабочая Газета». Русский пролетариат накануне возникновения с.-д. партии в России. Все эти признаки пробудившегося в русском пролетариате политического самосознания

должны были не на шутку встревожить правительство. Уверенное, что рабочее движение создано какими-то агитаторами, царское правительство пытается вырвать этих «бунтовщиков» из рабочей среды и таким образом подавить рабочее движение. Оно производит с этой целью массовые обыски и аресты. Таков смысл и тех обысков и арестов, которые были в ночь с 11 на 12 марта у нас, в Петербурге, в Москве, в Харькове, в Екатеринославе, Николаеве и других городах. Но правительство глубоко ошибается: арестами и обысками, штыками и оружием, тюрьмой и каторгой не остановить ему рабочего движения.

Растущий в России капитализм — залог того, что русское рабочее движение будет расти и крепнуть. Сила пролетариата в единении и союзе. И перед дружной борьбой нашей с деспотизмом должно будет отступить и самодержавное правительство.

Сплотимся же, товарищи, во имя этого великого дела и нашей сплоченностью скуем тот молот, которым разобьются тяжелые цепи самодержавного гнета. Вперед, товарищи, победа за нами!

Киевский рабочий комитет

Выпущено прокламацией в марте 1898 г.
Перепечатано в 1923 г. в сборнике Истпарта ЦК РКП(б) «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923)», М. — Пг., стр. 289—291

Печатается по тексту сборника

ПРОКЛАМАЦИИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

1

КО ВСЕМ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМ РАБОЧИМ [49]

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Товарищи!

Нам не раз приходилось делиться с Вами мыслями о нашем положении. Но то было каждый раз приноровлено к какому-либо случаю, особенно бьющему в глаза своей несправедливостью по отношению к нам. На этот раз нам хочется поговорить с Вами вообще и познакомить Вас с положением наших товарищей как за границей, так и у нас в России. Непосильный труд, безобразные условия, которыми хозяева обставляют нашу работу на фабриках и заводах, сокращают нашу жизнь, делают нас преждевременными стариками. Этот каторжный труд не может однако обеспечить нас от нужды. Чтобы семья не умирала с голоду, наши жены принуждены бросать без надзора своих маленьких детей и уходить на фабрики и заводы. Но и этого мало; нужда не щадит и детей наших. Ради их скудного заработка, мы лишаем их возможности учиться, мы губим с раннего детства их единственное богатство — здоровье. Бедственное положение рабочих всегда и везде вызывало неудовольствие с их стороны и стремление бороться со своими притеснителями-хозяевами. Эта борьба за улучшение своего положения называется рабочим движением. *Рабочее движение* началось в Англии, где раньше чем в других странах стала развиваться фабрично-заводская промышленность. Когда рабочим особенно невмоготу становилось выносить тяжелую жизнь, они обрушивались на своих врагов — хозяев в виде беспорядочных бунтов, поджогов, как то было, например, у нас на заводе. Но эти вспышки ни к чему не приводили, потому что они легко подавлялись штыками и натайками казаков и солдат, которых правительство так охотно отдает нашим хозяевам в услугу. Наши заграничные товарищи рабочие скоро поняли, что эти вспышки, бунты, поджоги, хотя и устрашают на время их притеснителей, но ничего не изменяют в их положении, что хозяева только тогда будут делать им уступки, облегчать их положение, когда они ясно и твердо и все сообща этого потребуют. И вот они

стали собираться, объединяться в союзы, сначала в маленькие по ремеслам, цехам, потом по городам, и, наконец, союзы отдельных городов стали соединяться в огромные общие союзы. В союзах устраивались кассы, в которые вносились по мере возможности каждым членом деньги, и в настоящее время рабочие союзы как в Америке, так и в Европе обладают сотнями тысяч рублей, которые идут на поддержку забастовавших во время стачек. Сила этих союзов все растет. В Германии, например, все рабочие соединились в один общий большой союз, в одну общую рабочую *партию*. Теперь эта *партия* так сильна, что рабочие имеют своих выборных представителей в парламенте, т. е. в общем собрании выборных от всего народа, которые решают все дела государства, издают законы и т. п. Выборные от рабочих в парламенте защищают интересы всех рабочих в стране, заботятся о том, чтобы подати и налоги раскладывались на всех граждан более справедливо, способствуют изданию полезных для рабочих законов, как например, об уменьшении рабочего дня, запрещении работы малолетних и т. п. Путем своих настойчивых и разумных требований, они добились того, что их уже не так давят, как нас, лучше платят, меньше заставляют работать. Трудно стало заграничным фабрикантам и заводчикам, как бывало прежде, наживаться за счет своих рабочих. Они знают, что русские рабочие податливее, безропотнее переносят всевозможные притеснения со стороны своих хозяев. Так вот они и решили воспользоваться нашей простотой, чтоб выжать из нас уж последние соки. Для этого они стали подавать прошения русскому правительству, чтоб им разрешили перевести в Россию их фабрики и заводы. Да и не удивительно. Заграницей им не так легко грабить народ. Там ни одно злоупотребление не пройдет даром; сейчас же друзья рабочих восстанут на защиту их интересов и всюду заговорят об этом злоупотреблении в газетах, журналах, в парламенте. А кто станет нас защищать? Открыто этого тут никто не может делать: за каждую попытку разъяснить рабочим их положение, у нас бросают в тюрьму, ссылают в Сибирь. Во всей России запрещают говорить о *русском рабочем движении*. Враги наши пользуются этим, чтоб скрыть успехи этого движения от всех, особенно от самих рабочих. Но теперь это им не так-то легко уж дается, потому что день ото дня требования рабочих делаются громче, рабочее движение крепнет, растет и никакими полицейскими строгостями, никакими штыками, выстрелами в толпу рабочих, никакими ссылками, тюремными заключениями им не удастся задушить его, заставить нас безропотно переносить нашу каторжную жизнь. Наши враги хорошо поняли, что вся наша сила в единодушии, в объединении, и вот они всеми силами стараются помешать ему. Но это не удается. Они запрещают газеты, книги, в которых рабочим объясняется, как им выйти из их тяжелого положения. Они запрещают

сходки, собрания, съезды рабочих, но все это у нас существует тайно и, несмотря на зоркий глаз полиции, движение стало в последнее время принимать такие размеры, что заставляет наших притеснителей пугаться и делать нам уступки. Мы прямо не участвуем в управлении страной, но, действуя единодушно и настойчиво, мы можем заставить правительство издать полезный для нас закон. Вот, например, русские фабричные рабочие дружными стачками вынудили у правительства закон 2 июня, в силу которого их рабочий день сокращен на целых 3 часа. Нелегко даются нам победы. Зато теперь уж легче и легче делается борьба с хозяевами, потому что они становятся податливее, при малейшей стычке спешат уступить, конечно, без большого вреда для себя, чтоб только не доводить нас до отчаяния. Они поняли, что как только мы все соединимся для общей борьбы с хозяевами и станем добиваться победы не бунтами и погромами, а заранее обдуманными стачками, то сила будет на нашей стороне, тогда им поневоле придется уступить. Многие из нас поняли это не хуже, чем они. Вот в начале этого года рабочие союзы всех русских городов по-товарищески протянули друг другу руки и на общем съезде их представителей все решили соединиться в один общий союз, который назван *Российской социал-демократической рабочей партией*. Эта партия будет способствовать объединению всех русских рабочих, она будет руководить борьбой рабочих, она будет правильно распределять средства между рабочими союзами и т. д. Объединенное рабочей партией, русское рабочее движение пойдет вперед. Окрепнув и усилившись, мы добьемся права свободно и открыто говорить и писать о своих нуждах, собираться, устраивать союзы, стачки, участвовать в издании [листков и] т. п.

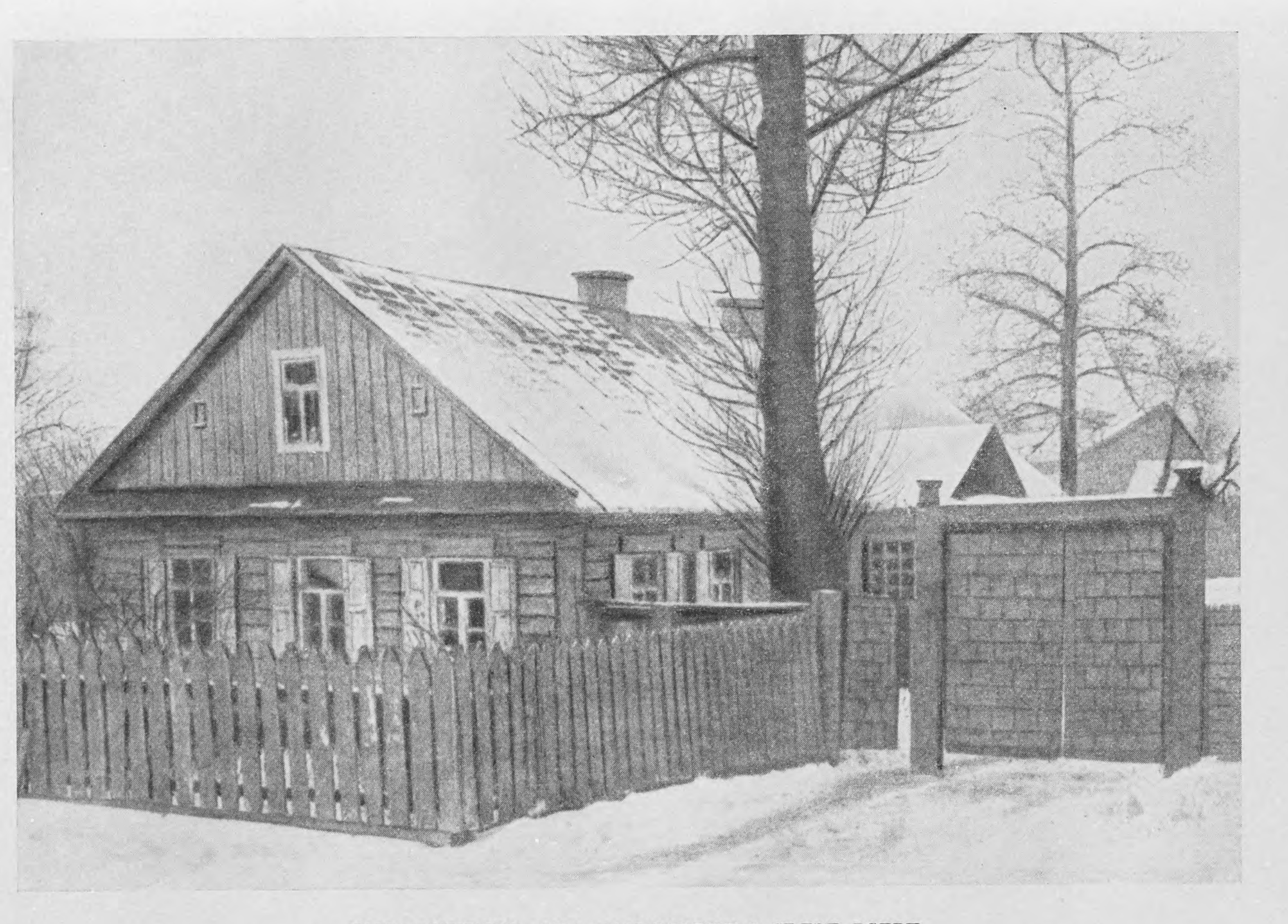
Итак, товарищи, будем смело бороться за лучшую долю и от всего сердца порадуемся возникновению рабочей партии, как вестнику лучшего будущего.

Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» с радостью сообщает, что он по примеру рабочих союзов других городов примкнул к Российской социал-демократической рабочей партии и отныне будет называться

Екатеринославским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии.

Выпущено прокламацией в январе 1899 г.
Перепечатано в 1923 г. в сборнике «История Екатеринославской социал-демократической организации 1889—1903», Екатеринослав, между стр. 104—105

Печатается по тексту сборника

ДОМ В МИНСКЕ, ГДЕ ПРОИСХОДИЛ I СЪЕЗД РСДРП

2

ПИСЬМО К ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМ РАБОЧИМ [50]

Товарищи рабочие! Готовьтесь к бою! Организуйтесь в союзы! Составляйте кружки в 10—15—20 чел., собирайте гроши, составляйте суммы, ибо наступает момент жестокой борьбы, а если мы будем иметь союзы, обладающие средствами, то нам легко будет выдержать натиск не только наших угнетателей-капиталистов, но и натиск нашего правительства. Организуйтесь в союзы, тогда легче будет нам держаться друг друга и труднее будет полиции что-нибудь с нами сделать.

Наших товарищей железнодорожных рабочих, решивших отстаивать свои интересы, общие интересам всех рабочих, полиция убрала в тюрьму, пригласив с этой целью солдат.

Да, если бы мы были организованы в союзы, то не дали бы наших товарищей увести в тюрьму. Мы должны помнить, что дело, которое начинается в каком-либо отдельном заводе или мастерской, — наше общее дело. Подумайте хорошенько и вы в этом легко убедитесь.

Мы уже говорили в прошлом своем листке к железнодорожным рабочим, что необходимо отстаивать кануны пяти праздников, отнятых у нас, и показать, что мы не позволим самовольно лишать нас часов нашего отдыха.

Как же поступила полиция и жандармы с нашими товарищами, когда те стали отстаивать свои интересы? Окружив их, безоружных, штыками нескольких рот солдат, поодиночке выводили их из мастерских, направляя против одного целый лес штыков. А какой-то офицер, обнажив саблю, искал случая броситься на них и начать рубить головы.

Наши требования, клонящиеся к тому, чтобы улучшить свое положение, встречаются как бунт. Мы не можем собираться, говорить о своих делах, а если собираемся, то против нас посылают казаков и жандармов: вот и теперь казаки с гиканьем, размахивая в воздухе нагайками, бросались на толпу наших товарищей. Да, когда мы собираемся поговорить о наших делах, это считается бунтом, а когда собираются наши угнетатели-капиталисты для обделывания своих делишек, то это не только не считается за бунт, но на их собраниях присутствуют сами министры. По первому призыву наших угнетателей им на помощь летит разная сволочь в лице жандармов, полицмейстера и губернатора.

Вы видите, как наше правительство всегда поддерживает наших угнетателей. Нас бьют, сажают в тюрьмы, ссылают в Сибирь без суда, а за что, товарищи?.. лишь за то, что мы хотим улучшить свое положение.

Когда мы начинаем стремиться к улучшению своего положения, то всегда является начальство в лице полицмейстера,

губернатора и жандармов, которые стараются уверить нас, что они все думают о нас и стараются нас защитить.

Нет, товарищи, не будем верить всем этим обещаниям. Мы все видели, что они вместо того, чтобы исполнить свои обещания, поспешили засадить наших товарищей в тюрьму. Довольно, товарищи, будем верить только себе и больше никому. Присоединяйтесь к тем, кто стал во главе нашего дела и стремится отстаивать интересы всех рабочих. Вы знаете, что в России существует *Социал-демократическая рабочая партия,* которая *только одна* защищает наши интересы. Становитесь же под знамя этой партии, т. е. организуйтесь в тайные союзы, составляйте кассы, требуйте *право сходок и собраний,* требуйте *8-часовой рабочий день.*

Товарищи! Если бы все бросили работу на всех заводах в тот же день, когда забастовали рабочие в железнодорожных мастерских, если бы мы в этот день выставили на каждом заводе свои требования, тогда наша полиция не могла бы всюду поспеть, застращивать нас, да и не хватило бы места в тюрьме, которой полиция привыкла нас пугать. Тогда мы без большого труда смогли бы добиться того, чего в одиночку добиться очень трудно. Итак, когда возникает на каком-либо заводе стачка, тогда старайтесь поддерживать ваших товарищей, объявляя стачку и у себя на заводе.

Екатеринославский комитет
Российской социал-демократической рабочей партии

Екатеринослав, 8 июля 1899 г.

Выпущено прокламацией в июле 1899 г.
Перепечатано в сентябре 1899 г.
в киевской рабочей газете «Вперед» № 7

Печатается по тексту газеты

IV

ВОСПОМИНАНИЯ
И
ДОКУМЕНТЫ

О ПЕТЕРБУРГСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ»

ИЗ ДОКЛАДА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО РУССКИМИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В ЛОНДОНЕ В 1896 году [51]

Дорогие товарищи!

В докладе, представленном от имени редакции журнала «Социал-Демократ» международному социалистическому конгрессу в Брюсселе, сказано (стр. 15):

«Мы считаем своим долгом покрыть Россию сетью рабочих кружков. Пока эта цель не будет достигнута, мы не будем принимать участия в ваших конгрессах: до этого момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фикцией» [52].

В настоящее время мы можем с законной гордостью сказать, что эта задача отчасти исполнена. Первые, самые трудные шаги на поприще организации русского рабочего класса уже сделаны, по крайней мере — местами. И вот почему русская социал-демократическая делегация является на международном рабочем конгрессе нынешнего года более многочисленной, чем когда-либо прежде.

Чтобы дать вам хоть некоторое понятие о том, как приходится нам вести свое дело и с какими трудностями мы встречаемся почти на каждом шагу, мы укажем прежде всего на то, что происходило и происходит в столице русской империи, С.-Петербурге.

В течение всего десятилетия 80-х годов рабочее движение тлело в многочисленных, но разрозненных рабочих кружках, где велась социал-демократическая пропаганда. То усиливаясь, то опять затихая, терпя огромные потери, и опять, как феникс, возрождаясь из пепла, эта пропаганда велась с переменным успехом, не выходя за пределы кружков, вплоть до самого последнего времени, т. е. до осени 1895 года. Только в этом году разрозненные дотоле группы нашли возможным слиться в одну организацию, принявшую название: *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»*, только с этого времени удалось социал-демократам С.-Петербурга выйти на широкую арену массовой агитации [53]. Образование союзов и касс взаимопомощи на случай стачек с одной стороны, выработка сознательных агитаторов с другой, наконец,

массовая агитация путем воззваний, распространения брошюр, формулирования требований рабочих различных мастерских, фабрик и заводов с третьей, — таковы в немногих словах ближайшие, практические задачи, поставленные себе «Союзом».

Условия, в которые поставлен названный «Союз» русской действительностью, дают нам возможность говорить с некоторою определенностью лишь об этой последней публичной стороне его деятельности.

Периодическое, массовое появление летучих листков было в Петербурге явлением давно невиданным и основательно позабытым даже русской полицией. Тем большее впечатление производили воззвания «Союза», с ноября месяца появляющиеся массами во всех концах Петербурга. Прокламации, разбросанные в тысячах экземпляров в рабочих кварталах на улицах, приклеенные в виде афиш на столбах, рассеянные в мастерских и на фабриках, производили удручающее впечатление как на гг. фабрикантов, так и на местную администрацию, прилагавшую крайние усилия, дабы искоренить крамолу. Хватались представители так называемой «интеллигенции», высылались на родину десятками и сотнями заподозренные рабочие, но ничто не помогало. Листки появлялись немедленно вслед за арестами, как бы дразня своим появлением ретивых слуг царского правительства.

Отличительная черта этих воззваний «Союза» — их конкретный, практический характер. Каждое из этих воззваний имело дело с определенным злоупотреблением со стороны фабриканта, с определенным произволом администрации, каждое из них, опираясь на подробности данного случая, имело целью формулировать требования рабочих, развить в них классовое самосознание, показать противоположность *их* интересов интересам *капиталистов,* показать, наконец, что *царское правительство* являлось и является во всех случаях усердным слугою буржуазии, усердным гасителем всякого сознательного движения русского пролетариата. Почва, которую приходилось культивировать петербургской социал-демократической организации, была полна жизненных соков, само уже появление «Союза» служило знаменательным симптомом пробуждения петербургского пролетариата; неудивительно, что результаты планомерной деятельности «Союза» не замедлили сказаться. Зима 1895/96 года в Петербурге была богата, как никогда, стачками и волнениями рабочих, полна той жизни, которая характеризует *проснувшееся сознание рабочих масс.*

В ноябре прошлого года вспыхивает стачка на суконной фабрике Торнтона; рабочие выставляют требования, формулируемые «Союзом» в массе разбросанных прокламаций [54]; запуганный фабрикант и растерявшаяся полиция спешат удовлетворить требования негодующих рабочих. Почти одновременно волнуются и бастуют папиросницы на табачной фабрике Лаферма. Начавшееся

было стихийно, движение принимает, благодаря «Союзу», более рациональные формы; опять выставляются требования, и опять их спешат удовлетворить во избежание дальнейших «недоразумений». Месяц спустя происходит забастовка на фабрике т-ва механического производства обуви. Возникает стачка на лесопильне Лебедева. Бастуют ткачи на фабрике Лебедева. Волнуются рабочие Путиловского завода, происходят неприятные для администрации объяснения на бумагопрядильне Кенига. В январе месяце успешно и быстро заканчивается стачка на бумагопрядильне Воронина (на острове Резвом); наконец, появившиеся листки вызывают волнение среди рабочих «Нового Адмиралтейства». Наступившее после этого затишье сменяется к весне новым оживлением: опять волнуются рабочие «Нового Адмиралтейства».

Одно уж появление листков заставляет идти на уступки администрацию казенного Александровского чугунного завода, а угрозы забастовки вторично сламывают упорство г. Воронина, хозяина уже упомянутой нами мануфактуры.

Таково было положение дел к началу мая 1896 г. Только что отмеченные стачки произведены были рабочими различных отраслей производства и по различным поводам. Нетрудно, однако, уловить несколько общих, типичных черт в требованиях, выставленных стачечниками. В огромном большинстве случаев рабочие протестуют против прямых нарушений со стороны фабричной администрации закона, т. е. тех или других статей того самого законодательства, которое, вообще говоря, ставит рабочего в прямую зависимость от хозяина.

Рабочие требуют, во-первых, точного исполнения закона; они стараются, во-вторых, удержать за собой прежний уровень заработной платы, сохранить status quo * и противодействовать понижению цен на рабочие руки.

Иллюстрируем сказанное.

Чего требуют, напр., забастовавшие рабочие фабрики Торнтона? Они требовали, как говорилось в одном из листков, чтобы исполнялся «закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы объявлена величина того заработка, на который он идет», они требуют, чтобы фабричный инспектор следил за тем, «чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными».

Или вот: волнуются рабочие так называемого «Нового Адмиралтейства». Почему? Дело в том, что начальник порта адмирал Верховский издает распоряжение о выдаче рабочим платы раз в месяц, а закон, между тем, с совершенной ясностью гласит: «при найме рабочих на срок неопределенный выдача заработной платы должна производиться не реже двух раз в месяц».

---

* — существующее положение, существующий порядок. *Ред.*

Вскоре после окончания стачки на табачной фабрике Лаферма (в начале декабря 1895 г.) фабричная инспекция должна была признать правильность требований работниц, стоявших на почве закона, и заявить в циркуляре, напечатанном в русских газетах 20-го декабря 1895 года и разосланном табачным фабрикантам, что «жалобы работниц верны», и что «нельзя произвольно браковать товар. Если хозяин признает товар негодным, то он не имеет права из-за нескольких испорченных папирос браковать всю сотню. Такая браковка совершенно произвольна. Только за испорченные папиросы (от небрежной или неумелой работы) хозяин может налагать штраф по табели, порчу же материалов взыскивать только по суду» и т. д.

Таковы же по своему характеру главнейшие из требований, выставленных рабочими на Калинкинской мануфактуре, на бумагопрядильне Кенига, на мануфактуре Воронина, на Александровском чугунном заводе и т. д.

Мы говорили уже о другой общей черте в требованиях петербургских рабочих — о стремлении их сохранить существующий или вернуть недавно бывший размер заработной платы.

Таковы крайне умеренные требования петербургских рабочих. А между тем надо вспомнить, сколь малым приходится довольствоваться теперь русскому пролетарию. Здесь не место давать характеристику его экономического положения, отметим только две-три цифры, почерпнутые нами из петербургской литературы «воззваний». Когда ткачи фабрики Торнтона, измученные нуждою, потеряв всякое терпение, устроили вышеупомянутую стачку, многие из них, благодаря затишью в производстве, зарабатывали не более семи рублей в месяц, — цифра невероятная для рабочего западноевропейской крупной капиталистической промышленности.

Когда в начале мая, во время грандиозной стачки петербургских бумагопрядилен, господствовало возбуждение на так называемой русско-американской резиновой мануфактуре, расходившиеся среди рабочих листки указывали, между прочим, на то, что какой-нибудь вальцовщик при 11-часовом рабочем дне, при работе, которая по прошествии немногих лет вызывает кровохарканье, зарабатывает всего-навсего 65 коп. в день. Существование невероятно низкого уровня заработной платы признают в откровенную минуту даже представители русской администрации. Во время «усмирения» стачки на фабрике Лаферма, когда папиросницы, жалобы которых циркуляр фабричной инспекции признал «верными», положение же «очень бедственным», когда эти самые папиросницы обливались, по приказанию начальника полиции, из пожарных насосов, этот самый воинственный градоправитель имел наглость, признав всю недостаточность заработка работниц, посоветовать им в виде подспорья заняться проституцией.

Придавленное страшной нуждой, эксплуатируемое самым наглым образом, третируемое полицией, еще неорганизованное большинство петербургских рабочих чутко прислушивалось к голосам своих организованных, сознательных товарищей. То здесь, то там вспыхивали и пожаром разгорались волнения рабочих, стоило лишь появиться листку социал-демократической организации. Фабрикант, как мы уже не раз видели, спешил в тревоге делать уступки, а царская полиция с лихорадочной поспешностью принималась за «оздоровление атмосферы», за удаление неблагонадежных элементов, льстя себя надеждой, что ей удастся дезорганизовать, разгромить, стереть с лица земли ненавистный «Союз».

С начала декабря прошлого года правительство предпринимает целый поход против невидимых «злоумышленников».

В ночь с 8 на 9 декабря схвачено было несколько десятков «подозрительных» для полиции лиц как из среды так называемой «интеллигенции», так и из среды рабочих. Полиция торжествовала, полагая, что держит в руках «вожаков» движения. И что же? Немедленно после этих арестов появилась прокламация «Союза», разбросанная на массе фабрик и предупредительно посланная господам представителям власти. В ней «Союз» заявлял, что полиция «ошиблась в адресе», возвещал о новых стачках и заканчивал ее следующими словами, смысл и значение которых русское правительство оценило лишь впоследствии: «Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма»[55]. С этих пор начинается своего рода поединок между петербургской полицией и организацией «Союза». Обозленные жандармы хватают направо и налево. Единичные аресты продолжаются в течение всего декабря, в январе происходят массовые обыски, аресты, высылки, и затем не проходит недели, чтобы не вылавливался из рабочей массы тот или другой заподозренный в сношениях с «Союзом» рабочий.

А издание прокламаций, раскрывающих глаза рабочим на капиталистическую эксплуатацию, на своеволие царских слуг, идет своим чередом, непрерывно подымая бодрость и веру пролетария в свои силы, внося тревогу и страх в сердца предпринимателей.

Наконец, царское правительство считает нужным устами своего министра финансов, г. Витте, забить тревогу — министр издает секретный циркуляр, невзначай попадающий на страницы центрального органа немецких социал-демократов, а затем и в русские газеты[56]; в нем он призывает фабричных инспекторов блюсти за сохранением патриархального строя отношений, якобы существующего на русских фабриках, предостерегает самих рабочих от козней подстрекателей, — этих, по словам циркуляра, злейших врагов рабочего класса.

Опубликованный циркуляр, распространенный «Союзом» в рабочей среде, уничтожил последние следы и без того слабого престижа русского фабричного инспектора, он раскрыл его двусмысленную роль будто бы защитника интересов рабочего, разоблачил его сущность безгласного слуги абсолютизма, заигрывающего с буржуазией. «Союз» вообще не упускал случая дискредитировать в глазах рабочего царское правительство, показать рабочему, что в борьбе за лучшее будущее он должен рассчитывать лишь на свои собственные силы. Первого мая настоящего года «Союз» издал прокламацию, выясняющую рабочим значение всемирного рабочего праздника[57]. Жадно хватается петербургский рабочий за печатное слово и нарасхват читает он листок, говорящий о том, каких успехов достигли рабочие других стран благодаря упорной борьбе, благодаря стройной организации.

Кроме листков, написанных по определенному поводу, «Союз» распространял еще массами брошюры и всякого рода издания, частью привезенные из-за границы, частью напечатанные в тайных типографиях в самой России. При этом следует, однако, заметить, что спрос на печатное слово значительно превышает предложение, что «Союз» при всем старании не был в силах удовлетворять растущей потребности рабочего в знании при тех невыносимо тягостных условиях, в которые ставили его вечные репрессии русского правительства.

Усилия петербургских социал-демократов не пропали даром: брошенные семена дали богатую жатву. В среде рабочих создалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и протеста. При таких-то условиях возникла и разрослась колоссальная (на русскую мерку) стачка почти всех петербургских бумагопрядилен, стачка, сыгравшая крупнейшую роль в истории не только петербургского, но и всего русского рабочего движения.

Как известно, русские промышленники, не без приятности приютившиеся под сенью русской протекционной системы, все без исключения «патриоты своего отечества», пользующиеся всякой оказией для выражения своих верноподданнических чувств. «Патриотами» явились они и во время недавних коронационных торжеств. Их «патриотизм», однако, быстро иссяк, когда дело дошло до реальных, хотя и незначительных жертв, когда дело коснулось до их туго набитого кошелька. Почтенные представители русской промышленности, по крайней мере, — многие из них, наотрез отказались удовлетворить требования рабочих, настаивавших на получении платы за коронационные дни, которые они «прогуляли» не по собственной вине. Такой отказ получили, между прочим, рабочие так наз. Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной из окраин Петербурга. Рабочие этой мануфактуры обратились за помощью к другим бумагопрядильням и послали к ним своих делегатов. Рабочие целого ряда бумагопряди-

лен горячо отозвались на этот призыв; было постановлено представителям разных фабрик собраться на сходку и формулировать общие требования всех бумагопрядилен. В конце мая состоялось в Екатерингофском парке собрание делегатов; присутствовало на нем человек сто — явление, совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякого, хоть немного знакомого с полицейским режимом русского государства. На этой сходке под открытым небом были выставлены общие требования всех занятых в бумагопрядильнях рабочих, они были затем формулированы в прокламации, изданной «Союзом» и распространенной в огромном количестве по всему Петербургу. Затем началась стачка.

Приводим текст этой прокламации, подписанной «Союзом» 30-го мая и озаглавленной: *«Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен?»*.

Мы хотим:

1. чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 час. утра до 8 час. вечера;
2. чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ час. вместо 13;
3. чтобы расценки везде были повышены на одну коп. и, где можно, на две коп. против нынешних;
4. чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа;
5. чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени;
6. чтобы заработок за первую половину месяца *выдавали правильно* и вовремя, а не оттягивали;
7. чтобы было сполна заплачено за коронационные дни[58].

В течение нескольких дней стачка охватила 17 бумагопрядилен, вскоре примкнуло еще 4, и, таким образом, за ничтожным исключением, все петербургские бумагопрядильни прекратили работу. В стачку вовлечено было от 30 до 40 тысяч рабочих.

Впечатление от стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданным для него явлением, задавало себе вопрос: неужели и у нас, на Руси, есть рабочий вопрос, неужели и у нас проснулся беспокойный дух пролетария, не дающий спать «гнилому Западу»? В особенное недоумение приводило петербургского обывателя необычайное спокойствие, дисциплина забастовавшей массы рабочих. Патрули казаков и усиленные патрули полицейских передвигались в рабочих кварталах среди пустынных улиц, на которых не было слышно даже обычного шума и гама. Там, где собиралась толпа и говорились речи, единичные призывы к насилию встречали отпор со стороны сознательных рабочих. Толпа была спокойна даже тогда, когда тот или другой местный полицейский чин обращался к ней с речами, выхвалявшими заслуги фабрикантов, якобы в поте лица своего трудящихся на общую пользу.

Изумленный Петербург в первый раз громко заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она у всех была на устах, даже у тех, кому впервые приходилось обращать внимание на подобного рода вопросы. А представители власти, между тем, не теряли времени: созвано было экстренное собрание фабричного присутствия, на котором обсуждался вопрос, что делать; министр финансов конфиденциально сообщил фабрикантам о готовности правительства поддержать их; градоначальник обращался к рабочим с печатными воззваниями, тон которых заметно понижался, по мере того, как стачка затягивалась, а рабочие продолжали сохранять спокойствие на зло и удивление полиции. Положение становилось угрожающим. Стачечное настроение заразительно. Ходили слухи, что рабочие Путиловского и некоторых других металлических заводов не сегодня-завтра бросят работу, — а это было равносильно увеличению числа стачечников еще на несколько десятков тысяч. На писчебумажной фабрике Варгунина было неспокойно. На Александровском чугунном заводе рабочие уже забастовали; но начальство поспешило их успокоить, пообещав выполнить их требования. На огромной резиновой мануфактуре ходили листки, вызывая волнение. Нужно было покончить со стачкой во что бы то ни стало. Тем более, что — неслыханное дело! — *из-за стачки* сам царь откладывал свой торжественный въезд в Петербург.

И вот были приняты самые радикальные средства. В иных местах градоначальник обращался лично к рабочим (как это было на фабрике Кенига) с увещаниями, обещая после рассмотреть их требования, удовлетворить, насколько это будет «возможно», только бы теперь, перед въездом царя, они перестали «бунтовать». Где не помогали меры «кротости», действовали иначе. Фабричные дворы были оцеплены солдатами, к рабочим, оставав-шимся дома, врывалась полиция и спрашивала каждого из них поодиночке, желают ли они возобновить работу или нет. Не желающие немедленно арестовывались, сажались в тюрьму, высылались. Излишне прибавлять, что фабрики были наводнены шпионами, как это, впрочем, вообще в обычае у русской полиции. Но главные удары, по мнению властей, должны были быть направлены против «Союза», против той организации, которая заявляла во время стачки о своем существовании бесчисленными прокламациями. Возобновились аресты, хватались опять «интеллигенты», почему-либо возбуждавшие подозрение полиции.

Не имея достаточно материальных средств, чтобы долго держаться под гнетом страшных репрессий, терроризовавших население, рабочие начали понемногу приниматься за работу, стачка постепенно затихла и, наконец, совсем прекратилась.

Министр финансов издал воззвание: указывая на противозаконность стачек, которые вызываются подстрекательствами «злона-

меренных людей», г. Витте говорит в лицо рабочим *наглую ложь,* что «правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих» [59]. Русские рабочие, конечно, хорошо знают, что соглашения и союзы рабочих, что нарушение контракта и стачка по русским уголовным законам преступны, но петербургский пролетариат под руководством «Союза» и задается как раз преступною целью сломить эти возмутительные, противные культуре и человеческому достоинству законы, в которых так ярко выражается *одинаковая* забота самодержавного правительства о хозяевах и рабочих.

Каков, спросят нас, результат стачки, что дала она, если вообще дала что-нибудь, петербургскому рабочему? Некоторые требования рабочих *были удовлетворены,* другие было обещано рассмотреть впоследствии. Это немного. *Но не в этом смысл и великое значение только что закончившейся стачки.* Нам важен и дорог ее поистине огромный нравственный результат. Она служила живым свидетельством того, что русский рабочий умеет дружно и стойко стоять за свои интересы, что он способен к дисциплине, к организации, вызывающей слова удивления у злейших врагов его.

Стачка была, и это главное, живым уроком самому рабочему. Постоянные столкновения с полицией чрезвычайно наглядно и чувствительно показали ему его бессилие в нынешнем русском государстве; он понял, что за спиной капитализма стоит другой враг — русское самодержавие; он понял, что ему нужно прежде всего и больше, чем кому бы то ни было, добиваться политической свободы. Фактически *политический* вопрос всплыл во время стачки на поверхности русской общественной жизни. О нем-то и говорил «Союз», обращаясь в своем воззвании к представителям русского общества и заявляя им, что все те, кто являются в русском обществе действительными, а не мнимыми врагами самодержавия, должны всеми зависящими от них средствами поддерживать начинающееся массовое движение русского пролетариата [60].

То, что происходило в Петербурге, совершалось в общих чертах, хотя и в меньших размерах, и в других центрах русской общественной и промышленной жизни.

Напечатано в брошюре «Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 году», Женева, изд. «Союза русских социал-демократов», 1896 г., стр. 3—15

Печатается по тексту брошюры

В. А. Шелгунов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х годов

В середине 80-х годов, после затишья, вызванного разгромом «Народной Воли», в Петербурге на разных заводах начинают возникать совершенно самостоятельные протестантские рабочие группы. Отдельные рабочие при обыденных встречах и в обыденных разговорах начинают задаваться вопросами о том, как бы все эти группы соединить. Время от времени некоторые рабочие устраивают то именины, то просто вечеринки и созывают более или менее близких товарищей, не столько для попойки, сколько для обмена мыслей. К началу девятидесятых годов стало выясняться, что имеются различные течения и среди интеллигенции. И когда в один и тот же кружок протестантски настроенных рабочих приходили представители, члены двух направлений, то рабочие задавали себе вопрос, почему это и те и другие как будто хотят устроить все к лучшему, а между тем у них у самих чувствуется какое-то несогласие. Для рабочих интеллигент или студент представлялся какой-то неоспоримой истиной. И когда рабочий слышал, что один начинает оспаривать то, что говорит другой, то он становился в какой-то тупик, и некоторые из начинающих рабочих просто отходили прочь, говоря: да они и сами не знают, что нужно делать. Более же определенные рабочие, конечно, не отходили прочь, но под влиянием этих споров стали задаваться вопросом, как бы сделать так, чтобы не было разногласий. С этой целью некоторые отдельные рабочие делали наивные попытки уговорить интеллигентов не спорить между собой, т. к. это вредит общему делу пробуждения рабочих. Убедившись же, что из этого ничего не выйдет, решили позвать и тех и других для того, чтобы выслушать, в чем заключается разница взглядов как одной группы интеллигенции, так и другой. С этой целью в декабре 1893 года на моей квартире был устроен диспут; со стороны народовольцев был некий Сущинский, по кличке Василий Михайлович, и с ним еще какой-то другой, ни фамилии, ни клички кото-

рого я не знал; со стороны социал-демократов были Василий Васильевич Старков и Герман Борисович Красин. Из рабочих присутствовали, кроме меня, Фишер, И. И. Кейзер (расстрелянный в нынешнем [1920] году в январе белыми) и Константин Максимович Норинский. Пред нами были изложены взгляды как народовольцев, так и социал-демократов. Разницу мы усмотрели только в том, что народовольцы хотят немедленно вести агитацию, как нам показалось, за немедленный переворот, а социал-демократы говорили, что нужно сперва вести более глубокую пропаганду. Из нас четверых тут же выяснилось, что один склонялся больше к народовольчеству, хотя нам казалось, думали, что мы только протестанты и разницы между собой никакой не чувствовали. Впоследствии, когда стали организовываться пропагандистские кружки, мы увидели, что разница есть и что уничтожить ее просто нам не удастся; тогда мы задались целью выяснить себе на более широком собрании, кого нужно допустить к работе в более широких кружках.

С этой целью в марте 1894 года мы решили устроить новый диспут, на который пригласили рабочих по возможности со всех районов Петербурга. Кроме нас четверых, т. е. Фишера, Кейзера, Норинского и меня, было еще приглашено человек 15 как рабочих, так и работниц. Со стороны народовольцев на этом собрании присутствовали: Сущинский, Зотов и Михаил Степанович Александров-Ольминский. Со стороны социал-демократов Василий Васильевич Старков, Герман Борисович Красин и, кажется, Степан Иванович Радченко. Кроме того, нами были приглашены еще помимо этих двух групп 2 интеллигента: Константин Михайлович Тахтарев и Николай Николаевич Михайлов, зубной врач (известный по «Союзу борьбы» провокатор). Со стороны народовольцев был приглашен один рабочий Василий Кузьмич Кузюткин, как впоследствии выяснилось, тоже провокатор. На этом собрании после заслушивания докладов как социал-демократов, так и народовольцев мы постановили, чтобы интеллигенты в кружках говорили только то, что считает нужным рабочая организация. На этом собрании выяснилось, что все рабочие, за исключением Кузюткина, соглашались с социал-демократами, ввиду этого мы пришли к выводу, чтобы народовольцы в кружках вели социал-демократическую пропаганду. С этой целью во всякий кружок, куда шел народоволец, должен был идти один из более передовых рабочих для того, чтобы, как мы выражались, «одергивать» интеллигента.

Некоторое время после этого собрания народовольцы в кружках читали Маркса, но это было не долго, т. к. вскоре вся народовольческая группа была арестована. Затем были арестованы также Норинский, Кейзер и Фишер. Как после оказалось, арестованы были только те, которых знал или Михайлов или Кузюткин. Эти

аресты на некоторое время приостановили работу, но т. к. среди рабочих больших арестов не было, то летом, хотя и без помощи интеллигенции, все-таки собирались время от времени кружки и не столько для пропаганды, сколько для того, чтобы узнать, что где делается. К осени 1894 года мы стали задаваться вопросом об организации представителей по возможности со всех заводов. С этой целью зимой 1894 года на квартире рабочего Ивана Яковлева было созвано собрание, на котором присутствовало человек 25. Был ли кто из интеллигенции на этом собрании, я не помню, но из той группы интеллигенции, которая впоследствии состояла в «Союзе борьбы», на этом собрании никого не было; было избрано 4 человека, эту «четверку» мы просто назвали «центром»; на обязанности каждого из этой четверки лежало заводить знакомства и связи на всех заводах его района, узнавать, что на этих заводах делается, и организовывать кружки; эта же четверка должна была собираться не меньше раза в месяц, чтобы узнавать, что делается в каждом районе и заботиться о том, чтобы на всех крупных заводах имелись представители. К весне 1895 года уже стало намечаться довольно порядочное количество кружков и явился большой спрос на интеллигенцию.

Ввиду того, что на лето, как мы говорили, революция уезжала па дачу, то для обеспечения летней работы я пошел к Степану Ивановичу Радченко просить его поговорить с кем следует о том, чтобы кто-нибудь остался на лето в Петербурге. Он ответил: вы должны обойтись без интеллигенции, не все вам ходить на помочах, надо привыкать одним работать. Это мне не понравилось отчасти потому, что я чувствовал, что у нас нет таких людей, которые могли бы заменить интеллигента, а отчасти потому, что мне казалось, что дачу во имя революции можно и отложить. Но так как интеллигенцию было нужно найти, а в Петербурге часть интеллигенции группировалась главным образом около зубного врача Михайлова, то я просил разрешения эту группу допустить к работе; от этой интеллигенции держались в стороне потому, что о Михайлове ходили слухи, как о провокаторе, и только из-за одного Михайлова их не допускали к работе. Я в это время работал за Невской заставой, рабочие этого района держались особняком, вот я и решил пригласить этих отверженных к себе, взяв все последствия на свою ответственность.

Взяв с меня слово, что я удержу Михайлова и его группу в границах Невской заставы, Степан Иванович Радченко и Василий Васильевич Старков изъявили на это свое согласие. Получив согласие, кажется, через Малишевского или через кого другого, не помню, я пригласил к себе Михайлова для переговоров. Когда Михайлов ко мне пришел, я рассказал ему о том, что про него ходят слухи, как о провокаторе, но т. к. я сам этого не знаю и есть заведомо честные люди, которые его защищают, то я вопрос

о провокации предоставил решить времени, и предупредил Михайлова, что он через меня в городскую организацию не проникнет. И если он решается идти работать, как провокатор, то здесь за Невской заставой он возьмет только меня да тех рабочих, которых спропагандирует его группа. Он выслушал все это довольно спокойно, я на его лице не заметил ни обиды, ни возмущения. После наших разговоров он пригласил меня на собрание своей группы; не помню хорошенько, где и на чьей квартире это собрание состоялось. На этом собрании я сказал то, что говорил Михайлову об этой группе, сказал, что в районе Невской заставы они будут работать под моим наблюдением. На собрании было человек 8. Был Михайлов, Богатырев, Малишевский, Чернышев и, кажется, Кишкин и Козман.

Так как я хорошо, кроме Михайлова, никого из них не знал, то решил устроить нечто вроде испытания, пригласив двоих из них, а именно Малишевского и Чернышева. Я назначил им день и место собрания кружка и на этот экзамен пригласил более влиятельных и передовых рабочих. Собрались мы в поле, за Московской заставой. На собрании присутствовали: с Путиловского завода Петр Карамышев и Борис Зиновьев, с Семянниковского завода Иван Васильевич Бабушкин, с Обуховского завода я и Василий Яковлев, один рабочий был приглашен с фабрики Максвелля и также видный за Невской заставой Никита Меркулов. На кружке говорил главным образом Чернышев, Малишевский тоже говорил, но говорил немного. Так как все собравшиеся рабочие были предупреждены об этом испытании, то по окончании речей Малишевского и Чернышева я тут же обратился к собравшимся с вопросом: могут ли быть допущены оба говорившие к занятию в кружках? Чернышев смутился, его как-то поразил этот странный вопрос. Как так, это экзамен? Я сказал: да, не удивляйтесь, вы сами хорошо должны знать, что некоторых из пропагандистов рабочие слушают с охотой, а к некоторым на кружки совсем не хотят ходить. Хотя с моими замечаниями Чернышев и согласился, но все-таки экзаменом остался недоволен. После этого собрания Малишевский занимался в кружках за Невской заставой, но занятия как-то не налаживались, чувствовалась какая-то оторванность. Осенью 1895 года, когда съезжается студенчество, ко мне за Невскую заставу снова начали ходить Василий Васильевич Старков и Александр Леонтьевич Малченко, вообще интеллигенция, группировавшаяся около Владимира Ильича. Так мы проработали до 9-го декабря, когда и были арестованы.

Напечатано в журнале «Творчество» № 7—10, 1920 г., М.

Печатается по тексту журнала

Н. Крупская

«СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

В 1894—95 году в Петрограде возникла группа социал-демократов, которая повела планомерную работу среди питерского пролетариата. Эту группу принято называть «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», что не совсем точно, так как группа приняла это название лишь после провала ее основного ядра, а именно в конце декабря 1895 года. Но это не важно, так как «Союз борьбы» стоял на той же точке зрения, что и арестованные товарищи, и продолжал начатое ими дело.

В группу входили: Ленин, Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец, Малченко, Зинаида Невзорова, Софья Невзорова, А. Якубова, Крупская, Сильвин, Цедербаум, Ляховский, Гофман, Степан Иванович Радченко, Любовь Николаевна Радченко.

Членов ее связывала полная идейная солидарность. Взгляды свои эта группа окончательно оформила в борьбе с народниками. Прежде чем она сформировалась в активную группу, члены ее прошли довольно основательную марксистскую школу. Правда, большинство читали только первый том «Капитала», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса — и то последнее читалось в рукописи, — но I том «Капитала» знали назубок. Лучше были подкованы Ленин и Мартов. В борьбе с народниками были искушены все. По рукам ходили желтенькие гектографированные тетрадки «Друзья народа», написанные Лениным и критиковавшие Михайловского, В. В., Кривенко.

С другой стороны, шло идейное отмежевание и от так называемых «легальных марксистов». На квартире Классона, на Охте, на масляницe 1895 г. состоялась первая встреча Ленина со Струве и Потресовым. Ленин говорил о необходимости революционной борьбы. «Конечно, кто хочет спасать отечество в комитетах грамотности, — пусть, мы мешать не будем!» — заключил Ленин свою речь.

Наша группа периодически собиралась. Каждый работал в определенном районе, имел свой кружок рабочих. Ленин работал за Невской заставой.

В его кружок входили: Бабушкин, Грибакин, Арсений Бодров и др. Также приходилось иметь ему дело с Шелгуновым, работавшим в то время на Обуховском заводе. Я уже года три работала в Варгунинской вечерне-воскресной Смоленской школе и через школу хорошо знала рабочую публику на близлежащих фабриках и заводах, знала, где кто имеет влияние и т. п. Большинство рабочих, посещавших кружки, ходило и в школу, заводило там новые связи и т. п. Хотя прямого разговора не было, но ученики прекрасно знали, что я принадлежу к определенной группе, и я знала, кто из них в какие кружки ходит.

В кружках велись занятия по Марксу — объяснялась прибавочная стоимость и т. п. Но после таких занятий велись беседы на злободневные темы. И это была самая оживленная часть бесед.

Рабочие рассказывали о порядках на своих фабриках и заводах, о безобразиях, которые там творились, о безмерной эксплуатации.

Помню, как раз Запорожец рассказывал о том, как хозяева эксплуатируют рабочих сапожных мастерских (он работал за Московской заставой). «За все штраф, — волновался Запорожец, — ушел на минуту — штраф, плохой товар — ползет под руками — шить нельзя, а плохо сшил — штраф, каблук на сторону посадил — штраф». — «Ну, каблуки-то на сторону сажать уж не следует!» — засмеялся Владимир Ильич.

Все увлекались вырисовывавшимися перспективами экономической борьбы рабочих с хозяевами, на этом, казалось, удастся сплотить широкие массы рабочих.

Приехавшие из Вильно Мартов и Ляховский привезли с собой брошюру «Об агитации», которая возбудила много горячих споров [61]. Решено было начать агитацию и в Питере при помощи листков. Дело было новое, как распространять листки? На Васильевском острове, например, Якубова и Невзорова нагружались листками, отправлялись к воротам фабрики и быстро, идя навстречу выходившим из фабрики работницам, всовывали им в руки листки. Иногда кто-нибудь из спропагандированных рабочих пробирался в заводскую раздевальню и там рассовывал их по карманам пальто рабочих. Правда, вначале листковая агитация была весьма скромна. Так, например, за Невской заставой решено было распространить листок у Семянникова. Листок написал Ленин, переписали его от руки печатными буквами в 4-х экземплярах, Бабушкин разбросал по заводу. 2 листка подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам — это тогда считалось большим успехом. Через школу удавалось следить за всей рабочей жизнью Невской заставы и собирать богатый материал. Через

школу же узнавали, какой листок имел успех, какой — нет. В других районах материал собирался исключительно через кружки.

Но листковой литературы было недостаточно, появился громадный спрос на брошюрочную нелегальную литературу, на журнал. Типографии своей у группы не было, делавшиеся через Ст. Ив. Радченко предложения создать таковую были настолько неопределенны, что надеяться на выпуск чего-либо в ближайшее время было трудно.

Весной за публикой началась порядочная слежка: хождение в районы не проходило бесследно. На пасхе ездили в Царское Село к Сильвину, который жил там на уроке, со специальной целью наметить наследников на случай провала и передать им все связи. Так как за мной не было слежки, то связи переданы были мне. Все было тщательно обсуждено и зашифровано. Из нашей группы только Ленин знал старые народовольческие приемы конспирации, выработанные народовольцами, и он обучил им всю группу.

На лето решено было разъехаться, чтобы замести следы, а потом перемениться районами. Идейное отмежевание от «легальных марксистов» не ограничилось одним разговором со Струве и Потресовым. Была попытка издать совместно легально сборник статей. Струве и Потресов пустили в ход свои связи — и весной сборник был готов. Ленин поместил там статью под фамилией Тулин, где пытался развить точку зрения революционного марксизма [62]. Как ни старались авторы говорить как можно осторожнее, условным языком, — цензоры оказались достаточно проницательными: сборник был сожжен, удалось спасти десятка два экземпляров. Летом Владимир Ильич ездил за границу — в Швейцарию, где впервые познакомился с группой «Освобождение труда» — с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Его брошюра «Задачи русских социал-демократов» была издана в Женеве с предисловием Аксельрода *. Возвращаясь назад, Владимир Ильич взял с собой чемодан с двойным дном — с заделанной между стенками нелегальной литературой.

Когда он вернулся в Питер, за ним началась бешеная слежка. Однако и он и вся группа продолжали работу, принимая только все необходимые предосторожности, стараясь уходить от шпиков, запутывать следы и пр.

В это время группа народовольцев (Ергины, Белевский, Прейс, Катанская и др.) устроила на Лахте свою типографию, которая стала очень энергично работать. Был выпущен ряд брошюр: «Царь-Голод», «Рабочий день» — Дикштейна и пр. Группа эта идейно близко стояла уже к социал-демократам. Незадолго до своего провала она выпустила так называемый 4-й листок, где

---

* См. настоящее изд., стр. 24—39. *Ред.*

излагала свои взгляды, почти совершенно совпадавшие со взглядами социал-демократии. Некоторые члены этой группы (Ергины, Шаповалов, Катанская) потом официально примкнули к нашей партии.

Вообще в половине 90-х годов начал довольно часто наблюдаться переход народовольцев в ряды социал-демократии. Николай Леонидович Мещеряков, бывший тогда еще народовольцем, энергично распространял заграничные издания группы «Освобождение труда». Перешли к социал-демократии Куделли, Лидия Михайловна Книпович и некоторые другие. Среди рабочих социал-демократов было немало посещавших раньше кружки народовольцев.

Наша группа через посредство Лидии Михайловны Книпович, сохранявшей еще обширные связи с народовольцами, вступила в сношения с группой Ергина.

Народовольцы печатали передаваемые им нами рукописи, а напечатанное передавали нам для распространения. В Лахтинской типографии была напечатана брошюра Ленина «О штрафах» [63], позднее там печаталась его же брошюра «О стачках», во время печатания которой и нагрянула полиция [64]. Там же мы предполагали печатать и популярный журнал «Рабочее Дело» [65]. Первый номер журнала был уже закончен. Этот журнал не стоит ни в какой организационной и идейной связи с издававшимся потом экономистами за границей журналом того же названия [66]. В нашем журнале хотя отводилось достаточное место экономической борьбе, но на первом месте были статьи, посвященные и общим историческим задачам рабочего класса и политической борьбе. 8 декабря журнал был готов к печати и на другой день должен был быть сдан в типографию. Ванеев взял к себе рукопись для окончательного просмотра. Но когда утром на другой день я зашла к Ванееву, чтобы взять рукопись, отворившая дверь горничная сказала, что Ванеев никогда тут не жил, а потом, что он уехал сегодня ночью. В течение дня мы выяснили, что арестовано из нашей группы 6 человек: Ленин, Кржижановский, Запорожец, Ванеев, Малченко, Старков. Их потом в шутку называли «декабристами».

В первый же раз, как я приехала в вечернюю школу после ареста «декабристов», меня отозвал в сторону Бабушкин и передал мне листок, написанный рабочими по поводу арестов членов группы. Этот листок обсуждался на заседании группы, имевшем место через несколько дней после ареста в квартире Степана Ивановича Радченко. Когда листок был зачитан, тов. Ляховский с недоумением воскликнул: «Но он ведь написан на чисто политическую тему!» (обычно листки писались на экономические темы, на злобу дня). Публика немного поколебалась — понятен ли будет такой листок массам, — но в виду того, что он был написан самими

рабочими, его решили все же выпустить. Он вышел, кажется, 15-го декабря * [67]. На этом же собрании по предложению Мартова группа была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», в отличие от двух других групп социал-демократов, работавших тогда в Питере: группы, во главе которой стоял Чернышев, и группы, во главе которой стоял Тахтарев. «Союз борьбы» работал не покладая рук. 4 января 1896 года были арестованы Мартов, Ляховский. Тем временем с арестованными «декабристами» удалось завязать правильные сношения. С воли, при помощи химических писем, шифрованных записок, передаваемых через родственников, мы сообщали «декабристам» о ходе работы, они писали советы, передавали еще не переданные связи. Владимир Ильич написал молоком целую брошюру: «О стачках», которая потом была проявлена, переписана и сдана в типографию. Шла оживленная химическая переписка и внутри тюрьмы.

Летом 1896 года я поехала в Киев, чтобы столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке съезда партии. Я должна была повидать Веру Кржижановскую и Тучапского. Но, заехав предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Арона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве. В начале июля я получила письмо от Якубовой, которая торопила меня вернуться в Питер, где назревала забастовка текстильщиков. Я заторопилась и приехала как раз к началу забастовки. Тут я узнала о провале Лахтинской типографии, наших складов с нелегальной литературой, об аресте Лидии Михайловны Книпович и Зинаиды Невзоровой. В момент самой острой нужды надо было печатать листки, приходилось печатать их на восковой бумаге на пишущей машинке и потом гектографировать. За время стачки написан был и издан целый ряд листков. Бастовало 30 тысяч текстильщиков. «Общество», «интеллигенция», сочувствовало этой забастовке, давало денег, прятало литературу. Это была пора весны русского рабочего движения, когда для большинства «публики» не видно было еще, к чему она приведет.

Диктатура пролетариата, низвержение власти капитала — кто же думал об этом тогда?

---

* «Экономизм» носился в воздухе: успех, который имела агитация среди рабочих на экономические темы, кружил голову. Противостоять экономизму могли лишь те, у кого была более или менее серьезная революционная подготовка, кто отчетливо представлял себе задачи развития рабочего движения. Иногда происходили на почве увлечения экономизмом довольно курьезные приключения. После провала «декабристов» стал сказываться недостаток литературных сил. Решено было для писания листков использовать также «сочувствующих». Таким сочувствующим был и Н. А. Рубакин. Он был народовольцем, много видался с рабочими и охотно согласился написать листок для рабочих фабрики Торнтона. Но написанный им листок был забракован «Союзом борьбы» за экономизм!

У себя на службе (я служила в Главном Управлении железных дорог) я устроила «явку», ко мне приходили тогда и рабочие и работницы, студенты и курсистки, инженеры, подъезжавшие на рысаках. Чиновники, на глазах которых происходили наши разговоры, недоумевали. Но и они «сочувствовали».

Приехав из Полтавы, я тотчас направилась в нашу штаб-квартиру, к Степану Ивановичу Радченко. У него концентрировались обычно все связи. Он был очень осторожен и мучил нас своими конспирациями, запрещал подходить к окнам, громко разговаривать, приходить гурьбой и т. п. Но тут в его квартире я застала необычайную картину: на окне сидел представитель Чернышевской группы, Ленгник, у стола сидел Тахтарев, несколько человек из нашей группы ходили по комнате и громко разговаривали. Стачка текстильщиков заставила все группы социал-демократов объединить свои силы. Произошло слияние этих групп. Примкнули отдельные лица: Бауэр, Леман и др. На собрании в Комитете грамотности, куда мы явились в качестве учителей, съехавшихся с мест, новая группа «Союза борьбы» насчитывала в своей среде 17 человек. Эта группа идейно была гораздо менее сплочена, в ней имелись различные оттенки, но пока что разногласия были в скрытом состоянии — надо было не терять ни минуты, писать листки, распространять их, давать лозунги... 12-го августа большинство товарищей, входивших с самого начала в группу «Союза борьбы», было арестовано, на воле остался только Степан Иванович Радченко. Связь с волей у «декабристов» ослабела.

На этом можно закончить эти беглые воспоминания о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»...

Из «декабристов» погибли Ванеев и Запорожец. Ванеев схватил в тюрьме злейшую чахотку и умер в первый же год ссылки, Запорожец сошел с ума в тюрьме и его не удалось вылечить. Он умер в 1905 г.

Из арестованных в январе заболел психически и тоже неизлечимо Гофман.

Большинство других продолжало потом работу.

Напечатано в журнале «Творчество» № 7—10, 1923 г., М.

Печатается по тексту журнала

З. Невзорова-Кржижановская

НАБРОСКИ ВОСПОМИНАНИЙ О «СОЮЗЕ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

25 лет тому назад... Утро нашей партии. И сами мы на пороге жизни...

Маленькая кучка рабочих и интеллигентов среди миллионов резко враждебных или глубоко безразличных масс...

Маленькая кучка без средств, без литературы, без оружия и — огромный могущественный государственный механизм со всеми усовершенствованными орудиями борьбы и подавления: полиция тайная и явная, войска, миллионные средства, вся пресса, университетская наука, школа и пр., и пр. ...

«Ваше дело безнадежное, вы безумцы и хотите прошибить лбом каменную стену», — говорил нам знаменитый в те времена профессор истории на прощальном студенческом вечере, когда мы, т. е. группа курсисток Высших женских курсов, доказывали ему неизбежность и необходимость бороться революционным путем за низвержение существующего строя и за осуществление социализма.

И вот 25 лет пролетело в истории народа. Каменная стена, казавшаяся несокрушимой ученому профессору, уже три года лежит в развалинах, и только отдельные уцелевшие бастионы ее то тут, то там пытаются оказывать сопротивление. А маленькая кучка «безумцев» выросла в огромную, охватывающую самые глубокие слои народа партию, сумевшую осуществить в жизни власть рабочих и крестьян и поднявшую красное знамя над всем миром.

Линия развития неукротимо стремительная и в своей стремительности — неукротимо жизненная.

Что же случилось? Что дало силу этой горстке людей начала 90-х годов, как могли осуществиться через 25 лет, в течение одной человеческой жизни самые «безумные» надежды ее, самые «дерзкие» лозунги?

Дело было просто: у нее в руках был ключ к неизвестному будущему — великая теория Маркса, прорубавшая ясную дорогу для работы, за ней стояли огромные пролетарские массы, еще неподвижные, еще пассивные, но полные глубокой и скрытой жизненной силы.

Среди них каждое слово пропагандиста-марксиста било в точку, каждое слово освещало тот или иной угол действительности, создавало волю к тому или иному действию.

Работа среди них была поистине благодарная, и я не раз удивлялась внутренне, с какой легкостью усваивалась ими теория прибавочной стоимости Маркса, как были они самой жизнью подготовлены к восприятию ее.

Все это создавало глубокую уверенность в правильности пути, в несокрушимости нашей линии, в несомненности нашей победы. Будущее было за нас, и мы то и дело получали подкрепление в виде известий об образовании все новых и новых групп в различных промышленных центрах России.

И еще было огромное историческое счастье для работы — это то, что во главе РСДРП был с самого начала В. И. Ульянов, без которого вся ее работа имела бы и иной темп и иное русло, и иной характер. С самого ее рождения вплоть до образования РКП его ум, его воля, его огромное политическое чутье проникали через всю работу, давали ей направление, ставили основные вехи на ее пути. И вся история партии есть вместе с тем история его жизни и его работы.

В самом начале 90-х годов все слои русского народа были еще придавлены реакцией 80-х годов. Царило спокойствие могилы.

Среди интеллигенции толстовство, теория малых дел, теория самоусовершенствования. Было нудно, серо, тоскливо...

Но этот период уже изживался. Креп новый класс — пролетариат, а вместе нарождались звуки новых песен, новых слов...

В Германии к этому времени сложилась уже сильная социал-демократическая партия. В Женеве группа «Освобождение труда» издавала свои первые произведения, среди студенчества, наиболее тогда чуткой части интеллигенции, забродили, зашевелились новые мысли, новые настроения.

Правда, еще была над душами власть народовольческой партии, разбитой и почти уничтоженной царизмом. Но неумолимая логика фактов и жизни делали свое. Народовольческие листки и брошюры уже не удовлетворяли, не давали опоры. Среди аморфной массы студенчества начали образовываться кружки марксистов, еще теоретизирующие, вступающие лишь в словесную борьбу с народовольческими и народническими течениями, но свежие и бодрые, быстро нащупывающие дорогу к массам.

И когда впервые в 1891/92 году появились нелегальные издания «Коммунистического манифеста» и издания группы

«Освобождение труда», это было откровением для многих из нас и определило всю дальнейшую линию поведения.

Я до сих пор помню потрясающее впечатление от «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. Точно кто-то мощный отдернул предо мной завесу, с беспощадной и суровой правдивостью вскрыл сущность пестрого переплета общественных отношений и ярким лучом пронизал тьму будущего... Ничего подобного я никогда не испытывала. Несколько дней ничего другого не могла читать, ничем заниматься. В эти дни определилась вся моя дальнейшая судьба, вся моя жизнь. Путь был намечен ясно. Надо было только решиться вступить на него и вооружиться для работы на нем...

Я жила в то время вместе с А. Якубовой. Вместе с ней я переживала эту лихорадку откровения. Мы набросились на Лассаля и Маркса. Добытый с величайшим трудом I т. «Капитала» (он был запрещенной книгой, конечно) штудировали и изучали. И каждая новая глава подводила все более и более прочный фундамент под новое миросозерцание, давала уверенность, силу, жажду претворить в действие все эти новые мысли, новый подход к жизни.

Тогда же в Питере сорганизовалась сильная качественно группа студентов-технологов марксистов, завязавшая уже сношения с рабочими разных районов и ведущая среди них пропагандистскую работу. Группа эта держалась очень конспиративно, доступ в нее был очень труден и допускались исключительно лица, хорошо проштудировавшие I том «Капитала».

В эту группу входили: С. Радченко, Г. Красин, В. Старков, Г. Кржижановский, П. Запорожец, М. Названов, А. Ванеев, А. Малченко.

Группа к студенческим, как «интеллигентским», делам относилась равнодушно. Лозунгом ее была работа среди пролетариата.

В начале 1893 г. нас, т. е. меня и Якубову, единственных в то время марксисток на Высших женских курсах, познакомили с членами этой группы. Первое знакомство произошло, кажется, с Г. Красиным. Красин, бывший одним из самых первых социал-демократов в Питере, был в это время уже выслан из Питера в связи с демонстрацией на похоронах Шелгунова. С этого времени мы вступили в постоянные сношения с этой группой, помогая ей в той или иной мере. Работа была углубленно пропагандистская. Связи с рабочими завязывались большею частью через вечерние школы. Каждому поручалась (после большого искуса) маленькая группа рабочих (3—4 чел.), с которыми усердно проходили теорию Маркса, историю революционных движений, иногда историю мироздания.

С осени 1893 г. наступил новый период в жизни русской социал-демократии. В Питере появился Владимир Ильич Ульянов, который сразу резко поставил вопрос о расширении сферы влия-

ния на массы, об изменении линии и темпа работы путем внесения в нее политического содержания и перехода от пропагандистских методов к агитационным. Зима 1893—1894 года прошла в жарких спорах об изменении тактики[68]. Некоторые старые члены кружка вышли из него, несогласные с новой линией работы[69]. Но таких были единицы. Вся же группа в целом встала на новые практические рельсы. Работа велась еще кружковая, но связи с заводами расширялись, и мы быстро переходили к агитационным методам путем издания листовок на всякие злободневные темы. Были это линючие лиловые маленькие листочки, написанные от руки печатными буквами, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому. Листочки передавались из рук в руки, обсуждались, а мы радовались, когда удавалось просунуть на завод, вопреки всяким «каменным стенам», 2—5 таких листочков.

Летом 1894 г. многие из нас окончили курс высших учебных заведений и некоторые должны были уехать из Питера с твердым намерением вернуться в Питер при первой возможности. Уехала и я в Нижний Новгород, уехал Кржижановский на работу в Нижегородское земство. В Нижнем началась к этому времени тоже горячая социал-демократическая работа. Кружки рабочих были на всех крупных заводах. Работа уже вышла из стадии пропагандистской, и я сразу вошла в ту же колею, отличающуюся от питерской только своим размером. Во главе Нижегородской группы стояли д-р А. С. Розанов, статистики П. Румянцев и Кулябко, группа рабочих с крупных заводов и типографий, — все горячая и преданная молодежь.

Мы все работали дружно, вели кружки, печатали листовки, целые брошюры, устраивали за городом собрания с рабочими. Я начала было кроме того заниматься в воскресной школе с группой рабочих, но после четырех лекций о мироздании и происхождении человека вылетела оттуда по требованию нижегородского губернатора. Дело кончилось тем, что лучшие ученики моей группы очутились у меня в нелегальном кружке, где мы изучали уже теорию Маркса и неизбежность социальной революции.

Питерские товарищи все же усиленно звали нас обратно, и в начале 1895 г. сначала Кржижановский, а затем и я вернулись в Питер.

Там линия работы шла все время вверх. Тяготили и стесняли кустарные формы ее. Не было ни литературы, ни средств печатания. Весной 1895 г. В. И. Ульянов поехал за границу и этим был произведен новый сдвиг в работе. Была установлена связь с группой «Освобождение труда», был привезен небольшой запас нелегальной литературы и мимеограф. Это было целое огромное событие. Интересно отметить, что Плеханов после свидания с

Владимиром Ильичем писал одному своему знакомому в Россию, что за все 10 лет его эмигрантской жизни первый раз приехал из России человек, так удивительно совмещающий глубокую теоретическую подготовку с активным практицизмом, и что этот человек призван сыграть крупную роль в революционном движении [70].

С осени 1895 г. впервые был поставлен вопрос о правильной организации нашей работы и об издании постоянного органа. Все мы разбились по районам, каждый взял на себя работу на определенном заводе. В центре организации стояла редакция журнала, состоящая из В. И. Ульянова, Г. Кржижановского, В. Старкова. Через некоторое время в нее был введен Ю. Цедербаум (Мартов), незадолго до этого приехавший из Вильны.

Ульянов, Кржижановский и Крупская работали за Невской заставой, Старков и Запорожец — за Нарвской. Якубова, я, Сильвин, Ванеев — на Васильевском Острове. Распределение остальных не помню. Кроме района, я с Якубовой работали в вечерней школе на Шлиссельбургском тракте, также служившей нам вечным источником все новых и новых связей с рабочими разных заводов. Там же и уже давно работала Надежда Константиновна Крупская, которая пользовалась большой популярностью среди учеников и служила связующим живым центром между ними и нелегальной организацией.

Мне в школе, как это ни курьезно, пришлось заниматься «нелегально». Я не была утверждена инспектором народных училищ и группа моя числилась официально за одной из «законных» учительниц. Я читала о государственном и экономическом строе европейских государств и об истории рабочего движения, а на столе во время урока лежал на случай прихода инспектора архизаконный учебник географии. Я попробовала было легализировать свое положение и отправилась к директору департамента полиции с жалобой на инспектора народных училищ. Там я была встречена очень сурово. Директор департамента Сабуров очень злобно и резко заявил мне, что он удивляется дерзости моих претензий, что около меня имеется уже «ореол фактов», что у меня очень плохой круг знакомых и что он никогда не допустит моей близости к рабочим. Мне оставалось только пожать плечами, сделать удивленные глаза, удалиться вспять и... продолжать нелегально заниматься в школе.

Надо сказать, что слежка за нами к этому времени очень усилилась. Было решено отменить всякие дружеские хождения друг к другу, частные собрания и пр. Все работники районов должны были собираться только раз в неделю с отчетом о своей работе. Все мы чувствовали, что вступаем в новый фазис работы, более суровой, напряженной и дисциплинированной. Был уже готов к печати № 1-ый «Рабочего Дела». Надежды на укрепление и расширение работы все возрастали. Уверенность в успехе была огромная.

Но ... наступил скверный день 9 декабря... Тотчас после службы я зашла к Запорожцу. Меня встретила хозяйка с испуганными глазами и шепнула, что ночью его увезли. Дело было плохо. Я знала, что одним арестом дело кончиться не может. Действительно, у себя на квартире я нашла всю нашу уцелевшую Василеостровскую группу, взволнованную, потрясенную. Мне сообщили об аресте наших товарищей. Были арестованы Ульянов, Старков, Кржижановский, Запорожец, Малченко, Ванеев и лучшие товарищи из рабочих. Это был первый удар и удар сильный и меткий... Мы его перенесли особенно тяжело... И самое скверное было то, что влетела вся редакция.

Но терять времени было некогда. В ближайшие дни были собраны уцелевшие члены — Степан Иванович и Любовь Радченко, Крупская, Цедербаум, я, Якубова, Сильвин. Решено было немедленно пополнить состав. Были введены: д-р Гурвич (Дан), Гофман, д-р Ляховский, студ. Шестопалов, Стратанович, позднее Елизавета Федорова и Инна Смидович. Кроме этой группы была большая периферия: Борис Гольдман, тогда студент I курса Моисей Лурье, студент Рябинин, Софья Невзорова и др.

Был немедленно издан листок о продолжении работы, и группа решила оформить свое бытие, объявив себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

4 января были арестованы Мартов и Ляховский. Работа после ареста самых ответственных товарищей стала вдвое труднее. Но за нас было будущее. Газету поставить не удавалось. Но количество выпускаемых листков все увеличивалось и 1 мая 1896 года нам *впервые* удалось отпечатать в достаточном количестве и распространить *по всем заводам без исключения* первомайский листок. Торжество наше было не малое. К этому времени у нас уже на каждом заводе была более или менее прочная связь и нам удавалось распространять довольно большое по тому времени количество литературы, печатаемой в нелегальной народовольческой типографии по особому с ней уговору. Наши товарищи в тюрьме были в курсе всех наших дел. С ними удалось наладить правильные сношения, между прочим и чрез особо сформированный штат «невест». Владимир Ильич помимо всяких советов ухитрился написать и переслать на волю для печати целую брошюру «О стачках».

Вскоре начались знаменитые стачки 1896 года. Это были первые движения просыпающегося великана. Впервые Питер переживал массовое рабочее движение. Все силы явной и тайной полиции были поставлены на ноги. Мы работали как в лихорадке. Листки выпускались за листками и жадно, как никогда, расхватывались рабочими. Кое-где удавалось провести летучие беседы среди толпы бастующих. Потребовалось сплочение всех социал-демократических групп, работавших вразбивку. Прежде всего

присоединились «молодые», — Ленгник, Богатырев и др. Волна работы захватила и сплотила на это время всех нас.

17 июня я и Шестопалов были арестованы в связи с провалом Лахтинской народовольческой типографии, с которой, как я уже говорила, мы были в деловых отношениях по части наших изданий.

В июле и августе произошли новые аресты среди «Союза борьбы». Были арестованы Крупская, Дан, Гофман, Сильвин, Ленгник, С. Невзорова, Смидович, Федорова, Радченко и др.

Но мы были уже неистребимы. На место арестованных товарищей становились немедленно новые и новые члены «Союза борьбы», и работа шла, невзирая ни на что, вперед, постепенно расширяясь и углубляясь. Можно было выхватывать отдельных интеллигентов, отдельных рабочих. Но задержать и задушить движение, начавшееся среди глубоких рабочих масс, было уже невозможно, и 1—3 марта 1898 г. товарищам удалось собрать I Всероссийский съезд социал-демократических организаций и положить начало Российской соц.-дем. раб. партии. А через 20 лет 8/III 1918 г. на VII съезде РСДРП (фракция большевиков) по докладу В. И. Ульянова было положено основание Российской коммунистической рабочей партии[71].

Напечатано в журнале «Творчество» № 7—10, 1920 г., М.

Печатается по тексту журнала

О МОСКОВСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ»

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА» [72]

1. НАЧАЛО МОСКОВСКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Социал-демократическое движение среди московских рабочих началось сравнительно недавно. Только в 1894 году объединяются действовавшие до тех пор разрозненно интеллигентские кружки, и в то же время группа наиболее сознательных и энергичных рабочих образует центр нового движения.

Зимой 1894—95 гг. пропаганда принимает более широкие размеры, затрагивая все новые заводы и фабрики. В то же время начинаются первые жертвы: в декабре арестован некто Мицкевич; за этой первой жертвой вскоре последовали и другие.

Между тем движение настолько расширилось, что явилась возможность *отпраздновать Первое мая.* В этот день впервые собрались московские рабочие в числе 200 человек, чтобы участием во всемирном рабочем празднике пролетариата выразить свою солидарность с рабочими всех стран и принадлежность к социал-демократическому движению [73]. В речах, сказанных на этой сходке *, выражалась надежда, что русские рабочие, выступившие позже других на борьбу с капиталом, воспользуются примером своих заграничных собратий, преодолеют все препятствия на своем пути и скоро займут надлежащее место во всемирной армии пролетариата. Здесь уже впервые для Москвы открыто была высказана мысль о необходимости организации и боевой рабочей кассы. Собрание произвело такое впечатление на присутствующих, что единогласно было решено ежегодно устраивать собрания в день Первого мая **.

Вскоре после этой сходки состоялось собрание представителей отдельных заводов и фабрик. На этом собрании был выработан устав общей московской рабочей кассы, и для окончательного принятия его было решено созвать в средине июня большую

* Многие речи говорились рабочими.

** К сожалению, обстоятельства не позволили своевременно опубликовать отчет об этом собрании.

сходку, человек в 500. Но уже близился конец этого первого блестящего периода московского рабочего движения: 9 июня, почти накануне сходки, было произведено много арестов среди интеллигенции.

Этот погром, конечно, повлиял на успех движения; сходка не состоялась; уцелевший рабочий центр, лишившись почти всех связей и интеллигенции и не имея литературы, должен был сократить свою деятельность. Этим мы, конечно, не хотим сказать, что московское рабочее движение — движение еще очень молодое — можно остановить какими бы то ни было погромами; напротив, со времени маевки 1895 года оно приняло настолько широкий характер, что ни многочисленные аресты, ни преследования сознательных рабочих со стороны фабричной администрации, одним словом, ничто уже не может его заглушить.

Почти одновременно с погромом происходили стачки ткачей на Прохоровской фабрике и бумагопрядильщиков на Мазуринской мануфактуре, а несколько позже стачка развесчиков в чайных складах К. и С. Поповых (об этих стачках см. №№ 1—2 сборника «Работник»). Несмотря на свое затруднительное положение, рабочий центр сравнительно скоро оправился, и с половины июля начал целый ряд сходок, как вдруг в половине августа последовал новый погром, коснувшийся на этот раз исключительно рабочих. Сношения между отдельными фабриками и заводами порвались, и на время движение затихло.

2. ПРОПАГАНДА ЗИМОЙ 1895—96 ГОДОВ

Затишье, наступившее после августовского погрома, продолжалось недолго. Уже в октябре того же года возникает новый интеллигентский кружок, который старается восстановить дело своих предшественников. Первое время деятельность его была сильно ограничена: особенно сильно сказывался недостаток в нелегальной литературе.

Но мало-помалу кружку удалось улучшить положение дел; завелись новые знакомства, было разыскано много спропагандированных раньше рабочих, и с их помощью восстановлены старые связи. К рождеству удалось получить достаточное количество изданий народовольческой типографии и заграничных, и, кроме того, выпустить ряд собственных гектографированных изданий по поводу разных текущих событий и назревших вопросов *. Это дало возможность упорядочить дело снабжения рабочих литературой и в то же время облегчило сильно расширявшуюся пропа-

* Описание пяти стачек: «Почему хозяева сокращают рабочий день»; «Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске»; «По поводу еврейской стачки в Вильне»; «Для чего рабочим нужна касса и как ее устраивать» и некоторые другие.

ганду. Несомненно, что ограничивать все рабочее движение одной пропагандой кружок не имел ни малейшего намерения. Он прекрасно сознавал, что лишь активная борьба за лучшую жизнь может дать реальную основу движению, что лишь она может привлечь к нему массы, развивая в них классовое самосознание, приучая их дружно отстаивать свои интересы. Если, несмотря на это, кружок в начале своей деятельности выдвигал на первый план пропаганду, то обусловливается это тем, что 1) имея мало связей с рабочими, он только ею и мог заниматься и 2) после августовского погрома чувствовался такой недостаток в опытных и энергичных руководителях из среды самих рабочих, что вопрос о пропаганде поневоле приобретал чрезвычайную важность. Вот почему кружок старался создать среди рабочих каждого завода или фабрики группу, с которой вели правильные занятия. Целый ряд неблагоприятных обстоятельств, как-то: недостаток интеллигенции, масса желающих заниматься рабочих, при крайней ограниченности удобных для этого квартир, затруднял ведение правильной пропаганды. Почти на всех заводах состав участвующих в занятиях рабочих постоянно менялся, так что поневоле занятия начали принимать скорее агитационный характер: на них старались быстро создать активного участника в движении, хотя бы это и шло в ущерб его основательности.

Январь и февраль 1896 года сильно подвинули дело возникавшей организации. Уже в конце февраля явилась возможность послать адрес французским рабочим по поводу 25-летия Парижской Коммуны от имени 605 рабочих 28 крупных заведений [74]; посылка его возбудила сильные толки среди сознательных рабочих *. Наконец, в марте руководителями движения была сделана попытка приступить к устройству организации и боевой кассы. С этой целью решено было созвать собрание представителей отдельных заводов и фабрик. Недостаток подходящего помещения заставил собрать порознь представителей заводских и фабричных рабочих. На этих собраниях выяснялись результаты зимней работы и имеющиеся в настоящее время связи, а главным образом, обсуждался план устройства организации. План этот, в общих чертах, представлялся в следующем: организация состоит из *собрания представителей* по одному от каждого заведения и из *Центрального Комитета*. В состав Центрального Комитета входят несколько интеллигентов и человек 6—7 наиболее сознательных, развитых и энергичных рабочих, приблизительно по одному от каждого района, на которые, для быстроты сношений, разделяется Москва. Центральный Комитет руководит всем московским движением, распоряжается средствами организации, доставляет

* О Коммуне кружком была выпущена особая брошюра и листок, объяснявший цели посылки приветствия.

и печатает нелегальную литературу и ведет сношения как с другими городами, так и с заграницей. Собрания его происходят правильно от одного до двух раз в месяц.

Представительское собрание состоит при Центральном Комитете в качестве совещательного органа и своевременно доставляет центру известия о всем, что делается в их мастерских. Таким образом, является возможность для непрерывной и широкой агитации.

Организация имеет свою кассу и библиотеку.

Вопрос о кассе вызвал сильные споры среди присутствовавших; споры эти шли, главным образом, не о задачах кассы, которые все понимали одинаково, а о способах ее устройства. На собрании заводских представителей возник вопрос: ставить ли сразу общую центральную кассу или дойти до нее путем организации и объединения местных касс. Большинство стояло вначале за второй план, но в конце концов было решено все-таки приступить сразу к устройству общей кассы, отложив, однако, его ввиду коронационного периода до лета; пока же, где можно, ставить частные кассы по общему плану, чтобы летом не представилось затруднений их объединять. Собрание же фабричных представителей единогласно высказалось за немедленное устройство общей кассы хотя бы с необязательными на первое время взносами. Средства общей кассы образуются из вступительного рублевого взноса и ежемесячных взносов в размере двух копеек с заработанного рубля. Лица, ежемесячная выработка которых не достигает 15 руб., от вступительного взноса освобождаются. Сюда же идут пожертвования сочувствующей интеллигенции. Касса должна быть почти исключительно боевою (т. е. поддерживать стачки, раз они начаты с согласия организации) и оказывать помощь пострадавшим за рабочее дело и их семьям. Кроме того, часть денег уделяется на литературу. Выдача ссуд и пособий допускается в крайних случаях*. Этим собранием заканчивалась подготовительная работа по устройству организации. Дальнейшие шаги в этом направлении были бы затруднительны, так как приближалась пасха, а вместе с тем и коронационный период. В это же время случилось событие, давшее возможность впервые за этот год приступить к агитационной работе. Этим событием была стачка на машиностроительном заводе Карла Вейхельта.

Волнения начались по следующему поводу. Недели за три до пасхи на Новом заводе ** было объявлено о понижении расценок

---

* Этот проект в общих чертах совпадает с уставом, выработанным впоследствии на сходке представителей.

** Завод Вейхельта состоит из Старого завода, где работает человек 300, и Нового, где работает человек 100.

и отмене платы за брак *. Рабочие, уже давно недовольные целым рядом крупных и мелких злоупотреблений, окончательно потеряли терпение и решили забастовать. В тот же день они обратились к интеллигенции с просьбой выпустить им листок, в котором были выставлены следующие требования:

1) Чтобы снова была введена и утверждена фабричными инспекторами плата за брак;

2) Чтобы при сдельной расценке был введен и поденный оклад, как на других заводах;

3) Срок найма должен быть неопределенный (двухнедельный), а не двухмесячный, как теперь.

Кроме этих главных требований были еще другие, более мелкие.

Чтобы не обращать внимания полиции, решено было не пускать на завод печатных воззваний, а ограничиться рукописными, которые на другой день и были расклеены по мастерским. Несмотря на срочные заказы, хозяин отказался удовлетворить рабочих и грозил им увольнением; те ответили на это требованием паспортов и расчета, что и было исполнено. В то же время Старый завод, которого хотя и не касались хозяйские нововведения, но который отлично понимал, что рано или поздно они отразятся и на нем, сделал попытку подняться в свою очередь. Но тут К. Вейхельт поспешил пойти на уступки: он ввел поденную плату и срок найма с двухмесячного понизил до двухнедельного, т. е. удовлетворил все главные требования **.

В одно время с этой забастовкой начались сильные волнения на шерстяной фабрике Филиппова. Здесь неудовольствие рабочих было вызвано слишком низкой и неутвержденной инспектором расценкой, задержками в выдаче основ и чередами. Вначале рабочие думали держаться на законной почве; они несколько раз посылали своих ходоков к инспектору, к полицмейстеру и даже к генерал-губернатору с просьбой разобрать это дело. Инспектор два раза был в хозяйской конторе, но к рабочим не выходил. Когда же рабочие спохватились и заметили, что их надувают, то начинать стачку было уже поздно: наступила страстная неделя, и народ стал разъезжаться по деревням.

Этими двумя событиями закончился зимний период. Все условия, казалось, благоприятствовали возникшей организации. После августовского погрома список жертв более не пополнялся. Два-три чисто случайных ареста среди рабочих — вот все жертвы, которые

* Отмена платы за брак тем сильнее раздражила рабочих, что на этом заводе не существует, как на большинстве других, при сдельной расценке, поденной платы.

** Эти уступки являются тем более важными, что еще два года тому назад рабочие устроили забастовку и требовали того же, но тогда дело окончилось не в их пользу.

московское рабочее движение понесло за все это время. Правда, в марте начались преследования рабочих со стороны самих хозяев; но это были единичные случаи, не имевшие никаких серьезных последствий ни для движения, ни для самих пострадавших. Так, после Вейхельтовской стачки было рассчитано несколько человек с этого завода. Найдена была нелегальная литература при обыске на заводе Лемана; случайно попались несколько книжек на Гопперском заводе и на Прохоровской мануфактуре. На этой последней хозяин устроил «правильное» следствие: все ткачи поочередно вызывались в контору, где сам г. Прохоров, в присутствии директора и мастеров, делал им «правильный» допрос, стараясь узнать что-либо по поводу найденной литературы. Хотя из рабочих никто не проболтался, тем не менее человек до 50, бывших на замечании, были рассчитаны. С приближением коронации между рабочими начались обыски, правда, не давшие никаких результатов, несколько человек было вызвано на допрос в жандармское отделение; наконец, в начале мая человек 30—40 рабочих было выслано из Москвы до 1 июня. Та же участь постигла и большинство интеллигенции; другие предпочли удалиться сами и провести май месяц в провинции. На время коронации всякая работа в Москве прекратилась.

3. ИЮНЬСКИЙ АГИТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С наступлением июня московское рабочее движение вступает в новый период. Подобно тому, как зимой велась исключительно пропаганда, так летом наступило время агитации в самых широких размерах. Кружковые занятия заменились сходками, легальная и нелегальная литература — воззваниями и прокламациями. Зимой народ подготовлялся к организации «Союза» и боевой кассы, летом приступил к их устройству. Этот период открылся сходкой 2 июня. Несмотря на постановление, сделанное еще в мае месяце 1895 года, отпраздновать маевку не удалось: приближение коронации поставило Москву в исключительно неблагоприятные условия. Сходка 2 июня, созванная самими рабочими, была немноголюдна: число присутствовавших не превышало 60 человек, и только 10 из 40 затронутых пропагандой заведений имели на ней своих представителей. Тут был окончательно решен вопрос о кассе, отложенный, как мы видели выше, мартовскими собраниями до лета [75]. Устав ее, выработанный на тех же собраниях, был принят почти без изменения. Сходка подтвердила, что касса должна быть боевая, общая, центральная, но никак не частная, заводская или фабричная. Кроме того, на сходке говорилось еще о предстоящем международном рабочем съезде и обсуждался вопрос о посылке на него представителя от московских рабочих [76]. Вскоре после этой сходки произошло первое собрание лиц, наме-

ченных в марте месяце в члены Центрального Комитета. Это собрание сейчас же обнаружило некоторые слабые стороны выработанного раньше плана организации. Так как в члены центра входили наиболее выдающиеся рабочие, т. е. наиболее энергичные и деятельные, то весьма понятно, что они были на дурном счету у хозяев, а потому редко уживались на одном месте. Но в таком случае, очевидно, они не могли быть представителями известных районов, потому что часто случалось, что член центра, работавший в одном конце Москвы, через неделю оказывался в совершенно противоположном. Пришлось бы, следовательно, заменять его другим, а это было прямо невозможно, так как на членов Комитета возлагаются очень серьезные обязанности, с которыми они должны были основательно ознакомиться, чтобы деятельность их была плодотворной, подобные же частые замещения одних лиц другими не позволяли бы этого достигнуть. Вторая причина заключалась в том, что не всегда было удобно вводить новых лиц в такой орган, который стоял во главе всего движения и у которого, следовательно, была масса обязанностей и сведений, не подлежащих оглашению. Наконец, очень часто могло не найтись подходящего человека для замены выбывающего. Поэтому на первом же собрании было решено, что рабочие члены Центрального Комитета должны быть не представители известных районов, а просто наиболее энергичные и самостоятельные из московских рабочих.

На этом же собрании было решено созвать новую сходку, так как на первой присутствовало слишком мало народа. Она состоялась 9-го июня. На этот раз сошлось до полутораста человек с 20 различных заведений. Собравшимся было повторено все сказанное на предыдущей сходке и сообщен предлагаемый устав кассы. Этот устав не вызвал никакого возражения со стороны вновь присутствовавших, кроме рабочих одного завода. Последние еще зимой завели у себя частную кассу с однопроцентными взносами. Эта касса устроилась по почину модельщиков, которые зимою же пытались с ее помощью объединить всех модельщиков других заводов, т. е. стремились к профессиональной организации, но попытка эта не удалась. Теперь они соглашались присоединиться к общей кассе только на следующих условиях: деньги должны вноситься в размере 1% с заработанного рубля; не весь сбор поступает в пользу центральной кассы, а дробится на 5 частей, которые распределяются следующим образом: $^2/_5$ поступают в общую кассу, $^1/_5$ идет на образование местной заводской легальной и нелегальной библиотеки, а остальные $^2/_5$ остаются в местной кассе и употребляются на местные нужды, преимущественно на взаимопомощь *. Понятно, что теперь, когда остальные московские

* Такую постановку кассы модельщики отстаивали, главным образом, по след. причине: общая касса поддерживает лишь такую забастовку, за которую выскажется Центральный Комитет. Но ведь возможны разногла-

фабрики и заводы приняли уже устав центральной кассы без частных отделений, подобное предложение вызвало сильное неудовольствие со стороны рабочих других заведений. На них посыпалось много обвинений в желании повредить общему делу, в недостаточной сознательности, в узкости взглядов и стремлений. Многие прямо требовали прекращения с ними всяких разговоров и даже сношений. К счастью, более дальновидные и сознательные рабочие, отлично понимавшие, как опасны такие разногласия при самом начале, а также интеллигенция, решили: предложение представителей модельщиков отвергнуть, как совсем несоответствующее целям кассы и желаниям большинства, но в то же время предложить им устроить свое частное собрание и там уже обсудить этот вопрос. На следующей неделе сами рабочие устроили в разных концах Москвы целый ряд частных собраний. На этих собраниях они выбирали местных кассиров, определяли число участников кассы и способы собирания денег. С половины июня в центральную кассу начали поступать первые взносы, а в средине июля рассчитывали собрать вступительные рубли уже со всех участников кассы. В двадцатых числах того же месяца предполагалось устроить сходку человек в 800. На этой сходке Центральный Комитет думал дать отчет о кассе за первый месяц ее существования и указать на успехи рабочего движения в Москве за зимний и летний период.

В 20-х числах июня пришлось снова устроить сходку, главным образом, для фабричных и вновь присоединившихся, так как на первых двух собраниях были почти исключительно одни заводские рабочие. Она состоялась 23 числа, и собралось на нее до полутораста человек. Несмотря на то, что тут присутствовало много нового народа, предложенный устав кассы не вызвал никаких возражений. В это же время была сделана попытка наметить представителей отдельных заводов и фабрик, первое собрание которых предполагалось сделать в конце того же июня. Таким образом было положено начало московской рабочей организации; оставалось только дать ей несколько окрепнуть, чтобы затем приступить к самой широкой деятельности среди рабочей массы. Но петербургская стачка несколько видоизменила этот план, побудив Центральный Комитет приступить к агитации ранее, чем это предполагалось.

сия между ним и каждым отдельным заводом в вопросе о том, имеет ли смысл данная забастовка, и эти несколько рабочих считали, что отдавать весь взнос в общую кассу равносильно тому, чтобы стать в полную зависимость от нее. Они считали, поэтому, нужным иметь свою кассу, которая шла бы на удовлетворение тех нужд, которые почему-либо не найдет возможным удовлетворить общая касса. Кроме того, рабочие этого завода уже устроили у себя кассу по такому плану, и они боялись, что изменение плана может поселить раздоры и заставить многих ее теперешних участников отказаться от нее.

Слухи о стачке ходили среди московских рабочих еще в первых числах июня, но отсутствие правильных сношений с Петербургом, прерванных высылкой работавшей интеллигенции, не давало возможности проверить их. Когда же, наконец, 11-го числа были получены более точные сведения о положении дел в Петербурге, то Центральный Комитет решил начать широкую агитацию на почве этих сообщений. Несмотря на полнейшее отсутствие каких бы то ни было приспособлений для печатания, несмотря на недостаток интеллигенции, ему удалось к 15 июня приготовить до 600 с лишком воззваний; в них Московский «Рабочий союз» извещал московских рабочих о петербургских забастовках и о выставленных петербургскими товарищами требованиях[77]; тут же указывалось на необходимость поддержать их каким бы то ни было способом. Того же числа состоялось собрание Центрального Комитета, которое постановило в субботу 15-го выпустить эти воззвания одновременно ко всем московским фабрикам и заводам, в воскресенье 16-го собрать сходку, чтобы выяснить произведенное воззваниями впечатление и обсудить, чем мы можем помочь петербургским рабочим.

Вся суббота 15-го числа прошла в беготне по рабочим кварталам, а 16 состоялась предполагавшаяся сходка. На ней присутствовало до 300 с лишним человек, кроме того, человек 200 заблудилось и не дошло до назначенного места. На этой сходке, под развернутым впервые у нас после демонстрации у Казанского собора[78] красным знаменем, было торжественно объявлено об основании Московского «Рабочего союза». Потом были прочитаны петербургские прокламации и поднят вопрос, чем может Москва поддержать забастовщиков. Мнения разделились. Одни, более осторожные, предлагали денежную помощь, так как на большую забастовку, по их словам, рассчитывать теперь очень трудно. Другие же, возражая им, указывали, что для поддержки петербуржцев нужно не менее 3000 руб. ежедневно и что, следовательно, та денежная помощь, которую может в данном случае дать Москва, будет каплей в море. «Уж если оказывать поддержку, — настаивали они, — так только забастовкой: поводов для нее найдется всегда достаточно. Стоит только сознательному народу начать в пользу нее усиленную агитацию, и всегда есть надежда обострить существующее уже недовольство». Последнее мнение одержало верх, и сходка постановила: выпускать общие, а главное, частные воззвания на почве местных требований и начать в то же время в пользу забастовки устную агитацию.

Следующая неделя была целиком посвящена выполнению этого решения. Центральный Комитет снова выпустил общее воззвание, в котором доказывал необходимость поддержать петербургских товарищей именно забастовкой[79]. Он указывал на весьма

благоприятное для нее время * и на те требования, которые можно бы было выставить. Затем на этой же неделе были выпущены два частных воззвания: к рабочим шерстяной фабрики Михайлова по поводу бывшего там истязания мальчика, и к рабочим Измайловской мануфактуры.

Небывалое до тех пор в Москве количество прокламаций сильно взволновало московских фабрикантов и заводчиков и вызвало с их стороны преследование рабочих. Так, было рассчитано несколько человек с Измайловской мануфактуры и с завода Вейхельта, были увольнения на заводах Фосса и Грачева.

Между тем, агитационная работа продолжалась и стала давать уже результаты. Так, на вышеупомянутой сходке 23 июня рабочие Измайловской мануфактуры заявили о своем намерении начать на следующей же неделе забастовку, а рабочие Прохоровской фабрики обещали их поддерживать. На той же сходке были произведены опросы о злоупотреблениях, существующих на различных фабриках и заводах. Собранные сведения должны были послужить материалом для частных воззваний.

В конце 20-х чисел июня были выпущены: прокламация к рабочим мастерских Смоленской ж. д. и листок по поводу обращения министра финансов к петербургским забастовщикам. В то же время Центральный Комитет с понятным нетерпением ожидал известий с Измайловской мануфактуры **. Наконец, в форме неясных слухов дошли первые сведения, говорилось что-то об арестах и обысках. Через несколько дней слухи эти подтвердились: почти накануне стачки было арестовано несколько человек; аресты так повлияли на остальных, что стачка не состоялась; это тем более понятно, что в Москве на фабриках движение никогда не было глубоко. Впрочем, эти аресты не повлияли, да и не могли повлиять на общий ход дел. Агитационная работа продолжалась своим порядком, и почти ежедневно в разных концах Москвы происходили частные сходки.

Наконец, 2 или 3 июля забастовали мастерские Курской ж. д., требуя уплаты за коронационные дни и отмены некоторых злоупотреблений ***; на другой же день к ним присоединились мастерские Смоленской ж. д., выставляя те же требования.

* т. е. на панику, вызванную среди хозяев и правительства петербургской забастовкой, на возможность выставить для Москвы общие требования, как, напр., уплату за коронационные дни, и на то обстоятельство, что совместное действие Москвы и Петербурга окажет сильнейшее влияние на эксплуататоров и тем самым облегчит борьбу забастовщиков того и другого города.

** Измайловская мануфактура, или фабрика Гилля, находится в нескольких верстах от Москвы в селе Измайлове; это, конечно, особенно при недостатке интеллигенции, сильно затрудняет своевременную доставку сведений.

*** См. выпущенное «Рабочим союзом» описание курской стачки.

Начальство не решилось затягивать дела, а потому рабочие как в том, так и в другом месте были удовлетворены. Не успели затихнуть эти вспышки, как поднялась шелковая фабрика Грессера и чугунолитейный завод Перинуда, требуя повышения расценок и уплаты за коронационные дни. Сильно заволновался народ в мастерских Рязанской и Ярославской ж. д., на заводе Нового Бромлея и Гужона. Еще несколько дней, и в Москве разразилась бы всеобщая забастовка, но 6 июля были произведены большие аресты.

После июльского погрома дела Московского «Рабочего союза» несколько пошатнулись; это тем более понятно, что московское движение еще впервые понесло такие многочисленные утраты. Те интеллигенты, которые уцелели от погрома, принуждены были направить всю свою деятельность на оказание помощи пострадавшим и их семьям, а также на восстановление порвавшихся кое-где связей. На эту работу ушел весь июль месяц.

Теперь мы постараемся дать общий очерк результатов, достигнутых за этот короткий летний период.

Под отправленным в марте месяце приветствием французским рабочим подписалось 28 крупных заведений, в конце же июня их насчитывалось до 55. Не надо при этом забывать, что по случаю коронации всякая работа была прервана почти на два месяца. В июне Центральным Комитетом «Союза» был отправлен мандат на имя В. И. Засулич для представительства на лондонском рабочем съезде. Этот мандат был послан от имени тысячи членов «Союза», на самом же деле число их простиралось до 2000. К результатам широко развившегося движения мы относим также сильно увеличившийся спрос на легальную и нелегальную литературу *. За зимний период с октября по апрель, т. е. за шесть месяцев, было распущено до двух тысяч экз. нелегальной литературы и до пяти тысяч легальной. В июне же месяце, по расчету Центрального Комитета, за одну только неделю должно было бы разойтись не менее 1000 экз. одних только нелегальных книжек.

Кроме того, на развитие движения сильно повлияли описанные выше сходки. На них рабочие с разных концов Москвы перезнакомились друг с другом, и благодаря этим знакомствам завелись более прочные связи между сознательным народом отдельных заведений. Сходки приучили рабочих различных отраслей промышленности сообща обсуждать свои интересы и таким образом развили и укрепили в них чувство солидарности и усилили способность к сопротивлению. Мы увидим далее, как благодаря этому московское движение приняло массовый характер.

---

* Кстати заметим, что этой последней в Москве за весь июньский период было не более 200 экз.

4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗА» ЗА ОСЕНЬ 1896 ГОДА

С начала августа Московский «Рабочий союз», оправившись от нанесенных ему поражений, снова начал усиленную работу. В прокламации от 8-го числа он извещал московских рабочих о том, что, несмотря на июльские аресты, «Союз» будет продолжать свою деятельность; он приглашал участников кассы по-прежнему делать в нее взносы и тут же старался выяснить роль русского правительства.

Так как среди рабочих чувствовался большой недостаток в энергичных и знающих агитаторах, то Центральный Комитет обратил особое внимание на пропаганду. Были устроены в разных местах кружки для занятий и приняты меры к усиленному распространению легальной и нелегальной литературы. Параллельно с этой организованной работой шло и развивалось чисто массовое движение; само собою разумеется, что «Союз» принимал в нем более или менее деятельное участие. Так, когда в августе рабочие курских мастерских снова поднялись и потребовали от начальства исполнения данного в июле обещания, «Союз» выпустил к ним воззвание. Эти волнения продолжались почти целый месяц; в конце концов некоторые требования рабочих были удовлетворены, но управление дороги воспользовалось бывшим в октябре сокращением штата и разочло до 300 чел. В это число, конечно, попали наиболее энергичные и способные к сопротивлению люди.

В начале сентября произошло столкновение на машиностроительном заводе Нового Бромлея. Здесь хозяин оттягивал получки и допускал, по соглашению с фабричным инспектором, как потом выяснилось, некоторые злоупотребления в расценках. Во время этой забастовки начальство, находившееся еще под влиянием петербургской стачки и московских волнений, стало на сторону рабочих. По приказу обер-полицмейстера, к которому рабочие обратились с жалобой, хозяин принужден был немедленно выдать получку и уничтожить бывшие злоупотребления. Теперь отметим здесь все усиливающееся в Москве стремление заводских рабочих сократить продолжительность рабочего дня. Еще в июле было уменьшено на целый час рабочее время в арматурном и механическом заводе Ганенталя; то же самое было сделано в сентябре на железоделательном заводе Гужона. В ноябре и декабре произошел целый ряд стачек на почве того же требования. В начале сентября забастовали литейщики в мастерских Рязанской железной дороги, требуя повышения расценок, увольнения мастера и отмены сверхурочной и прибавочной работы. Правление дороги вначале наотрез отказалось удовлетворить рабочих и пригрозило им увольнением; но тогда заволновались остальные цехи, обещая поддержать своих товарищей, и начальство, испуганное призраком общей забастовки, обещало удовлетворить литейщиков.

Наблюдалось сильное движение в пользу уничтожения сверхурочной и праздничной работы и в мастерских Ярославской ж. д. Одновременно со стачкой рязанских литейщиков произошло крупное столкновение, грозившее перейти в забастовку, в Смоленских мастерских. Здесь управление дороги отказалось выдать в срок получку. Рабочие заволновались; они собрались во дворе мастерских и грозили двинуться по Тверской к Страстному монастырю, где помещается управление дороги. Понятно, что появление тысячной взволнованной толпы в самом центре города не могло быть приятно для правления, и поэтому начальник мастерских, только что перед этим пугавший собравшихся рабочих жандармами, сейчас же поспешил выдать задержанные деньги. В середине ноября начались волнения на механическом заводе Данглера: рабочие потребовали сокращения на час рабочего времени. Воззвания, выпущенные Центральным Комитетом на этот завод, и боязнь забастовки заставили хозяина исполнить это требование.

30-го ноября на заводе Старого Бромлея началась крупная забастовка, к сожалению, не обошедшаяся без жертв. Рабочие этого завода потребовали введения $10^1/_2$-часового дня и выдачи получки два раза в месяц. Хозяин обещал ввести то и другое с 1 января; но рабочие, которым он уже раньше давал такое же обещание и, как водится, не исполнил, на этот раз не поверили хозяйским словам и прекратили работу. Целых два дня забастовщики простояли густыми толпами вокруг завода, не пропуская никого, желавшего туда пройти; при этом несколько лиц, заподозренных в шпионстве, были сильно избиты озлобленной толпой. На второй день забастовки в дело вмешалась полиция: ночью было арестовано 21 чел., а на другой день остальных чуть ли не силой заставили войти в завод и приняться за работу. И тут, следовательно, как и во многих случаях, мы видим вмешательство полицейского государства в экономическую борьбу рабочих за лучшую жизнь. Впрочем, г. Трепов * приказал вывесить на заводе объявление следующего содержания: «По распоряжению обер-полицмейстера требования рабочих будут к 1 января удовлетворены». Таким образом, прямые обязанности фабричного инспектора принял на себя представитель московской полиции.

В первых числах декабря сильно заволновался народ на котельном и меднолитейном заводе Фогельзанга, требуя повышения поденной платы и сокращения на два часа рабочего времени. По просьбе тамошних рабочих Центральный Комитет выпустил к ним воззвания. После них хозяин с 1 января обещал исполнить требования рабочих.

7 декабря снова поднялись литейщики Рязанских мастерских, так как, несмотря на данное начальством в ноябре обещание,

---

* Новый московский обер-полицмейстер.

главные из их требований не были исполнены. К ним хотели присоединиться и маляры той же дороги; с этой целью «Союз» выпустил к ним листок. Результаты этих волнений пока еще не выяснились, так как они продолжаются еще до сих пор. Известно только, что после листков маляры работали целый день под присмотром жандармов.

Из этого краткого перечня последующих событий легко заметить, какую форму приняло московское движение. Ни частые и многочисленные погромы, ни преследования сознательных рабочих уже не могут оказать на него сильно задерживающего влияния. Таких погромов после 6 июля было еще два. Один из них в ночь с 10 на 11 ноября, когда были арестованы 23 интеллигента и тридцать с лишним рабочих. Второй погром, хотя и меньший по размерам, произошел ровно через месяц, с 9 на 10 декабря. Кроме того, между этими двумя погромами был целый ряд единичных арестов *. Несмотря на эти погромы, московское движение растет и развивается, требуя все более и более интеллигентных сил. К сожалению, в Москве в них чувствуется большой недостаток. Чтобы обратить внимание интеллигенции на все растущее движение, «Союз», воспользовавшись студенческими беспорядками, выпустил к ним два воззвания. На этом мы пока что и заканчиваем настоящий отчет.

5. ДЕКАБРЬ 1896 г. И ЯНВАРЬ 1897 г. **

Московское рабочее движение за последние месяцы отличается двумя особенностями. Первая — это почти полное отсутствие вмешательства в него интеллигенции; вызвано оно отчасти тем, что беспрерывные аресты не дают ей возможности слиться с движением, отчасти же тем, что, желая держаться старого, узкого способа действий, она оказывается бессильной руководить движением и принуждена постоянно идти в его хвосте. Вторая особенность, о которой мы уже упомянули выше, — это борьба за сокращение рабочего дня, охватившая все московские заводы и переходящая в последнее время на фабрики.

На большинстве московских заводов работа продолжалась 11—11½ час.; теперь рабочие настойчиво требуют 10-часового, местами даже 9-часового рабочего дня. Многие хозяева идут навстречу этой назревшей потребности и добровольно сокращают у себя рабочее время. Так, еще прошлой зимой один из крупных литейных и машиностроительных заводчиков, Гоппер (работает

* Об этих погромах Центральным Комитетом выпущена особая прокламация.

** Настоящая глава прислана нам, когда первые четыре главы были отпечатаны (см. отд. второй, стр. 33—52), а потому она и печатается отдельно [80]. *(Ред. сб. «Работник».)*

около 1000 чел.), сократил для модельной мастерской рабочее время с 11 до 9 час.; нововведение понемногу распространилось и на другие мастерские завода. Прошлой осенью было сокращено до 10 час. рабочее время на арматурном заводе Ганенталя (работает чел. 100) и до 11 час. на громадном железоделательном заводе товарищества «Гужон» (работает около 3000 чел.). Администрация последнего объясняет эту меру благодарностью за герб, полученный товариществом на Нижегородской выставке; но, вернее, «благодеяние» хозяина вызвано некоторой заминкой в делах, — следствие конкуренции с новым гвоздильным заводом в Рязани. Но как бы то ни было, приведенные случаи показывают, что хозяева, без всякого ущерба для себя, могут сократить рабочее время; если они противятся этому, то только из-за того, чтобы не делать уступок рабочим и не дать им почувствовать свою силу. Поэтому рабочим, в большинстве случаев, с трудом приходилось добиваться желанного нововведения. Так, на механическом заводе Дангауэра (работает до 400 чел.) рабочие только после долгих переговоров и волнений и с помощью «Союза», выпустившего к ним воззвание, добились 10-часового дня. Заметим, кстати, что этот завод еще прошлой зимой пытался подняться, выставляя, между прочим, и требование о сокращении рабочего дня, но тогда дело кончилось ничем.

Вслед за этой историей началась стачка на котельном и машиностроительном заводе Старый Бромлей (о ней мы уже упоминали выше), насчитывающем до 800 чел. рабочих. Стачка эта произвела в Москве сильное впечатление как на рабочих, так и на хозяев, т. к. завод этот всегда отличался неподвижностью и отсталостью работающего на нем народа. Теперь и он не выдержал и дружно, как один человек, потребовал 10-часового рабочего дня. Хозяин обещал им уступить сначала с пасхи, затем с Нового года; но забастовщики, зная хорошо ненадежность подобных обещаний, настаивали на немедленном сокращении. Добились ли бы своего рабочие, — неизвестно, так как в стачку вмешалась правительственная власть: с одной стороны, было арестовано 21 человек из среды забастовщиков *, с другой — обер-полицмейстер вывесил на заводе объявление, в котором ручался, что с 1 января хозяин исполнит свое обещание, что и действительно было исполнено. После четырехдневного перерыва работы возобновились. Другие требования рабочих были: двухнедельный срок найма и, стало быть, двухнедельная получка. С нового года все эти требования были удовлетворены. После этой стачки хозяева, увидевшие, как дружно умеют рабочие отстаивать свои интересы, стали

* Уже по написании этого отчета дело о бромлеевских стачечниках, направленное через Особое совещание, закончилось высылкой арестованных из Москвы административным порядком.

уступчивее. Когда после выпущенных «Рабочим союзом» воззваний началось брожение на котельном и меднолитейном заводе Фугельзанга (число рабочих 450 чел.), хозяин обещал с 1 января сократить рабочий день с 11 до $9^1/_2$ часов, что в настоящее время уже и исполнено.

Начало нового 1897 года ознаменовалось сокращением рабочего времени на двух наиболее крупных, дающих тон мелкоте *, машиностроительных заводах: Густава Листа (работает около 800 чел.) и Доброва и Набгольца (число рабочих — тысяча с лишним человек). Введение новых порядков на этих заводах произошло под напором рабочих. Дело было так. В прошлом году, когда вышеупомянутый заводчик Гоппер сократил рабочее время, то и Густав Лист, желая узнать настроение рабочих, приказал опросить наиболее видных из них, что они думают о сокращении рабочего дня. Но опрос не пошел дальше монтеров, те же, лично в этом не заинтересованные, высказались против. В минувшем декабре, во время стачки у Бромлея, пошли толки и среди листовских рабочих о желательности более короткого дня. Толки эти привели к неофициальным переговорам через мастеров с хозяином, который неофициально же обещал удовлетворить рабочих с 1 января. Но прежде приказал произвести вторичный опрос. На этот раз монтеры, под давлением молодежи, не решились высказаться против сокращения. В результате рабочее время с 1 января сокращено. Но этим дело не кончилось. По новым правилам работа начинается с 7 час. утра, вместо прежних 6 час., и кончается в половине седьмого, вместо семи, перерыв на обед остался попрежнему полтора часа, но получасовой перерыв на завтрак (чай) был уничтожен. Такое распределение времени было рабочим не по сердцу; они еще раньше, при опросе, высказались за рабочий день с половины восьмого утра до 7 вечера с полуторачасовым перерывом на обед и получасовым на чай; теперь они снова заявили хозяину о желаемом распределении времени. Тот соглашался дать им время на чай, но с тем только, чтобы они приходили на полчаса раньше, причем обещал выдавать от себя чай и сахар. Но это вызвало смех среди рабочих. В конце концов им пришлось отказаться от своих требований, хотя чай они все-таки пьют, — правда, без разрешения.

Волнения на заводе Доброва были вызваны требованием рабочих сократить рабочий день не до 10, а до 9 ч. На заводе по этому поводу несколько раз расклеивались воззвания; одно из них, написанное самими рабочими, кончалось следующими энергичными словами: «Кто из вас пойдет на работу, тот будет от «Рабо-

* Характерно заявление одного небольшого заводчика, заведение которого находится рядом с заводом Доброва. Когда у него рабочие тоже заволновались и просили сократить рабочее время, он ответил: «Как только сократит Добров, так сейчас сокращу и я».

чего союза» анафема — проклят!» Такой нравственной силой в глазах московских рабочих успел стать «Рабочий союз»!

На помощь хозяину поспешило Охранное отделение, арестовавшее в два приема 10 чел. * ...С 13 января у Доброва введен десятичасовой день. Остальные требования рабочих — двухнедельный срок найма и выдача денег два раза в месяц — исполнены не были.

В то же самое время происходила стачка на шелковой фабрике Сапожникова. Рабочие требовали сокращения дня до 11 часов и соответствующего повышения расценок. Стачка кончилась удачно: рабочие добились сокращения рабочего дня и обещания от хозяина «повысить в самом непродолжительном времени расценку», хотя время введения повышенной расценки хозяином не указано.

Кроме того, происходил целый ряд более мелких забастовок на парфюмерной фабрике Келлера (женщины), на литейном заводе Кудлина, в экипажном заведении Иванова и др. и сейчас происходит стачка на чугунолитейном заводе Мейера. Везде главным и почти единственным требованием выставляется сокращение рабочего дня, и почти везде рабочие добились его. Из упомянутых лишь на заводе Кудлина хозяин не исполнил обещания сократить рабочий день с 1 января.

В заключение упомянем о беспорядках на большой хлопчатобумажной фабрике Коншина (работает около 7000 чел.) в Серпухове. Рабочие требуют сокращения рабочего времени, повышения расценок и ослабления штрафной системы. К сожалению, буйное поведение забастовщиков вызвало вмешательство казаков, в результате которого оказалось около 80 раненых. Произведены по обыкновению аресты. По ходящим в Москве слухам, рабочие выиграют стачку, если продержатся неделю-другую.

Напечатано в сборнике «Работник» № 3—4, 1897 г., Женева, изд. «Союза русских социал-демократов», стр. 33—52; 94—99

Печатается по тексту сборника

---

* Вот имена их: Григорий Малахов, Александр Воронцов, Дмитрий Хламеев, Поляков, Николай Кириллов, Михаил Моргунов, Алексей Мешков.

А. Ульянова

ВОСПОМИНАНИЯ

Мои воспоминания о Москве и ее роли в истории рабочего движения начинаются с зимы 1893—94 года. В эту зиму шла борьба с народничеством и закладывались первые камни социал-демократического строительства. Происходили устные дебаты, — помню одно такое большое собрание на рождестве, где в числе молодых социал-демократов, выступивших против известного писателя В. В., был и В. И. Ульянов (Ленин) [81]. Читались, переписывались и перепечатывались его рефераты с критикой В. В., Михайловского и Южакова [82]. Циркулировали рефераты на эту тему и других авторов, но фамилий их я не помню. Все они были нелегального характера и не могли появиться в печати... Марксистская теория пробивала брешь в народничестве, появлялось все больше и больше кружков марксистов. Первым, работавшим эту и следующую зиму, был кружок С. И. Мицкевича [83].

После ареста части этого кружка в декабре 1894 года другая его часть (братья Масленниковы, Кирпичников, Ганшин и др.) продолжала работу. Они были связаны с Питером и издавали как исходившие оттуда сочинения (напр., вышеуказанные рефераты Ленина), так и другие, а, кроме того, местные злободневные листки.

В конце лета остатки кружка Мицкевича были забраны, и потянулось первое большое дело с.-д. в Москве, названное «делом Мицкевича».

Понемногу стали завязываться новые связи, стали образовываться новые кружки. Из тех отдельных социал-демократов, которые взялись тогда за работу восстановления старого и налаживания нового, особенно памятен мне *Владимир Николаевич Батурин,* — инженер-технолог, который работал летом и осенью 1895 года. Это был серьезный и скромный работник, преданный революционер. В невероятно трудных условиях, почти в одиночку, подбирал он обломки прежнего «Союза», заводил новые связи. При

полном отсутствии квартир (рабочими квартирами в то время из-за малой сознательности рабочих, — главным образом, женщин рабочего класса, пользоваться было почти нельзя), ему приходилось устраивать свидания исключительно на открытом воздухе, поджидать рабочих где-нибудь на бульварах, за городом. Летом это было еще туда-сюда, но поздно осенью он сильно простудился. Я познакомилась с ним уже больным чахоткою, с печатью смерти на челе, но с той же суровой непреклонностью идущим к своей цели. Весной 1896 года он умер. Он передал свои связи кружку Финна *. В этом кружке участвовали еще М. Ф. Владимирский, А. М. Никитин (позднее меньшевик и министр при Керенском) и др.

В то время назревала уже потребность в объединении работы разных городов, и весной 1896 года Финн отправился в Питер, чтобы завязать связи с тогдашним «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Но впечатление, произведенное им на тамошних работников, было неблагоприятное. Выдающимся работником этого кружка был еще Радин (нажил в тюрьме чахотку, от которой и умер вскоре по освобождении).

Говоря о Радине, нельзя не упомянуть о созданной им при участии других сочувствующих лиц (Серебряков — естественник (не смешивать с семьей провокаторши Серебряковой), инженер Теккер, врач Юрковский, его жена и некоторые учителя и учительницы) воскресной школы при Казанской жел. дор. Эта школа сыграла не последнюю роль в истории рабочего движения Москвы. Струя социал-демократической пропаганды лилась через нее в низы. Уроки истории и географии велись в определенном направлении; уроки бухгалтерии раскрывали собой беседы по политической экономии. Была хорошо подобранная библиотека. Кроме утвержденных лекторов читали под сурдинку и такие, которые утверждены быть не могли. Через эту школу передавались связи и для нелегальной работы. Школа эта была закрыта в 1896—97 году, но потом снова открыта в 1898 или 1899 году.

В кружке Рума принимал участие занимавшийся и раньше пропагандой среди рабочих Александр Николаевич Орлов. Жена его, Лидия Константиновна, работала по технике. Издавались листки, брошюры, переводы Маркса и Энгельса. Связи у этого кружка были, главным образом, с рабочими-металлистами; фабрики, особенно ткацкие, были еще серы и мало втянуты. Направление этого кружка было широко политическое. Одновременно с ним был другой, склонявшийся к экономизму.

1896 год, — год крупных стачек текстильщиков, главным образом, в Петербурге, но поддержанных и в Москве, — был поворотным пунктом в рабочем движении России: в первый раз вместо

* Финн — Енотаевский, А. Ю., позднее меньшевик. *Ред.*

отдельных спропагандированных рабочих на арену выступили массы. Темой дня этой весны были дебаты о необходимости перехода от пропаганды к агитации, от кружковых занятий, от издания брошюр и переводов к листовкам и прокламациям. Распространялась, перепечатывалась и зачитывалась брошюра «Об агитации», изданная в одной из западных губерний.

Брошюра эта была написана Кремером и появилась в Москве еще в 1894 году. После провала кружка Мицкевича она временно исчезла со сцены и выплыла снова с большим успехом в 1896 году. При полном отсутствии преемственности каждый кружок в Москве начинал работу сначала и начинал, понятно, с завязывания связей с небольшим числом наиболее сознательных рабочих, кружковых занятий с ними, а, следовательно, и с издания литературы для таких занятий. Кроме переводов Маркса, Энгельса, Каутского, помню брошюрку о положении рабочих в России и перевод «Ткачей» Гауптмана. Осенью 1896 года был издан перевод брошюры о Лондонском международном съезде, состоявшемся летом. Мандат на него от Москвы был послан В. И. Засулич, — уроженке Москвы.

В конце лета 1896 года, после вышеуказанных крупных стачек текстильщиков почти весь этот кружок был арестован, но недели через две Зубатов освободил всех, — он пробовал деморализовать кружок, прикидывался сочувствующим, вел прения по рабочему вопросу, — одним словом, развил широко свою «зубатовскую» тактику. Но провокаторство Рума выплыло при этом провале с очевидностью (Зубатову стали известны факты, которые Орлов сообщал одному Руму, и т. п.). Толки об этом заставили Рума скрыться (после того, как он завязал сношения еще с некоторыми молодыми социал-демократами: кружком меньшого Батурина — Николая и третьего Масленникова, Юрия, кружком Елагиных), а Зубатова — забрать вновь старый кружок в ноябре 1896 года. Кружок Батурина Николая и Юрия Масленникова поработал недолго. Батурин сошел с ума в тюрьме, а Юрий Масленников, очень искренний и преданный революционер, скрылся по выходе из тюрьмы, до ссылки, за границу. Тамошнее рабочее движение (главным образом, бельгийское) и его медленный темп очень разочаровали его; он стал увлекаться критикой анархистов и их учением, но, очевидно, и оно не удовлетворило его, а эмигрантская жизнь тяготила, и он кончил самоубийством, бросившись с гор Юры. Заговорив об этом, добавлю уже, что и Кирпичников (по процессу 1895 года) сошел безнадежно с ума и заболел сильным нервным расстройством.

Родственник Алексея Ганшина Сергей, — техник, со средним образованием, заведывавший маленькой фабричкой на окраине Москвы, уцелел от провала 1895 года и оказывал потом большие услуги по завязыванью связей с рабочими. В 1905 году он был

убежденным большевиком; осенью 1897 года был арестован с кружком Елагиных (Елагины Владимир и Андрей, Дмитрий Ульянов, Вольский, Павлов и др.). Это был по преимуществу студенческий кружок, только начавший работу по издательству и пропаганде.

С весны 1898 года начал работу по пропаганде и издательству группировавшийся около Серебряковых кружок братьев Розановых, Николая и Владимира (последний известный впоследствии меньшевик Мартын), сестер Карасевых, Ольги Гермогеновны Смидович, Анны Морицевны Лукашевич и др.

Летом 1897 года были завязаны непосредственные связи Москвы с группой «Освобождение труда» в Швейцарии[84], а также с молодыми социал-демократами в Берлине, образовавшими затем группу «Рабочее Дело». Корреспонденции из Москвы и провинций стали помещаться в изданиях обеих групп, стали правильно посылаться московские листки и прокламации за границу, и товарищи из группы «Рабочее Дело» приезжали в Москву и получали связи в провинции, особенно в Московской области. Стала получаться в большом количестве и более регулярно литература из-за границы и распределяться из Москвы по провинциям. Вся эта работа велась с группой «Рабочее Дело». Группа «Освобождение труда», представленная, главным образом, тремя ветеранами — основателями ее, не имела живых организаторских сил до переезда за границу летом 1900 года Ленина, Мартова и Потресова, основавших газету и группу «Искра». Кроме сношений с заграницей и с провинцией, московские с.-д. были в постоянной связи с Лениным и до его ссылки, и в ссылке, и в эпоху «Искры». Он осведомлялся всегда обо всем выдающемся в рабочем движении Москвы.

Весной 1898 года состоялся первый всероссийский съезд, на котором была учреждена Российская социал-демократическая рабочая партия. Между прочим, манифест, выпущенный ею, был написан Струве, тогда еще марксистом. Теперь мало уже осталось в живых товарищей, представленных на этом первом, учредительном съезде. Но, хотя он и вызвал свирепые, массовые аресты по всей России, чуть не полный разгром союзов отдельных городов и арест почти всех членов, он не прошел бесследно; идея объединения, заложенная на нем, пустила глубокие корни, и партия наша ведет с него свое начало.

Несмотря на все гонения, она все больше и больше укреплялась. На место выбывших товарищей притекали новые молодые силы, и чем дальше, тем больше в разных концах Москвы образовывалось новых кружков.

Зубатовщина повлияла на распыление движения Москвы, создав кустарничество. Боязнь провокаторства заставляла часто обособляться, и стремление к объединению натыкалось часто на кружки, которые, как кроты, залезали упорно в землю, отказываясь от идеи объединения. О многих кружках мы узнавали

только после их провалов; некоторые маячили где-то неподалеку, но не поддавались выяснению и сближению; с некоторыми встречи происходили в рабочих низах, в том подполье, из которого подкапывалось здание самодержавия. Несомненно, это кустарничество было связано и с экономизмом, но, может быть, именно из-за него борьба между политическим и экономическим направлениями не выразилась так ярко, как в Петербурге.

С осени 1898 года к движению примкнул приехавший из-за границы Луначарский. А. В. Луначарский стал ходить к рабочим (подробно об этом периоде — в воспоминаниях С. Н. Луначарской). В это время, кроме связи с рабочими-металлистами с фабрик Листа, Бромлея и др., были связи и с печатниками, которые таскали для нас шрифт. Стали налаживаться «свои» типографии, и листки стали появляться в печатном виде. Подготовлялся майский листок, написанный А. В. Луначарским, но в апреле 1899 года новый провал изъял почти всех наиболее активных членов этой агитаторской группы. Провал этот произошел, несомненно, при участии провокаторши Серебряковой. Она же влияла со стороны на некоторых менее устойчивых членов, что следует лучше указать типографию, отдать шрифт, чтобы спасти людей! И, в конце концов, несмотря на горячий протест части арестованных (Лукашевич), а также уцелевших на воле, каким-то путем одна из типографий, переведенная в провинцию, была найдена, и жандармам удалось округлить дела. Помог этому и провокатор — рабочий некий Афанасьев.

Постоянные провалы вызвали мысль о необходимости объединяющего работу центра из небольшого числа лиц, не входящих непосредственно в работу агитации и пропаганды, и осенью 1898 года был образован Московский комитет из трех лиц: П. В. Луначарского, М. Ф. Владимирского и А. И. Ульяновой, которые поделили между собой функции: сношения с ЦК партии, с заграницей, с другими городами, налаживание техники, объединение московских кружков, поставку агитаторов и пропагандистов и т. д. И хотя этот центр был довольно малосилен, хотя после некоторых провалов казалось, что это только иллюзия, что «курилка жив», но действительность показывала, что самый факт его существования имеет большое значение; преемственность не прерывалась: передавались связи, поддерживалось общение с внешним миром, и с разных концов Москвы его искали, с ним стремились вступать в контакт как небольшие группы, так и отдельные с.-д. рабочие и интеллигенты.

Среди этих последовательно присоединявшихся к Московскому комитету кружков помню кружок Ив. Ив-ча Бочкарева, Немчиновой; среди отдельных лиц Марию Сергеевну Александрову, занимавшуюся с кружками студентов, Н. Андреева, Евгению Николаевну Адамович и др.

Вследствие постоянных провалов типографий в России, Московский комитет решил передавать свой незлободневный материал для напечатанья за границу группе «Рабочее Дело». Таким образом был заказан и первомайский листок 1900 года.

На этом беглые наброски уцелевшего в моей памяти прерываются.

Летом 1900 года я уехала за границу, и моя непосредственная связь с рабочим движением города Москвы прекратилась.

Напечатано в сборнике «На заре рабочего движения в Москве», М., 1919 г., стр. 123—130

Печатается по тексту сборника

М. Владимирский

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

(Личные воспоминания)

1895—1896 гг.

Провал социал-демократической организации в августе 1895 г. не надолго остановил организационную работу в Москве. Осенью того же года образовалось несколько кружков, из которых выделялись по своим связям и численности членов два кружка: кружок П. Колокольникова и наш кружок, в состав которого входили: А. Финн, переехавший из Киева, Батурин и несколько нижегородцев — М. Владимирский, А. Никитин, Франк и Фридман (последние двое скоро отошли от работы, а затем — и от социал-демократии). По мере развития связей с рабочей массой и расширения содержания и характера работы, эти два кружка, работавшие вначале отдельно друг от друга, все более и более сближались организационно и, наконец, слившись в начале 1896 года, положили основание *Московскому «Рабочему союзу»,* стоявшему во главе московского рабочего движения в 1896—1897 годах.

Деятельность этой, одной из наиболее сильных социал-демократических организаций в России в 90-е годы, остается еще мало освещенной, и громадный материал, хранящийся в Московском Музее Революции, ждет своего исследователя. В настоящей заметке я хочу лишь обрисовать несколькими штрихами период после августовского провала 1895 г. до образования Московского «Рабочего союза» и первые шаги этой организации, период от сентября 1895 г. по май — июнь 1896 г., и, таким образом, восполнить личными воспоминаниями пробелы в сохранившемся от того времени официальном материале.

Промышленный подъем середины 90-х годов, вызвавший усиленное стачечное движение, невольно толкал московских рабочих на путь организации. После августовского провала 1895 г. оставшиеся на свободе сознательные рабочие пытались сорганизоваться в отдельные кружки. Вначале эти кружки работали еще изолированно друг от друга; некоторые из них поддерживали связь с интеллигентами-одиночками (например, кружок Гр. Орлова),

другие работали самостоятельно и без помощи интеллигенции выпускали свои листки. Так, например: «25-го ноября 1895 года в районе расположения значительного числа фабрик и заводов 2-го участка Лефортовской части расклеены были печатные воззвания, призывающие рабочих к сплочению с целью требования сокращения рабочего дня» (донесение полиции, из материалов Архива революции). Листок этот был отпечатан и расклеен типографом *Р. Г. Наумовым* из кружка ткача *Ф. И. Полякова,* арестованного в августе 1895 года.

Это единственно сохранившийся от того времени листок, написанный самим рабочим. Он настолько характерен для того периода, что я привожу его здесь целиком, исправив лишь орфографию и сделав его удобочитаемым:

«Товарищи, мы спим и не видим, как нас капиталисты грабят, нашу кровь пьют. Довольно, потрудились, пора и честь знать. Итак, товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих, у них такие законы, — они добились своего и теперь блаженствуют, а мы, как рабочий скот, работаем пятнадцать-шестнадцать часов в сутки; набиваем карманы богачей нашей кровью, нашим трудом. Товарищи! Вся трудовая кровь наша у капиталистов. Неужели они сильнее нас — их горсть, а нас — миллионы. Товарищи, ведь мы — братья между собою, забудем ссоры, вздоры, будем соединяться, оснуем кассы и сообща — на врага, или беремся за руки — просить короткого рабочего дня. Товарищи, просыпайтесь, пора начинать мстить. Кровь за кровь. Рабочие всех стран, соединяйтесь!»

Революционная мысль и могучая воля пролетариата сквозят в каждой строке, в каждом выражении этого воззвания. Особенно рельефно выступает богатство его содержания в сравнении с его внешним видом.

Набирала его рука еще малограмотного рабочего, распространяли его сами рабочие, не обладавшие никакими, даже примитивными, аппаратами распространения; на оборотной стороне его сохранились следы хлеба, которым он был приклеен к стене.

Впрочем, немного большими средствами обладали и интеллигентские группы того времени. Начиная работу в сентябре 1895 года, наш кружок не имел никакой литературы, если не считать небольшой пачки брошюр, привезенной *Финном* из Киева. С финансовыми средствами обстояло не лучше: денег совсем не было, весь наш первоначальный капитал сводился к 50 рублям, которые я получил из г. Томска от своих земляков-студентов. С этими деньгами мы и начали нашу работу. В течение двух-трех месяцев удалось сорганизовать несколько рабочих кружков и привлечь несколько интеллигентов для занятий в этих кружках. Рядом с этими кружками, где занятия велись по «Эрфуртской программе», было образовано еще два-три кружка с переменным

составом участников, где не велось систематических занятий, а обсуждались те или иные события дня или факты из повседневной рабочей жизни. Через такой кружок мы стремились провести возможно больше рабочих, выделить из их среды наиболее развитых и способных к организационной работе. Путем такого подбора образовалась небольшая группа сознательных рабочих, которая, слившись в январе 1896 года с кружком *П. Колокольникова,* образовала центральную группу Московского «Рабочего союза».

Насколько сильны были в это время связи с рабочими, видно из того, что под *адресом московских рабочих французским рабочим по поводу 25-летия Коммуны* было собрано 605 подписей рабочих 28 фабрик и заводов, и лишь краткость срока, как указывалось в сопроводительном письме Полю Лафаргу, не позволила собрать большего числа подписей [85]. Адрес был написан тов. *А. Финном,* и собиранию подписей предшествовало ознакомление рабочих (в кружках) с историей Парижской Коммуны.

Я никогда не забуду того момента, когда выяснился результат собирания подписей: среди повседневной кропотливой, казавшейся мелкой, работы, неожиданно выдвинулся перед нами мощный отряд строящейся армии российского пролетариата.

К весне 1896 года число членов значительно увеличилось: образовались новые стачечные кассы, делались попытки слияния мелких стачечных касс (у железнодорожных рабочих), стачечное движение нарастало (стачка на Прохоровской м-ре). Насколько поднялось боевое настроение у рабочих, можно судить по следующему факту: рабочие Газового завода постановили прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля в день коронации Николая и, если не ошибаюсь, сорвали таким путем одну пробную иллюминацию.

С ростом местной организации увеличивались и оформливались связи и с другими городами (с Петербургом, Киевом, Нижним). В апреле были сделаны первые шаги *к созыву съезда:* центральной группой «Союза» была выработана детальная программа съезда, которая была передана организациям других городов: по крайней мере, в Нижний она была передана мною лично [86]. Но аресты и высылки в мае («чистка» перед коронацией) и крупный провал в июле помешали осуществлению этого задания. О дальнейшей работе Московского «Рабочего союза» до меня в Таганку доходили лишь отрывочные сведения.

1898—1899 гг.

Зимой 1898—99 гг., когда я снова попал в Москву, рабочее движение казалось совсем раздавленным зубатовщиной: кружки один за другим проваливались, едва успев сорганизоваться. Центральной группе (Московскому комитету партии), в состав которой

к тому же входили лица, уже отмеченные охранкой, пришлось законспирироваться до такой степени, что всякая мало-мальски широкая работа была почти невозможна.

Все сводилось к «руководству» движением, т. е. к поддерживанию связей, далеко не регулярных, с несколькими кружками *(В. Розанова, А. М. Лукашевич, А. А. Власевой)* и снабжению литературой. Московский Комитет не только стоял в стороне от сильно развивавшегося в то время «экономического» движения, но и пытался, насколько это было возможно, вести борьбу против увлечения «экономизмом». Во время всеобщей студенческой забастовки весной 1899 года был поставлен вопрос о непосредственном участии группы в студенческом движении и намечался листок к студентам и рабочим, где, в противоположность господствовавшей раньше точке зрения на студенческое движение (так, напр., листок к студентам Московского «Рабочего союза» в 1896 г.), выяснялось самостоятельное политическое значение происходившей забастовки. Был ли выпущен такой листок — не знаю, так как в связи со студенческой забастовкой охранка выслала меня из Москвы. Впоследствии пришлось узнать, что, несмотря на всю нашу конспирацию, несмотря на очень узкий состав центрального кружка, всю нашу работу и даже наиболее конспиративную мы вели при постоянном надзоре, а иногда — и участии провокаторши *А. Серебряковой;* сношения с кружками, многие конспиративные переговоры между членами центрального кружка происходили или при ее участии или в ее квартире.

Зубатовщина давила и разбивала все попытки к организации.

Напечатано в сборнике «На заре рабочего движения в Москве», М., 1919 г., стр. 90—94

Печатается по тексту сборника

О ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ»

ОТЧЕТ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В ПАРИЖЕ 1900 года [87]

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

С необычайною быстротой развивается за последние годы металлургическая промышленность на юге России вообще и в Екатеринославской губ. в особенности. Возникают громадные заводы и фабрики, умножается число рудников и шахт, и вокруг них быстро вырастают новые поселения и города, которые растут здесь с чисто американской быстротой. Громадные массы рабочих, особенно из крестьян центральных русских губерний, лишних у себя на родине, не находящих там приложения своей рабочей силе, стекаются в Екатеринослав и его окрестности, где они находят себе новую родину. Здесь, сталкиваясь лицом к лицу с крупным капиталом, они теряют свою забитость и духовное убожество, в котором их держала деревня, постепенно проникаются общими интересами рабочего класса и пополняют собою ряды борющегося пролетариата.

В Екатеринославе и его окрестностях заняты до 25 000 рабочих. Здесь находится 7 крупных заводов: два железоделательных — на одном из них 8000, а на другом 2000 рабочих, трубный завод — на нем 1500 рабочих, машиностроительный — до 1000 рабочих, вагонный — около 500 рабочих, гвоздильный — тоже до 500 рабочих и железнодорожные мастерские, где работает несколько сот рабочих.

До последнего времени рабочее движение в г. Екатеринославе носило чисто *стихийный* характер. Будучи явлением последних 2—3 лет, это движение еще не успело создать передового слоя рабочей интеллигенции, который мог бы взять на себя организацию рабочей массы на борьбу против эксплуататоров и руководительство этой борьбой. Между тем алчность наших южных горнопромышленников не знает пределов. Миллионные дивиденды создаются путем обсчитывания темных и невежественных рабочих, путем громадных штрафов, смешения поденной и поштучной платы и тому подобными уловками. Неудивительно, если при

таких условиях столкновения между рабочими и администрацией заводов нередко сопровождаются убийствами, поджогами, разрушением машин и зданий. И лишь за самое последнее время, под влиянием пропаганды и агитации социал-демократической рабочей интеллигенции, эта борьба начинает принимать все более сознательный и организованный характер.

Первые попытки организации сознательного рабочего движения относятся к 1895 году. По инициативе группы социал-демократической интеллигенции тогда среди заводских рабочих были организованы кружки для пропаганды, возникли кассы борьбы, и движение постепенно стало проникать в широкие слои рабочей массы. Но неудачная постановка дела, явившаяся следствием неопытности руководителей движения, привела к тому, что в августе 1895 г. жандармам удалось произвести много арестов среди интеллигенции и среди рабочих, и рост движения был временно приостановлен.

В течение 1896—97 годов деятельность местной социал-демократии выразилась в устройстве кружков и пропаганде среди заводских и ремесленных рабочих; но по своей малочисленности и разрозненности кружки эти не могли ни вызвать массового рабочего движения, ни руководить отдельными столкновениями между рабочими и администрацией заводов. Между тем стачки и столкновения вспыхивали стихийно то здесь, то там. Так, между прочим, в мае 1897 года рабочие железнодорожных мастерских потребовали от Екатерининской жел. дороги, чтобы им уплатили за табельные дни (годовщина коронования). Стачка эта кончилась успехом рабочих. Подобного же рода столкновения по тому или иному поводу возникали на трубном, машиностроительном и др. заводах.

Летом 1897 г. началось движение среди ремесленных рабочих. В некоторых ремеслах возникли кассы борьбы и произошло несколько мелких стачек. К этому времени образовалась, кроме старой группы интеллигенции, вторая, рабочая, группа. Расходясь с местной интеллигенцией в некоторых вопросах тактики, обе группы работали самостоятельно, причем, за неимением связей среди заводских рабочих, рабочая группа ограничивалась пока работой исключительно среди ремесленников. В декабре 1897 года обе группы пришли к соглашению относительно дальнейшей тактики и соединились для общей работы под названием Екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

С самого начала своего возникновения «Союз борьбы» поставил себе целью вести широкую агитацию среди рабочих на почве ежедневных материальных нужд и потребностей, назревших в рабочей массе. С этой целью «Союз» завязывал сношения с заводскими рабочими, собирал сведения об условиях труда на заводах

и в феврале 1898 г. выпустил одновременно ряд листков к рабочим 7 заводов в количестве 2—3 тысяч экземпляров. В каждом из этих листков были выставлены наиболее назревшие для рабочих каждого данного завода *экономические* требования. Были выставлены требования усиления медицинской помощи на заводах, сокращения рабочего дня в субботу и в кануны праздников, как это полагается по закону 2 июня, повышения расценок, аккуратной расплаты, лучшего обращения и т. п. требования.

Листки эти произвели на рабочих благоприятное впечатление, которое еще более усилилось тем, что на некоторых заводах администрация, опасаясь стачек, поспешила исполнить некоторые из требований, выставленных в листках.

В ночь с 10 на 11 марта 1898 г. в связи с массовыми арестами во многих городах России в Екатеринославе была произведена масса обысков и арестовано около 15 человек. «Союз» тем не менее продолжал свою деятельность, и к 1 мая был выпущен листок о значении международного рабочего праздника 1 Мая.

В течение 1898 г. на заводах происходило несколько стачек и волнений. Так, 19 марта рабочие франко-русских вагонных мастерских забастовали и потребовали сокращения рабочего дня в субботу и кануны праздников, увеличения расценок, усиления врачебного персонала и более человечного обращения со стороны администрации завода. Требования эти уже не раз предъявлялись администрации завода, но та всегда давала лишь уклончивые ответы. Но на этот раз рабочие твердо решили добиться своих требований. Несмотря на ласковые обещания со стороны администрации завода и угрозы со стороны фабричного инспектора, рабочие стояли на своем. Были выбраны депутаты для переговоров; они заявили, что никто не возьмется за работу до тех пор, пока все требования рабочих не будут исполнены. Администрация вынуждена была уступить, и работы возобновились.

Волнения на этом заводе возобновились в начале мая, когда администрация вздумала уволить депутатов, ведших переговоры во время стачек. Рабочие, возмущенные этим поступком, собрались у конторы и потребовали объяснения от помощника директора завода (Белоножкина), за что пострадали их товарищи. Тот, вместо ответа, стал им по обычаю рассказывать, что он всегда был к ним очень добр, что он только о них и заботится и что если рабочие не сумеют оценить его заслуг пред ними, он совсем уйдет с завода. Рабочие, очевидно, желая высказать свое мнение о «заслугах» Белоножкина, одели ему на голову мешок и поколотили. По этому поводу были арестованы и преданы суду 10 человек, но так как против них улик не оказалось, то все были освобождены.

В июне, после бунта, разразившегося на Брянском заводе, во время которого была сожжена заводская контора и разгром-

лены казенный винный склад и потребительный магазин *, был выпущен листок к рабочим Брянского завода. В этом листке указывалось на весь вред для рабочего дела от таких диких вспышек, вроде недавно происходивших, говорилось о борьбе рабочих в других городах России и в заключение рабочие призывались на стойкую и спокойную борьбу за улучшение своего положения.

Спустя некоторое время произошла успешная стачка на трубном заводе. 150 чел. вальцовщиков потребовали повышения платы, чего и добились сейчас же.

В октябре на Брянском заводе возникло недовольство против одного мастера (Миляка), который по своему произволу штрафовал рабочих по малейшему поводу и даже без всякого повода.

После целого ряда столкновений с этим мастером рабочие потребовали, чтобы его удалили с завода. Начальник механического цеха не соглашался. Тогда рабочие пригрозили стачкой, и их требование было немедленно удовлетворено. В том же октябре на том же заводе были введены новые расчетные книжки, в которых были исключены 12 праздников и изменен пункт относительно ответственности хозяев за увечья рабочих. (Такие же изменения в расчетных книжках были введены и на Каменско-Днепровском заводе.) По новым правилам завод не принимает на себя ответственности за несчастные случаи, если они произошли «по собственной неосторожности рабочего». По этому поводу «Союз» выпустил листок, призывавший рабочих к борьбе за отмену новых правил **.

В течение 1898 г. происходило также несколько мелких стачек среди ремесленных рабочих за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. п.

Так прошел 1898 год для екатеринославского рабочего движения. Наблюдая за ходом событий в течение этого времени, мы видим, что если екатеринославские рабочие в своей борьбе против эксплуататоров употребляют еще первобытные средства, вроде поджога, разгрома и кулачной расправы, то с другой стороны, то там, то сям рабочие начинают выступать вполне спокойно и сознательно на защиту своих интересов. И по мере того, как растет эта борьба, по мере того, как екатеринославские рабочие все чаще и чаще выступают на борьбу за лучшую жизнь, они все более приходят к убеждению, что успех борьбы зависит от той степени спокойствия и настойчивости, с какой эта борьба ведется.

Деятельность «Союза борьбы» за этот период носила чисто *экономический* характер; выставлять политические требования считалось пока невозможным, так как рабочая масса еще слишком мало боролась за свои экономические требования, а полиция

* Подробности о бунте, а также о некоторых стачках, происходивших в течение 1898 г., см. «Рабочее Дело» № 1.

** Листок этот перепечатан в «Рабочем Деле» № 1.

и жандармерия не проявили такого активного вмешательства в столкновения между рабочими и хозяевами, которое можно было бы использовать для политической агитации. Но с течением времени это положение начинает изменяться.

В январе 1899 г. был распространен листок ко всем екатеринославским рабочим в количестве 2 тыс. экземпляров *. В этом листке «Союз борьбы», разъясняя цели и значение рабочей партии, заявил о возникновении Российской социал-демократической рабочей партии и о своем присоединении к ней **.

С тех пор все прокламации выходят за подписью «Екатеринославского комитета Российской социал-дем. раб. партии». С этим временем совпадает начало изменения как в настроении рабочей массы, так и в характере деятельности местной социал-демократии. Изменениям этим в значительной степени способствовали местные власти, полиция и жандармерия. Дело в том, что если до сих пор вмешательство полиции и жандармов в столкновения между рабочими и хозяевами было явлением сравнительно редким, то с начала 1899 г. это вмешательство становится все более и более постоянным и систематическим. В течение весны и лета этого года произошел ряд стачек и волнений в некоторых цехах Брянского завода, на заводе Эзау и других. При первом же слухе о волнении на каком-либо заводе на место действия немедленно являлся губернатор, полиция и жандармы и почти каждый раз то угрозами, то обещаниями заступиться за рабочих и удовлетворить их требования им удавалось обмануть рабочих и почти каждый раз требования последних оставались неисполненными. Понятно, что раздражение рабочих против администрации и полиции возрастало и «Комитету» оставалось только пойти навстречу этому настроению и начать *политическую* агитацию.

В первый раз политические требования были выставлены в воззвании к 1 Мая, написанном и напечатанном самими рабочими. Воззвание это в количестве 3 тыс. экземпляров в ночь с 17 на 18 апреля было разбросано и расклеено по всему городу и по всем предместьям и произвело на рабочих сильное впечатление. Везде толковали о празднике 1 Мая, о 8-часовом рабочем дне. Около 19 апреля состоялось собрание около 100 человек ремесленных рабочих. На этом собрании екатеринославские рабочие в первый раз в своих речах и тостах заявили о своем присоединении к великому международному празднику 1 Мая и о своей готовности к борьбе за политическую свободу.

---

* См. настоящее изд., стр. 106—108. *Ред.*

** Как известно, «Екатеринославский союз борьбы» послал своего делегата на происходивший весною 1898 года съезд социал-демократов и тогда же вступил в состав вновь организованной Российской социал-демокр. раб. партии, но по некоторым внешним обстоятельствам «Союз борьбы» не мог об этом заявить своевременно.

В публике под влиянием антиеврейских беспорядков, происшедших 19 апреля в г. Николаеве, носились упорные слухи, что к 1 Мая произойдут беспорядки и в Екатеринославе. Ожидала беспорядков и администрация. В день 1 Мая (по старому стилю) около всех заводов были сосредоточены войска, полиция и казаки. На мосту через Днепр, отделяющий город от окрестных заводских поселений, был поставлен многочисленный отряд полицейских, которому было приказано не пропускать рабочих в город. Но опасения публики и приготовления полиции оказались напрасными, так как беспорядков не произошло. Рабочие некоторых цехов Брянского завода, придя утром 1 Мая на работу, заявили администрации завода, что по случаю праздника они после обеда на работу не выйдут. На завод немедленно прибыли губернатор, полицмейстер, жандармский полковник и целая свора полицейских и жандармов. Несмотря, однако, на все убеждения начальства, часть рабочих после обеда все-таки не вышла на работу, а рабочие железнодорожного цеха заявили администрации завода, что свой заработок за этот день они жертвуют в пользу голодающих.

В конце мая месяца рабочие кирпичного цеха Брянского завода выставили требование об установлении правильных расценок на сдельные работы. На завод немедленно прибыл полицмейстер, который раньше всего стал грозить рабочим ссылкой в Сибирь и даже «березовой кашей». Убедившись же, что его угроза не произвела на рабочих желаемого действия, он обещал рассмотреть заводские книги и постараться, чтобы требование рабочих было исполнено. Кончилось, конечно, тем, что требование это не было удовлетворено, и через несколько часов рабочие видели, как полицмейстер и его сподвижники — полицейские уехали пьяными с обеда, на который они были приглашены администрацией завода. По этому случаю Комитет выпустил листок, в котором подчеркивал отношение полиции к требованиям рабочих.

Вскоре после этого (в июне месяце) произошло волнение среди рабочих железнодорожных мастерских *, которое продолжалось в течение нескольких дней (с 25 июня до первых чисел июля). Во время этих волнений Комитет выпустил листок к железнодорожным рабочим, который, формулируя их требования, призывал рабочих продолжать так стойко начатую борьбу. Настойчивость и тактичность, обнаруженные рабочими во время этих волнений, очевидно, сильно поразили администрацию и полицию, и они решили в свою очередь поразить рабочих своею наглостью и пристрастием к интересам эксплуататоров: они пригнали в мастерские взвод солдат, направили против ничего не

* Подробности см. «Вперед» [88] № 7 или «Рабочее Дело» № 4—5.

ожидавших рабочих солдатские штыки и арестовали 50 человек. Но этими мерами представители царского правительства только лишний раз показали рабочим, кто их истинные враги. Немедленно после этой истории Комитет выпустил листок ко всем екатеринославским рабочим, в котором указывалось, что для успешной борьбы за улучшение своего положения рабочим необходимо начать борьбу за политическую свободу *.

В июне месяце работницы конфетной фабрики Беленького устроили стачку и потребовали сокращения рабочего дня. Особенно характерно во время этой стачки было поведение фабричного инспектора, к которому работницы обратились за помощью. Прибыв на фабрику по просьбе работниц и выслушав их печальную повесть о безобразных условиях труда на этой фабрике, о 18-часовом рабочем дне, о баснословно низкой плате и о грубом обращении и даже побоях, к которым прибегают сам фабрикант и его надсмотрщики, — он закричал: «Да как он смеет, мерзавец! да я ему фабрику закрою», и т. п. Но после того, как г. Беленький пригласил его к себе на квартиру для объяснений, он вернулся к работницам в довольно благодушном настроении и заявил им, что он ничего для них сделать не может, что они обязаны слушаться хозяина и что, если они не возьмутся немедленно за работу, их накажут за «бунт». Работницы не послушались совета фабричного инспектора и продолжали стачку, которая кончилась победой работниц **.

Немедленно после этой стачки Комитет выпустил листок к рабочим и работницам фабрики Беленького, в котором было подчеркнуто отношение фабричного инспектора к рабочим.

В течение августа и сентября, кроме того, были выпущены следующие листки: ко всем ремесленным рабочим г. Екатеринослава, к строительным рабочим, к рабочим двух трубных заводов и к рабочим слесарной мастерской Шейна. Все эти листки носили *экономический* характер: были выставлены требования о сокращении рабочего дня, о повышении заработной платы, лучшем обращении со стороны хозяев и администрации и т. п.

После стачки в г. Мариуполе, кончившейся, как известно, столкновением между рабочими и войском и имевшей своим последствием убийство нескольких рабочих ***, был издан листок ко всем екатеринославским рабочим и распространен (в первых числах октября) в количестве 3 тыс. экземпляров. В этом листке комитет дал освещение мариупольским событиям, указал на

---

* Листок был перепечатан в газете «Вперед» № 7. (См. наст. изд., стр. 109—110. *Ред.*)

** Подобного рода отношение к своим обязанностям фабричный инспектор обнаруживает всякий раз, когда рабочий обращается к нему за помощью, и среди рабочих ходят упорные слухи, что он берет взятки у фабрикантов.

*** Подробности см. в Приложении к этой брошюре [89].

вред для рабочего дела таких приемов борьбы, как разгром завода и ломание машин, и в заключение призывал рабочих на борьбу за политическую свободу.

Приблизительно в то же время Комитетом были собраны сведения о положении работниц в казенном винноочистительном складе и в последних числах октября был издан листок к работницам этого склада, призывавший работниц к борьбе за улучшение своего положения. Листок этот произвел хорошее впечатление на работниц и вызвал среди них оживленные толки. Начальство, испугавшись, что в случае стачки обнаружатся все его безобразия (например, площадная ругань, громадные штрафы, отсутствие всякой медицинской помощи и перевязочных средств, несмотря на то, что поранения случаются довольно часто при этой работе), поспешило удовлетворить все требования, выставленные в листке.

В ноябре произошло волнение на Франко-русском вагонном заводе по следующему поводу. Администрация завода заявила рабочим, что ввиду уменьшения заказов будут уволены 250 рабочих. Рабочие в ответ заявили, что если администрация вздумает увольнять рабочих, то весь завод забастует. На завод явился фабричный инспектор, и после переговоров с рабочими было вывешено объявление о том, что впредь до увеличения заказов рабочий день будет сокращен до 8 час. в сутки, а рабочая плата поденщикам будет понижена на 20 проц. Рабочие же, опасаясь, что даже и при этих условиях многие будут уволены, продолжали настаивать, чтобы все осталось по-старому. По этому поводу Комитет выпустил листок, в котором рабочим советовалось согласиться пока на предложение администрации, но требовать, чтобы никого не увольняли и лишь в том случае объявить стачку, если администрация не согласится на это требование. На следующий день все взялись за работу и никто из рабочих не был уволен.

В течение 1899 года продолжало развиваться движение также и среди ремесленных рабочих. За этот год возникло несколько новых профессиональных касс борьбы, происходили некоторые мелкие стачки, и в некоторых ремеслах рабочим удалось добиться значительного сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. п. улучшений.

Не дремала за этот период и местная жандармерия. Начальник жандармского управления полковник Делло, присланный сюда, по его словам, для того, чтобы искоренить рабочее движение, обнаружил здесь особое рвение. В течение последних месяцев жандармы произвели ряд набегов на рабочих, причем аресты производились по первому указанию какого-нибудь мастера или сторожа. Так во время железнодорожных беспорядков было арестовано 50 человек. На допросах у всех спрашивали

главным образом о том, откуда берутся у рабочих листки и нелегальные книжки, но так как от арестованных рабочих жандармам добиться ничего не удалось, то пришлось всех выпустить.

В августе в типографии Яковлева были распространены книжки «Рабочие союзы». Заведующий типографией по телефону дал знать об этом полиции. Немедленно типография была окружена цепью полицейских и жандармов, всех рабочих обыскали и 5 из них, не успевших спрятать книжки, арестовали. В сентябре были арестованы трое рабочих Брянского завода за то, что они читали листки. Незадолго перед этим были арестованы двое переплетчиков за то, что они требовали от своего хозяина повышения заработной платы *. В Нижнеднепровске ** произведен был ряд обысков на квартирах рабочих.

Собрав все эти факты, Комитет в половине декабря выпустил по поводу их листок с политическими требованиями (см. приложенный листок).

Таковы факты из истории екатеринославского рабочего движения. Мы не могли в этом кратком очерке отметить все черты, так или иначе характеризующие это движение; но и на изложенных фактах мы можем шаг за шагом проследить зарождение и дальнейшее развитие классового и политического сознания у екатеринославской рабочей массы. Екатеринославский комитет за весь этот период времени стремился по мере сил удовлетворить возрастающие запросы движения, отзываясь в своих листках на все важнейшие события в жизни местной рабочей массы, устраивая кружки для пропаганды, распространяя нелегальную литературу и т. п. Между тем запросы растущего рабочего движения увеличиваются с каждым днем. На целом ряде фактов мы можем проследить пробуждение екатеринославских рабочих к самостоятельной политической деятельности. Везде толкуют об организации, об устройстве касс борьбы. Рядом с организациями среди ремесленных рабочих и группы заводских рабочих то там, то сям соединяются в мелкие союзы и каждый такой союз ставит себе определенные политические цели и задачи.

Так, например, уже второй год существует библиотечная касса среди заводских рабочих, причем, кроме приобретения книг, одной из целей этой кассы является также оказывание помощи арестованным товарищам.

В сентябре 1899 г. среди рабочих некоторых заводов возникла касса под названием «Начало». Цели этой кассы — приобретение и распространение среди рабочих легальной и нелегальной литературы и помощь арестованным рабочим.

---

* Почти все арестованные рабочие выпущены.

** Заводское селение около Екатеринослава.

На некоторых заводах рабочие по своей собственной инициативе решили собирать между собою деньги на помощь арестованным и на приобретение литературы. Точно так же возрастают и умственные запросы рабочей массы, возрастает интерес к чтению, к книге; в нескольких пунктах возникли легальные библиотеки, число читателей которых быстро возрастает.

Появление нелегальных книжек на заводах считается среди рабочих целым событием, и книжки прочитываются с величайшей охотой.

Екатеринославскому комитету остается лишь пойти навстречу этому заметному пробуждению, и одной из важнейших задач Комитета является содействие дальнейшему развитию классового и политического развития рабочей массы и выработке передового слоя рабочей интеллигенции путем издания рабочей газеты, брошюр и листков, а также путем *пропаганды в рабочих кружках.*

Напечатано в брошюре «Рабочее движение в Екатеринославе», Женева, 1900 г., изд. «Союза русских социал-демократов»

Печатается по тексту брошюры

И. В. Бабушкин

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ...»

Насколько я знаю, до нашей организации, положившей в основу начало широкой агитации по всем заводам, существовала старая организация, которую можно было назвать организацией ремесленного характера и которая ничем особенно ярко себя не проявила. Мы же, раньше чем приступить к активной работе, предначертали программу своих действий, для этого были завязаны связи со многими заводами и даже с находящимся в 30 верстах от Екатеринослава Каменским. Происходили правильные сношения с заводами Каменского, готовились отдельные листки, но они приурочивались к одному моменту, т. е. дню, в который листки будут распространены в Екатеринославе.

Еще раньше, чем мы начали агитационную работу, я чувствовал необходимость нанять отдельную комнату, дабы легче соблюдать конспирацию и, хотя в этот момент уже потерял место, все же снял недорогую комнату.

Конец 1897 и начало 1898 гг. были блаженными временами в Екатеринославе для лиц, распространявших листки. Нужна была только смелость выйти ночью на улицу и, никого не встретив — ни городового, ни дворника, ни провокатора, ни шпиона, которые мирно спали, заняться разбрасыванием листков. Мы хорошо воспользовались этим обстоятельством и благополучно возвращались домой, кое-где иногда встречая ночного сторожа, после хорошо сделанной работы.

Как-то вечером получились первые листки, предназначавшиеся для Екатеринослава, Заднепра и Каменского. Нужно было в ночь их распространить; нельзя сказать, чтобы их было много, скорее можно сказать обратное, и потому решили добрую половину расклеить. Я передал товарищу, чтобы он приготовился сегодня же вечером пойти со мной на работу не раньше одиннадцати часов.

Порядочный для Екатеринослава морозец скоро прогнал с улиц всякую лишнюю публику, и сторожа стучали изредка в колотушку, давая знать о месте своего присутствия, а постучавши, садились в уголок, чтобы погрузиться в приятную дремоту.

Луна довольно высоко взобралась, когда мы вышли с товарищем с листками в карманах и с большой кружкой приготовленного клея. Миновали площадь, перешли железную дорогу и очутились в поселке, называемом «Фабрика», населенном рабочими. Осмотревшись и не видя никого, помазали забор, и листок тотчас же плотно пристал к клею. Мы осторожно переходили дорогу, намазывая стены хат и наклеивая листки, потом в разных направлениях положили по листку на землю или воткнули в щели забора. Затем мы продвинулись в другой квартал, где повторилась та же история, только скоро нечем стало мазать, и потому пришлось втыкать листки в щели забора.

Товарищ во время распространения и клейки листков сильно волновался и вообще чувствовал себя не особенно смелым, но все же продолжал выполнять добросовестно свою работу. Через какой-нибудь час у нас не оказалось ни одного листка, и мы спокойно направились по домам, не обратив, таким образом, ничьего внимания на нашу своеобразную работу.

Утром идущие на работу мастеровые, увидев валявшиеся на улице листки, подымали или брали их с заборов; таким образом, листки скоро были подобраны, и публика начала останавливаться около заборов и читать наклеенные листки. Некоторым листки настолько понравились, что, желая взять их с собой в мастерскую, они старались отодрать листок со стены и порвали, таким образом, большую часть листков, не воспользовавшись сами и не дав возможности читать другим; благодаря этому в дальнейшем мы пришли к заключению, что клеить не стоит, так как довольно много риску, да и медленно идет работа, а толку мало, все равно большую часть срывают. Мы с товарищем взяли только один район, в котором нужно было распространить листки, но кроме нас были еще работники, которые выполняли эту работу в других местах, и все же нас было довольно мало, чтобы можно было хорошо и всюду распространить листки...

При самом предположении о необходимости распространения листков был поднят вопрос о возможности распространить листки по заводам, при этом оказалось, что мы сможем распространить их только на двух заводах, тогда как самые большие три завода и железнодорожные мастерские остались бы без листков. Принимая же во внимание, что почти все мы были лица поднадзорные и легко могли навести полицию на след виновников распространения, пришлось употребить тот способ распространения, о котором я упомянул выше.

Полиция узнала о появившихся на улицах листках только на другой день утром, но в ее руки их попало очень мало. Для первого раза обошлось очень удачно, никто из участников не был замечен.

Так обстояло дело в самом Екатеринославе и на окраинах его, но еще ничего не было известно о Каменском. Наконец, пришло и оттуда очень приятное известие. Это значило, что начало было очень удачным, и понятно, что оно подмывало нас выпустить в ближайшее время и другие листки, но мы решили дать успокоиться полиции и аккуратнее посмотреть друг за другом, не водим ли мы за собой шпионов, так как я заметил что-то сомнительное за собою. При внимательном наблюдении я увидел одного простого человека, постоянно шатающегося недалеко от дома, в котором я жил; очевидно, он присматривал за мной, тогда я начал за ним следить и частенько неожиданно выходил из ворот дома и смотрел в его сторону.

Простой человек в мужицкой шапке, в короткой тужурке или пальтишке, продолжал по дням сидеть или крутиться все на одном месте, по-видимости, не обращая никакого внимания на тот дом, в котором я жил. Чувствуя что-то недоброе, я сообщил, чтобы никто ко мне не ходил, и сам старался высиживаться по целым дням дома, а вечером выходил из комнаты, не гася лампы; на случай, если вздумает кто издали посмотреть в окно, — убедились бы, что я, якобы, дома. Сам же спускался в обрыв по забору, а потом спрыгивал и, очутившись сразу на далеком расстоянии от своей улицы, и, зная, что никто за мной проследить не мог, я отправлялся куда мне нужно. Возвращался же домой я обыкновенным путем, так как взобраться вверх по обрыву было очень трудно, но это было не так уже опасно; я часто пользовался этим способом и после. Недели две присматривал за мной упомянутый субъект, но, видимо, дал, кому следует, наилучший отзыв обо мне, и я продолжал спокойно работать и дальше.

Спустя около месяца после первых листков были приготовлены листки для заводов, причем для каждого завода был специальный листок. Мы были уверены, что они наделают много шума и могут повлечь за собой обыски. Полученные листки были распределены так: одни предназначались для железной дороги, другие — для Брянского, третьи — для гвоздильного, четвертые — для Галлерштейна (завод земледельческих орудий), пятые — для Заднепровских мастерских, кажется, франко-русских, и последние — для Каменского. В общем было что-то около восьми разных листков, и каждый отражал всевозможные злоупотребления и беспощадное обирание рабочих на том заводе, куда попадал.

Листки должны были быть разбросаны в ночь и рано утром, и чтобы днем знать о благополучном исходе — каждый распространитель в известном месте должен был сделать знак благоприятный или обратный, если же знака нет — то человек должен считаться арестованным. Знаки ставились мелом в условленном месте на заборе или стене, и притом у всякого был свой знак, чтобы не было однообразия. Этот способ был очень удобен и конспиративен.

Поздно вечером, взяв Матюху, я отправился к одному заводу; спрятав по дороге часть листков, мы подошли к заводу. Проникнуть внутрь было очень опасно и даже мимо ходить нужно было очень осторожно, дабы не услышала дворовая собака. Подойдя к двухэтажному зданию и перебравшись через решетку, мы очутились у окон здания. Я приподнял Матюху к окну, он растворил форточку и швырнул туда пачку листков. Таким же способом мы продолжали действовать и дальше, и листки были вброшены в три отделения, осталось только два; мы были уверены, что утром они появятся при помощи самих же рабочих, и в других мастерских. Действительно, как только утром отперли мастерскую и собравшиеся мастеровые вошли туда, они сейчас же принялись подбирать листки, валявшиеся на полу, и на верстаках, и через четверть часа листки читались всеми, вплоть до мастера, и хотя до забастовки не дошло, но недовольство было доведено до последней степени.

На другом заводе приходилось разбрасывать листки с большим трудом благодаря тому, что завод работал целые сутки, и рабочие всюду суетились, препятствуя распространителю, но он оказался настолько терпеливым и сообразительным, что пришлось только руками развести. Отправившись утром на работу и захватив листки, он спокойно проработал целый день. Когда в семь часов все собрались домой, он тоже собрался с другими, но не вышел за ворота, а прошел к тому месту, где рыли артезианский колодезь, и, спустившись в него, сел на лестницу и сидел там целых пять часов до двенадцати ночи, когда останавливалась машина на ночной обед для рабочих; затем наш добровольный узник осторожно поднялся кверху с приготовленными листками и ждал момента, когда погасят электричество. Этот момент был самый ценный, ради которого он сидел пять часов в яме. Сейчас же после остановки машины, приводящей в ход мастерские, останавливалась электрическая машина для смазки. Лишь только электричество погасло, как товарищ выскочил из ямы и вбежал в мастерскую, быстро разбросал листки, рискуя наткнуться на какую-либо вещь в ночной тьме. Затем он вышел из мастерской и бежал в другую или же вбрасывал листки в разбитые стекла, а потом торопливо помчался к намеченному месту в заборе и уже при электрическом свете

перепрыгнул через забор и оказался вне опасности, никем не замеченный.

Электричество гасится на время от трех до пяти минут, и в это время рабочие спокойно сидят на верстаках или на чем другом, не соображая ничего о торопливо идущем человеке, бросающем бумагу; когда же появляется свет, то всякий хватает лежащий на полу или верстаке листок и принимается за чтение его. В это время виновник, перескочив через забор, разбивал стекло в контору, совал туда листок и уже после этого спокойно приходил домой и ложился спать. Утром, придя на завод, он читал этот листок, как новость завода. Такой способ употреблялся часто.

Ночью все власти спят, и листки отбирать приходят только утром, когда их на заводе остается очень мало, когда они попали частью в украинскую мазанку, в Кайдаки или Диевку, или же на Чечелевку, так что полицейским иногда приходилось довольствоваться тремя отобранными листками, что, конечно, не могло парализовать производимых этими листками действий.

Точно так, приблизительно, подбрасывали листки и на других заводах, и везде обходилось очень удачно, не вызывая никакого подозрения на виновников. На этот раз листки произвели сильное действие, о них знали все рабочие, знала заводская администрация, знала жандармская и городская полиция, но никто из них не знал виновников распространения, и это ободряло нас на продолжение дальнейшей работы таким же путем. На всех заводах между рабочими пошли слухи о скором бунте; рабочие приободрились, благодаря этим листкам, тогда как администрация, наоборот, поубавила заметно свою спесь.

Помню, что на Каменском заводе в разбросанных листках требовалось учреждение больничного покоя при заводе, и на другой же день был вытащен из цирульни фельдшер и помещен при заводе; там же требовалось устроить две выходных двери — и это было также удовлетворено; было еще какое-то требование — и тоже удовлетворено. Местный пристав (очевидно, становой пристав) вообразил, что должна произойти какая-то стачка и, не зная, чего, собственно, хотят рабочие, он схватился за листок, в котором были выставлены требования, каковые безо всякой просьбы со стороны рабочих были тут же удовлетворены. На некоторых заводах точно так же было удовлетворено много требований.

Обычно всякая заводская администрация старается уверить всех о самых наилучших порядках у них на заводе, о довольстве рабочих условиями работы и т. п. И вдруг такое разоблачение безо всяких замалчиваний о разного рода злоупотреблениях! Рабочие, прочтя в листке то, что было на самом деле, и видя наглядно справедливость указаний, проникались желанием положить конец хоть части безобразий. Словом, стоячее болото начало рябиться, так что можно было ожидать сильного волнения.

Странно было слышать толки рабочих о бунте, совершенно противоположные листкам: в листках говорилось очень ясно о нежелательности бунта, который ничего не принесет рабочим кроме вреда, между тем, прочтя листок, рабочий тут же говорит: велят бунт устраивать. Настолько еще были сильны старые традиции борьбы: рабочие еще не представляли себе возможности стачки без того, чтобы не был побит какой-либо мастер или разгромлена контора. Прислушиваясь к разговорам и входя непосредственно в круг обсуждаемых вопросов, не приходится слышать упоминания о какой-либо стачке, тогда как всякий рабочий расскажет какое-либо воспоминание о бунте и, если при том упоминается о произведенных репрессиях со стороны начальства, то это не производит никакого действия. Такие разговоры всегда заканчиваются невысказанным желанием устроить хороший бунт. При этом, конечно, вспоминают о каком-либо вожаке, которым искренне восхищаются. При таких обстоятельствах, понятно, у массы самопроизвольно идеализируется не стачка, о которой она ничего не знает, а бунт, так как этот способ протеста понятен для каждого.

Листки заставили шевелиться заводскую публику, а у меня прибавилось работы. Во-первых, пришлось собирать больше материалов для новых листков, а во-вторых, нужно было заниматься с моими знакомыми в Кайдаках часто по вечерам. Молодая публика не особенно хорошо усваивала мои мысли и иногда истолковывала мои речи совершенно превратно, один только парень понимал меня так, как и должно быть. Они просили ходить почаще и даже пытались снять отдельную комнату для занятий. В этой группе мне пришлось столкнуться с двумя человеками, близкими к народничеству. Самым сильным и влиятельным аргументом в споре они могли выставить лишь какую-либо фразу Михайловского. Из литературы ценили «Русское Богатство» [90] и вообще ту литературу, против которой я и сам никогда ничего не имел, но выводы из прочитанного они делали самые нелепые, и потому мне приходилось частенько пускаться в критику их неправильных воззрений и даже указывать на то, что они и самого Михайловского понимали недостаточно правильно. Больше всего возмущала меня их заскорузлая система распространять свои взгляды чисто поповским способом, не терпящим ничьего вмешательства. Они сердились черт знает как, если какой-либо молодой человек начинал выходить из-под влияния. Больше всего они злились на Г. [Г. И. Петровского], который якобы старается совратить молодых людей на путь ужасных социалистических и революционных воззрений, и если человек заражался все же этими воззрениями, то они отвертывались от него и при случае подставить ему ногу — считали далеко не бесполезным делом. Работал один из народ-

ников на Брянском в механической мастерской, получал приличное вознаграждение, имел собственный домик и жил довольно недурно. Поэтому, видимо, неохотно проникался настоящим социализмом и старался толочь в ступе воду. Я не раз пытался узнать их точные взгляды и нечто вроде их программы, но никогда ничего добиться не мог, только разве что узнал, как они стараются развивать своих хлопцев.

— Раньше чем читать «Спартака», нужно изучить историю Греции, тогда ты в состоянии будешь понять и этот роман, — говорил один из народников молодому мастеровому по поводу чтения им «Спартака». Вообще они сильно напирали на естественные науки, и я, просматривая книги, полученные от этих господ, видел чаще всего или сборник арифметических задач, или курс грамматики, или что-либо в этом роде. Когда же молодежь спрашивала книгу посерьезнее, то ей отвечали, что это еще преждевременно, нужно, мол, раньше географию, арифметику, грамматику знать, а потом уже браться за серьезные книги. После этого понятно будет, почему молодые люди постоянно жаловались на своих руководителей и неохотно штудировали даваемые им книги.

Конечно, нельзя отрицать хорошей стороны и в учебнике, но это должно было быть пройдено в школе, а не тогда, когда человек желает понять суть его социального положения или интересуется рабочим движением. Все же немало было случаев, когда ученики народников забрасывали своих учителей, но не могли отдаться целиком рабочему движению, где требуются жертвы, так как они воспитывались своими учителями в эгоистическом духе копеечной выгоды, тогда как социалистическое мировоззрение требует отказаться от всякой копейки и даже стремиться к осуществлению уничтожения всякой копейки. Помню рассказы товарища, как один из упомянутых народников преследовал его, когда он входил при случае в мастерскую поговорить о ком-либо или воспользоваться случаем и попропагандировать какого-либо знакомого. Бедняге приходилось иногда пускаться на разные ложные приемы, лишь бы только обмануть своеобразное шпионство ретивого народника. При разговорах с народником этого сорта мне постоянно приходила на память фраза петербургского товарища Н. [В. А. Шелгунова], сказанная в отношении одного рабочего либерала в Петербурге:

«Как либерал, он ничего, очень хороший человек, но как рабочий социалист — он порядочная свинья». Это же самое можно сказать и про этих господ, перефразировав только первую часть фразы. И таких-то господ иногда русские жандармы преследуют и даже карают! Это только показывает, что полиции и жандармерии всякий пень чертом кажется.

Я решил не входить ни в какие отношения с упомянутыми народниками и просил товарищей не говорить им обо мне, дабы они меня не знали. Я опасался возможности распространения про меня разных слухов, благодаря которым мне трудно было бы остаться неизвестным. Пользоваться же известностью при современных русских условиях очень опасно, что, конечно, я отлично понимал и, оставив в стороне народников, конечно, имея постоянно за ними особое наблюдение, начал похаживать на Кайдаки, где собирались тамошние хлопцы. Пробыв там часов до двенадцати, до часу ночи, я отправлялся домой, провожаемый несколькими человеками до какого-то яра, откуда я сам направлялся к Днепру, ежась от сильного пронзительного ветра и мороза и держа наготове небольшой кинжал, так как ходить в таких местах не безопасно, в чем я раз убедился, когда у меня отобрали деньги и еще какую-то вещь. Знакомство на Кайдаках позволило мне потом пустить листки там, где они раньше не появлялись и где они потом не прекращали появляться до самого моего прощанья с Екатеринославом, и уверен, что и после этого.

Настала весна 1898 года, и мы остались сиротами. Уже вскоре после появления первых листков началась сильная слежка за нашими интеллигентами, и им следовало бы расстаться с этим местом, но, видимо, они были совершенно иного мнения и твердили нам, что за ними никто не следит и продолжали посещать нас и готовить все новые и новые листки для распространения.

Как-то раз у нас была назначена встреча по поводу какого-то вопроса или получения листков. Мы пришли с товарищем в назначенное место, но никого не встретили из своих и только заметили стоящего на углу улицы незнакомого человека. Не обратив особого внимания на это, мы остановились и начали беседовать. Мы стояли на площади довольно долго, и стоявший на углу человек начал подозрительно присматриваться к нам. Обратив на него внимание, мы начали обсуждать вопрос, не шпион ли это стоит. Я пошел прямо на него, желая посмотреть ему в физиономию. Заметив это, он пошел вдоль улицы, но вскоре свернул в один двор, где и скрылся; дойдя вплотную до ворот этого дома и никого там не заметив, я вернулся и сообщил товарищу, что, очевидно, это случайность, и мы продолжали стоять на безлюдной площади, уже волнуясь и обижаясь на неаккуратность товарищей. Наконец, товарищ пришел, а вскоре за ним явился и интеллигент. Когда нас собралось четверо и мы приступили к обсуждению какого-то вопроса, то темная личность выросла опять поблизости нас и начала нагло и суетливо бегать вокруг нас. У нас появилось сильное желание спровадить на тот свет шпиона, но ни у кого не оказалось револьвера, тогда как он, видимо, был вооружен. Решили пустить в ход холодное

оружие, и все двинулись к нему. Догадался ли он об угрожавшей ему опасности, или просто думал, что мы будем пересекать площадь, но направился вдоль этой площади довольно скорым шагом. Когда он был довольно далеко от нас, мы круто повернули, быстро прошли часть улицы, а потом перепрыгнули через забор и, пройдя на другую улицу, опять перелезли забор и попали на железнодорожный двор, где среди массы вагонов трудно было проследить за нами. Таким образом, наше собрание прервалось, и мы, перекинувшись наскоро о деле, получили листки и разошлись по своим квартирам. Это было последнее свидание с интеллигентом, так как, как потом оказалось, за ним следили по пятам, и указанная темная личность пришла специально за ним из города. Когда же интеллигент спрятался в пустой товарный вагон, шпион сообразил, что должно произойти свидание на указанном месте и остался поджидать в надежде выследить кого-нибудь из рабочих. Это ему не удалось, но зато интеллигента жандармы скоро изъяли из обращения.

Припоминая этого интеллигента, могу сказать, что человек он был преданный и слепо верил в скорое осуществление своих взглядов.

Помню, как-то ночью, когда я провожал его домой, мы встретились неожиданно с Д[амским]. Кругом нас — ни души: опасная часть города не часто видела прохожих в такие поздние часы, поэтому, спокойно расположившись на мостике, мы повели довольно оживленный разговор о нашей работе.

Нас покрывала ночная мгла, и только вдали обширное зарево Брянского завода ясно и внушительно говорило о необходимости работы. Интеллигент, увлекшись, заявил, что еще года три — много — четыре нашей работы — агитацией, и весь этот строй развалится.

Я мысленно ухмылялся наивности увлекающегося интеллигента, этого горячего, не глубокого человека-социалиста, но готового жертвовать собой без остатка, ради своих идей. Все же не хотелось разуверять его, он был ценным человеком для Екатеринослава, он первый начал работать агитационным путем и первый принес листки, долженствовавшие показать и сказать массам рабочих об их тяжелом житье и вселить жажду революции в их забитые головы. Кажется, продолжительное тюремное заключение впоследствии совершенно расшатало умственную систему этого пионера.

Итак, он был арестован, были арестованы и еще некоторые интеллигенты, но из рабочих никто арестован не был. Поэтому, хотя поражение было чувствительно и для нас и для дела, но никоим образом эти аресты не могли отразиться более глубоко на работе в массах, так как вожаки — рабочие были целы. Дела шли довольно хорошо, и день ото дня круг участников распро-

странения литературы расширялся и расширялся, но я несколько забегаю вперед.

Как было упомянуто мною, при самом начале распространения листков, употреблен был способ расклеивания таковых по заборам около проходов и углов, однако полиция вскоре обратила внимание на это, и пришлось этот способ видоизменить. Помню, как-то раз ночью был порядочный мороз, под ногами хрустел снег, когда я и мой товарищ вышли из квартиры с карманами, набитыми сложенными в три угла листками. Мы направились по одной улице, в которой бросили три или четыре листка, потом, дойдя до последних улиц, пошли по двум параллельным улицам, раскидывая по дороге листки, при этом приходилось довольно часто переходить с одной стороны улицы на другую. Наконец, при окончании улицы, мы сошлись и пошли по направлению к Брянскому заводу, стараясь по возможности бросать листки на все тропинки, ведущие к заводу. Пройдя довольно много, мы свернули и, перейдя железную дорогу, пошли в другую местность, и, потом идя оттуда, опять бросали листки, так как путь шел к заводам. Пройдя около забора и побросав тут, поднялись опять на железную дорогу, прошли под вагонами стоявшего у семафора поезда, и опять на дороге побросали листки. Когда мы увидели, что карманы наши опустели, то повернули обратно и, миновав завод, прошли к очень людной тропинке, ведущей на завод, на которой и посеяли остатки листков. Нас было двое, но мы постарались раскинуть листки на столько путей, что они поневоле должны были попасть на каждый завод. Раскидав таким образом листки и оставшись совершенно чистыми, мы спокойно возвращались по домам, сделав в известных местах на заборе по соответствующему знаку мелом, для того чтобы днем заметили эти знаки свои люди и поняли бы, что в таком-то месте все обошлось благополучно, а следовательно, можно пойти к такому-то на квартиру. Утром, являясь на завод, каждый из нас слушал рассказы и толки о листках.

Интересно, как люди были склонны преувеличивать происшедшее за ночь. Многие толковали, что, мол-де, очень много «их» работает, если в одну ночь всюду появились листки, и при этом, конечно, слышались разные толки о могуществе и силе «этих людей», их смелости и т. п., что, мол, если и заметишь, что они распространяют, то лучше уходи от них, а то они могут прямо убить. Все это выслушивалось с большим вниманием. Впоследствии распространители действительно брали с собою револьверы.

Находя на улице листок, рабочий не подвергался никакой опасности и приносил на завод, где и прочитывали его. Если первое время трудно было подметить, какое впечатление производит листок и что толкуют рабочие, так как было малое количество активных участников, то зато потом на это обращалось особое

внимание, и всякому вменялось в обязанность по возможности прислушиваться к толкам и обо всем сообщать в комитет. Кроме того, каждый активный должен был, по возможности, знакомиться и ходить в гости к рабочим, ничего общего с революцией пока не имеющим, для того, чтобы собирать как можно больше точных сведений о заводе.

После трех или четырех листков, распространенных на Каменском заводе (в 30 верстах от Екатеринослава), рабочие, распространявшие этого рода литературу, навлекли на себя подозрение. И вот как-то в воскресенье приезжает ко мне сначала один из распространителей, потом еще один и сообщают о своем намерении бежать в Австрию, где гораздо лучше и свободнее, нежели в России.

Я очень жалел, что люди уезжают в то время, когда как раз начинается работа и всякая сознательная единица очень важна и дорога, когда ничего твердого еще не поставлено, а тут люди как будто бы, ради только своего «я» стараются улепетнуть — это было очень досадно.

С другой стороны я опасался, что их могут действительно арестовать, а это значит — дать лишний козырь в руки жандармов. В то же время приятно было избавиться от жандармов, отправив этих людей из Екатеринослава, и, таким образом, обойти чудовищного врага, открывшего пасть на свою жертву. Я убедительно просил моих каменских товарищей, сообщить мне о благополучном миновании русской границы. Они обещали мне это, и я действительно вскоре узнал о благополучном прибытии их в один австрийский город, где они вскоре же получили работу. Эти товарищи, уезжая, оставили нам связи, и после их отъезда появление листков продолжалось так же правильно, как и раньше. Это были первые товарищи по революционной деятельности в Екатеринославе, с которыми мне пришлось расстаться. Вскоре после этого случая пришлось расстаться еще с одним другом, с которым мы распространяли по ночам листки и который сидел иногда в яме колодца. Так складывались обстоятельства, что лишь только где начинается движение, как вскоре же приходится терять товарищей, с которыми пришлось поработать и сойтись по душам.

После этого вскоре мы потеряли несколько интеллигентов, которые до сих пор являлись нашими вдохновителями. Но к чести интеллигенции нужно сказать, что все время она ничего почти самостоятельно не предпринимала раньше, чем не посоветуется с нами, и потому то новое дело у нас так удачно шло и развивалось; за все время между нами не произошло почти ни одного разногласия, это очень важно везде и всюду при начинании такого дела, и это необходимо заметить. И вот приходится терять такую интеллигенцию, которая до сих пор выполняла самую важную работу.

Нужно ли говорить, что это тяжело отразилось на нас, но это еще тяжелее отразилось на деле агитации; некому было выполнить даже технической стороны этого дела, особенно это почувствовалось в недостатке листков, так как составление и редакцию таковых мы, конечно, не смогли выполнить сами. Как несчастье после какого-либо обвала, засыпавшего людей, не позволяет долго обдумывать особых приспособлений для отрытия их, а заставляет скорее схватить лопату и рыть, рыть без устали, без конца, до тех пор, пока не удастся отрыть живых или мертвых тел, так точно и нам некогда было обсуждать наше положение и нужно было по возможности скорее принимать наследство.

Товарищу Д[амскому] пришлось устраиваться со складом литературы, хотя таковой было не так много, но тем более она была ценной для нас, тем более мы должны были ее хранить насколько возможно тщательнее и осторожнее. Д[амский] нанимает квартиру за два рубля и привозит на эту квартиру литературу в корзине, ставит под кушетку (род деревянной кровати), а сам на другой день уходит, говоря, что ему нужно отправиться по своей службе в отъезд, на самом деле он уходит на ту квартиру, где постоянно живет и откуда не думает уезжать, а на квартиру с литературой он стал ходить один или два раза в неделю переночевать, дабы не заподозрили чего-либо, или же специально за литературой.

В то же время приходилось искать себе помощников, так как работать вдвоем было очень трудно, да и жутко было брать на себя столь сильную ответственность в руководстве и наставлении больших тысячных масс. Насколько помнится, листки у нас выходили в то время, но уже активность со стороны интеллигенции была в это время очень незначительна.

Не говоря о том, что листки приходилось полностью редактировать мне и Д[амскому], но очень часто Д[амскому] приходилось писать оригиналы для гектографа и печатать листки. Мы же должны были руководить и распространением этих листков, но это было легче, так как у нас была очень сильная и серьезная поддержка среди рабочих; достаточно было передать листки, а там распространят и помимо нас.

Наша работа пошла энергично вперед и начала пускать свои корни все шире и глубже.

Нам удалось привлечь к нашей работе двух совершенно новых лиц и образовать, таким образом, довольно тесную группу людей, задавшихся целью руководить всем движением города Екатеринослава, издавать листки по самым различным поводам, отвечая на все вопросы, возникающие на заводах. И наше слово претворилось в дело. Мы готовили листки в большом количестве, и они массами оказывались у рабочих и на центральных улицах Екатеринослава.

Помню, что у нас происходило одно собрание по поводу какого-то вопроса. Как и всякое собрание того времени, оно происходило на воле, где-то за городом. Помню, мы все собрались и ждали запоздавшего товарища. Говорили о разного рода вопросах, сообщали кое-какие слухи и начали беседовать по поводу сегодняшнего собрания, а товарища все нет и нет. Нам надоело ждать, но все же, не зная причины отсутствия, мы теряли всякое терпение и почти решили разойтись. В это время товарищ появился, мы встретили его далеко не ласково и начали сурово допрашивать о причине его запоздания, он же отвечал как-то отрывисто и вообще чувствовал себя очень возбужденно. Наконец, он пообещал сообщить нам кое-что особенное, что сильно нас порадует и порадует всю русскую землю и всех русских рабочих. Он видимо составил план, как бы подействовать сильнее на нас. Мы молча слушали его и ожидали, когда он скажет суть самого главного, и что, наконец, это самое главное? Наконец, он торжественно объявил, что все «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» слились в единую партию, и названа она «Российской социал-демократической рабочей партией». Он вынул выпущенный по этому поводу Манифест от партии, который мы сейчас же прочли стоя, в честь партии [91]. Тут же на собрании мы объявили себя «Екатеринославским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии». Признаюсь, меня порядком удивило то место в Манифесте, где говорилось о представителе на съезде от г. Екатеринослава, между тем как я знал, что у нас не было такого интеллигента, которого можно было послать на съезд. И на прежних собраниях не было ни разу упомянуто о человеке, который мог бы туда поехать. Все это довольно неприятно и тяжело подействовало на меня. Мне было ясно, что тут была допущена ошибка со стороны интеллигенции, которая, послав представителя от города, поступила неправильно и даже преступно против рабочих, так как она рабочим даже не заикнулась о представительстве на съезде. Это в глазах внимательного рабочего, принимающего участие в движении, не могло не вызвать некоторого пренебрежения к такого рода приемам. Нужно было быть действительно преданными делу, чтобы не подымать по этому поводу споров и не потребовать отчета; притом же мы, назвавшие себя «Екатеринославским комитетом», даже и теперь не видели представителя, объяснившего бы нам суть съезда, но дисциплина была так сильна, что и после ни разу не подымался вопрос об этом [92].

Напечатано в книге «Воспоминания И. В. Бабушкина 1893—1900 гг.», Л., 1925 г., стр. 89—103

Печатается по тексту книги

О КИЕВСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ» И I СЪЕЗДЕ РСДРП

Б. Эйдельман

ИЗ КНИГИ «ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП» [93]

Когда группа «Рабочей Газеты» решила созвать съезд*, то первым был решен вопрос о том, из кого должен состоять съезд. Решено было, что съезд будет состоять из представителей социал-демократических групп, а не отдельных социал-демократов, которые представляли бы только самих себя. Группы же, чтобы иметь право на участие, должны были вести действительную работу на местах. По своим связям группа «Рабочей Газеты» надеялась не упустить ни одной из них. Если тем не менее некоторые социал-демократические организации не были приглашены на съезд, то этому были особые причины, о которых речь впереди.

Второй вопрос был о том, как быть с городами, где действуют две самостоятельные социал-демократические организации. Собственно, такого случая, где имеются две самостоятельные социал-демократические организации, группа не знала. Она хотела только считаться с тем положением дел, когда в данном месте в интеллигентской группе работала специальная организация рабочих социал-демократов, как, например, Киевский рабочий комитет. На такой случай предположено просить прислать от каждой приглашаемой на съезд группы двух делегатов, в том числе одного от рабочей организации, по возможности рабочего же.

После первого объезда мысль о двух делегатах от организации была оставлена. Ясно было уже тогда, что рабочих будет очень мало на съезде или вовсе не будет. Как ниже увидим, был всего один делегат-рабочий. А вопрос о том, как лучше организовать представительство на местах, после первого объезда был оставлен на решение той группы, которую решено было пригласить на съезд.

---

* Или, как мы из конспирации называли его, коллоквиум.

Это были первые решения группы, созывавшей съезд, до первого специального объезда всех известных группе организаций. Эта первая поездка для переговоров о съезде должна была ознакомить с личным составом групп и на местах собрать сведения о положении дел, особенно в более молодых организациях, которые не успели еще выяснить своей физиономии в местной работе или в своих изданиях, недостаточно выразили свои взгляды или не доказали своей конспиративности. На последнее качество группа «Рабочей Газеты», вышедшая, как мы видели, из хорошей конспиративной школы, обращала особенное внимание. Требовалась строгая точность и пунктуальная аккуратность в исполнении правил конспирации, которая одна только давала более или менее продолжительное существование подпольной организации. Напомним, что после виленской организации только группа «Рабочей Газеты» имела в своих рядах членов, работавших беспрерывно пять лет и более, если прибавить сюда и годы предварительных знакомств с чисто интеллигентскими революционными организациями. Только Бунд насчитывал в своих рядах работников старшего возраста и опыта.

Хотя группа «Рабочей Газеты» и стремилась объединить все *социал-демократические* организации, однако она программы на съезд не представила.

Хотя группа и обсуждала вопрос о программе * и отдельные части программы были распределены между несколькими членами, но на выработку программы не хватило ни сил, ни времени.

Задача групп, собравшихся на первый съезд, состояла не в выработке программы, а в сплочении с.-д. элементов вокруг одного центра и в создании дееспособного центра организаций, объединенных единством взглядов на ближайшие практические задачи партии и на методы их достижения. Что касается основ социал-демократии и согласования всех программных требований в стройной и полной системе, согласно основам, то это поневоле приходилось отложить. Первой на очереди задачей группы считали из накопленных социал-демократических элементов создать фактически живое целое и тогда можно будет подумать о логически стройном согласовании частей в полную социал-демократическую программу. Пока мы вынуждены были ограничиться тем, как в 1897 году писал Владимир Ильич, что «теоретические воззрения социал-демократов представляются *в главных и основных своих чертах* достаточно выясненными» **.

Теперь мы постараемся поближе рассмотреть те ближайшие мотивы, какие повелительно требовали от групп быстрейшего создания центра и объединения вокруг него.

---

* Здесь имею в виду собрание на кв. А. А. Иогансона, кажется, на Музыкальном пер.

** См. настоящее изд., стр. 24. *Ред.*

Хотя и теперь (писано в 1906 г.) конспирация не излишня, но количество работы, которую теперь нужно делать конспиративно, в сравнении с конспиративной работой того времени — невелико. Одна только доставка читателю печатной книжки с изложением основ социал-демократии чего стоила!

Очень часто книжка пропадала в рукописи. Часто, совсем готовая и отпечатанная, она пропадала накануне выхода вместе с типографией, как в первом случае (в рукописи), с почтальоном или автором. Так, на каждом шагу подстерегал ее враг. И эта книга теперь (писано в 1906 г.) почти свободна. Так обстоит дело и с некоторыми другими функциями наших организаций. В описываемое время типография и контрабанда отнимали много сил у подпольных организаций.

При этих условиях всякая местная группа, имевшая возможность нажить известный опыт, сознавала пользу объединения групп и создания центральной организации.

Центральная организация при известной строгости конспирации почти неуловима. Местная же, несмотря ни на какую конспиративность, делается раньше или позже известной властям и обречена на погибель. Спасает только перемена места; но без центральной организации, знающей эти места, перемена места или невозможна или бесполезна для дела.

На наших глазах погибли все крупные местные организации. Погиб Спб. «Союз борьбы», основанный в 1895 г., провалился Московский «Рабочий союз», основанный в 1896 г., провалилась и группа четвертого «Летучего Листка» [94]. Это была группа бывших народовольцев, эволюционировавших к социал-демократии. Последняя группа погибла, когда наша группа решила вступить с ней в переговоры через виленчан об объединении. Киевская группа, в том числе многие члены группы «Рабочей Газеты», была накануне провала. За многими из них явно следили. Этим обстоятельством объясняется, что аресты членов группы «Рабочей Газеты» 10—11 марта 1898 г. были произведены во многих городах (Петербург, Москва, Самара, Екатеринослав и др.). Члены группы хотели спастись, удалившись на время от дел к своим родным и знакомым, на нейтральную почву. И это, конечно, не помогло. Только существование дееспособной центральной организации могло сделать продуктивной и возможной частую и своевременную перемену местного личного состава. Только таким образом возможно было сохранить опыт старых работников и их самих. В противном случае пропадало и то и другое. Вот что в первую очередь толкало их к объединению и дало возможность практически поставившей себе эту задачу группе «Рабочей Газеты» выполнить ее.

Вполне ясно понимали эту задачу старые опытом организации.

Молодые организации ценили возможность получить своевременно и в достаточном количестве с таким трудом создаваемую, издаваемую и доставляемую нелегальную литературу и возможность через центральную организацию осведомляться о рабочем движении в России. Все это обещала программа съезда в пункте, определявшем задачи ЦК партии. Возможность регулярного осведомления высоко ценилась всеми организациями. Что отличало молодые организации от старых, — это боязнь за свою самостоятельность при существовании центра с широкими полномочиями. Этой детской болезни, боязни за свою самостоятельность, не избежала, кажется, ни одна организация.

Таким образом, к доводу сохранения энергии (путем централизации и конспирации) присоединялся и второй весьма сильный довод — истребление партикуляризма. Раньше боязнь нарушения своих прав центром, потом идет охранение своих прав ради охранения, и забывает так маленькая провинциальная группка, ради чего и каким образом получила она, самостоятельная группа, свои права. Права ради прав — вот и партикуляризм! А там пошла «оппозиция» и все прелести захолустья.

При существовании центральной организации на всех новых пунктах можно было создать сразу колонии-комитеты. При этом сохранялся опыт старых работников, уменьшалась потеря революционной энергии при выработке революционного опыта на местах, и вместо колокольного патриотизма партикуляристов воспитывалась партийность.

Вот главные ближайшие мотивы, заставившие с.-д. группы собраться в 1898 году на съезд и создать партию.

Перехожу к обзору имевшихся в России групп ко времени съезда.

К тому, что было сказано по поводу киевской конференции о Москве, остается мало прибавить. После первого провала Московского «Рабочего союза» первого состава и краткого расцвета второго состава, о котором выше было рассказано, Москва так и не создала большой и сильной организации. На съезд от Москвы был приглашен молодой и слабый Московский «Союз борьбы».

Виленчане успели создать областную организацию (Бунд), которой не было еще во время киевской конференции.

Из четырех «Союзов борьбы» особенную физиономию имел Екатеринославский. Одно время (1894—1895 гг.) тут работали и проваливались киевские студенты *, которые стояли близко к русской социал-демократической группе. Провалившись, они дали членов заграничной колонии эмигрантов и сибирской колонии ссыльных. Своеобразие Екатеринославского «Союза» заключалось

* Это группа Линдова — Лейтейзена, о которой выше упомянуто, и доктор Фридель.

в том, что он был организован по определенному плану группой «Рабочей Газеты» *. Сразу здесь осела небольшая группка членов организаций других городов и с известным опытом. А среди рабочих были ссыльные из других двух центров рабочего движения. Были виленские ремесленники, высланные сюда, и большая группа петербургских участников стачки 1896 года. Екатеринославский «Союз» принялся за объединение всех этих элементов.

Еще группе «Рабочая Газета» были известны организации в Одессе, Николаеве и Харькове.

В Одессе киевская группа имела связи и готовилась создать местную организацию, но призывать из Одессы представителей на съезд мы не считали нужным. Относительно Одессы надо сказать то же, что и о Москве. И тут и там ранний провал организации уничтожил всякую надежду на воссоздание ее. Что касается Одессы, то мы имеем в виду провал 1894 г. при попытке без предварительной подготовки начать широкую агитацию **.

О Николаеве мы узнали, что там имеется маленькая живая группка, которая за очень короткое время успела проявить большую энергию в агитации масс. К нам доходила газета, издаваемая этой группой («Наше Дело») [95]. В Николаеве у нас был одно время ученик из школы-мастерской Мельникова ***. Ученик этот кончил жизнь самоубийством. Николаевскую группу мы считали мало конспиративной. Группа была накануне провала ****. Поэтому группа не получила приглашения на съезд.

В Харькове мы имели через А. Д. Поляка связи в рабочей среде ***** и, таким образом, разыскали молодую интеллигентскую группку. При первом объезде предстояло обратить особое

* В Екатеринославском «Союзе борьбы» принимали участие К. А. Петрусевич, М. В. Орлов (работавший раньше в Кременчуге), Левина (тоже из Кременчуга) и др. Из Вильно в Екатеринославе работал Гальперин (Душкан).

** Кстати, сошлюсь на эти примеры в оправдание осторожности в тактике при переходе к новым формам борьбы, как эта осторожность проявилась киевской группой «Рабочее Дело». Киевская с. д. группа убеждала в своей прокламации сознательных рабочих не участвовать 18 марта 1897 г. в демонстрации, на которую призывала рабочих киевская группа эсеров. См. прокламацию «К сознательным рабочим» [96].

*** Ученик Мельникова — это Ефимов.

**** Во время съезда группа была уже в тюрьме.

***** Через наборщика Б. К. Линцера, который свел меня с д-ром Л. Б. Фейнбергом. См. его интересные записки в «Летописи Революции» № 3, 1925 г. «В рядах Харьковской социал-демократической организации».

В своих записках Фейнберг, может быть, отчасти прав, думая, что я не вполне понял его план создания партии. Тогда часть вины падет и на него, что он не сумел мне уяснить свой план. А главное вот что. Мы тогда хорошо и ясно видели, чего не хватает нашей группе. Но при всем том мы были уверены, что попытку создать объединение и центр — шаг полезный, и никакие возражения нас не могли остановить.

внимание на две организации: на московскую и харьковскую. На московскую потому, что она по личному составу была нам очень мало известна, хотя и считалась преемницей Московского «Рабочего союза». Харьковская же организация была совсем молода. Эта группа при первом объезде после долгих переговоров дала свое согласие, но когда при втором посещении ей была передана программа съезда, она представила письменный отказ от участия в съезде, мотивируя его несвоевременностью создания партии при слабости групп Петербургского и Московского «Союзов борьбы».

* *
*

Несогласие Акимова с моей характеристикой Харькова заставляет меня сказать еще несколько слов о харьковской организации. На странице 139 и следующей Акимов говорит о харьковской организации *. У меня об этом подробно рассказано. Как известно, харьковская организация отказалась участвовать в съезде. По рассказу Акимова, харьковцы написали объяснительную записку с подробной мотивировкой и принципиальным обоснованием своей позиции. Вся записка, о которой говорит Акимов, умещалась на одной стороне четвертушки обыкновенного листа писчей бумаги: там было строчек 6—8, не более. Точное содержание ее изложено у меня (см. выше). Я потребовал письменного отказа потому, что мотивировка казалась мне чрезвычайно неправдоподобной, которой трудно будет поверить. Эта харьковская записка была мною доставлена на съезд и если не была затеряна в Минске, то была взята жандармами при моем аресте вместе с другими документами в Екатеринославе 10 марта 1898 г. В нашей группе даже сложилась определенная характеристика таких молодых групп, как харьковская. Мы говорили, что такая-то группа не согласна на тот или иной шаг потому, что еще не все ее участники успели дочитать тот или иной том «Капитала» Маркса (смотря по времени). На харьковскую группу мы смотрели, как на молодой кружок, который только что начинал переходить к практической работе.

Все, что Акимов написал о Харькове, настолько мало соответствует моим сведениям, что даже и не напоминает того кружка, с представителем которого велись переговоры о съезде.

Судя по всему, представителем этим был «Левка»** (так его назвал, по моему описанию, Кремер).

В моей памяти совершенно ясно восстанавливается картина многочасовой беседы с этим лицом на квартире наборщика ***.

* См. «Минувшие Годы» № 2, 1908 г.

** Л. Б. Фейнберг.

*** Б. К. Линцера.

Тут мы беседовали чуть ли не целый день. В результате осталось впечатление о крайне молодой и мало практически работающей группе с какими-то неопределенными планами. Я хорошо помню, что мой собеседник рассказал мне об имеющей создаться группе, что-то вроде курско-брянской или подобной, в духе названия железнодорожной линии, хотя группа эта ничего общего с железной дорогой не имела.

Чтобы покончить с Харьковом, я напомню, что лично я особенно интересовался Харьковом. Там работал товарищ Ювеналия Дмитриевича Мельникова, Андрей Филиппович Кондратенко, но его мне найти не удалось *.

На стр. 134, 135 своей работы Акимов рассказывает о поездке в Петербург К. А. Петрусевича. Не касаясь подробностей и причин неуспеха этой поездки (об этом у меня написано в конце главы «Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса»), я должен указать, что никакого отношения к переговорам о съезде эта поездка не имела, как об этом можно подумать по рассказу Акимова **.

То же самое нужно сказать по поводу рассказа об участии Л. В. Теслера в переговорах о съезде. На стр. 148 Акимов пишет, что «Теслер... оказывал содействие группе «Рабочая Газета» по созыву съезда». Никакого непосредственного участия в переговорах о созыве съезда Теслер не принимал. И далее на стр. 138 Акимов пишет, что Московский ««Союз» обсуждал... проект порядка дня съезда, выслушал сообщения делегатов «Рабочей Газеты», сначала Эйдельмана, а затем Теслера». Ни вместе со мною, ни отдельно Теслер от имени группы «Рабочей Газеты» о съезде ни в Москве, ни в каких-либо других местах переговоров не вел.

Теслер, как правильно указано у Акимова, предлагал доставить мандат от заграничной группы, но группа «Рабочей Газеты» отклонила это предложение.

Тут же, пожалуй, уместно будет указать, кто из группы «Рабочей Газеты» и с кем вел переговоры об общих делах: газете, съезде и др. Но раньше всего я хочу назвать фамилии товарищей, с которыми в разное время наша группа вела переговоры. В Вильно это был главным образом Александр Кремер, а раньше — Копельзон. В Питере велись переговоры с Сильвиным, Б. Гольдманом, С. И. Радченко, Саммером. Кроме меня из нашей группы принимал участие в переговорах и ездил по поручениям Николай Абрамович Вигдорчик. Он развозил приглашения на киевскую конференцию 17—18 марта 1897 г.

---

* См. статью В. Перазича в «Еженедельнике Правды» № 14: «Ювеналий Мельников и Харьковский рабочий кружок».

** «Минувшие Годы» № 2, 1908 г.

Именно он переговаривался с Сильвиным, и он же передал приглашение в Иваново-Вознесенске (или через Москву) Шестернину. С поручениями к Радченко ездили еще Вера Григорьевна Кржижановская и Софья Владимировна Померанц. С другими, кроме, кажется, Сильвина, переговоры вел я.

В статье Н. Крупской * узнаем о поездке по вопросу о подготовке съезда партии. Это впервые опубликованный факт о подготовке съезда в петербургской организации. Что во многих группах вопрос о съезде и создании партии возникал, это общеизвестно. Но о практически предпринятых шагах в Петербурге до сих пор ничего не было известно. А из этой статьи узнаем, что петербургская группа «Союза борьбы» принялась за практическое осуществление плана создания партии.

По поводу императивных мандатов. Из вышеизложенного положения дел в разных тогдашних социал-демократических организациях видно, как сложно было дело объединения всех групп около одного центра. Это и учитывается в проекте устава. Пункт 4 гласит следующее: «Полномочия делегатов должны быть возможно шире, чтоб не мешать им присоединиться к общим решениям и тем не тормозить занятий коллоквиума. Во всяком случае каждая группа или союз должны снабдить своих делегатов определенным решением по главнейшим пунктам». Мне кажется, что здесь дана гибкая формулировка неограниченных полномочий делегатов съезда. Но нужно принять во внимание и пункт d, в котором написано так: «По каким из перечисленных вопросов группа согласна подчиниться решению простого большинства и по каким она безусловно остается при своем мнении» **. В конце концов я думаю, что все-таки речи нет здесь об императивных мандатах.

По поводу Иваново-Вознесенской организации я уже сказал, что ко времени конференции 1897 года было передано ей приглашение, а ко времени съезда организация там была разрушена. Вообще, все рассуждения Акимова о том, что нужно было пригласить на съезд еще одну или другую организацию, неосновательны.

В наших изданиях, например, имеется корреспонденция из Костромы. Значит ли это, что мы могли пригласить оттуда делегата на съезд? Конечно, нет. Мы звали на съезд только такие организации, которые были достаточно крепкими, где работа велась систематически.

По поводу группы «молодых» и «стариков» в Питере я должен сказать, что мы вели переговоры с теми, которые были прямыми преемниками первого Петербургского «Союза борьбы».

---

* «Творчество» № 7—10, 1920 г. (См. настоящее изд., стр. 130. *Ред.*)
** См. «Устав коллоквиума», настоящее изд., стр. 86—87. *Ред.*

Что касается Перазича, о котором упоминает Акимов (страница 138), то он был нам известен, и на первых заседаниях выбранного на съезде ЦК ему предназначалась ответственная работа. Сейчас не могу припомнить, какая именно. На стр. 139 Акимов пишет о Гандлере и об Одессе. Все сказанное здесь — сплошное недоразумение *. А характеристику Гандлера Акимову дал, вероятно, я. Приглашать на съезд Гандлера из Одессы никому и в голову не могло прийти. Сношения с Одессой поддерживал А. Д. Поляк и одно время Д. В. Лесенко, когда он, по окончании университета, служил в Управлении юго-западных железных дорог и одно время ездил в качестве экстренного контролера. В связи с этим припоминается мне фамилия Гранковской, которую мне, вероятно, называл Лесенко, — впоследствии, если я не ошибаюсь, подневольная жительница Вятской губернии, как и сам Лесенко.

Из национальных социал-демократических организаций только за несколько дней до съезда была приглашена на съезд литовская социал-демократическая партия, но она делегата не прислала. Приглашена была эта организация так поздно потому, что мы ее очень мало знали раньше. Что касается социал-демократии Царства польского и Литвы, то ее мы также очень мало знали, и она приглашена не была. Хорошо нам была известна польская социалистическая партия, но ее мы не думали приглашать, так как ни группа «Рабочей Газеты», ни какая другая из социал-демократических групп не считала ее социал-демократической.

По поводу ППС (Польской социалистической партии) нужно раньше всего заметить, что сообщение Акимова (стр. 142), будто она оказывала какие-то услуги группе «Рабочая Газета», ни на чем не основано.

Не помню, чтобы нам были предъявлены ППС вполне точные требования, но при личных переговорах со мною об одной услуге я получил очень много советов, в которых наша группа не нуждалась, и отказ в содействии (речь шла о каких-то частях типографии), и наша группа осталась при том мнении, что с ППС придется вступить в переговоры уже создавшейся партии. Отношения через киевскую организацию с киевскими несоциал-демократическими группами со дня образования Киевского «Союза борьбы» совершенно прекратились. Осталось личное знакомство и ни к чему не обязывающие разговоры. В нашей группе «Рабочей Газеты» мы называли ППС дружественной иностранной державой.

Переговоры с ППС, о которых пишет Акимов, могли иметь место по поводу работы Бунда. Но прямого отношения к съезду

* Записка Даргольца об одесской организации, опубликованная в 1923 году, убедила меня в некоторой неправильности моей оценки сообщаемого Акимовым об Одессе.

эти переговоры не имели. Работа Бунда, в частности А. Кремера, имела громадное значение, но переговоры о созыве съезда непосредственно велись группой «Рабочей Газеты». По предложению Бунда и через Бунд непосредственно была приглашена только Литовская социал-демократическая партия. При разборе данных о Московском «Союзе» тоже непосредственное участие принимали бундовцы, но только как поручители за москвичей, которых знали раньше, чем киевляне. И когда мы отказались от мысли созвать съезд в Киеве, тогда бундовцы предложили Минск. Вообще я не отрицаю участия и помощи Бунда при созыве съезда. Я утверждаю только, что главную работу по созыву съезда проделала группа «Рабочей Газеты», а не Бунд, как выходит по словам Акимова, а со слов Акимова повторяет Зиновьев в своих лекциях.

Акимов говорит, что бундовцы не приехали на киевскую конференцию потому, что были заняты в это время подготовкой своего съезда для учреждения Бунда. Соображения Акимова по поводу неучастия Бунда в киевской конференции 1897 г. весьма правдоподобны. Но я ничего не помню по поводу записки «О мотивах создания самостоятельной еврейской рабочей организации» *. Такой записки я не знаю. Во всяком случае, никакой записки другим организациям по этому вопросу, при своих специальных досъездовских объездах, я не передавал.

Чтобы закончить с имевшимися к первому съезду группами, которые имели право на участие в съезде, нам остается рассказать, почему не были приглашены на съезд заграничная группа «Союза русских социал-демократов» и группа «Рабочего Знамени» [97].

О наших отношениях к «Союзу русских социал-демократов» мы уже выше говорили. Все сказанное об этом «Союзе» сводится к тому, что, как организация, она была нам чужда. Мы знали хорошо только пару-другую имен и несколько книг. Но мы не видели в «Союзе» живой и деятельной организации. К тому же мы особенно не доверяли непрактикам (в узком смысле слова) вообще, как не знающим местных условий (на этом основан первый пункт устава съезда), и, кроме того, особенно мы не доверяли заграничным из предполагаемой неконспиративности их. Вот почему заграничный «Союз русских социал-демократов» не был приглашен на съезд. Но так как образовавшейся партии нужны были и литераторы, и заграничный комитет, то на съезде об этом и было вынесено известное постановление. Правда, мы мало или почти ничего не знали о разногласиях между членами «Союза» и, принимая на съезде решение о заграничном комитете

---

* Акимов, «Минувшие Годы» № 2, 1908, стр. 146.

партии, имели в виду, конечно, всех работников, а не одну какую-нибудь группу этого «Союза».

Теперь нам остается рассказать, почему не было на съезде «Рабочего Знамени».

В газете «Рабочее Знамя» № 1 от 15 мая 1898 года на стр. 24 читаем: «Наш номер был почти закончен, когда мы получили «Манифест РСДРП». ...Только безобразные условия, заставляющие борцов за рабочее дело действовать тайно, могли привести к одновременному образованию двух партий, стремящихся к одной цели... у нас не только общая цель, но, по-видимому, ...и путь... к ...цели». А в примечании сказано, что имеющая появиться программа, «будем надеяться, рассеет некоторые недоумения, вызываемые отдельными местами «Манифеста»». Однако осталось неизвестным, в чем заключались недоумения группы «Рабочего Знамени». Следующий номер «Рабочего Знамени» вышел в 1900 году, а последним был № 3.

Как известно, группа эта на своих изданиях, до появления «Рабочего Знамени», называла себя кружком рабочих-революционеров. Это был белостокский кружок. О влиянии одного из членов этой группы и его деятельности в Киеве мы выше говорили. Мы знали об этой группе, что у нее имеется около 12—15 членов, кажется, по преимуществу рабочих, что у нее имеется хорошо поставленная типография. Об одном из ее изданий был дан отзыв во втором номере «Рабочей Газеты». Также мы знали, что группа эта вербует членов в Киеве. До выхода ее издания «Задачи русской рабочей партии», которое представляет собою перепечатку женевского издания «Чего хотят социал-демократы?» [98] с прибавлением одной-двух страниц о тактике, мы не имели данных считать эту группу вполне социал-демократической, да и она сама себя, кажется, таковой не считала. Мы судили о группе по М. В. Лурье, который имел весьма широкие полномочия. Так, например, он мог, одобрив рукопись, взяться печатать ее в типографии группы. С этой целью велись у нас переговоры, но они ни к чему не привели. Одно время в их типографии долго лежала изданная потом за границей брошюра Ленина *, переданная через нашу группу из Петербурга, но напечатана не была. Может быть, эта брошюра не осталась без влияния на самоопределение белостокской группы в смысле принятия социал-демократической программы. Киевляне считали эту группу отчасти неопределившейся и несколько близкой по своим воззрениям к киевским эсерам. О других особенностях группы мы говорили по поводу влияния М. В. Лурье на киевскую «оппозицию». После издания «Задач

* «Задачи русских социал-демократов». (См. настоящее изд., стр. 24—39. *Ред.*)

русской рабочей партии» один член Киевского «Союза борьбы» (П. Л. Тучапский) и один Петербургского (С. Радченко) получили предложения от белостокской группы присоединиться к этой партии. Это было незадолго до съезда. Мы считали эти предложения за желание построить партию вокруг белостокской группы «Рабочего Знамени», как центра. Но для этого собиравшиеся на съезд группы не считали ее пригодной. Против приглашения группы «Рабочего Знамени» на съезд говорило сравнительно недавнее присоединение ее к социал-демократической программе и недавняя близость ее во взглядах киевских членов к эсерам. Затем мы считались и с тем, что взгляды группы, судя по М. В. Лурье, представляли некоторые такие особенности (будущая махаевщина [99]), что мы считали нужным выждать их дальнейшего выяснения. Вот почему группа будущего «Рабочего Знамени», заявившая о своем существовании и работе, — что давало по неписаному уставу съезда ей право на участие в нем, как социал-демократической, после выпуска вышеупомянутого издания, — не получила приглашения на съезд. Но выбранный на съезде Центральный Комитет партии одним из первых вопросов решил вопрос о вступлении в переговоры с ней для выяснения отношения и вступления ее в образовавшуюся на съезде партию.

В № 44 «Правды» от 27 февраля 1923 года в 10-м тезисе (25 лет РКП) напечатано: «...часть группы «Рабочее Знамя» имела намерение в 1898 году выделиться в особую социал-демократическую партию в противовес тем социал-демократическим организациям, которые были заражены «экономизмом»».

Не имела «намерения выделиться», а выделилась, образовав партию. Точного названия сейчас не припомню, — кажется, русская социал-демократическая партия. Но самое важное — это речь о противовесе «экономизму». Поскольку речь идет о времени, чрезвычайно близком к дням I съезда, мне это кажется весьма сомнительным. Исправлять прошлое — дело безнадежное. Мотивы же этой организации, ее цели выяснены выше.

Таким образом, на съезде оказались следующие организации: «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» — Петербургский, Московский, Киевский, Екатеринославский, Бунд и группа «Рабочей Газеты» *.

Общее решение о представительстве приведено выше.

Как устраивались выборы делегатов на съезд в других организациях, в том числе и в Бунде, пославшем в своей делегации

---

* К перечисленным организациям можно было бы еще прибавить Киевский рабочий комитет, который имел своего представителя. Это был Тучапский, который одновременно представлял и Киевский рабочий комитет и Киевский «Союз борьбы».

одного рабочего, не знаем. Заметим только, что посылка делегации для Бунда была облегчена тем, что съезд происходил в районе Бунда — в Минске, а средства, конечно, были весьма скромные.

В Киеве выборы на съезд происходили следующим образом.

Киевскому «Союзу борьбы» в полном собрании было доложено *, что предстоит съезд для образования партии, сообщена программа съезда и предложено принять участие. «Союз» выбрал делегата. Затем были собраны все члены Киевского рабочего комитета и несколько нечленов и сделаны тот же доклад и то же предложение. Кроме рабочих была и одна работница **; на этом заседании расширенного Рабочего комитета присутствовали и два интеллигента ***. Один из них был членом Рабочего комитета и в это время, а другой — раньше, в комитете первого состава. Эти интеллигенты уже имели мандаты на съезд. На этом собрании интеллигенты сделали указание, что желательно послать делегатом на съезд рабочего. Но рабочие, из недоверия ли к своим силам, из других ли соображений выбрали интеллигента. Не сомневаюсь, что будь в это время в Киеве Мельников, он был бы выбран, но он, в это время больной, был под надзором полиции в Ромнах в ожидании приговора ****.

По поводу выборов на съезд от рабочих в Одессе и Екатеринославе. Как бы в осуществление пункта устава съезда о выборах рабочих состоялись собрания и намечались кандидаты из рабочих. В Екатеринославе речь шла о Виленском, работавшем в типографии «Рабочей Газеты» вместе с А. Д. Поляком, когда типография была перевезена туда из Киева. А в Одессе намечался Поляк. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях Виленский, Доргольц и Липовецкая-Доргольц *****.

Меньшевики потом говорили о преждевременности съезда в 1898 г. Но идея объединения навязывалась, выдвигалась, диктовалась всем ходом рабочего движения, потому она и по-

---

* Собрание Киевского «Союза борьбы» для выбора делегата на съезд происходило, кажется, в квартире зубного врача И. М. Штейна на Александровской улице. В нашей периферии в Киеве, оказывавшей нам услуги квартирами, адресами и пр., были, кроме сейчас упомянутого И. М. Штейна, еще следующие: фабрикант колесной мази А. С. Блувштейн (адрес для переписки), Бердяев, женщина-врач Гиберман и др. Одно из последних собраний группы «Рабочей Газеты» перед самым съездом происходило на квартире В. В. Водовозова, на Десятинском пер.

** Работница Маня Альтшулер.

*** Присутствовали Тучапский и я.

**** Расширенное собрание Киевского рабочего комитета для выбора делегата на съезд происходило на Жилянской ул., в квартире железнодорожного рабочего Плетата. В своих воспоминаниях в сборнике Истпарта «К 25-летию съезда» рабочие — участники выборов пишут, что это и был 2-й Рабочий комитет, а не расширенное его собрание. Возможно, что так.

***** «К 25-летию I съезда», 1923 г., сб. Истпарта ЦК РКП(б).

явилась почти одновременно во многих городах. Царское правительство главные свои силы бросило на наиболее опасные для него фронты, как Петербург, Москва и др. Поэтому такой город, как Киев, и несколько дольше мог сохранить свою организацию от арестов. Во всяком случае, к году съезда Киевская организация оказалась достаточно сильной, чтобы собрать съезд, который, какие бы ни были его пробелы, недостатки и недочеты, был очередным шагом рабочего движения. Говорили о 1898 годе, как дате случайной. Назвать время съезда датой случайности — значит сделать большую ошибку. Это значит, что пишущий, который не умеет найти данному событию надлежащего места, признает случайностью данное событие. Партия росла медленно. Первый съезд — один из этапов роста. Преувеличивать значение I съезда нет надобности. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года», — писал Ленин *. Но I съезд есть один из этапов прошлого нашей партии.

Из группы «Рабочей Газеты» были выбраны я и Вигдорчик, хотя не без пользы и с полным правом группа могла бы послать и еще одного-двух. Имели значение и экономия, и желание собрать как можно меньше людей из конспирации, а количество голосов, предоставленное каждой организации, как и раньше предполагалось, и на съезде было решено, был один голос для каждой. Но на съезде царило полное согласие, и члены его скоро перестали считать голоса при решении вопросов, так как все решения принимались подавляющим большинством.

Таким образом, первого марта 1898 года вечером в Минске собрались девять представителей социал-демократических организаций: четыре от четырех «Союзов борьбы», три от Бунда и два от группы «Рабочей Газеты». От «Рабочей Газеты» — Эйдельман и Вигдорчик, от Петербургского «Союза борьбы» — Степан Иванович Радченко, от Екатеринославского «Союза борьбы» — К. А. Петрусевич, от Киевского «Союза борьбы» и Киевского рабочего комитета — П. Л. Тучапский, от Московского «Союза борьбы» — Александр Ванновский, от Бунда — Александр Кремер, Мутник (Глеб) и рабочий-часовщик Ш. Кац.

Первое заседание началось до приезда девятого делегата, который ожидался вечерним поездом и приехал ко второй половине заседания **.

---

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 31, стр. 8. *Ред.*

** Возможно, что описываемое здесь собрание происходило не 1 марта, а накануне, и представляло собою не первое заседание, а только предварительное, как это указано в статье Акимова, по воспоминаниям других членов съезда.

Порядком дня служила программа съезда — устав коллоквиума *. Эта программа была представлена группой «Рабочей Газеты» и была передана для обсуждения и дополнения во все социал-демократические организации. Из всех организаций только Петербургский «Союз» прибавил определение задач Центрального Комитета — руководство движением; в программе имелся перечень функций, какие возлагались на ЦК. В программе было сделано указание, что делегаты должны иметь полномочия обсуждать и принимать решения и по таким вопросам, о которых программа не упоминает.

Мне кажется, что ясное представление об этой программе можно составить себе по решениям съезда, которые приложены к манифесту, так как эти решения представляют ответы на вопросы, предложенные в программе. Программа по некоторым вопросам давала и предполагаемое решение; например, по вопросу о названии партии давались два ответа: русская и российская.

Первым вопросом на первом заседании обсуждался вопрос о названии партии. К слову «Российская» было прибавлено слово «рабочая», которого в программе не имелось **. На съезде на второй или на третий день были даны названия учреждениям партии: Центральный Комитет, местные комитеты и известные теперь (писано в 1906 г.) формы для изданий с названием партии в заголовке.

Слово *Российская* было выбрано для партии, чтобы указать, что в работе, какую партия наша делает, принимают участие не только русские пролетарии, но и пролетарии всех других населяющих Россию народов.

Как организация борьбы партия пролетариата России должна была, по мысли съезда, в лице своей центральной организации, быть единой, как един и ее ближайший противник.

После вопроса о названии партии, одним из первых было формулировано отношение нашей партии к национальному вопросу. Вопрос возник по поводу пункта порядка дня: отношение к ППС. Будучи практиками, мы хотели решить вопрос об отношении нашей партии к революционной организации, с которой мы не могли не встречаться, как работавшей на том же поле,

---

* См. настоящее изд., стр. 86—87. *Ред.*

** Тут у меня написано, что на съезде к названию партии было прибавлено слово: рабочая. Это неверно. Дело вот в чем: когда я впервые в 1900 году увидел напечатанный Манифест, то меня смутило название партии. И я не знал, что думать об этом: решения съезда и последний абзац манифеста о преемстве партией наследства «Народной Воли» (так как это предложение на съезде было сделано мной) говорили о съезде 1898 года, но слово «рабочая», прибавленное к названию партии, ставило меня в тупик, и я решил, что память мне изменила. Вот причина моей ошибки.

что и мы, а главное, против того же противника, который был и нашим противником. Ища решения частного конкретного вопроса и не находя его за недостатком данных в опыте партии, мы натолкнулись, однако, на общий вопрос, который должен был быть решен предварительно. Вопрос о Польской социалистической партии (ППС) отнял несколько часов дебатов, может быть, даже больше одного заседания. В результате получился § 8 решений съезда, который содержит принципиальное, программное решение национального вопроса, выраженное в самом общем виде.

Вот этот восьмой параграф решений съезда: § 8. «Партия через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. *Партия признает за каждой национальностью право самоопределения»* * (курсив наш. — *Б. Э.*).

Это был единственный программный вопрос, обсуждавшийся и решенный на первом съезде.

Вопрос о признании заграничного «Союза русских с.-д.» представителем партии за границей был решен довольно быстро. Но об этом потом была речь на заседании ЦК.

В связи с вопросом об автономии местных комитетов была предоставлена и автономия Бунду. Бунд от других организаций, участвовавших на съезде, отличался тем, что представлял объединенный комитет нескольких городов, и некоторая особенность его автономии зависела также от особого языка его членов. Так как Центральный Комитет партии не мог рассчитывать, по крайней мере, на первых порах, сам издавать и литературу на еврейском языке, то эта задача выпадала автономному Бунду. Но в то время, как все остальные местные комитеты могли ставить себе задачей только местные по преимуществу издания, так как общий орган должен был издавать ЦК, еврейские издания все оставались в руках Бунда. В помощь бундовской издательской деятельности со стороны центрального органа партии было обещано передавать Бунду для его еврейского органа газетный материал для одновременного его появления и на еврейском языке. Из всего этого видно, что автономия Бунда, по смыслу постановления съезда, отличалась от автономии других комитетов тем, что права, предоставленные всем местным комитетам, Бундом осуществлялись в большей степени, чем другими, и часть этих прав и функций (имеем в виду издательство на еврейском языке), по-видимому, могла и должна была расшириться с помощью ЦК. Во всяком случае, ни один комитет, ни Бунд не получили права сношений с другими

* См. настоящее изд., стр. 83. *Ред.*

организациями ни в России, ни за границей помимо ЦК партии.

Это видно из того, что сношение с другими организациями и с заграничной было возложено на Центральный Комитет, а заграничная организация «Союза русских социал-демократов» объявлялась представительницей партии за границей. В этом вопросе, как и во многих других, решения съезда намечают только довольно широкие рамки, предоставив последующему опыту жизни партии наполнить их соответствующим содержанием. Для точного определения задач заграничного комитета партии должен был отправиться за границу один из членов ЦК. Чтобы закончить с объяснениями автономии Бунда, приведу еще одно доказательство, последнее, но не наименее важное, что по существу эта автономия не отличалась от автономии других комитетов, как она понималась на первом съезде. Доказательство это я вижу в том, что члены ЦК, избранного на съезде, разделяя между собой предстоящую работу, ничем не выделяли своего товарища из бундовцев от других членов этого комитета ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Никаких особенных прав, привилегий или ограничений для бундовца сделано не было, и он призван был делать ту же работу, что и остальные члены ЦК.

Теперь два слова об автономии комитетов. Из того, что было рассказано до сих пор, видно, что основатели партии должны были быть сторонниками сильной центральной организации. И это действительно было так. Но как же в таком случае понимать автономию местных комитетов? Во-первых, как бы мы ни понимали ее, она никак не могла воспрепятствовать центру быть сильным. Центр должен был стать сильным, при условиях подпольного существования, своей конспирацией, своим составом из профессионалов, и последнее, самое важное, — это успешным выполнением своих обязанностей, при своих широких полномочиях. Раньше, чем закреплять точно определенными границами права или обязанности ЦК, хотелось дать опыту партийной жизни наметить эти границы, а поскольку границы эти уже определились для некоторых членов партии, задачи ЦК могли быть осуществлены и автономия, как признание принципа самоуправления каждого комитета в пределах своих местных дел, нисколько не мешала работе сильного центра. Это признание широкого местного самоуправления, не мешая росту сил ЦК партии, помогало наиболее молодым организациям как участвовавшим на съезде, так и другим маленьким группам, которых на съезде не было, которым по малоопытности, молодости, боязни потерять самостоятельность это признание широкого самоуправления помогало воспитать в себе партийность. Партийность надо было воспитать. И декретами этого достигнуть

нельзя. Только фактическая, продолжительная и успешная работа ЦК могла постепенно уничтожить партикуляризм и заменить его партийностью. Широкое же самоуправление есть наилучшее условие для развития жизнеспособных местных организаций. Пользоваться автономией для ослабления центра — это не могло принести пользы никакой местной сильной организации. А в руках слабой организации ни это и никакое другое орудие не могло быть опасным.

Смешно было бы смотреть сверху вниз на ошибки и промахи в организационном и тактическом отношениях, сидя на плечах великана — настоящего времени, откуда и близорукому издали видно то, что иному дальнозоркому, стоявшему в долине прошлого, видно было плохо. Но как практики, хорошо знавшие условия нашего времени, мы дали в постановлениях съезда по организационным вопросам весьма широкие рамки для развития большой партии с жизнеспособными организациями. Широкое самоуправление комитетов — это и есть не что иное, как демократизм. Конечно, это не есть демократический централизм, к которому наша партия пришла гораздо позже. В наше досъездовское время отсутствие выборов не было недемократическим, так как мы знали, что отрицаем их из-за неконспиративности их. Выборы означали гибель организации, а с гибелью организации погибает и демократизм ее. Тогда вместо демократической организации остается пустое и мертвое слово — демократизм. Если до пустых и мертвых слов, иногда очень красивых, тьма охотников, то настоящие революционеры не из их числа.

После решения вопросов о названии партии, автономии местных комитетов и Бунда и о заграничном комитете занял место вопрос о времени созыва экстренного съезда и количестве голосов, имеющих право созвать его. Этим вопросом очень интересовался делегат Московского «Союза борьбы». Более молодая организация, она больше других боялась власти ЦК.

На одном из последних заседаний были сделаны доклады делегатов о положении дел на местах. Бундовский доклад был больше других. Доклад представителя Киевского «Союза борьбы» и Рабочего комитета имел пессимистическую нотку. Это было в характере П. Тучапского. В общем положение дел для всех было ясно, и доклады ничего нового не дали.

Мне хочется здесь рассказать об одном инциденте, происшедшем на съезде между С. Радченко и Ванновским. Дело было вне заседаний, но по требованию москвича инцидент был перенесен на заседание. Дело было так. Зашел разговор о допустимости для организации такого приема, который можно охарактеризовать как ложь во спасение или для воодушевления. Мне было известно нечто подобное из бундовской практики. Мне об этом рассказывала Друскина, член группы «Рабочее Дело» и

«Союза борьбы» *. Была большая, по бундовским размерам, стачка. Стачку поддерживали сборами среди сочувствующих, шедшими через Бунд. Для воодушевления утомленных стачкой рабочих бундовская организация, внося некоторое денежное пособие, представила письмо, якобы присланное вместе с деньгами от московских рабочих. Это денежное письмо соответствующего содержания от имени московских рабочих оказало прекрасное действие. Мы считали излишними такие методы, считая возможным обходиться иными воздействиями.

Столкновение было между Ванновским и Радченко. Радченко будто высказался за такие приемы. Радченко умел хорошо действовать, он прошел хорошую школу, вдобавок был человеком большого почина, но слова его можно было истолковать не в его пользу. Этим и воспользовался москвич, который чаще всего вносил разногласия и по другим вопросам, обсуждавшимся на съезде. Он не только был молод и малоопытен, но и представитель слабенькой организации. А дело шло к концу съезда (наибольшей силы организация в Москве была во время существования Московского «Рабочего союза» времени С. И. Мицкевича, Лядова и Винокурова). Москвич видел сплоченное большинство. Выяснилось и для него многое. А тут подходило дело к выборам в ЦК.

Выборы были несколько своеобразные. Выдвигалась мысль, что ЦК долго не просуществует и очень скоро будет созван следующий съезд. Все участники должны были считать себя как бы кандидатами в ЦК. И так как выдвигались в ЦК представители наиболее сильных групп, откуда москвич исключался, то он и воспользовался упомянутым инцидентом. И выступление его против Радченко было замаскированным выступлением против будущего ЦК.

По поводу выборов в ЦК партии было сделано предложение о предоставлении выполнения решений съезда представителям трех групп, которые фактически и до сих пор отчасти выполняли задачи общепартийной центральной организации. Имелись в виду группы Петербургского «Союза», Бунда и «Рабочей Газеты». Они-то и были избраны в ЦК **. Выбрано было три члена.

ЦК имел два-три заседания, в которых был намечен целый ряд задач. Члены ЦК должны были жить, где по роду их деятельности кому было удобно, и съезжаться по мере надобности. Кроме решений ЦК о переговорах с группой «Рабочего Знамени» и «Союзом русских социал-демократов» за границей были предположения о создании новых комитетов в некоторых волжских городах.

* Перед тем она работала в Вильно, бывшая работница. На одном из первых праздников, 1 Мая, в Вильно она произнесла речь, которая была переиздана за границей.

** С. И. Радченко, А. Кремер и Б. Эйдельман.

По вопросу о редакции Центрального Органа партии, каковым была признана «Рабочая Газета», Центральный Комитет, которому было поручено организовать его редакцию, решил передать ее, начиная с третьего номера «Рабочей Газеты» (он почти весь был готов *), одному литератору-марксисту, оставив за собой контроль за всем, написанным в газете. Особенно на этом контроле настаивал один из членов ЦК. Имя литератора-марксиста не называлось. Ленин в это время был в ссылке в Сибири. Л. Б. Каменев в предисловии ко второму тому Сочинений В. И. Ленина в 1926 г. пишет: «Место, занятое Владимиром Ильичем к этому моменту в партии, и заставило I съезд партии, собравшийся в марте 1898 года, наметить Владимира Ильича, несмотря на то, что он находился в ссылке, редактором «Рабочей Газеты», центрального органа партии» (стр. XI). Но имеющиеся у Ленина на это указания относятся к переговорам о возобновлении «Рабочей Газеты» в 1899 г., а не к I съезду **.

Первый ЦК смотрел на себя как на учреждение, которое в близком будущем должно было сильно измениться и увеличиться. Его задача была — наладить текущие дела, вступить в переговоры с не вошедшими еще в партию социал-демократическими организациями и столковаться с заграничной организацией. Покончив с текущими неотложными делами, что легко было официальному общепризнанному представительному учреждению партии, каким был выбранный на съезде ЦК, этот комитет полагал не позже, чем через шесть месяцев, собрать второй съезд. Закрывая съезд, председатель его предложил всем членам его считать себя членами ЦК (собственно, кандидатами), и если хотя бы один уцелел в случае провала, то ему вменялось в обязанность выполнить постановления съезда. Председатель съезда тогда же предупреждал товарищей не возбуждать среди членов своих организаций слишком преувеличенных надежд, но если ЦК, говорилось дальше, удастся просуществовать месяцев шесть, тогда, казалось, и большие надежды могут считаться осуществимыми. ЦК считал свои ближайшие задачи осуществимыми и посильными для себя, а если будет дано несколько месяцев жизни без провала, тогда следующий съезд очень скоро мог бы, казалось, дать полную социал-демократическую программу.

На съезде подробно финансы партии не обсуждались. Но в Центральном Комитете был подсчитан ежемесячный бюджет.

Съезд начался первого марта вечером и окончился третьего марта вечером. Заседания начинались с раннего утра и продолжались до позднего вечера, с перерывом на обед.

---

* Не было только передовой статьи.

** *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 463—464. *Ред.*

Третьего марта вечером была устроена вечеринка, где присутствовали члены местной организации.

Пели песни. Были тосты. О двух из них следует вспомнить. Первый — это тост рабочего, участника съезда, за то, чтобы на следующем съезде было больше рабочих, чем на первом. Другой тост — представителя Киевского «Союза» и Рабочего комитета. В небольшой речи он напомнил товарищам, что время основания партии совпадает с пятнадцатилетием выхода в свет первого издания первых основателей социал-демократии в России группы «Освобождение труда».

Во время 25-летнего юбилея партии 14 марта 1923 г. газеты посвятили свои страницы воспоминаниям старых партийцев. В связи с этим в минской газете «Звезда» напечатаны воспоминания Румянцева о первом съезде * [100]. Так как он был только хозяином квартиры и присутствовал только на вечеринке при разъезде, то понятно, что он мог бы только сообщить, если у него хорошая память, сколько человек было на вечеринке, имена тех, кого знал лично, точное число, когда состоялся вечер, и что говорили на вечеринке. Он, очевидно, этого не помнит, а потому было лучше так и сказать. Вместо этого он нашел нужным привести данные из книг, вдобавок, неверные. В этом случае он повторяет старую ошибку, которую вслед за Батуриным повторяют до сих пор очень многие, несмотря на то, что ошибки давно исправлены, в том числе и самим Батуриным в 5-м изд. его известных очерков [101].

Первая ошибка — в перечислении организаций, принимавших участие в съезде. К сожалению, эту ошибку повторил Л. Каменев в изд. Истпарта от 1922 г. «Росс. Ком. Парт.(б) в резолюциях ее съездов и конференций». Не буду повторять здесь, что уже мною раз было рассказано, а прибавлю только кое-что о вечеринке, на которой присутствовал и хозяин квартиры Румянцев. Кроме Румянцева, присутствовала его жена, которая вместе с С. И. Радченко спела какую-то украинскую песню. Затем присутствовали Е. А. Гурвич и т. Павел (Берман). Кроме этих лиц и 9 участников съезда никого не было. Речь была только одна, маленькая — П. Л. Тучапского — о 15-летии со дня основания группы «Освобождение труда» (1883 г.).

* Со слов Е. А. Гурвич, сообщаем, что Петр Васильевич Румянцев был в первой половине восьмидесятых годов в ссылке в Сибири, откуда вернулся в 1885 или 1886 году. В середине девяностых годов жил в Минске, участвовал в кружках, где велись дебаты между народниками и марксистами, оказывал услуги рев. движению. Хранил у себя литературу, шрифт. Летом 1898 г. был арестован в связи с арестами в Бунде и просидел около года в тюрьме в Москве, потом примкнул к социал-демократическому движению.

Остальные произносили только тосты. О них я уже писал. В упомянутом зале происходила только вечеринка перед разъездом участников съезда. А работа съезда происходила в одной из маленьких комнат с одним окном. Та, которая изображена в иллюстрированном сборнике Истпарта, — «25 лет РКП» — это именно зал, где происходила вечеринка перед разъездом, а не та, где три дня работал съезд. О присутствии Павла я знал и раньше, а фамилию его сообщила мне Е. А. Гурвич. О присутствии еще одного товарища я тоже помнил. Но фамилию этого товарища (Е. А. Гурвич) я узнал только недавно.

Обращаясь к работе Акимова о съезде *, следует признать, что в общем сам съезд описан Акимовым правильно, в смысле сроков, числа заседаний и работы его.

Но что неприятно поражает — это какой-то плаксивый похоронный тон, каким описывается разъезжающийся съезд. Выражали «горячую уверенность, что вновь созданная организация не будет мертворожденным детищем» (стр. 158). ««Пусть вновь созданная партия не будет мертворожденным детищем!» Этот тост на нашем прощальном собрании мне часто вспоминался, когда несколько дней спустя после нашего съезда нас почти всех арестовали» (стр. 165). Слова тоста не совсем точно приведены. Было сказано вообще о деле, а не о партии. И арестовали-то не всех. Некоторые члены съезда так и не были узнаны, как сам Акимов рассказывает. А из трех членов Центрального Комитета был арестован только один — пишущий эти строки. Но не в этом дело. Настроение не только не было похоронное, а очень бодрое. Имея решение съезда, могла приступить к продолжению работ и любая, достаточно авторитетная, вернувшаяся из ссылки группа. Большинство это чувствовало, и потому настроение было бодрое. Тост этот произнесен был не членом съезда. Ни по форме, ни по содержанию тост не соответствовал настроению участников съезда... Тостом многие были недовольны. Это понял Кремер, который хотел замять эту тему. Сам автор тоста, по-видимому, не поняв общего настроения, продолжал говорить, что он — не слепой, и видит, что на наших заседаниях шла речь о важных делах. На вопрос мой, кто это говорит (это был, кажется, сам хозяин квартиры, где происходила вечеринка перед разъездом), мне сказали звание и занятие его. Это был, кажется, какой-то чиновник. То было, если не ошибаюсь, на Захарьевской ул., в большой столовой, а съезд происходил, кажется, в том же доме, но в другой, небольшой комнате. Из всего этого я сделал вывод, что в этом тосте мы имеем дело со взгля-

---

* «Минувшие Годы» № 2, 1908 г.

дами и мнениями минского запериферийного захолустья. Тост начинался словами: «дай бог» и т. д.

По поводу съезда у меня в памяти сохранилось довольно много подробностей; не думаю, чтобы это нужно было записывать. Вот только разве еще по поводу разговоров о времени обсуждения названия партии. Это было первое вечернее собрание у кого-то из бундовцев. Было ли это 1 марта или накануне — утвердительно теперь сказать не могу. Помню, что Вигдорчика еще не было; за ним к вокзалу встречать его поехал Глеб (Мутник). Радченко высказался за то, чтобы решение вопроса о названии партии было отложено на одно из последних заседаний. На это я возразил, что ребенок родился, и его надо окрестить. И этот вопрос, кажется, был решен одним из первых.

Еще вот по поводу председательства. Формальных выборов не было, но в первом утреннем заседании, когда уже все были в сборе, Кремер, кажется, или Радченко, предложил мне взять на себя председательство. Возражений не было, и мы приступили к делу, заглядывая в записку, переписанную Шуляковским, о которой рассказано выше.

Хотя попытка создать прочное организационное единство партии и не удалась, но «для дальнейшего развития социал-демократии этот съезд имел большое значение» *. «Сотни лиц во всех концах России... стали признавать себя, на основании манифеста первого съезда, членами единой партии, добивались чести называть свои организации комитетами этой партии» **.

«Никогда не простится первому съезду, что автором его манифеста был Струве», сказал один старый большевик. Чья вина? Вопрос имеет свое решение в следующем. Группа «Освобождение труда» не сумела стать организационным центром. И группа «Рабочей Газеты» мало знала ее. Чья вина? В подобных случаях «обе» виноваты. Обе группы оказались не на высоте. Это одно. Теперь нужно вспомнить и следующее, что Струве 1898 года нельзя смешивать со Струве позднейших годов.

Но указывают и другую ошибку. Она заключается в том, что, имея проект манифеста Тучапского, мы его не приняли во внимание. Почему? Во-первых, надо сказать о причинах его отклонения группой «Рабочей Газеты». Манифест Тучапского был в сущности программой. И как программа он имел большой недостаток. В ней ничего нет об аграрном вопросе, о крестьянстве. Общего мнения у нас в группе не было. А программа без аграрной части была немыслима. Это раз. Кроме того, когда мы в

* *Н. Батурин.* «Очерк истории социал-демократии в России», издание второе, стр. 62.

** *Акимов.* «Минувшие Годы» № 2, 1908 г.

группе читали проект Тучапского, у нас могли быть надежды на большее. Мы еще тогда надеялись иметь программу. Но если бы не было арестов, и мы стали бы перед единственным документом Струве, то, может быть, подумали бы и о проекте Тучапского.

Третий недочет — это сравнительная слабость организации ЦК, которая получилась в результате работы съезда.

Еще писал о преждевременности съезда Потресов в некрологе С. Радченко в «Нашей Заре» [102]. Бывают ли вообще преждевременные события в общественной жизни? События общественной жизни есть результат известного процесса. I съезд есть этап развития рабочего движения. Поэтому, кто говорит о преждевременности, тот говорит о неестественности, т. е. говорит абсурд. Речь может идти только о влиянии данного факта на последующие события движения. Речь может идти только о причинах возникновения события и его последствиях. О причинах, вызывавших стремление к объединению, в настоящей работе имеется достаточно материала.

То, что не все социал-демократические организации получили приглашение на съезд, это не есть недочет. Недочетом было бы то, если бы собиратели съезда не знали о существовании этих групп и не произвели бы им настоящей оценки. В этом смысле, может быть, надо считать недочетом, что мы не знали о существовании в Питере «молодых». Если бы мы имели точное понятие о «молодых» и об отношении их к «старикам», мы бы могли вмешаться в это дело. Но нашу неосведомленность можно объяснить тем, что ко времени созыва I съезда это деление не вполне оформилось. Я уже писал, что нам казались «молодые» чем-то вроде нашей оппозиции, с которой мы сравнительно легко справились.

Еще говорили о малочисленности членов съезда. Но кто сколько-нибудь понимает, что такое организация, тот не будет говорить о малочисленности. В известных пределах количество здесь играет весьма малую роль.

Пару слов о манифесте. Первым делом ЦК должно было быть издание манифеста об образовании партии, редакция которого предоставлена была ЦК.

Мысль, высказанная на съезде, чтобы в манифесте было сделано указание на наследование знамени борьбы с самодержавием от «Народной Воли», была для нашей партии полезна. Кто думает иначе — плохой диалектик: он отражает предыдущую ступень развития, когда шла борьба между марксизмом и народничеством, и народничество еще было живой силой, которую нужно было бить. Для съезда это была превзойденная ступень. Мы просто вступили во владение имуществом побежденного. Для нас противник уже не существовал. Оставалась священная реликвия — омытое кровью во многих боях славное

знамя, которым мы завладели по праву победителя. А указание на преемственность от «Народной Воли» могло содействовать как притягательная сила для тех, которые пришли к марксизму, предварительно пройдя через народничество. Если даже на т. Ольминского произвело большое впечатление именно это место манифеста, то тем более оно могло оказать влияние на других бывших народовольцев. Тов. Ольминский пишет: «Этот день настал (назвать себя социал-демократом. — *Б. Э.*) по прибытии в Сибирь, когда удалось прочесть манифест первого съезда об образовании Рос. соц.-дем. рабочей партии. В нем, между прочим, было сказано: «Ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные» *.

Кстати сказать, готовясь иметь дело с будущим, незнакомым нам и неизвестным редактором не только манифеста, но и, может быть, нашей газеты (за него предварительно ручался Радченко), мы, киевляне, относились к этому с большим *недоверием*. Последняя *добродетель* была нам свойственна в высшей мере. В нашем ЦК об этом контроле чужака у нас был особый разговор.

Два слова в заключение. Стремясь организовать партию, группа «Рабочей Газеты» и другие группы — участники съезда — хотели построить ее путем разрешения назревших потребностей практической деятельности и считаясь с уровнем развития большинства организаций. Усилить центральную организацию партии считали поэтому возможным в процессе работы этого центра. Партийность надо было еще нажить и воспитать. Формально первому ЦК была дана задача больше всего обслуживать организации: издание и доставка литературы, издание Центрального Органа, издание прокламаций по поводам, общим для всей России, например майской и т. п. Но это обслуживание должно было превратиться неизбежно в руководство организованным рабочим движением в России, так мы тогда думали. И съезд 1898 года сделал первый шаг в этом направлении. В этом все его значение. И несмотря на то, что от минского съезда до брюссельско-лондонского [103] прошло несколько лет, брюссельский съезд не мог не считать себя вторым, хотя только этот съезд дал партии социал-демократическую программу.

Напечатано в книге: Б. Эйдельман. «Первый съезд РСДРП», М. — Л., 1926 г., стр. 62—89

Печатается в новой авторской редакции

* Сборник «От группы Благоева к «Союзу борьбы»», изд. Истпарта, стр. 78 (см. наст. изд., стр. 81. *Ред.*).

П. Л. Тучапский

«ИЗ ПЕРЕЖИТОГО»

(Отрывок из книги)

(Знакомство с марксизмом. Киевская социал-демократическая группа «Рабочее Дело». Первый съезд РСДРП)

Перехожу к рассказу о социал-демократической группе «Рабочее Дело».

Группа состояла из небольшого количества интеллигентов, среди которых особенно выделялся Б. Л. Эйдельман. Б. Л. в те времена отличался своей силой воли, неутомимой энергией и большой требовательностью к себе и другим в том, что касалось нашей работы. Преданность его нашему делу была чрезвычайно велика; он только для него и жил. Немудрено поэтому, что он имел громадное влияние на группу «Рабочее Дело» и фактически являлся ее главой.

Из других членов группы упомяну о Н. А. Вигдорчике, чрезвычайно талантливом авторе листков и газетных статей в газете «Вперед», первый номер которой вышел в самом начале 1897 года *.

Было и еще несколько очень выдающихся работников в нашей группе, искренне преданных делу и отдававших все свои силы пропагандистской работе в кружках среди рабочих и работниц.

Связи с рабочими как мелких мастерских, так и более крупных заводов были у нас по тому времени довольно значительные и все расширялись. В этом сказывалась довольно продолжительная предшествовавшая работа (уже в 1889 году среди киевских рабочих работал в социал-демократическом направлении доктор Абрамович). В начале 90-х гг. очень большую роль сыграл в деле социал-демократической пропаганды рабочий Ювеналий Дм. Мельников. С Мельниковым работал и Эйдельман, который и в то время, о каком я говорю, имел наибольшие связи среди рабочих и пользовался в рабочей среде большим авторитетом.

---

* Н. А. Вигдорчик был также автором очень нравившейся рабочим брошюры «Как министр заботится о рабочих» (по поводу циркуляра Витте фабричным инспекторам в 1896 г.) [104].

Как раз ко времени моего вступления в группу «Рабочее Дело», группа решила соединить пропаганду с агитацией, т. е. кружковую работу с выпуском листков к рабочим тех или других предприятий по всяким волновавшим их вопросам.

Для постоянного контакта с рабочими в связи с образованием новых кружков, выпуском и распространением прокламаций и т. д. был образован особый Рабочий комитет из наиболее передовых рабочих. Это был уже «2 Рабочий комитет»; первый, в котором главную роль играл Юв. Дм. Мельников, прекратил свое существование после ареста Мельникова весной 1896 года. В комитет входил и представитель группы.

В то время в Киеве действовала группа польских социал-демократов и группа, примыкавшая к ППС (польской социалистической партии), но склонявшаяся к социал-демократическим взглядам. Между этими группами и группой «Рабочее Дело» возникли переговоры о слиянии для объединения работы. Вопрос о языке не мог служить помехой: польских рабочих было не так много, а в специально польских рабочих кружках, конечно, мог быть употребляем при пропаганде польский язык. Русский (или, если хотите, великорусский) национализм у нас совершенно отсутствовал.

Однако на первых порах переговоры о слиянии не привели ни к чему. Как это ни покажется странным в настоящее время, товарищи польской социал-демократии и ППС не находили возможным издание листков, которое мы считали насущной необходимостью. По их мнению, следовало пока ограничиться только занятиями в кружках, массовая же агитация, хотя бы в виде распространения листков, могла привести только к провалу и гибели всего дела. Мы же, опираясь на пример Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», настаивали на необходимости непосредственно влиять на широкую рабочую массу, постоянно отзываясь на все волнующие ее вопросы. Слияние всех социал-демократических групп Киева произошло только весной 1897 г. на почве именно нашей тактики, причем наша соединенная организация приняла название Киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Конечно, и в этом случае повлиял пример Петербурга.

На решение польских групп присоединиться к группе «Рабочее Дело», несомненно, оказала влияние деятельность нашей группы с конца 1896 года: мы выпустили очень много прокламаций (сначала они писались печатными буквами и воспроизводились на гектографе, но вскоре мы приобрели ремингтон и мимеограф) *, нисколько не ослабляя своей пропагандистской

* Из конспирации мы называли ремингтон «пианино»; в соответствии с этим типография, о постановке которой мы тогда уже заботились, называлась у нас «роялем». Отсюда кличка нашего печатника А. Д. Поляка «роялист» (ее употребляет Б. Л. в указанной выше статье) [105].

работы. И это совершенно не повлекло за собой тех ужасных последствий, каких так опасались польские товарищи.

После образования Киевского «Союза борьбы» наша работа пошла еще более усиленным темпом: «Союз» распространил в 1897 году 6½ тысяч прокламаций на 25 фабриках и заводах, устраивал лекции по истории революционного движения в России и за границей (лекции устраивались летом 1897 года в рощах в окрестностях Киева, причем на лекциях бывало по 60—80 человек), издавал газету «Вперед»; в то же время продолжались и занятия в кружках. Но «Союз» не ограничивался работой в Киеве. Напечатанная им (уже типографским способом) первомайская прокламация была распространена в ряде южных городов. Точно так же «Союз» способствовал распространению нелегальной литературы (ее «Союз» получал через Вильно) в Кременчуге, Николаеве, Екатеринославе и Одессе *.

В своем тактическом подходе к рабочим массам мы руководились здравым педагогическим правилом — от известного к неизвестному, от более доступного к менее доступному. Вследствие этого в наших прокламациях, обращенных к не затронутым еще нашей пропагандой и агитацией рабочим слоям, мы касались прежде всего экономической стороны положения рабочих, а затем переходили к освещению стороны политической. Если в столкновения между хозяевами и рабочими вмешивалась полиция или более высокое начальство, что случалось нередко, это давало рабочим наглядный политический урок, который мы, конечно, не упускали подробно разъяснять и обобщать.

Таким образом, это не был «экономизм», это не было даже применение пресловутой теории «стадий», несколько позже проповедовавшейся на страницах заграничного «Рабочего Дела» Кричевским, Акимовым-Махновцем и др.: если конкретные условия давали возможность немедленно связывать «политику» с «экономикой» в наших выступлениях, мы это и делали, не ожидая, пока рабочие пройдут экономическую «стадию» развития, мы только не хотели, чтобы фразы о необходимости политической свободы были пустыми фразами, лишенными жизненного содержания.

Рядом с агитацией, как я сказал, шла и пропаганда. Здесь мы старались подготовить сознательных агитаторов и пропагандистов из самой рабочей среды. Тут, понятно, и речи не могло быть об игнорировании политического «момента». Существовали кружки низшего и высшего типа, и таким образом являлась возможность создавать не верхоглядов, а действительно серьезно подготовленных работников.

* См. указанную выше статью Б. Л.

Я лично принимал живое участие в кипучей деятельности «Союза»: я работал в кружках как низшего, так и высшего типа, читал лекции на более многолюдных рабочих собраниях (о них см. выше), был представителем «Союза» в Рабочем комитете *.

Влияли сначала группа «Рабочее Дело» и польские группы, а затем «Союз» и на студенческую молодежь. Из этой молодежи следует отметить А. В. Луначарского, Н. А. Бердяева (одно время очень близкого с Луначарским), К. П. Василенко. Поворот Бердяева «от марксизма к идеализму» произошел несколькими годами позже.

Нам приходилось, однако, встречать и противодействие нашей деятельности.

К этому времени в Киеве организовалась уже группа социалистов-революционеров, в которой видную роль играли Дьяков (имя и отчество его я забыл) и Н. Н. Соколов. Социалисты-революционеры оспаривали у нас даже влияние на более передовых рабочих. Главными пунктами их возражений против нашей «теории и практики» были указания, что мы, мол, игнорируем крестьянство и общину, во-первых, и слишком мало уделяем внимания вопросу о политической борьбе, во-вторых. Рабочие, намеченные кандидатами в Рабочий комитет, пожелали устроить диспут между нами и социалистами-революционерами. В этом диспуте участвовал и я. Социалисты-революционеры обнаружили значительную путаницу в своих воззрениях. Так, я помню, Дьяков сказал, между прочим, такую фразу: «Мы следуем нашим учителям — Лаврову и Плеханову». Не трудно было указать, что «следовать» одновременно по двум противоположным дорогам нельзя. Мы одержали верх, и Рабочий комитет остался с нами. Тем не менее социалисты-революционеры действовали на некоторую часть рабочих своей эмоциональностью, т. е. воздействием на чувство рабочих, тогда как мы обращались к их рассудку.

Другую чувствительную струнку затрагивал у рабочих, но тоже во вред нашей деятельности, основатель группы «Рабочее Знамя», рабочий из Белостока, Моисей Лурье **. Это был, повидимому (я его мало знал), чрезвычайно энергичный и с сильной волей человек. Он главным образом упирал на необходимость независимости рабочих в их революционной организации от интеллигенции. Разумеется, конкретно у нас, в Киеве, такое требование независимости направлялось против «Союза», имевшего почти исключительно интеллигентский состав.

---

* Особенно удовлетворяли меня занятия в одном кружке высшего типа: мы там читали вместе «Наши разногласия» Плеханова, причем беседы касались и истории революционного движения в России, и развития капитализма, и деятельности немецкой социал-демократии...

** В будущем «Рабочее Знамя», организовало «Русскую социал-демократическую партию», просуществовавшую очень недолго.

Противодействие нашей работе со стороны Лурье и его сторонников не нанесло ей, однако же, особенно серьезного ущерба.

Наряду с местной работой лидеры группы «Рабочее Дело», главным образом Б. Л. Эйдельман, уже в конце 1896 и начале 1897 года начали принимать участие в подготовке к объединению всех социал-демократических групп России. Эта мысль возникала и в других центрах социал-демократической работы и не могла не возникать, так как она подсказывалась самой жизнью: по мере того, как развивались отдельные социал-демократические организации, чувствовалась настоятельная необходимость в руководящем и координирующем центре, в постановке общего печатного органа, в устройстве общей техники и, наконец, в надлежащей организации доставки нелегальной литературы из-за границы.

Были завязаны сношения с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и с очень деятельной виленской еврейской социал-демократической группой (зародышем Бунда). Налаживались связи и с другими известными Киеву социал-демократическими группами.

В марте 1897 года в Киеве должен был состояться съезд, или, как мы его называли из конспирации, «коллоквиум», представителей Петербургского «Союза борьбы», Московского «Союза», иваново-вознесенской группы и, наконец, виленской группы вместе с представителями киевлян. На коллоквиум приехал, однако, только представитель Петербургского «Союза» (явился, правда, и московский представитель, но он не был допущен, так как не мог достаточно удостоверить свою личность). Состоялось только частное совещание, на котором присутствовали по одному делегату от трех киевских групп и петербургский делегат. Было решено, что организацию съезда возьмет на себя группа «Рабочей Газеты» (о ней ниже), и был намечен порядок дня съезда: 1) Название партии, 2) Организация партии, 3) Газета, 4) Пропаганда и агитация. Делегаты должны были явиться на съезд с выработанными ответами на все эти вопросы и с императивными мандатами, т. е. без права отступать на съезде от решений своей организации — так велика была боязнь отдельных организаций за свою самостоятельность.

Что это за группа «Рабочей Газеты», которая должна была организовать съезд? Это была все та же наша группа «Рабочее Дело», если не вся, то значительная ее часть. Дело в том, что мы решили, главным образом Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик, поставить нашими силами общую для всех социал-демократических организаций, общепартийную можно было бы сказать, если бы уже существовала партия, газету. Дело было очень трудное (ведь нельзя было, прежде всего, такую газету издавать на гектографе или мимеографе, как издавался «Вперед»), но зато

газета могла сделать очень много для создания партии, которого мы все так страстно желали. Так как дело требовало большой конспиративности, то в него и были посвящены только члены группы «Рабочее Дело» (да и то не все), вполне спевшиеся друг с другом и доверявшие друг другу, как каждый самому себе.

С большими усилиями была поставлена типография на квартире одного из членов группы (разумеется, устранившегося после этого от всяких других нелегальных занятий), и там поселился без прописки и безвыходно наш печатник А. Д. Поляк. Первый номер «Рабочей Газеты» вышел в августе 1897 года. Помню то чувство торжества, которое охватило нас, когда мы увидели этот первый номер не местной уже, а общей социал-демократической газеты, созданной нашими усилиями и клавшей первый камень в фундамент будущего здания нашей партии.

Первый номер «Рабочей Газеты» вышел довольно бледным; мы имели в виду серую рабочую массу и потому говорили слишком популярным языком, оставаясь большей частью на почве повседневных нужд рабочего класса. Тем не менее и в этом номере были статьи политического характера (между прочим, моя статья об избирательной реформе в Австрии, подчеркивавшая важность для пролетариата всеобщего избирательного права) *.

Группа «Рабочей Газеты» вошла в сношения со всеми известными ей тогда с.-д. организациями с целью осуществления возложенной на нее задачи. И здесь главную тяжесть работы взял на себя Б. Л. Эйдельман. Он объезжал главные центры с.-д. работы, вступал в переговоры с местными организациями и т. д. К этому времени образуется Бунд, и Б. Л. ведет сношения относительно съезда уже с центральным комитетом Бунда, что, впрочем, не было сношениями с новыми людьми, так как в ЦК Бунда вошли наиболее активные деятели виленской группы, давно уже хорошо знакомой Б. Л. В Екатеринославе происходит объединение местных с.-д. групп благодаря переехавшему туда члену Киевского «Союза» К. А. Петрусевичу (раньше видному члену польской социал-демократической группы). Екатеринославская организация принимает имя Екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В Москве также после разгрома с.-д. организация возрождается под именем Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Уже это одно тождество названий показывает приближающееся создание партии.

В декабре 1897 года выходит при тех же условиях, что и первый, второй номер «Рабочей Газеты», гораздо более яркий и определенный. В нем уже прямо и недвусмысленно говорится о необходимости объединения всех разрозненных социал-демокра-

* См. Приложения к настоящему изд., стр. 256—261. *Ред.*

тических организаций в одну мощную социал-демократическую партию.

Еще раньше выхода второго номера мне было поручено, так как я по другому делу должен был побывать за границей (меня просил Н. В. Ковалевский съездить в Львов и передать кое-какие его поручения главарям радикальной партии Франку и Павлику), повидаться с группой «Освобождение труда», узнать ее мнение о первом номере «Рабочей Газеты» и попросить сотрудничества членов группы в нашем органе. Надо сказать, что мы умышленно издали первый номер, не прибегая к литературной помощи идейных создателей русской социал-демократии, чтобы показать, что русская социал-демократия может держаться и собственными силами, что она не является эмигрантской затеей, как склонны были утверждать ее враги. Я виделся с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и Д. Кольцовым слишком короткое время, чтобы успеть подробно сговориться относительно всех волновавших нас вопросов. Во всяком случае, хотя я не встретил с их стороны особенного энтузиазма по отношению к нашим начинаниям, они в общем одобрили первый номер «Рабочей Газеты» и обещали свое сотрудничество. Я убедился, однако, что наши стремления идут, по крайней мере в то время, не в одном направлении: тогда как мы хотели возможно больше сделать сейчас же для организации и развития самосознания русского рабочего класса, члены группы «Освобождение труда» (особенно Г. В. Плеханов) гораздо больше придавали значения выяснению теоретических основ марксизма (Плеханов был занят в то время своей полемикой с Струве по вопросу о свободе воли).

Обещание сотрудничества было исполнено: Плеханов прислал письмо [106], а Аксельрод и Кольцов — статьи, которые мы предназначили для третьего номера «Рабочей Газеты» (ко второму они уже опоздали). Но, к несчастью, весь материал для третьего номера был захвачен жандармами при аресте Эйдельмана и Поляка в марте 1898 года в Екатеринославе, куда была перевезена наша типография. Тогда же погибла и отпечатанная уже очень удачная брошюра Вигдорчика «Новая победа рабочего класса» (по поводу закона 2 июня 1897 года).

Из тех с.-д. организаций, с которыми входила в сношения по поводу съезда группа «Рабочей Газеты», отказалась послать делегата на съезд харьковская организация. Она мотивировала свой отказ тем, что, по ее мнению, создание партии преждевременно, что нужно, чтобы раньше окрепли местные организации и чтобы объединение совершилось естественно вокруг пока не существующего, высоко стоящего в моральном отношении и авторитетного для других организаций центра.

Не была приглашена на съезд николаевская организация, так как группа «Рабочей Газеты» считала ее мало конспиратив-

ной. Не получила приглашения на съезд и одесская организация, так как с ней наша группа не успела ознакомиться.

Кроме Бунда из нерусских организаций была приглашена на съезд литовская с.-д. партия. Она согласилась делегировать своего представителя, но вследствие разгрома не могла этого сделать. Польская социалистическая партия (ППС) поставила нам два условия своего участия в съезде: 1) чтобы будущая наша партия включила в свою программу требование отделения Польши от России и 2) чтобы наша партия отказалась иметь связь с другими партиями, кроме ППС, действующими на территории Польши и Литвы (разумелись Бунд и литовская с.-д.). Конечно, эти условия не могли быть приняты.

Наконец, съезд был назначен на 1 марта 1898 года в Минске. Подыскание помещения для работ съезда и некоторых делегатов взял на себя Бунд.

Группа «Рабочей Газеты» выбрала своими делегатами Б. Л. Эйдельмана и Н. А. Вигдорчика, Киевский «Союз борьбы» решил послать меня. Было предложено послать особого делегата и Рабочему комитету при Киевском «Союзе». Рабочий комитет также остановил свой выбор на мне (как говорилось выше, я был представителем «Союза» в Рабочем комитете). Я указал «Союзу», что в таком случае необходимо от «Союза» делегировать кого-либо другого. Но «Союз» нашел возможным мое «совместительство».

Выехали мы из Киева в разное время и разными дорогами (между прочим, чтобы сбить с толку жандармов, я поехал с товарной станции, заехал в Ромны к сестре, постарался, чтобы там видело меня побольше людей, а потом только уехал в Минск, сделавши вид, что возвращаюсь в Киев).

В Минске я остановился сначала в одной гостинице под выдуманным именем (паспортов не требовали), потом переехал в другую, где записался под другой фамилией.

По данной явке я разыскал бундовцев Александра (Кремера) и Глеба (Мутника), Эйдельман и Вигдорчик уже оказались налицо. Из старых знакомых встретил я еще там Петрусевича, делегированного Екатеринославским союзом.

Накануне официального открытия наших заседаний мы собрались для дружеской беседы в квартире Глеба. Настроение у нас было прекрасное: мы чувствовали, что собираемся сделать великое дело, и все были воодушевлены желанием сделать его возможно лучше. Таково, по крайней мере, было мое впечатление.

На другой день, 1 марта, в 10 часов утра открылся съезд. Впрочем, такое торжественное выражение («открылся») совсем неуместно: собрались мы в небольшой комнате, было всего 9 человек (бундовцы Александр, Глеб и Исаак [Ш. Кац], от «Рабочей Газеты» — Эйдельман и Вигдорчик, от Петербургского «Союза» — Степан (Радченко), от Москвы — Александр Ванновский,

от Екатеринослава — Петрусевич и от Киева — я) и решительно никаких формальностей, никакой официальности... Не только «президиума», но и председателя формально не было выбрано (не формальным председателем в нужных случаях был Эйдельман).

Секретарем я предложил выбрать Вигдорчика; на помощь к нему присоединили и меня. Впрочем, протоколов мы не вели (из конспиративных соображений); решили записывать только постановления.

Работа, несмотря на отсутствие формально выбранного председателя, велась дружно и деловито. Прежде всего решен был вопрос о необходимости создания партии. Разумеется, разногласий в ответе не было: иначе зачем бы мы приезжали на съезд?

Несколько больше времени ушло на определение названия партии. Были предложения назвать ее «русской» и «российской». Последнее предложение одержало верх на том основании, что партия должна объединить не только в тесном смысле слова русских рабочих, но и рабочих всех национальностей России.

Название «российской» отстаивали особенно бундовцы; в том же смысле высказывался и я, так как я всегда стоял за объединение всего пролетариата всей России, но на основе полного равноправия, без предоставления какой бы то ни было части рабочего класса преобладающего значения.

Название партии «социал-демократической» не встретило, конечно, возражений.

Было предложено включить также в название партии слово «рабочая», но это предложение собрало только 4 голоса из 9 (слово «рабочая» было включено только позже при составлении «Манифеста», с согласия двух членов Центрального Комитета, оставшихся не арестованными после съезда).

Противники предложения исходили из нежелания создавать фикцию, обман: в партию пока входило очень незначительное количество рабочих.

После докладов с мест, причем выяснилась полная солидарность членов съезда в вопросе о пропаганде и агитации (в том смысле, как мы решили этот вопрос в Киеве), началось обсуждение вопроса об организации партии. Был избран Центральный Комитет, в который вошли представители трех наиболее влиятельных организаций (Эйдельман от группы «Рабочей Газеты», Степан от Петербургского «Союза борьбы» и Александр от Бунда). Во избежание давления центра на местные организации (которые должны были принять название «комитетов партии») было постановлено, что комитеты в местных делах вполне автономны и даже имеют право не исполнять постановлений ЦК, однако выясняя каждый раз причину неисполнения. Бунд, в частности,

признавался автономной организацией в делах, касающихся еврейского пролетариата.

«Рабочую Газету» было решено сделать общепартийным органом, поручив дело ее издания Центральному Комитету.

Поднят был затем вопрос об отношении партии к заграничному «Союзу русских социал-демократов» во главе с группой «Освобождение труда». Было решено предложить «Союзу» стать заграничным комитетом партии и войти с ним в тесное общение.

Я предложил просить Г. В. Плеханова составить программу партии вместе с торжественной декларацией о ее возникновении. Однако это предложение было отклонено, так как петербургский делегат заявил, что у них, в Петербурге, есть возможность это сделать без таких затруднений, какие неизбежны при сношениях с заграницей. Оказалось, что мы имели в виду разные вещи: я разумел именно программу, Степан и другие — «Манифест».

Этим и закончились в сущности занятия съезда, продолжавшиеся три дня (1, 2 и 3 марта). Избранный нами ЦК в перерывах заседаний съезда уже совещался между собой о дальнейшей постановке работы.

Вечером 3 марта мы все собрались на прощальную вечеринку перед отъездом. Настроение у всех было приподнятое: мы чувствовали и сознавали, что положили начало великому делу объединения рабочего класса всей России в борьбе за светлое будущее, за социализм!

Скромный ужин, с пивом, сопровождался искренними тостами, пожеланиями успеха в дальнейшей борьбе... «Пусть вновь созданная партия не будет мертворожденным детищем!» — вот один из тостов, который в сущности был содержанием и всех остальных.

Я напомнил товарищам, что как раз в 1898 году оканчивается пятнадцатилетие со дня выхода в свет брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», положившей идейное начало русской социал-демократии, и предложил послать Г. В. наше приветствие. Предложение это было, конечно, принято.

С бодрой верой в наше дело уехали мы со съезда. Я по приезде в Киев сделал доклады в «Союзе» и Рабочем комитете. Решения съезда были вполне одобрены. Казалось, теперь пойдет работа ещё лучше, еще успешнее, чем до сих пор.

Но всего через неделю после моего возвращения киевская организация была разгромлена.

В ночь с 11 на 12 марта были произведены массовые аресты. То же повторилось в Москве, Екатеринославе и других городах. В Москве был арестован Александр Ванновский, в Екатеринославе Петрусевич и, что всего хуже, Эйдельман. Была захвачена там же наша типография, и весь материал третьего

номера «Рабочей Газеты» вместе с А. Д. Поляком, как я упоминал уже выше.

Несколько позже были разгромлены и бундовцы. Тем не менее Александр успел напечатать «Манифест», составленный Струве (тогда еще социал-демократом), и решения съезда.

Партия все-таки не могла начать жить, но она не была и мертворожденной. Хотя и не было партийного аппарата, но одно имя партии объединяло разрозненные до тех пор организации. Они уже не чувствовали себя чем-то отдельным, маленьким, жалким, — они сознавали, что они — часть великого целого, великого, если пока не в реальности, то в идее.

И потому первый съезд партии по праву считается начальным моментом ее существования.

И я с радостью и гордостью вспоминаю о том, что был его участником.

Напечатано в книге:
П. Л. Тучапский. «Из пережитого», Одесса, 1923 г., стр. 56—71

Печатается по тексту книги

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ РСДРП

ОТ ФИНН-ЕНОТАЕВСКОГО

Инициатива I съезда принадлежит Московскому «Рабочему союзу», организованному осенью 1895 г. Весной ЦК «Союза» был командирован для переговоров по этому поводу Финн-Енотаевский в Киев, где сделал доклад о положении дел. Киевские товарищи согласились на участие в съезде. Тот же Финн-Енотаевский после Киева поехал в Петроград. И там вопрос о съезде был решен. О переговорах с Киевом может дать сведения д-р Вигдорчик; а с Петроградом — Сильвин, Крупская, Невзорова-Кржижановская. О подготовке к съезду знает и М. Владимирский, работавший тоже тогда в Москве. Решено было тогда выработать проект программы и обменяться ими. Это сделала Москва и незадолго перед коронацией разослала некоторым провинциальным организациям. Было сообщено и за границу. Нити съезда были в Москве, которая находилась в постоянных сношениях с Питером. Ради этого Финн-Енотаевский, вернувшийся с двухмесячной высылки во время коронации, ездил в августе 1896 г. в Нижний Новгород на выставку; там были Вигдорчик, Никитин. Предполагалось созвать съезд в конце года. Аресты в течение 1896 г. не дали возможности собрать съезд в этом году, и все перешло в руки киевлян, которые и выполнили план, начатый весной 1896 г. тремя организациями: Москвой, Киевом и Петроградом.

ПРИМЕЧАНИЕ Н. К. КРУПСКОЙ

Летом 1896 г. в Питер из Москвы приезжал Финн-Енотаевский. Очень много рассказывал о том, что в Москве прекрасная организация, особенно среди рабочих. Устраивали по случаю его приезда общее собрание. Это было должно быть так в июле. Чтобы на этом собрании речь шла о съезде в сколько-нибудь конкретных формах — не помню. Думаю, что речь шла о связи

между организациями. На этом собрании была А. А. Якубова, кажется, Сильвин и др. Кржижановская в это время, кажется, уже сидела (ее привлекали по делу Лахтинской типографии). Во всяком случае, на собрании ее не было. Питерцы на собрании с Финном держались осторожно, ввиду слухов о провокаторстве Румы. И потом очень уж гладко выходило все у Финна.

Н. Крупская

ПРИМЕЧАНИЕ А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ-УЛЬЯНОВОЙ

По поводу заметки Финн-Енотаевского могу сказать, что явка в Питерский «Союз борьбы» была дана мною по просьбе члена Московского «Рабочего союза» М. Ф. Владимирского. Я виделась по этому делу с Финном весной 1896 года (приблизительно в марте) в комнате студента Никитина, — позднее меньшевика и министра при Керенском. Как и у тов. Крупской, у меня осталось впечатление, что явка эта требовалась для связи, а не специально для съезда. Равным образом в моих воспоминаниях не запечатлелось, чтобы инициатива съезда принадлежала Москве, — наоборот, я считала его инициатором Питер. Что касается времени поездки Финна, то тов. Крупская ошибается, — он ездил в Питер не в июле, а в марте-апреле 1896 г.

А. Елизарова-Ульянова

ПРИМЕЧАНИЕ М. Ф. ВЛАДИМИРСКОГО

Вопрос о созыве съезда обсуждался в Московском «Рабочем союзе» весной 1896 года. Определенно помню, например, одно собрание в квартире (на Бронной) П. Н. Колокольникова (должно быть в марте 1896 года), на котором обсуждалась программа съезда. Московским «Рабочим союзом» делались и организационные шаги по созыву съезда. Помню, что мне, например, было поручено переговорить с нижегородской группой. В Нижний я попал должно быть в мае или июне — как раз после первого провала всей группы, и виделся там с П. Н. Розановым, при этом хорошо помню, что в Нижний я привез проект программы съезда.

Кому принадлежит инициатива созыва съезда — Питеру, Москве или Киеву? При тогдашней разобщенности организаций, вероятнее всего, вопрос о необходимости съезда возник самостоятельно в этих наиболее крупных организациях. Во всяком случае, не помню, чтобы в Московском «Рабочем союзе» этот вопрос был поставлен на обсуждение по предложению какой-либо другой организации.

М. Владимирский

ПРИМЕЧАНИЕ Б. Л. ЭЙДЕЛЬМАНА

Содержание записки Финн-Енотаевского сводится к следующему: 1) Московский «Рабочий союз» хотел созвать съезд для создания партии, 2) вел по этому поводу весною 1896 года переговоры с другими организациями, а также с Киевом, 3) выработал и разослал проект программы, 4) план, выполненный Киевом (группой «Рабочей Газеты». — *Б. Э.*), это план Московского «Рабочего союза» и потому инициатором I съезда должен считаться Московский «Рабочий союз», как утверждает первая строчка записки, или Москва, Киев и Петербург, как написано в последней строчке. Самое интересное сообщается в пункте третьем. К сожалению, мне ничего об этом не известно. Проекта этого никогда не видел и ничего о нем не слыхал. Ответ нужен только по пункту второму. По этому поводу должен сказать, что все то, что мне известно было о московском рабочем движении, я рассказал, кроме сообщения, о котором сейчас расскажу. О предложении Москвы Киевской группе о съезде ничего не слыхал и не знаю. Если с кем-либо из киевской организации и говорили об этом, то, надо полагать, разговоры эти носили такой характер, что об этом до сведения группы доведено не было. Может быть, именно потому, что это были только разговоры, а не переговоры. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю.

Считаю нужным вспомнить об одном случае сношений Москвы с Киевом, о котором знаю со слов Ю. Д. Мельникова. Мельников рассказывал мне, что к нему знакомые рабочие привели однажды рабочего, который специально приехал в Киев для переговоров об объединении. Мельников указал москвичу, что уровень киевских рабочих не таков, чтобы можно было с пользою для дела говорить об объединении. Факт относится, очевидно, ко времени до моего знакомства с Мельниковым. В статье Мицкевича «На заре рабочего движения в Москве» есть, кажется, указание на факт сношения с Киевом. Вероятно, это тот самый случай, о котором рассказывал мне Мельников. Об этом было много мною написано в моих записках, но при переработке их было многое выпущено, а случайно пропущен и этот факт.

Б. Эйдельман

Впервые напечатано в 1922 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 6

Печатается по тексту журнала

ПРИЛОЖЕНИЯ

Г. В. Плеханов

ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» *

Группа *«Освобождение труда»* задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской *рабочей социалистической партии.*

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях:

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает ее *необходимой и неизбежной* для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собой самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов — путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов — путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами, — она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековый период этой борьбы за существование в качестве ее орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ — именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу,* и охраняющей главным образом интересы его господствующей части. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

---

* *Примечание* 1. Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы ввести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа *«Освобождение труда»* также признает великие принципы бывшей *«Международной ассоциации рабочих»* и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося *сознательность* туда, где господствует ныне *слепая экономическая необходимость,* заменяя современное господство *продукта* над *производителем* — господством *производителя* над *продуктом,* социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведовании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замены ее *прямым народным законодательством.*

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне *демократическое* государство может свершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплуататоров.

Совершаясь на началах *«Международной ассоциации рабочих»,* организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. «Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией».

Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразоваться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а следовательно, и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных — как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа — остатков старых, добуржуазных общественных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления,* а местами — в наших промышленных центрах — оно испытывает уже гнет капиталистического *производства,* не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает, как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента, не только от раз-

вития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты с своей стороны должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом *позорные* действия к потере политической правоспособности *.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижения и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения **.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместных с достоинством человека.

Но цель эта останется не достигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной *подготовки* их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна *немедленно взяться за организацию* рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудящегося населения России, в связанные между собой тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и притом самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа *«Освобождение труда»* полагает, что главнейшими пунктами *экономического отдела* рабочей программы должны быть *требования:*

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставления права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. д.

* *Примечание* 2. К числу таких действий могут быть отнесены, например, *подкупы при выборах,* вопиющие притеснения нанимателем своих работников и т. п.

** *Примечание* 3. Этот пункт логически заключается в 4 §, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, напр., *евреи,* не пользующиеся даже теми жалкими «правами», которые предоставлены другим «обывателям».

2) Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственной помощи производительным *ассоциациям,* организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Группа *«Освобождение труда»* убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

Ввиду этого группа «Освобождение труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.*

Группа «Освобождение труда» нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение,* и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Освобождение труда» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

Женева, 1884 г.

Впервые напечатано в 1884 году отдельной брошюрой в Женеве

Печатается по тексту Сочинений Г. В. Плеханова, т. II, стр. 357—362

Г. В. Плеханов

ВТОРОЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ *

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность *средств и предметов* производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т. е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведовании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену *ее прямым народным законодательством.*

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает *солидарность интересов производителей всех стран,* признанная и провозглашенная еще Международным товариществом рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплуататоров и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран.* Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

---

* Впервые напечатан как приложение к брошюре «Чего хотят социал-демократы?», Женева, 1888. Составлен в 1887 г.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться как переходных ступеней таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и рево-

люционных организаций. Тесно связанные между собой в одно целое организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момет к общему, решительному на него нападению, причем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижения и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, напр.:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственная помощь производительным *ассоциациям,* организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание: Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения,

каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

Впервые напечатано в 1888 г. в брошюре «Чего хотят социал-демократы?», Женева

Печатается по тексту Сочинений Г. В. Плеханова, т. II, стр. 400—404

Г. В. Плеханов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»

Товарищи, вы спрашиваете: сочувствую ли я вашему изданию? На этот вопрос я отвечу вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать вам? В моих глазах ваш орган есть также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии.

Не подумайте, что это просто один из тех комплиментов, которые в политической жизни иногда так же неизбежны, как и в салоне, и которые в сущности ничего не выражают и никого ни к чему не обязывают. Нет, это не комплимент.

Нечего греха таить: в настоящее время у нас, в России, нередко одна социал-демократическая группа довольно равнодушно смотрит на то, что делают другие группы, *своим делом* часто считается у нас только дело *своей группы,* а дела *других групп* трактуются почти как чужие или, во всяком случае, как такие, которые можно предоставить их собственной участи, если только этого потребует хотя бы незначительный *местный* интерес.

Преобладание узкого группового духа составляет один из величайших недостатков современного нашего социал-демократического движения. Но сам я этим грехом не грешу, да и не могу грешить. Принужденный жить за границей, я уже самым положением своим лишен возможности смотреть на наше дело с точки зрения интересов той или другой русской группы. Для меня и для моих ближайших товарищей, членов заграничного союза русских социал-демократов, существуют только интересы *целого,* только общие интересы русского социал-демократического движения. А кто смотрит на дело с этой точки зрения, тот не может относиться равнодушно к вашему предприятию.

Ваш орган посвящен обсуждению общерусских задач социал-демократического движения. Это показывает, что и вы не ограничиваете вашего поля зрения местными делами; это очень хорошо. Сближение местных групп, слияние его в стройно организованное целое стало теперь необходимым условием дальнейших успехов русской социал-демократии.

Вторым и не менее важным условием его дальнейших успехов является выработка и распространение в наших рядах правильных взглядов на политические задачи нашей партии в России. Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что *всякая классовая борьба есть борьба политическая.* Забыть об этом хотя бы только на минуту можно лишь тогда, когда местные групповые дела и практические задачи текущего дня сосредоточивают на себе все внимание деятелей. Я уверен [орган],

посвященный обсуждению общерусских интересов, будет способствовать устранению также и этой слабой стороны нашей социал-демократии. Я уверен, кроме того, что когда вы объясните вашим читателям, в чем состоят истинные, «настоящие» — а не случайные, местные — политические взгляды русских социал-демократов, тогда под ваше знамя окончательно встанут все те, которые и теперь уже разделяют ваше стремление, но удерживаются от полного слияния с вами ошибочным представлением о политических стремлениях русских социал-демократов.

Это очень важный вопрос, дорогие товарищи! Его можно назвать вопросом из вопросов нашего революционного движения. Разъясняйте его, возвращайтесь к нему, спорьте о нем на страницах вашего органа. Может быть скоро мне придется попросить у вас гостеприимства для статьи по этому поводу. Но теперь я распространяться о нем не могу, а только порекомендую вам послесловие Аксельрода к женевскому изданию известной брошюры об агитации, оно проливает на него много света.

Преданный вам *Г. Плеханов*

Впервые напечатано в 1923 г. в сборнике Истпарта ЦК РКП(б) «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923)», М. — Пг., стр. 287—289

Печатается по тексту сборника

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА № 1

Август 1897 года

Рабочие всех стран, соединяйтесь!

СОДЕРЖАНИЕ: Значение рабочей газеты для русского рабочего движения. — *По России.* (Петербург, апрель 1897 г. — Харьков, февраль 1897 г. — Киев, май 1897 г. — Рига, апрель 1897 г. — Из жизни еврейских рабочих. — Из Царства Польского). — Беспорядки в Петербурге и Киеве. — Государственное управление в России и заграницей. — *Из заграничной жизни.* — (Выборы в Австрийский рейхсрат. — Крестьянские съезды в Венгрии). — Русский капитализм и рабочее движение в России.

ЗНАЧЕНИЕ РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ ДЛЯ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Русское рабочее движение доказало уже всему миру, что оно не только существует, но и имеет уже теперь значительную силу. Кто может усомниться в этом после июньской и январской стачек петербургских рабочих, стачек, во время которых рабочие показали ясное сознание своих классовых интересов, такую стойкость в борьбе за свое правое дело? Но, может быть, эти две стачки являются чем-нибудь особенным, исключительным, может быть, только в Петербурге рабочие развились до того, чтобы понять, как им нужно бороться со своими естественными врагами, со своими эксплуататорами? Нет, это не так: во всей России, где только стучат машины, свистят фабричные гудки, рабочие начинают просыпаться и вступать в борьбу жестокую и непримиримую с высасывающими у них кровь капиталистами. Да и не только на фабриках происходит эта борьба: она ведется также непримиримо в мелких ремесленных мастерских, везде, где только рабочие поняли все громадное различие своих интересов и интересов своих хозяев. Краткое обозрение тех стачек, которые происходили за последние два года, ясно покажет нам всю справедливость сказанного выше. Где только не вспыхивали они! Начнем с 1895 года. Вот стачка на Большой Ярославской мануфактуре, тянувшаяся с 17 апреля по 4 мая, где пролилась кровь рабочих, пострадавших за свое правое дело (кровь эта падает вечным позором на все русское правительство, начиная с царя Николая, благодарившего войска за стрельбу в безоружную бегущую толпу рабочих. Было убито 9 человек, в том числе *девочка трех лет,* ранено 7 человек). Стачка была вызвана штрафами и постоянным понижением расценок. Участвовали в стачке до 2000 человек. Кровопролитие и насилия были еще в Тейкове и в Иваново-Вознесенске Владимирской губернии

(осенью 1895 года). И в одном, и в другом месте рабочие были доведены до отчаяния бессовестной эксплуатацией: незаконными штрафами, произвольными расценками и т. д.

В Тейкове рабочие убили директора фабрики, который стал стрелять в стачечников, требовавших хоть немного больше справедливости в отношениях к себе. В Тейкове в волнениях принимало участие тысячи три рабочих, в Иваново-Вознесенске — тысячи две. Еще в двух местах в провинции понадобились войска, чтобы принудить рабочих подчиниться угнетениям фабрикантов: на Мазуринской бумагопрядильне (около станции Кусково, близ Москвы), где в стачке принимало участие 2000 чел., требовавших прибавки к своему ничтожному вознаграждению, и на ткацкой фабрике Прохорова в Москве. Среди массы остальных стачек (в Орле, в Самаре, в Вильне, летом в Иваново-Вознесенске, в Москве — в чайном складе К. и С. Поповых и в железнодорожном депо на Московско-Курском вокзале) обращает на себя особенное внимание стачка в г. Белостоке, где 26 тысяч рабочих всех городских фабрик в августе 1895 г. отказались работать, так как фабриканты и всякое начальство хотели ввести расчетные книжки, прямо заводившие новую барщину для рабочих. Стачка тянулась две недели; стачечников сломил только «царь-голод». Мы еще ничего не говорили о Петербурге, а в Петербурге между тем именно в конце 1895 года начался тот ужасающий правительство и фабрикантов ряд стачек, который тянется непрерывной цепью через весь 1896 г. и переходит в 1897-й, ряд, освещаемый беспримерной деятельностью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Петербургские рабочие с своим славным «Союзом» составляют могучий передовой отряд русской рабочей армии. Их геройская борьба, сопровождаемая массами жертв, — пример для рабочих всей остальной России...

В Петербурге в ноябре и декабре 1895 г. были стачки: на суконной фабрике Торнтона, на табачной фабрике Лаферма, в «Товариществе механического производства обуви» и на ткацкой фабрике Лебедева. Вот в скольких местах, в самых различных углах России, были проявления борьбы русских рабочих против гнета капиталистов и правительства. Нужно прибавить, что, наверное, было много таких доказательств пробуждения русских рабочих и решимости их бороться со своими притеснителями за лучшую жизнь, но мы просто не знаем этого: ведь писать в газетах об этом не позволяют.

Перейдем теперь к 1896 г. Всякий из наших читателей сейчас, вероятно, подумал при этих словах о Петербургской стачке, бывшей летом 1896 г. Да это вполне понятно; кому не известна эта славная попытка 30 тысяч петербургских рабочих отстоять свои права на человеческое существование.

Лето 1896 года навсегда останется в памяти русских рабочих. Этой громадной стачке предшествовали в Петербурге волнения на многих фабриках: на Путиловском заводе, на бумагопрядильне Кенига, на бумагопрядильне Воронина, среди рабочих «Нового Адмиралтейства» и казенного Александровского чугунного завода. Что касается провинции, то и в 1896 году волнения рабочих были в очень многих местах: в Москве (в июне, августе и ноябре), причем в очень многих местах с большим успехом *, в Нижнем Новгороде, в Вильне, Киеве, Одессе, Костроме (стачка 350 ткачей на фабрике бр. Зотовых), Белостоке, Ковне, Вильковишках

---

* Приведем 2—3 примера: на заводе Бромлея в конце ноября стачка 1000 рабочих заставила фабриканта сократить рабочий день с 11 до 10 час., на механическом заводе Гужона рабочие посредством стачки добились сокращения рабочего дня с 12 до 11 час.; рабочие в мастерских Московско-Курской железной дороги благодаря стачке получили удовлетворение следующих поставленных ими требований: уплата за коронационные дни и за день освящения царского поезда, поднятия расценок, уничтожения злоупотребления со стороны мастеров и мн. др.

(здесь рабочие добились путем стачки уменьшения рабочего дня на 1 час); в Ковровском уезде, Владимирской губ., на фабрике Ник. Дербелева рабочие достигли таким же путем (стачкой 500 чел.) введения 9-часового рабочего дня. Если мы обратимся к началу 1897 года, то и здесь на первом месте нужно будет поставить Петербург с его январской стачкой 15 тысяч рабочих разных фабрик и заводов, стачкой, которая победила и заставила уступить не только фабрикантов, но и правительство: ведь именно вследствие этой стачки петербургские ткачи и прядильщики с 16 апреля работают с 6 час. утра до 7 час. вечера с полутора часами на обед, что последовало по распоряжению самого министра финансов, который раньше так непримиримо сопротивлялся даже «законным требованиям рабочих» (см. книжку «Как министр заботится о рабочих»); потому же самому и рабочие механических заводов в Петербурге работают теперь только 11 час., а в железнодорожных мастерских по субботам прекращают работу на 2 часа раньше обыкновенного. Кроме большой Петербургской стачки были еще стачки в Петербурге же на шелкоткацкой фабрике Гольдарбейтера, где рабочие добились сокращения рабочего дня (с 12 до 11 час.), в Москве (между прочим, на механическом заводе Доброва и Набгольца, где тоже было достигнуто стачкой сокращение рабочего дня на 1 час), в Серпухове (на фабрике Коншина, где была произведена масса самых возмутительных насилий по отношению к рабочим).

Уже из одного этого краткого и неполного перечисления стачек и волнений рабочих в два последних года ясно до очевидности, как широко и могуче развивается русское рабочее движение, как все больше и больше просыпается у русских рабочих классовое самосознание, поддерживающее рабочих в их борьбе со своими угнетателями-капиталистами и правительством, которое постоянно становится на сторону капиталистов. Вместе с стачками о пробуждении сознательности рабочих в России свидетельствует еще одно явление — это неудержимое стремление рабочих к знанию. Среди рабочих все чаще и чаще встречаются люди, которые урывают каждую свободную минуту, чтобы почитать хорошую книгу, составляют библиотеки и для себя и для своих товарищей, переполняют воскресные школы и технические курсы, недосыпают и недоедают, чтобы только утолить свой умственный голод. Нелегко достается русскому рабочему знание; ведь у него почти нет времени для отдыха, потому что все его время стремится забрать ненасытный капиталист, нет и лишней копейки, которую он мог бы истратить на покупку интересной и важной для него книги. И тем не менее русский рабочий упорно и неутомимо работает над своим умственным развитием, над раскрытием своих глаз на мир божий.

Что же хочет знать русский рабочий, что для него наиболее важно и интересно? Конечно, ему интересно все, что делается вокруг него, но важнее и нужнее всего — знать все, касающееся рабочего класса. И рабочий не может не стремиться к такому знанию, потому что все кругом, всякая мелочь жизни рабочих наталкивают его на вопросы, почему так дурно живется рабочим и так хорошо их хозяевам? Везде ли это так, и если в других странах рабочим живется лучше, то почему? Будет ли когда-нибудь время, когда рабочие будут вести вполне человеческую жизнь, будут иметь время на отдых, самообразование, развлечения? Такой рабочий, который стремится ответить себе на эти вопросы, скоро убедится, что другой дороги для улучшения жизни рабочих нет, кроме единодушной, упорной и стойкой борьбы соединившихся между собой рабочих против всех, кто их угнетает и давит. Вот так рабочий, ищущий знания, приходит к тому же, на что других рабочих толкает сама жизнь, т. е. к борьбе за свои интересы. Разница только в том, что для него, для такого сознательного рабочего вполне ясно, как нужно бороться, потому что он знает, как в других

странах победно боролись и борются наши товарищи, да и о борьбе русских рабочих он знает больше других. Чем больше будет таких сознательных рабочих, тем успешнее будет борьба рабочих, тем скорее придет их победа. Мы уже видели, как русские рабочие начинают бороться даже в глухих уголках России за свои права, мы видели, как широко разрастается русское рабочее движение. Но везде ли рабочие одинаково сознают всю важность своей борьбы? Знают ли они о сотнях тысяч русских рабочих, интересы которых одинаковы с их интересами и которые, может быть, в ту же минуту тоже борются за свои права? Знают ли, наконец, о миллионах заграничных товарищей, которые готовы протянуть руку своим русским братьям? К несчастью, теперь таких вполне сознательных рабочих немного, просто потому, что им негде найти ответы на эти вопросы. У нас в России правительство стоит на стороне фабрикантов и помещиков против рабочих (это уже видно из того, как оно усмиряет войсками стачки рабочих) и потому старается, чтобы рабочие подольше оставались в темноте и не понимали, как им добиться лучшей жизни. Поэтому правительство запрещает все те книжки, в которых рассказывается о положении рабочих и о необходимости им соединиться для дружной борьбы с хозяевами. Поэтому такие книжки не продаются открыто и достать их довольно трудно, а между тем именно в них рабочие могут найти наиболее нужные для них знания, знания, научающие сознательно бороться за свои интересы. Вот для того, чтобы сообщать рабочим такое знание, мы и начинаем издавать рабочую газету для всех русских рабочих, где бы они ни жили. Мы думаем, что наша газета нужна теперь не только потому, что она будет разъяснять все вопросы, касающиеся рабочего движения у нас и заграницей, но и потому, что она будет *объединять* русских рабочих. Русское рабочее движение теперь так выросло, что нужно подумать о постоянном общении русских рабочих между собою, о взаимной поддержке их в борьбе, об их тесном братском союзе. И только соединившись в один могучий союз, в одну могучую рабочую партию, русские рабочие победят фабрикантов и правительство. Эта рабочая партия представит такую силу, бороться с которой никто не будет в состоянии, сопротивляться которой никто не посмеет. Вот наша рабочая газета и будет содействовать такому великому делу. Из нее русские рабочие везде, даже в самых глухих уголках России, будут знать о жизни и борьбе своих товарищей, будут иметь возможность поддерживать их в трудную минуту, могут сговориться о какой-нибудь общей стачке или другом средстве борьбы с общим врагом. Если теперь уже русские рабочие борются иной раз очень успешно со своими могущественными врагами, теперь, когда они действуют разрозненно, и вступают в борьбу не вполне подготовленными, то каких препятствий не преодолеют они, дружно соединившись и вооружившись тем знанием, к которому они так горячо стремятся? Наша газета постарается помочь тому, чтобы это счастливое время поскорее наступило. Она постарается разъяснить рабочим их собственное положение, указать, что нужно сделать, чтобы изменить его, будет сообщать постоянно сведения о рабочем движении в России и заграницей, и всем этим будет соединять всех русских рабочих для дружной, единодушной общей борьбы с общими врагами. Всего этого, конечно, рабочие не найдут в обыкновенных газетах, потому что там запрещено писать о несчастном положении рабочих и о способах, как это положение изменить. Вот почему рабочим необходима своя рабочая газета, которая бы говорила всю правду о положении рабочих, звала бы их на борьбу и учила бороться. Наша «Рабочая Газета» и будет это делать и тем с своей стороны помогать великому делу освобождения рабочего класса.

Да здравствует рабочее дело!

Да здравствует освобождение рабочего класса!

ПО РОССИИ

Петербург. Апрель 1897 года. Вероятно, очень многим читателям «Рабочей Газеты» известно о январской стачке 15 000 петербургских ткачей и прядильщиков. Они добивались, чтобы работать от 6 час. утра до 6 час. вечера с полутора часами на обед, чтобы повысили расценки, чтобы по субботам кончали работу в 2 часа, словом, добивались того же, что хотели завоевать у фабрикантов и правительства во время славной стачки летом прошлого года. Правительство так испугалось стачки, что в самом ее начале выставило везде на фабриках объявления такого содержания: с 16 апреля на всех ткацких фабриках будут работать только с 6 час. утра до 7 час. вечера с полутора часами на обед. Конечно, это было еще не то, чего хотели рабочие, так как все-таки рабочий день для них будет 11 с половиной час. (не считая времени на обед), а не 10 с половиной час., как они требовали, однако же и такую уступку правительства и фабрикантов можно смело назвать победой рабочих. Эти завоеванные свободные полтора — два часа дадут им возможность подумать о новой борьбе, придадут им бодрости и новых сил... После издания этого объявления стачка все-таки продолжалась, стачечники требовали, чтобы сокращение рабочего дня было введено сейчас же, а не с 16 апреля, и притом, чтобы работать только с 6-ти до 6-ти. На некоторых фабриках рабочим сделали небольшие уступки, повысили расценки (на старо-сампсониевской мануфактуре и на фабрике Гука), объявили, что работать от 6 до 7 будут не с 16 апреля, а с 1 апреля, а по субботам работа будет кончаться в 1 час дня (на фабрике Паля). Почему же стачечникам не удалось заставить правительство и фабрикантов окончательно покориться их требованиям? Дело в том, что у них не было достаточно денег, чтобы можно было здесь, в Петербурге, зимой, в январские морозы долго прожить без работы, а затем, и это самое главное, они не могли сговориться между собой: ведь всякие собрания рабочих у нас в России запрещены.

Мы, петербургские рабочие, еще раз убедились, как для успеха борьбы нужно поступать: нужно держаться дружно и единодушно, нужно иметь побольше касс на случай стачки и главное *нужно добиться, чтобы правительство дало рабочим право собраний,* на которых они могли бы сговориться относительно своих интересов.

С 16 апреля на всех ткацких и бумагопрядильных фабриках в Петербурге действительно работают от 6 до 7 часов, фабриканты повысили расценки, чтобы предупредить волнения рабочих, заработок которых должен был уменьшиться от сокращения рабочего дня. Но они повысили расценки не на столько, чтобы плата осталась прежняя (повышение равняется всего 7 проц., а чтобы плата осталась прежняя, нужно расценки повысить на 10—15 процентов). Новые стачки, конечно, не заставят себя ожидать, потому что петербургские ткачи и прядильщики ни за что не помирятся с уменьшением своего и без того жалкого заработка.

На Новой Бумагопрядильне была уж стачка, во время которой над рабочими совершались ужасные, возмутительные насилия: на мирных, безоружных людей была выпущена орда царских башибузуков, которые их били нагайками и кулаками, не разбирая ни пола, ни возраста, а в заключение все 3000 рабочих были высланы из Петербурга.

В последнее время было очень много арестов среди рабочих и среди интеллигентов, сочувствующих рабочим. Правительство всеми силами старается, чтобы рабочие покорно, как какие-нибудь бараны или телята, подчинялись фабрикантам и давали сдирать с себя по три шкуры. Но оно не испугает рабочих, никогда они не превратятся в бессловесных животных и сумеют принудить своих врагов признать их людьми и дать им человеческие права. Во время нашей борьбы с капиталистами мы, петербургские рабочие, очень хорошо поняли, каково наше правительство и

каковы наши порядки. Если у кого-нибудь из нас еще были надежды, что за нас заступятся царь или его чиновники, то эти надежды теперь исчезли безвозвратно. Мы теперь знаем, что помочь нам можем мы только сами. Для этого нам нужно, прежде всего, добиться перемены теперешних русских порядков на такие, как за границей. Нам нужно, чтобы нами правили не самодержавный царь и его самодержавные чиновники, которые служат нашим эксплуататорам, а выборные от всего русского народа, в том числе и от нас, рабочих. Нам нужно право устраивать какие мы только захотим общества и союзы, собирать сходки, чтобы говорить о своих делах, организовывать стачки, издавать без всяких запрещений наши рабочие газеты, в которых можно было бы говорить всю правду о нашем положении. Одним словом, нам нужна политическая свобода.

Заграничные рабочие потому и могут с таким успехом бороться за свое освобождение и идти все ближе к своей последней цели — устройству такого общества, где не будет ни бедных, ни богатых, ни фабрикантов, ни рабочих, — что у них есть политическая свобода.

Если мы не добьемся политической свободы, то еще долго правительство и фабриканты будут делать с нами все, что захотят. Вот почему теперь наш петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» постоянно говорит о необходимости требовать от правительства политических прав. Говорит «Союз» об этом и в тех двух листках, которые он выпустил перед первым мая (19 апреля) этого года. В одном из них (речь товарища на всемирный рабочий праздник 1-е Мая) «Союз» указывает на огромные успехи русского рабочего движения и заявляет, что Первого мая «первое требование рабочих — политическая свобода». «Рабочие, а вместе с ними и весь народ должны получить право участия в законодательстве и управлении государством, право свободно собираться, устраивать союзы и стачки, свободно обсуждать свои дела и иметь свободные книги и газеты (свобода печати)». Конечно, сразу нельзя добиться политической свободы, но каждый год 1-го Мая рабочие должны непременно (говорится в листке) заявлять требование политических прав и, конечно, правительство принуждено будет уступить, опасаясь народного взрыва. Рядом с требованием политической свободы листок ставит требование 8-часового рабочего дня; нечего, конечно, говорить, какое громадное значение имеет это требование, объединяющее рабочих всего мира.

Второй листок «Союза» (под названием «Всемирный рабочий праздник 1-го Мая») точно так же говорит о необходимости для рабочих прежде всего добиваться политической свободы, которая только и даст возможность русскому рабочему классу успешно стремиться к полному своему освобождению рядом с рабочими других стран. Оканчивается листок такими словами: «Поклянемся, товарищи, в этот великий и торжественный день, что мы и впредь будем вести ту же упорную борьбу за лучшее будущее, не пугаясь преследований, не смущаясь поражениями и не соблазняясь грошовыми уступками; будем передавать этот завет единения и борьбы до тех пор, пока вместе с рабочими всего мира не изменим теперешнего несправедливого порядка на такой, при котором не будет больше ни капиталистов, ни рабочих, ни богатых, ни бедных. И мы будем бороться рука об руку с рабочими всего мира, за наше великое дело — освобождение рабочего класса. Мы будем бороться, не боясь никаких жертв, и мы победим».

Харьков. Февраль 1897 года. Самым важным событием у нас за последний год является стачка на мельнично-машинно-строительном заводе Бельгийского общества. Завод этот недавно выстроен и на нем был введен рабочий день от 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывами в полтора часа. Через полгода, однако, управлению (администрации) завода показалось чересчур уже тяжелым платить рабочему за 12 час. столько, сколько

на других соседних заводах платили за 13 и больше часов работы. И вот в начале ноября прошлого года администрация (управление) объявила рабочим, что они должны работать от 6 часов утра до 7 часов вечера, т. е. 13 час. вместо 12. Это постановление до того возмутило рабочих, что они все, числом 160, отказались продолжать работу. Тогда администрация, думая запугать их лишением заработка, предложила всем недовольным взять расчет. Каково же было ее удивление, когда у конторы собрались для расчета все. Не теряя, однако, надежды, что самая расплата, может быть, остановит более робких, встревоженная администрация приступила к расчету. Вероятно в поведении рабочих видна была твердая решимость добиться своего, потому что после расчета какого-нибудь десятка рабочих контора приостановила дальнейшую выдачу денег и согласилась оставить работу на прежних условиях, а по первому требованию рабочих приняла обратно только что рассчитанных товарищей. Таким образом, на этот раз дело кончилось полной победой рабочих благодаря тому, что рабочие решительно заявили свою волю и держались дружно.

До поры до времени администрация притихла, чтобы при удобном случае тем вернее возобновить свою попытку. Такой случай скоро представился, и 5 января настоящего года администрация снова попыталась закабалить рабочих на один лишний час. Время было выбрано удачно: рождественские праздники только что кончились и, значит, все сбережения и средства, какие только могли быть у рабочих, были уже израсходованы. Воспользовавшись этим стесненным положением, администрация предложила рабочим новые книжки, в которых рабочий день обозначался от 6 час. утра до 7 час. вечера. Вечером перед уходом рабочие получили книжки и ушли домой, а 7-го числа явились все на завод вовремя, но к работе не приступали. Вскоре явился и сам хозяин и указал, что новый рабочий день введен не по его воле, а по предложению фабричного инспектора, которого он не смеет ослушаться. Тогда все 160 человек направились по городу к фабричному инспектору. Тот их грубо принял и согласился говорить только с выборными (делегатами). Обиженные рабочие хотели было направиться к высшим властям, но фабричный инспектор выслал к ним своего помощника, который обещанием разобрать дело по справедливости успокоил их. После разбора дела (здесь все рабочие увидели, что их хозяин нахально лгал, сваливая вину на инспектора) помощник инспектора согласился, что они могут оставить работу, но только после двух недель. Через две недели рабочие явились за расчетом. Тут уже ждала их полиция с казаками и по указанию хозяина арестовала 4 рабочих: ведь у правительства всегда прав хозяин, а виноваты рабочие! В этот день все-таки три четверти всех рабочих получили расчет, а на четвертый день явились и прочие.

Увидев, что все усилия его напрасны, управляющий пошел на уступки и предложил уменьшить время на полчаса, прибавить к плате от 10 до 20 копеек и уничтожить некоторые другие тяжелые условия. Рабочие вернулись на завод, но четвертая часть их вовсе не пришла, не желая иметь дело с таким управляющим. Конечно, будь у рабочих больше средств, они могли бы добиться своего, но и те уступки, которые должен был сделать управляющий, немаловажны и объясняются только дружным поведением рабочих во время стачки. Эта борьба указала рабочим, как важно выбрать удачное время: будь время иное, — рабочие могли бы продержаться дольше, и уступка администрации была бы полнее. Нет, однако, худа без добра. Теперь рабочие только защищались; наученные же опытом, правда, горьким, рабочие, дождавшись трудного для хозяев времени, сами объявят им войну и наверное уже выиграют. Много помогала в минувшей борьбе поддержка других рабочих, которые несли с готовностью помощь как нравственную, так и материальную своим борющимся братьям. Да разве может быть иначе?

Ведь только единение может дать рабочим ту силу в борьбе с общим врагом, которая заставит его отступать перед медленным, но неудержимым движением рабочих вперед.

Киев. Май 1897 года. После нового года у нас произошло немало событий, показывающих, что и киевские рабочие вступают в решительную борьбу со своими притеснителями-хозяевами. Не проходит недели, чтобы рабочие то на одном заводе, то на другом не вступили в защиту своих прав и не потребовали уступок от капиталистов.

В феврале бросили было работу токаря на механическом заводе Греттера. Они были возмущены нахальством своего мастера Казанека, прячущего часть рабочего заработка в свой карман или в карман своих любимцев. Узнав, что токарные станки остановились, Греттер поспешил приехать в мастерскую. Токаря заявили, что они требуют выдачи удержанных в последнюю получку денег. Это требование Греттер обещал исполнить. Тогда токаря принялись за работу. Но несколько дней спустя рабочим представился случай снова доказать, что они умеют действовать дружно. Несколько дней спустя после описанного случая мастер несправедливо рассчитал одного из рабочих. Все рабочие вместе потребовали, чтобы он не был увольняем. Контора завода уступила рабочим, не желая раздражать их.

Приблизительно в то же время портные, работающие у Людмера, Ходорковского, Жердера и Глозмана сговорились работать на 3 часа в сутки меньше. Раньше они кончали работу в 12 час. ночи, а теперь работают только до 9 час. Хотя плата у портных не поденная, а поштучная, но они поняли, что полезнее отдохнуть тремя часами более, почитать и поучиться, чем выбиваться из сил из-за нескольких копеек.

Иметь немного свободного времени для отдыха и науки захотели также рабочие из столярной мастерской Рожнецкого. Хозяину вздумалось начинать работу в 8 час. утра и кончать в 8 час. вечера; раньше же подмастерья работали у него с 7 до 7. Прежние порядки были лучше: свободный час вечером дороже для рабочего, чем утром, когда нет охоты ни читать, ни побеседовать с толковыми людьми. Поэтому рабочие не обращали внимания на новое постановление хозяина и стали приходить по-прежнему в 7 час. утра и уходить в 7 час. вечера. Рожнецкий, чтобы напугать их и принудить к послушанию, заявил расчет; рабочие, однако, и не думали уступать, а разошлись по другим мастерским. Как ни хотелось хозяину пригласить их к себе назад, но было поздно: они решили не иметь дела с упрямым хозяином, так грубо стеснявшим их свободу. Недавно сокращения рабочего дня потребовали рабочие из столярной мастерской Кимаера. Управляющий после получасового разговора убедился, что рабочие твердо будут стоять за свое дело, а то, пожалуй, устроят стачку — и согласился уступить. Раньше у Кимаера работали от 6 час. утра до 7 час. вечера, а теперь от 7 до 7.

На борьбу с хозяевами у нас поднялись не только рабочие, но и работницы. На табачной фабрике братьев Коген заведующий бессовестно обманывал папиросниц при выдаче табака, вследствие чего работницам приходилось платить штрафы или покупать недостающий табак на свои деньги. Они решили пойти с жалобой в контору. Управляющий, узнав об их намерении, впал в бешенство и грозил удалить некоторых работниц из фабрики. Однако красть табак он перестал и в конце концов так-таки и побоялся рассчитать смелых работниц, помешавших ему продолжать грабеж.

Еще больших уступок добились работницы на корсетной фабрике Дютуа. Управляющему Динаэру однажды вздумалось держать работниц

часом больше против обыкновенного. Многие корсетницы, не желая утомлять себя лишней работой, ушли домой. За это Динаэр наложил на каждую из них штраф в 15 копеек. Несколько дней спустя на фабрике появились листки, в которых разъяснялось работницам, что они не должны платить этого штрафа, так как он не допускается даже законом. Динаэр, прочитав один из листков, испугался, как бы работницы не потребовали фабричного инспектора. Фабричные инспектора не любят мешать фабрикантам в обирании рабочих, пока рабочие молчат. На фабрике Дютуа делается множество беззаконий, о которых инспектор будто бы не знает. Если бы его позвали работницы, то ему неловко было бы не исполнить их законных требований. Чтобы замять дело и задобрить работниц, Динаэр не только возвратил штрафные деньги, но перестал делать вычеты за иголки, назначил нескольким работницам награду (правда, всего в 6 руб.) и прежнюю грубость в обращении заменил необыкновенной любезностью. Однако фабричный инспектор все-таки нагрянул, и это случилось вот как. Месяц спустя после первого листка на фабрике Дютуа появился второй листок, призывавший работниц добиваться новых уступок, а именно: чтобы штрафы записывались в книжки, чтобы вычеты за испорченные корсеты производились правильно, чтобы мастерская убиралась не на счет работниц, и некоторых других. Вслед за появлением этого листка на фабрику прибыл фабричный инспектор. Работницы повторили ему все свои требования, и почти все они были исполнены, а управляющий получил выговор за неисполнение фабричных правил.

Большое оживление между рабочими вызывают листки, начавшие появляться на фабриках и заводах в последнее время довольно часто. Листки распространялись на машиностроительном заводе Шиманского, в пароходных мастерских, на механическом заводе Греттера, на фабрике Кимаера, в корсетной мастерской Дютуа, в железнодорожных мастерских и в некоторых других местах. Листки эти издаются Киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Кроме листков у нас, в Киеве, с декабря прошлого года стала издаваться рабочая газета «Вперед». До сих пор вышло в свет 2 номера. Жандармы и сыщики никак не могут помешать распространению листков и газеты: они сделали обыск у нескольких рабочих, чтобы навести страх на более робких, но ничего не нашли и ушли ни с чем.

Самое важное событие, которым мы можем поделиться с рабочими других городов, — это празднование 1-го Мая. 19 апреля на нескольких заводах у нас появились листки, выясняющие значение майского праздника. «Присоединимся же и мы, — говорилось в конце листка, — к всемирному рабочему празднику 1 Мая; отпразднуем и мы чем можем этот великий день. Пусть каждый из нас забудет свои мелкие частные дела и проникнется мыслью, что он член великой рабочей семьи, борец за одно общее великое дело. Постараемся, чтобы как можно более товарищей присоединилось к этому делу, постараемся увеличить наши силы и приблизить нашу победу. Пусть скорее наступит то счастливое время, когда в день Первого мая мы открыто и смело выйдем на улицу, развернем рабочее знамя и громко воскликнем: да здравствует Первое мая — всемирный праздник рабочих! Да здравствует борьба за свободу и счастье!»

1 Мая 532 железнодорожных рабочих после обеда не вышли на работу, а остались дома или пошли за город. Собравшись небольшими компаниями, они беседовали о рабочем деле, пели рабочие песни, провозглашали тосты за свободу, равенство и братство до поздней ночи. Рабочий праздник у нас в Киеве явно празднуется впервые. Конечно, по почину железнодорожных рабочих с следующего года начнут его праздновать и рабочие других заводов.

Рига. Апрель 1897 года. Майский праздник прошел у нас довольно оживленно. Хотя рабочие не бросали работы, но то, что случилось в нашем городе 19 апреля, вызвало много толков и среди рабочих, и среди жандармов, и среди фабрикантов. На заводах, по фабричным дворам, на улицах и в коридорах вблизи рабочих квартир было разбросано множество листков, объясняющих, что такое всемирный рабочий праздник и как его праздновать. Эти листки (прокламации) были расклеены на заборах и стенах заводов; их находили и в ящиках для писем. Фабриканты никак не ожидали появления прокламаций. Они были поражены, узнав, что на иных заводах их читали все рабочие. На первых порах они не знали, как тут быть. Один из них — владелец механического завода Фельзнер — обратился за советом к неизменным друзьям всех фабрикантов — жандармам. На завод немедленно прибыл жандармский офицер и прокурор суда; однако и они не знали, что делать. Произвести у всех рабочих обыск — дело слишком длинное и утомительное. Посадить всех в тюрьму, так за что же? Стали бранить рабочих за то, что они читают запрещенные листки, убеждали отдать их и, наконец, стали грозить тюрьмой, обещая помилование тем, кто отдаст прокламацию по доброй воле. Нашлось несколько рабочих, поверивших этому запугиванию и отдавших свои листки жандармскому офицеру. После этого жандармы несколько раз вызывали их на допросы, пытаясь узнать, откуда рабочие взяли листки, кто их читал, кто принес, кто разбрасывал и тому подобное.

Узнать ничего не удалось. Эти допросы все-таки успели надоесть трусливым рабочим, между тем как их товарищей, не отдавших листков, так и оставили в покое. 19 апреля жандармский офицер и прокурор пробыли на заводе полдня, мешая своими речами и расспросами работать. Таким образом, хотя сами рабочие не решились оставить работу, но на деле, благодаря жандармам, вышло так, что они не работали, а деньги за этот день все-таки получили.

На другом механическом заводе, «Феникс», одна прокламация была наклеена лаком на дверях. Чтобы снять ее, пришлось унести ее вместе с дверью в контору. В тот же день 19 апреля мастеровые завода «Феникс» так прибили рабочего-сыщика, который вывел их своей наглостью из терпения, что сыщик заболел и лишился возможности работать. Контора рассчитала его, как ни приятно было капиталистам иметь между рабочими сыщиков, мешающих им объединиться и сговориться, но они не захотели содержать его на свой счет лишь только он стал неспособен к труду. После этого происшествия жандармское управление потребовало у мастера, чтобы он написал, как держат себя рабочие и кого из них он считает опасным для хозяев и жандармов.

Очень радушно была принята майская прокламация также рабочими Балтийского вагонного завода. В конце апреля у нас вспыхнула стачка на одной предместной ткацкой фабрике. Работу бросили вместе все рабочие — и мужчины и женщины. Они требуют повышения заработной платы. Чем кончится стачка — еще не известно.

ИЗ ЖИЗНИ ЕВРЕЙСКИХ РАБОЧИХ

От редакции

В России живет около 5 миллионов евреев. Большинству из них живется очень тяжело. Русский народ относится к ним недружелюбно. По своему невежеству он думает, что они виноваты в его горьком житье. Действительно, евреи иногда спаивают народ, обирают его непосильными процентами, обманывают, обвешивают и обмеривают; но то же самое и гораздо чаще делают и русские кулаки-мироеды. Простой человек мало

разбирается в том, кто его губит. Он чувствует, что ему живется скверно, тяжело, что сил у него нет терпеть и он ищет, на ком бы выместить свою злобу. С детства, с самой колыбели ему постоянно толкуют, что во всем виноваты евреи — вот он и озлобляется против них, делается их врагом, а подчас и бросается их бить и разорять их имущество. Но и кроме простого народа у евреев не мало врагов. Русские ростовщики, кулаки, купцы, торговцы, фабриканты — все видят в евреях конкурентов, от которых хотелось бы избавиться. Чем больше притесняют евреев, чем меньше им дают прав, тем для русских капиталистов выгоднее. Русскому капиталисту хочется, чтобы ему никто не мешал высасывать соки из его рабочих, из его покупателей или из его должников. Удивительно ли, что он враг евреев, и постоянно кричит, что евреи погубили русский народ? Да к тому же надо ему и глаза от себя отвести, а то, пожалуй, увидят, что в действительности-то губит русский народ он сам.

Что думают капиталисты, то, конечно, думает и правительство. Известно, что оно всегда делает так, как выгодно богатым. Вот почему оно так преследует евреев. Чтобы устранить их конкуренцию, оно запрещает им свободно проживать в России, запрещает им жить в селах и деревнях, не принимает их на государственную службу, ограничивает их поступление в учебные заведения и прочее и прочее.

Тяжело жить среди стольких ограничений, среди такой вражды и неприязни. Скученные в немногих городах, не имея права выехать оттуда, встречая всюду недружелюбие и злобу, евреи влачат самое жалкое, самое бедственное существование, и многие из них, проклиная судьбу, бросают родину, бегут из России, чтобы искать себе приюта и счастья в далеких странах. К русским большинство из них относится враждебно. Еще бы! Что видят они от русских, кроме притеснений и злобы, кроме насилия и вражды?

Но в последнее время и среди русских и среди евреев появились люди, которые поняли, что эта вражда бессмысленна и вредна. Эти люди — *сознательные рабочие русские и еврейские.*

Русские рабочие сказали себе: «Среди евреев есть много ростовщиков и эксплуататоров (грабителей), но разве из-за этого нужно ненавидеть весь еврейский народ? Разве таких эксплуататоров мало среди нас, русских? С нашими русскими эксплуататорами мы боремся, будем бороться и с еврейскими. Но всех тех, кого грабят, обирают и притесняют, всех угнетенных и страдающих мы считаем своими братьями и друзьями, а не врагами. И еврейские рабочие — наши братья. Разве они не страдают от своих притеснителей, как и мы, разве они не могут нас поддержать в борьбе, разве не один у нас враг, не одна цель, не одни желания? Между рабочими нет ни еврея, ни православного, ни католика. У рабочих всего мира одна вера — вера в лучшую жизнь, в свободу, в счастье».

В то же время сознательные еврейские рабочие сказали себе: «Мы ошибались, когда думали, что всякий еврей наш друг, а всякий русский наш враг. Какой друг нам еврей-ростовщик, еврей-фабрикант, обирающие нас самым бессовестным образом? И какой враг нам русский рабочий, иногда работающий у того же хозяина, что и мы, терпящий те же бедствия и притеснения, что и мы? Нет, капиталист — еврей ли, русский ли — наш враг, а рабочий — еврей или русский — наш друг и товарищ. С капиталистами мы будем бороться, а с рабочими объединяться. Рабочие всего мира должны объединиться.

И вот уже несколько лет, как среди еврейских рабочих началась такая же борьба со своими хозяевами, такое же рабочее движение, как и среди русских. Во многих местах еврейские рабочие успели добиться многих уступок. С каждым годом увеличивается число сознательных еврейских рабочих, которые объединяются в союзы, кассы, читают книги, газеты, развиваются и учатся. Все больше и больше среди еврейских рабочих растет

сознание того, к чему должны стремиться рабочие всего мира, какие их цели, как им бороться, чего им можно требовать сейчас и чего они будут требовать в ближайшем будущем. На еврейском языке существует много книг, объясняющих рабочему все эти вопросы. Некоторые из них переведены на русский язык, так же как и некоторые русские переведены на еврейский. Недавно на еврейском языке начала выходить рабочая газета — «Еврейский работник». До сих пор вышли 3 номера. Еврейские рабочие чутко прислушиваются к тому, как идет борьба у нас, русских рабочих, и с радостью приветствуют всякую нашу победу. Во время летней петербургской стачки они из своих небогатых средств уделили 100 рублей на помощь стачечникам. Будем же и мы следить за тем, как борются наши товарищи еврейские рабочие. Будем радоваться их победам, помогать им в нужде, будем жить одной общей жизнью — как это следует братьям по общему делу. Будем твердо помнить, что для рабочего нет еврея, поляка или немца, для него существуют только угнетенные и угнетатели. Угнетенные евреи, немцы, поляки — наши братья, а угнетатели, хотя бы и русские — наши враги.

* *
*

Варшава. Декабрь 1896 года. У нас существует «Еврейский рабочий союз», который стоит во главе нашего рабочего движения. Он руководит борьбой рабочих, распространяет среди них книги, листки, рабочую газету.

Осенью 1896 года, когда во всех ремесленных заведениях по обыкновению наступил сезон усиленной работы, союз выпустил листок к еврейским ремесленным рабочим, в котором убеждал рабочих не изнурять себя 17- и 18-часовой работой, не работать по ночам, а ограничить свой рабочий день 12-ю часами и требовать повышения платы. Такие же листки выпускал он и по другим поводам. Что деятельность его не осталась без влияния на рабочих, можно видеть по целому ряду стачек и столкновений, которые не прекращались у нас всю зиму. Стачки были у нас в мастерских, где изготовляют кошельки, среди щеточников и у портних. Особенно интересны стачки портних. Портнихи у нас вообще считаются самыми отсталыми среди рабочих и работниц Варшавы. Однако те нечеловеческие условия, в которых они живут, расшевелили и их. И они решили выступить на защиту своих интересов, своих прав, своего человеческого достоинства. В одной мастерской, где хозяйка просто-напросто бьет мастериц и особенно учениц, мастерицы потребовали прекращения этих безобразий. Такой отпор со стороны работниц не пришелся, конечно, по душе хозяйке, и она всю свою злобу излила на одну мастерицу, которой отказала. Но с тех пор она все-таки не решается поднять руку на мастериц. В другой мастерской столкновение произошло из-за длины рабочего дня.

Перед еврейскими праздниками хозяйка потребовала, чтобы работницы работали 15—16 час. в сутки да еще работали ночи напролет. Работницы же ни за что не соглашались работать больше 12 час. и на ночную работу не оставались. Хозяйка ничего не могла с ними сделать и, чтобы хоть кому-нибудь отомстить за доставленную ей неприятность, отказала двум мастерицам, не заплативши им за две недели.

Из всех этих фактов вы видите, что и у нас рабочие уже зашевелились, что и у нас началась уже борьба рабочих за улучшение их положения. Эта борьба была бы сильнее, если бы наши рабочие были хоть сколько-нибудь организованы, объединены, если бы у нас были кассы, на которые рабочие могли бы рассчитывать, начиная борьбу. Многих рабочих удерживает от стачки мысль, что они останутся без хлеба и будут голодать вместе со своими семьями. Но и кассы и объединение не заставят

себя ждать: наши рабочие уже начинают организовываться. Мы имеем поэтому полное право бодро смотреть вперед и ожидать широкого развития нашего рабочего движения.

* *
*

В августе 1896 года в одном из городов еврейской оседлости * еврейские рабочие дали спектакль, сбор с которого предназначался на расширение рабочей библиотеки. Давали: 1) «Борьба за существование» — рассказ, переделанный для сцены одним рабочим, и 2) «Религия капитала». Все роли исполняли рабочие и работницы. На спектакле присутствовало человек 60, главным образом рабочих; через неделю этот спектакль повторили в присутствии 80 человек. Наконец, по желанию публики, он был дан в третий раз. Представление каждый раз заканчивалось пением революционных рабочих песен. Все представление шло на еврейском языке.

* *
*

Вильно. В продолжение всего 1896 г. у нас не прекращались стачки среди сапожников. Всего их было 14, с общим числом участников около 100 человек. Рабочие главным образом требовали повышения поштучной платы. Одна стачка произошла из-за 12-часового рабочего дня. Результат стачек нужно считать вполне благоприятным. В 6 мастерских (в одной из них рабочие прекращали работу три раза) требования рабочих были удовлетворены. В двух — стачки не удались, потому что рабочие держались недостаточно дружно. В двух случаях рабочие не вернулись к своим прежним хозяевам, а поступили на другие места или разъехались. В общем заработная плата в мастерских, где стачки удались, повысилась на 50 коп. в неделю. Особенно сильное впечатление на всех виленских рабочих произвела стачка в мастерской Лихинского. Мастерская Лихинского самая большая в городе. В ней работает 32 рабочих — 17 евреев и 15 литовцев.

Приблизительно в середине августа рабочие уговорились с хозяином работать по 12 час. в день от 8 до 8. Не прошло после этого уговора двух дней, как случилась спешная работа. Лихинский был уверен, что рабочие будут сидеть позже 8 час. Но ровно в 8 час. все рабочие ушли. Взбешенный этим Лихинский решил отказать тем рабочим, которые, по его мнению, были главными подстрекателями в мастерской. Это и было поводом к стачке. 19 августа 22 человека евреев и христиан бросили работу. Требования, выставленные рабочими, были следующие: 1) чтобы хозяин никогда не требовал от рабочих более чем 12-часовой работы, 2) чтобы он повысил плату на 10—15 коп. со штуки, 3) чтобы в мастерской находились часы, 4) чтобы хозяин расплачивался с рабочими в самой мастерской, чтобы можно было контролировать хозяина в расплате с рабочими, 5) чтобы хозяин расплачивался с рабочими сполна, а не оставлял за собой долгов, как это он делал раньше, и 6) чтобы он не отказывал никому из рабочих. Хозяин несколько раз уговаривал рабочих прекратить стачку, обещая им выполнить большую часть их требований. Рабочие же упорно настаивали на выполнении *всех* своих требований. Не добившись ничего уступками, Лихинский стал угрожать рабочим: пугал их жандармами, фабричным инспектором. Но угрозы действовали на рабочих еще меньше, чем уступки. В конце концов Лихинский принужден был уступить и исполнить все требования рабочих. Стачка эта привлекла к себе внимание

* Так называются губернии, в которых правительство позволяет свободно проживать евреям. В остальных губерниях могут жить только ремесленники, купцы и люди с высшим образованием.

не только дружным и стойким поведением рабочих, но еще и тем, что это у нас первая стачка, в которой вместе участвовали и евреи и христиане. Какое еще нужно доказательство, что у еврейских и христианских рабочих одни интересы, что они должны идти рука об руку?

ИЗ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

Апрель 1897 года

Рабочее движение, этот страшный призрак, не дающий капиталистам спокойно пользоваться богатством, нажитым «честным трудом», все больше развивается, захватывая новые и новые уголки. Теперь еще мы имеем дело с отдельными проявлениями сознательности рабочих, но зато эти проявления повторяются все чаще и чаще и замечаются по всей стране. И действительно, чуть не ежедневно доносятся отовсюду известия о борьбе рабочих, которая нередко оканчивается их победой. Так, напр., под Островцом на сталелитейном заводе рабочие оставили работу, требуя повышения платы. Начало этой борьбы относится еще к октябрю прошлого года, когда хозяева уменьшили заработную плату; тогда рабочие пытались противиться этому, однако несогласие между ними и неясное понимание своих интересов сделали напрасными их усилия. С этого, однако, времени рабочие не переставали думать о новой борьбе и, наконец, дождавшись удобного времени, 15 января они все предупредили хозяина, что они оставят завод, а с 1 февраля никто не явился на занятия. Ни угрозы директора, ни вмешательство полиции — ничто не помогло. Наученные горьким опытом, рабочие уже дружно держались и только тогда принялись за работу, когда им обещали прибавку.

На фабрике Лильпопа и Рау 31 марта было объявлено об увеличении рабочего времени, а кроме того о запрещении приносить с собою завтрак, чтобы не отнимать у хозяина несколько минут столь любимого им рабочего труда. Рабочие признали эти распоряжения невыгодными для себя и потребовали их отмены; это и было исполнено на другой день, когда даже фабричный инспектор заступился за рабочих.

В мастерской Кальмуса рабочие добились 10-часового рабочего дня, отвоевав полтора часа на обед и полчаса на завтрак из 12-часового дня.

У Вейля уже 4 недели тянется борьба, и рабочие держатся дружно.

На пивоваренных заводах еще в 1891 году началась борьба, и рабочие благодаря хорошей организации и своему согласию добились сокращения рабочего дня на 3 часа, повышения платы на 2 руб. в неделю и одного дня отдыха еженедельно. Но с 1893 года заводчики то тут, то там, увидевши, что нет прежнего согласия между рабочими, пытались отнять хоть день отдыха. Удалось добиться всего только заводу Михлейда, где нашлась такая часть рабочих, которая отказалась от дня отдыха. Этот поступок до того возмутил рабочих других заводов, что у Михлейда снова была сделана попытка вернуть свою потерю; но дело велось спустя рукава, и при первой угрозе удалить всех — рабочие вернулись к занятиям на прежних условиях. Вообще своим поведением эти рабочие не только повредили себе, но даже и другим, потому что заводчики теперь уже более смело станут нападать на них.

В этом случае, конечно, очень виноваты и рабочие, которые своей трусостью портили все дело; но мы их не так будем обвинять, если вспомним, каковы порядки на всех заводах и фабриках. Например, на фабрике Боргмана и Шведе один рабочий был настолько смел, что заявил свое неудовольствие, когда у него украли плату за 10 часов работы. За эту смелость его пытались силой выгнать из фабрики, но товарищи вступились за него и грозили все оставить работу. Прибывший фабричный

инспектор все-таки признал виновным рабочего и наказал его двухнедельным удалением с фабрики. Фабричному инспектору тут же жаловались на недоплату за труд, на малый заработок, но он только удивился, находя по книжкам все в порядке; даже более, — по книжкам выходило, что рабочих нанимали по 9 коп. за час, а платили по 10 коп.; отсюда фабричный инспектор выводил, что рабочие должны по гроб быть благодарны за доброту хозяев. (Дело в том, что при найме рабочему говорили, что цена в книжке поставлена так себе, для виду, а что он будет получать поштучно и настоящую цену. Таким образом хозяин защитил себя от всякой ответственности за недоплату.) На этой же фабрике есть касса для помощи больным; составлена она из вычетов по 30 коп. из каждой получки рабочего и по 20 коп. — помощника его. Этой кассой может пользоваться рабочий не раньше как через неделю после начала болезни, но беда в том, что в кассе почти никогда нет денег, а рабочих 1000 человек. Положим, неудивительно, — ведь кассой управляет заводское начальство, а не сами рабочие, а начальство отлично заботится о рабочих. Вот недавно в Сосновцах фабриканты просили генерал-губернатора прислать им полк казаков на жительство. Они ищут помощи казаков от грабежей, — но далеко вернее будет, если мы скажем, что они, отечески заботясь о спокойствии рабочих, желают иметь и нагайки для них. Сначала правительство предложило им самим построить казармы, но потом сжалилось над этими слабыми мира сего и решило взять постройку на свой счет: у них во всем полное согласие и они друг друга постоянно поддерживают.

У нас же еще довольно долго придется говорить о необходимости единения, хотя уж все чаще и чаще рабочие помогают друг другу в беде, причем их не разделяет ни различие языков, ни те границы, которыми отделено одно государство от другого. В самое последнее время польские рабочие, высылаемые в Сибирь за служение своему делу, получили от русских 200 руб. Эта помощь показывает, что рабочие уже начинают сознавать себя братьями в одной великой всемирной семье. Пусть же этот пример не останется одиноким, пусть наши враги — капиталисты — знают, что мы всегда поможем друг другу в борьбе с ними, которая таким образом с каждым часом будет все легче и легче для нас.

БЕСПОРЯДКИ В ПЕТЕРБУРГЕ И КИЕВЕ

В начале текущего года жандармы арестовали в Петербурге Марию Ветрову за то, что при обыске в ее квартире были найдены запрещенные книги *. Ветрова была посажена в Петропавловскую крепость; там жандармы обращались с ней грубо, бесчеловечно. Несчастная, доведенная ими до отчаяния, лишила себя жизни самосожжением.

Виновник мученической смерти Ветровой — правительство. Оно издало закон, по которому ее бросили в тюрьму, оно установило произвол жандармов, ничем не стесняемых в своих зверствах; оно отдало беззащитную Ветрову в руки этих кровопийц-жандармов. Если бы такое потрясающее событие, как смерть Ветровой, произошло где-нибудь за границей, то правительству пришлось бы, как преступнику, держать ответ перед народом. У нас, в России, правительство делает все, что ему угодно, и никто не имеет права требовать у него отчета в его действиях. Таких жертв правительственного беззакония, как Ветрова, было немало. Однако на этот раз само правительство увидело, что поведение его верных слуг — жандармов было чересчур возмутительно; известие о смерти Ветровой могло бы вызвать негодование у самых равнодушных людей. Поэтому правительство решило все сведения об участи Ветровой держать втайне. Но слухи проникли из-за

* В этих книгах говорилось лишь о хозяйском и правительственном гнете и о том, как бороться с ним. Но, по русским законам, писать обо всем этом правду не дозволяется, и человек, имеющий у себя такие книги, считается преступником.

тюремных стен и министерских кабинетов на белый свет и быстро разнеслись по Петербургу и другим городам. Нашлись люди, решившие явно выразить свое негодование правительству и разгласить о его новом преступлении по всей России. У них не было возможности ни привлечь убийц к суду, ни напечатать о случившемся в газетах. Они сделали единственное, что было возможно, — устроили торжественные шествия по улицам Петербурга и Киева с пением «Вечной памяти» по Ветровой; в Петербурге было одно такое шествие 4 марта; в нем участвовало около 6000 чел.; в Киеве шествий было 3 (18 марта — 2 и 19 марта — 1), а участников около 1000 чел. Попытки устроить подобные шествия были и в других городах, но они были неудачны. Целью этих шествий или демонстраций было показать правительству, что его позорное участие в убийстве Ветровой станет известно всему миру, что есть немало людей, возмущенных правительственными порядками и что у этих людей хватит смелости открыто и громко заявить свое негодование. Таким образом, демонстрация была направлена не только против одного этого злодеяния царских слуг, но против всех тех порядков, при которых допускаются подобные зверства.

В демонстрации участвовали главным образом студенты, затем статские и женщины, и очень немногие рабочие. Однако демонстрация имела большое значение и для рабочих. Произвол, несправедливость и насилия жандармов, полиции, чиновников и всего правительства постоянно дают себя чувствовать и рабочим: захотят ли они стачкой добиться лучшей жизни, устроят ли кассу на случай безработицы или станут читать рабочие газеты и книги, — им сейчас же начинают грозить или тюрьмой или казацкими нагайками.

Рабочим очень невыгодны теперешние порядки, при которых правительство всегда защищает фабрикантов и всегда притесняет рабочих. Поэтому-то и во время мартовских демонстраций правительство боялось, как бы в шествиях не приняли участия рабочие. Особенно сильно струсили полиция и жандармы в Киеве. Чтобы не допустить рабочих к участию в демонстрации, повсюду по казенным и частным дворам были расставлены войска, на площадях стояли казацкие патрули, солдатам роздали боевые патроны, из соседних городов прислали драгун и, наконец, заставили рабочих казенных заводов работать в воскресенье, в которое ожидали новой демонстрации. Однако рабочих между участниками шествий почти не было: они еще слишком слабо объединены, еще мало закалились в борьбе со своими ближайшими врагами — капиталистами, еще слишком плохо понимают свое рабочее дело, чтобы участвовать в демонстрации, направленной против правительственных беззаконий. Со временем, поняв свои интересы и сознав свою силу, они, конечно, не станут ждать призыва от студентов, а смело и открыто вступят в борьбу с хозяевами, с правительством и со всеми, кто станет на пути к их победе.

Тем не менее, мартовская демонстрация принесла рабочим много пользы: она им ясно показала, как могущественны они, как их боится правительство. Одного предположения, что тысяча-другая из киевских рабочих устроит демонстрацию, было достаточно для того, чтобы держать наготове десятки тысяч войск. Откуда же правительство наберет солдат, когда на защиту своих прав подымутся миллионы рабочего народа?

ИЗ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ

ВЫБОРЫ В АВСТРИЙСКИЙ РЕЙХСРАТ

Многие из наших читателей, вероятно, знают о тех порядках, которые существуют за границей во всех европейских государствах (кроме Турции, которая одна похожа по своему управлению на Россию), и что эти порядки гораздо лучше и благоприятнее для рабочих, чем наши русские.

В этом, разумеется, никто не будет сомневаться, потому что хуже и бесправнее положения русского рабочего нельзя себе представить. Нигде за границей нет запрещения рабочим собираться и говорить о своем положении, а у нас и это даже запрещено: уж нечего и говорить о запрещении всяких рабочих союзов, стачек, рабочих газет. Ни одной страны нет, где бы так, как в России, старались помешать рабочим стать сознательнее и почувствовать свою силу. Тем не менее и за границей порядки не везде одинаково хороши для рабочего класса. Раньше были они везде одинаково нехороши для рабочих, но рабочие постарались добиться уступок от правительств и, конечно, уступки были тем больше, чем большую сознательность, сплоченность и силу проявляли рабочие. Только в тех государствах, которые являются наиболее отсталыми и в которых рабочие еще не успели стать силой, порядки являются не вполне благоприятными для них. К числу таких стран принадлежит одна из пограничных России — Австрия.

До самого последнего времени Австрия имела такую конституцию (порядок правления): высшая власть в стране принадлежит собранию депутатов, выбранных населением всей Австрии; этот «рейхсрат» (по-русски это значит «государственный совет») издает законы, устанавливает налоги, рассматривает государственный бюджет (т. е. роспись доходов и расходов), решает вопросы о войне и мире и вообще занимается самыми важными государственными делами.

До этого года в рейхсрате было 353 депутата; они выбирались таким образом: право выбирать депутатов имели только такие граждане, которые платили не меньше 5 гульденов (около 4 руб.) прямых налогов. Как вычислил один заграничный писатель (Адлер), вследствие такого закона могла выбирать депутатов в рейхсрат только одна третья часть всех жителей Австрии мужского пола, имеющих больше 24 лет (только с этого возраста в Австрии гражданин может быть избирателем). Таким образом, остальные две трети были лишены права участвовать в управлении государством через своих представителей. Эти две трети составлялись из тех, которые не платили прямых налогов или платили их очень мало, т. е., значит, из невладеющих ничем, кроме своей рабочей силы, или имеющих очень ничтожное имущество. К этим политически бесправным принадлежали все рабочие, все безземельные и малоземельные крестьяне, бедные ремесленники. Этого, однако, мало. Даже та треть граждан, которая имела избирательные права, могла ими пользоваться только очень неравномерно. Все эти граждане разделены на 4 разряда (на 4 избирательные курии): 1) крупные землевладельцы (богатые помещики), 2) торгово-промышленные палаты (капиталисты), 3) города и 4) сельские округа. Крупные землевладельцы выбирают 85 депутатов, торгово-промышленные палаты — 21, города — 118, сельские округа — 129.

Так как помещиков и капиталистов (членов торгово-промышленных палат) очень мало по сравнению с горожанами, а особенно с крестьянами, то и выходит, как говорит Адлер, что 168 *крестьян с избирательными правами имеют столько же политического значения, как 46 горожан или один единственный землевладелец.* К этому нужно прибавить еще, что в сельских округах крестьяне не прямо избирают депутатов, а сначала только особенных выборщиков (приблизительно на 500 чел. — 1), и те уже, собравшись со всего округа, выбирают депутата для целого округа. Помещики и правительство пользуются этими порядками для того, чтобы напугать или подкупить выборщиков и заставить их выбрать депутата, приятного помещикам и правительству: напугать или подкупить гораздо легче, когда выборщиков немного. Поэтому и крестьяне часто выбирают в рейхсрат помещиков или священников, которые нисколько не заботились об интересах своих избирателей, а только о своих собственных (т. е. своего класса). Мы видим теперь, как несправедлива была

избирательная система в Австрии, как все было устроено, чтобы, во-первых, рабочие и безземельные крестьяне не могли посылать своих депутатов в рейхсрат и, во-вторых, чтобы помещики и капиталисты имели побольше влияния на государственные дела (ведь если бы на помещиков и капиталистов смотрели так же, как на крестьян, то они не могли бы посылать ни одного депутата в рейхсрат, так как 1 крестьянский депутат приходится на 10 000 с лишним избирателей, а помещиков и капиталистов и разом не наберется в Австрии 10 000). Понятно само собою, что собрание депутатов только от более зажиточной, более привилегированной части населения Австрии решало все государственные дела так, как это было выгодно этой части населения, и нисколько не обращало внимания на бедствия и нужды политически бесправных пролетариев и полупролетариев (т. е. рабочих, безземельных и малоземельных крестьян и т. д.). С какой стати эти представители крупного землевладения, крупной и средней буржуазии стали бы заботиться о тех, на эксплуатации которых основано их собственное благополучие? Ведь то, что полезно пролетариям, вредно их эксплуататорам и наоборот...

Такое положение вещей могло, однако, продолжаться только до тех пор, пока политически бесправные слои населения (рабочие главным образом) не почувствовали, что они сила, и не потребовали себе таких же прав, какими пользовались богатые привилегированные классы (помещики, капиталисты и средняя буржуазия). Промышленность в Австрии все больше и больше развивалась и вместе с ней рос и развивался рабочий класс. Мало-помалу рабочие начинали понимать свое положение, сознавать общность своих интересов (т. е. приобретать классовое самосознание) и, наконец, образовали свою рабочую партию (она называется социал-демократической, как и рабочие партии в Германии и других странах).

Теперь нет города в Австрии, в котором бы рабочие не соединялись в союзы для поддержки друг друга в борьбе с капиталистами и не примыкали бы к социал-демократической партии. Среди крестьян тоже возникают партии, которые в союзе с рабочими хотят добиться и для себя тех прав, которых они лишены теперь. Образованию таких партий среди рабочих и крестьян много помогает то, что в Австрии можно устраивать большие собрания (митинги) для обсуждения своего положения, издавать свои газеты, основывать кассы для стачек и т. д.

Австрийские рабочие быстро поняли, что они только тогда могут помочь себе прочно и основательно, когда и они будут посылать своих депутатов в Австрийский рейхсрат, так как эти депутаты будут там добиваться введения лучших законов относительно заработной платы, рабочего дня, страхования рабочих от несчастных случаев и т. д. В полезности такой парламентской работы их убеждал пример в особенности немецких рабочих, которые провели очень много хороших законов в германском парламенте.

Поэтому Австрийская рабочая партия стала постоянно заявлять перед правительством требование о введении *всеобщего, равного, прямого голосования для всех жителей Австрии, начиная с 21 года,* т. е. чтобы каждый австрийский гражданин, достигший 21 года, имел право подавать голос при выборе депутата в рейхсрат, без различия — помещик он, капиталист, крестьянин или рабочий. Это требование социал-демократическая партия заявляла везде: на собраниях, созванных нарочно для этой цели, на собраниях других партий, во время празднования 1 Мая, в своих рабочих газетах... Десятки и сотни тысяч рабочих устраивали манифестации и требовали введения всеобщего права голосования. 27 июня (или по заграничному счету 9 июля) 1893 года больше 50 000 рабочих пришли к помещению рейхсрата и требовали всеобщего избирательного права.

«В этот день, — говорит один из самых главных членов австрийской социал-демократической партии, Адлер, — глухие услышали голос народа,

слепые увидели, что избирательная реформа не будет снята с очереди до тех пор, пока Австрия вместо теперешнего порядка управления (конституции) не будет иметь нового европейского избирательного права, пока, по крайней мере, эта одна политическая привилегия имущих классов не исчезнет». В собрании 27 июня было сделано, между прочим, такое постановление: «Настоящее собрание протестует против лишения более чем двух третей народа избирательного права и требует как основу и предварительное условие серьезной защиты народных интересов, уничтожения политических преимуществ всех привилегированных классов и введения *всеобщего, равного и прямого избирательного права* для всех граждан государства, без различия пола, достигших 21 года». В конце постановления говорится, что рабочие не успокоятся и не испугаются никаких жертв, пока не добьются, не завоюют всеобщего избирательного права. Кроме манифестаций, заявлений на собраниях и в газетах у рабочих возникала иногда мысль о всеобщей стачке как средстве добиться всеобщего избирательного права. Под давлением рабочей партии правительству пришлось подумать об уступках. Конечно, привилегированные классы ни за что не хотели допустить к участию в управлении государством рабочий класс, в особенности на совершенно равных правах, как этого требовали рабочие. Австрийское правительство, однако, ясно увидело, что не удовлетворить совсем требований рабочих опасно и потому старалось так изменить порядок выборов, чтобы как можно меньше повредить интересам привилегированных классов. Оно предлагало несколько планов таких изменений, но рейхсрат все не соглашался принять их; все ему казалось, что слишком много уступок делают рабочим и другим, до тех пор бесправным вследствие своей бедности, людям. Наконец, рейхсрат принял такой план изменений в порядке выборов: все прежние избирательные разряды (курии) остаются и выбирают то же самое число депутатов, как и прежде, но к ним прибавляется еще одна курия, в которой голосуют все граждане мужского пола, достигшие 24 лет, и которая выбирает новых 72 депутатов в рейхсрат. Вот чего добились австрийские рабочие; теперь и лишенные всякой собственности имеют право голоса и участвуют в управлении страною, выбирают представителей своих интересов в рейхсрат.

Конечно, это еще очень далеко от того, чего добиваются рабочие, но все-таки и это лучше, чем ничего. Привилегированные классы сохранили свое преобладание, потому что они выбирают в 5 раз больше депутатов, чем вся Австрия (353 и 72). Но теперь тем не менее рабочей партии гораздо легче бороться за свои интересы, чем тогда, когда она была лишена всякой возможности иметь своих депутатов в рейхсрате.

В феврале и марте этого года происходили первые выборы в рейхсрат после введения нового закона относительно пятой курии, — первые выборы, в которых приняли участие рабочие, безземельные крестьяне и прочие. Само собой понятно, как интересно знать их исход, увидеть, как воспользовалась ими социал-демократическая партия... Эти выборы должны были ясно показать силы сознательных рабочих в Австрии. Оказалось, что из 72 депутатов 5-й курии, выбранных теперь в рейхсрат, 14 социал-демократов. Таким образом, уже и теперь одна пятая Австрии оказалась социалистической. Это большая победа австрийских рабочих; она должна поднять их энергию, должна ободрить их и дать им новые силы для дальнейшей борьбы. Всего за социал-демократов подано около 900 000 голосов. Для первых выборов это очень много. В других странах сначала социал-демократы не имели так много сторонников. Нужно сказать, что если бы выборы производились так, как следует, т. е. если бы всякий подавал спокойно и без принуждения голос за того, за кого он хочет, то социал-демократы имели бы, наверное, больше 14 депутатов. Но этого не было: правительство и привилегированные классы старались мешать выбору социал-демократов, которых они считают (и совершенно верно) самыми страшными

своими врагами. В некоторых местах, впрочем, и само население не понимает еще, где его настоящие друзья и где враги. Но, наверное, и там поймут скоро, что истинными защитниками интересов бедняков могут быть только социал-демократы. В этой мысли их может утвердить поведение представителей рабочих в рейхсрате, где они уже успели проявить себя, как борцы за справедливость, несмотря на то, что заседаний рейхсрата было до сих пор очень мало. Каждый раз при начале заседаний рейхсрата, как и всех других собраний представителей народа в конституционных странах, произносится от имени государя тронная речь, в которой объясняется, какие законы думает предложить правительство и вообще в каком направлении думает оно действовать. В этом году при открытии рейхсрата тронная речь говорит о необходимости издать такие законы, чтобы рабочие были довольны своим положением, но, конечно, чтобы и фабриканты не были очень обижены. Затем тронная речь обещает, что правительство в скором времени предложит рейхсрату издать закон об обеспечении рабочих от несчастных случаев и на случай болезни. Конечно, в этих словах австрийского правительства нельзя не видеть следствия уже одного появления депутатов от рабочих в рейхсрате. Первые шаги социал-демократов в рейхсрате заставляют даже противников рабочих называть их защитниками униженных и оскорбленных.

Самый важный вопрос, по которому говорили речи представители рабочих, это вопрос о злоупотреблениях правительства при выборах в одной австрийской провинции, именно в Галиции. Здесь правительство старалось, чтобы выбирали только приятных ему и высшим классам людей, и потому полиция делала самые возмутительные вещи с непослушными ей избирателями, арестовывала их, отбирала силой у них карты, на которых писались имена выбираемых, и переправляла имя рабочего кандидата на имя кандидата правительственного. Кое-где народ так был возмущен этими поступками, что оказывал вооруженное сопротивление: в одном селе был убит чиновник, который, как думали избиратели, переправлял имя рабочего кандидата Казакевича на имя правительственного кандидата Мохнацкого. Полиция вызывала войска и, в конце концов, оказалось, что в Галиции во время выборов было убито 8 человек, ранено 29 и арестовано 800. Социал-демократ Дашинский сказал прекрасную речь по поводу всех этих ужасных событий, в которой обвинял правительство, забрызганное кровью, как он выразился, и требовал, чтобы была избрана комиссия из 36 членов рейхсрата для подробного рассмотрения этого вопроса. Так как дело шло о бедных людях, то рейхсрат, в котором и теперь больше всего депутатов от богачей, не согласился на предложение Дашинского и это дело будет рассмотрено в комиссии, которая занимается другими делами и в которую не вошел ни один социал-демократ.

Второе дело, по которому уже высказались социал-демократы, — это дело освобождения из тюрьмы одного крестьянина (по фамилии Шаера), выбранного депутатом. Депутата в Австрии не имеют права арестовать, но если бы социал-демократы не возбудили ходатайства, чтоб его сейчас же освободили, то его могли бы долго продержать в тюрьме потому только, что ведь он простой человек, крестьянин, а не какой-нибудь важный барин — крупный землевладелец или капиталист.

Наконец, социал-демократы сейчас же внесли в рейхсрат предложение, чтобы в Австрии было введено *всеобщее, равное, прямое избирательное право*. Это предложение еще не обсуждалось и неизвестно, добьются ли теперь уже представители рабочих, чтобы теперешние привилегии высших классов были уничтожены, но если не теперь, то все-таки очень скоро австрийские рабочие этого добьются, потому что их сознательность и их сила растут день ото дня.

Кроме этих предложений, внесены были социал-демократами еще предложения: 1) об издании закона относительно обеспечения рабочих на

старость и 2) об освобождении арестованных жителей того села, где был убит во время выборов правительственный чиновник. Эти предложения тоже еще не обсуждались.

Это все только начало действий представителей рабочих в австрийском парламенте. Конечно, они не остановятся на этом и будут неуклонно стремиться к тому, чтобы путем парламентской борьбы подготовить путь к освобождению рабочего класса от всякого гнета политического и экономического.

Все, что они будут делать в этом направлении, мы в свое время сообщим нашим читателям.

КРЕСТЬЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ В ВЕНГРИИ

За последние годы в Западной Европе все чаще и чаще раздавался вопрос: как и каким образом привлечь крестьян к рабочему движению. Как им доказать, что освобождение рабочего класса поведет к освобождению всех угнетенных и обиженных. Поймут ли крестьяне цель и стремления социализма? Захотят ли они вместе с рабочими за них бороться? Все эти вопросы заставляли сильно призадуматься и не всегда эти мысли были веселого характера. Враги рабочего движения чувствовали, что именно здесь больное место социалистов и с явным злорадством восклицали: «Ну, хорошо, предположим, что все рабочие поняли общность своих интересов, предположим, что все рабочие объединились, но остается ведь крестьянская масса, что вы с ней сделаете? Разве вы не знаете, что мужик всегда остается мужиком, что он всегда придерживается старых порядков, что он никак не может оторвать своих мыслей от своего клочка земли, что он все причины зла видит только в своих грехах? Ну, скажите, как вы с ним справитесь? Как вы ему укажете, что его интересы одинаковы с интересами неимущего рабочего-пролетария, на которого он, крестьянин-собственник, смотрит свысока? Эти слова казались социалистам преувеличенными, но они не могли не сознаться, что в них есть доля правды. На первый вопрос крестьянина, «что такое социализм», так рассуждали они, — ему придется ответить:

«Социализм стремится к тому, чтобы земля, машины, фабрики, заводы, одним словом, земля и все орудия производства перешли в руки производителей, в руки целого общества. Вся теперешняя эксплуатация, весь теперешний грабеж происходит от того, что некоторые частные лица, пользуясь своей силой, заставляют массу голодающих людей работать в свою пользу. Вследствие этого одна часть общества трудится и живет впроголодь, а другая ничего не делает и живет припеваючи. Социализм стремится положить конец теперешним порядкам и установить более справедливые отношения между людьми. Весь ход жизни неизбежно приводит к такой перемене во всех общественных отношениях; это доказали такие ученые социалисты как Маркс, Энгельс и другие». Рабочему, не имеющему ничего, кроме своей рабочей силы, эта мысль доступна и в высшей степени привлекательна. Терять рабочему нечего! Хуже ему быть не может. При теперешних порядках он и его дети обречены на тяжелую, исполненную лишений жизнь, на попирание своего человеческого достоинства, на преждевременную смерть. При будущих порядках рабочему и его детям улыбается жизнь свободного человека.

Рабочий, раз усвоив себе цель и стремления социализма, в своих интересах старается ознакомить с этими стремлениями своих товарищей-рабочих. Тут ему на помощь является многочисленность рабочих в городе, на фабрике. Он имеет возможность встречаться с сотнями товарищей. Одинаковое положение, сходство между всяким родом эксплуатации объединяет и сплачивает рабочую массу. Листок, газета, речь, обращенная

к одному рабочему подходит по своему содержанию для десятков тысяч других. Вот почему социализм все более и более проникает в рабочую среду.

Не так дело обстоит в деревне. Что касается зажиточного крестьянина, то он настолько доволен своим положением, что ему о лучших порядках заботиться нечего. Для него даже в известном смысле важно, чтобы порядки не нарушались. Ему важно, чтобы его работа могла тихо и спокойно продолжаться. Земля, которая пока еще щедро вознаграждает его труд, ему дороже всего на свете. Мысль, чтобы эта его земля принадлежала не ему, а целому обществу, ему совсем не по душе.

Крестьянин, уже отчасти обедневший, все еще ожидает какого-то улучшения. Его мысли направлены на урожайный год, на счастливое лето. Он все еще надеется обзавестись скотиной, стать опять зажиточным крестьянином. Земля, которая в течение долгих лет его прокармливала, ему дороже всего на свете. К ней, к этой земле и прикованы все его интересы и мысли. Крестьяне, занимающиеся отхожими промыслами или уже превратившиеся в батраков, по своему безнадежному положению наиболее легко могут усвоить социалистические идеи (т. е. к чему стремятся рабочие, социалистические партии), но до сих пор крупной помехой являлась их разрозненность, затем то, что они менее грамотны и понятливы, чем городской пролетарий и, наконец, мешали и старые крестьянские предрассудки. Но вот за последнее время в Западной Европе все вышеприведенные условия начинают мало-помалу исчезать, и социалистическое движение захватывает понемногу и крестьян. Причиной этого главным образом является рост крупного землевладения. При росте крупного землевладения из года в год тысячи крестьян превращаются в батраков, или же вынуждены заниматься отхожими промыслами. С другой стороны, одновременно с ростом крупного землевладения также развиваются и совершенствуются пути сообщения (проводятся железные дороги, начинают ходить пароходы и т. д.). Благодаря дешевому и скорому проезду крестьяне имеют возможность встречаться не только друг с другом, но, что более важно, с городским пролетариатом.

Сходки, газеты, агитационные речи стали в деревнях Западной Европы обычным явлением. Теперь даже более зажиточные крестьяне не отстают от рабочего движения, хотя их число значительно меньше. Они, эти зажиточные крестьяне, видели слишком много примеров быстрого обеднения своих соседей, чтобы не бояться за свою собственную будущность. Они рады присоединиться к такой силе, которая была бы в состоянии отстаивать крестьянские интересы. Особенного внимания заслуживает в этом отношении Венгрия *. Там за последние 30 лет крупное землевладение развилось с неимоверной быстротой. Крестьянское добро со дня на день переходило в руки эксплуататоров, тысячи семейств становились бездомными и наводнили все углы и дороги. Понятно, что господа крупные землевладельцы не упустили этого случая из виду и давили рабочих до смерти. Придет кто-нибудь наниматься на лето на работу, так с него, нищего пролетария, требуют 3 дня бесплатной работы «за то», так объясняет крупный землевладелец, «что вообще тебя нанимают; таких, как ты, теперь много; не хочешь — другого найму». И венгерский обездоленный крестьянин дарит миллионеру три дня своей жизни в течение лета. За этот подарок его еще заставляют работать 18 часов в сутки. Но это еще не все. Заработная плата выдавалась натурой. Товары всегда оказывались тухлыми и гнилыми. Крестьяне долго, долго терпели, но потом решили положить конец этим порядкам. Они по примеру западноевропейских рабочих объединились и устроили два съезда: один съезд состоялся в январе, другой в феврале 1897 г. Нужно было видеть на съездах этих крестьян, нужно было слышать

* Для русских рабочих Венгрия тем более интересна, что она по своему экономическому положению отчасти напоминает Россию. В Венгрии, как и в России, преобладает земледельческий класс.

их гневные речи против своих эксплуататоров, чтобы понять, сколько у них на душе накипело. Смело и гордо звучали их слова и как-то невольно чувствовалось, что они, эти разоренные и обездоленные крестьяне, готовы голову сложить за улучшение своего положения.

На съездах сначала говорилось о целом ряде вопросов, касающихся практических целей, как требование обязательного 12-часового рабочего дня (имея в виду 8-часовой рабочий день), отмены бесплатной работы, отмены платы товарами и других беззаконий. А затем крестьяне решили протянуть свою руку рабочим социалистическим партиям всего мира и объявить себя с ними согласными во всех их целях и стремлениях. Главным образом они решили стремиться к тому, *чтобы земля принадлежала всему обществу, а не частным лицам.*

Эти два крестьянских социал-демократических съезда произвели необыкновенный шум. Друзья рабочего движения возликовали, враги же были настолько умны, что постарались скрыть свой испуг, и все в один голос заговорили о крестьянских нуждах. Подумаешь, в самом деле, до съездов они как будто и не знали о том, что крестьянин эксплуатируется, о том, что крестьянину с году на год все хуже и хуже живется.

Видя, что крестьянин теперь уже не сносит безропотно их беззакония, отлично понимая, что этими двумя съездами дело не кончится, помещики и капиталисты чувствуют себя совсем нехорошо. Рабочие вместе с крестьянами представляют для них непобедимых противников. Вот поэтому-то они и прикидываются друзьями крестьян. Но уж поздно, господа капиталисты. Западноевропейские рабочие — мастера пользоваться своими правами. Они на крестьянских собраниях и в своих газетах отлично растолкуют крестьянину, кто его враг и кто друг. Часть крестьянства уже теперь это отлично понимает. Крестьянские социалистические съезды не остались и без практических последствий. Министр земледелия нашел нужным присутствовать на этих съездах, газеты заговорили о крестьянских нуждах, а крупные землевладельцы найдут, вероятно, необходимым умерить свой торгашеский пыл и сделать крестьянам должные уступки.

РУССКИЙ КАПИТАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

«За нами победа»

Заключительный призыв одного Петербургского листка

Россия переживает в настоящее время тот промышленный переворот, который совершился в западноевропейских государствах почти сто лет тому назад. Государства эти могут потому служить примером того, к чему приводит развитие в стране капиталистического способа производства.

Капиталистическое производство совершенно преобразило иностранные государства.

Прежние мелкие ремесленные мастерские уступили свое место гигантским фабрикам, в которых соединены под одной кровлей тысячи рабочих. Прежние самостоятельные крестьянские хозяйства заменены крупными сельскохозяйственными фермами, занимающими тысячи батраков. Ремесленник и кустарь превратились в фабричного рабочего, крестьянин — в батрака. Мало того. Эти выросшие, громадные капиталистические предприятия продолжают неустанно, шаг за шагом отвоевывать рынок у мелких: мелкий промышленник побивается крупным, мелкий землевладелец вытесняется крупным сельским хозяином. Ремесленники и кустари, купцы и мелкие предприниматели, крестьяне и мелкие землевладельцы — все эти слои населения все более и более переходят в ряды пролетариата.

Капиталистический способ производства разлагает, таким образом, постепенно все общество на два класса, на класс имущих и неимущих, на богатых и бедных, буржуазию и пролетариат. Ряды имущего класса, владеющего всеми средствами производства, все уменьшаются; в то же самое время происходит рост неимущего класса, класса пролетариев, обладающих одной только рабочей силой. Чем шире становится капиталистическое хозяйство, чем больше отраслей промышленности оно захватывает, тем все большие слои населения превращаются в пролетариев. *Так капиталистический способ производства безостановочно пополняет ряды пролетариата все новыми и новыми рекрутами,* доставляемыми всеми классами населения.

Но капиталистический способ производства увеличивает не только численный состав пролетариата, он создает не только многочисленный класс пролетариев, т. е. класс, сильный своим количеством, он создает — и это особенно важно — класс *отборных сознательных, тесно сплоченных, солидарных пролетариев.*

Работа на фабрике убедительнее всяких слов обнаруживает рабочим всю противоположность их интересов с интересами капиталистов. В то время как рабочий, не разгибая спины, работает весь день и получает жалкий заработок, которого ему едва хватает на пропитание, его хозяин-капиталист, только изредка являющийся на фабрику, живет в полном довольстве, припеваючи. Рабочий выбивается изо всех сил и ничего не имеет, капиталист же бездельничает и все у него в излишке. Вся жизнь рабочего сложилась как будто только для того, чтобы все работать на капиталиста. Утром, когда еще только светает, он уже спешит на работу; кончив работу, он торопится домой уснуть — и подумаешь, для чего? — чтобы завтра чуть свет снова приняться за хозяйскую работу. Так проходят дни за днями, недели за неделями, так проходят целые годы и вся жизнь рабочего. И когда рабочий, преждевременно состарившийся, делается неспособным к труду, его ждет голодная смерть. «Мне не нужны неспособные к работе рабочие», — услышит в ответ этот рабочий, отдавший капиталисту всю свою жизнь и принесший ему в жертву все свои радости.

Между тем в противоположность жизни рабочего жизнь капиталиста является сплошным праздником: роскошная обстановка, все удобства жизни, утонченные блюда, дорогие вина, балы, концерты, театры, летние поездки — всем спешит насладиться незнающий куда девать свободное время капиталист.

И только здесь, на фабрике, рабочий впервые получает возможность познать, что все богатство, которым так кичится капиталист, вся роскошь и все удобства жизни, которыми располагает капиталист, вся сила и значение, которым он пользуется, — все это создано пóтом и кровью рабочих, все это дело рабочих рук.

Мало того, что рабочий отдает капиталисту свою собственную жизнь, он приносит ему в жертву всю свою семью — жену и детей. Замена ручного труда машинным сделала излишним искусство и ловкость рабочего. Теперь рабочих искусных можно заменить неискусными, дорогих — дешевыми, можно потому более дорогой труд мужчин заменить более дешевым трудом женщин и детей. Эксплуатация женщин и детей — этих самых беззащитных между беззащитными — изнурение их непосильной работой становится при капиталистическом производстве самым обыденным и широко распространенным явлением. Работа всех членов семьи является теперь даже неизбежною необходимостью: то, что раньше зарабатывал рабочий, работая один, без семьи, теперь он может получить только, посылая на фабрику жену и детей.

Каждый новый день приносит рабочему все новые и новые бедствия. Страсть к наживе, боязнь потерять рынок заставляют капиталиста высасывать из рабочего все больше и больше труда. Средством к этому слу-

жат — удлинение рабочего дня, отмена праздников, уменьшение заработной платы, введение ночной работы, штрафы и т. д. и т. д.

Кроме всего этого здоровью и жизни рабочих грозит на каждом шагу большая опасность. Каждую минуту он может быть задавлен и раздавлен той гигантской машиной, к которой он словно прикован и которая движется с исполинской силой и безумной быстротой.

Чем хуже живется рабочему, тем лучше живется капиталисту. Чем дольше работает рабочий, тем лучше для капиталиста. Он не устает от того, что рабочее время длится слишком долго, он не погибает от убийственной обстановки труда на фабриках: большие, просторные мастерские стоят денег, а одного рабочего можно легко заменить другим. Ему нет дела до того, что жизнь рабочего подвержена крайней опасности: приспособления, ограждающие рабочего, дороги, а жизнь рабочего ему ничего не стоит.

Капиталистический способ производства создал, таким образом, целую пропасть между рабочим и капиталистом; он вместе с тем способствовал тому, чтобы рабочий сознал эту пропасть, чтобы он понял противоположность своих интересов с интересами капиталиста, чтобы он понял, кто его эксплуататор, его враг. Ставя в подобные условия эксплуатации все бо́льшую и бо́льшую массу населения, увеличивая ряды неимущих, распространяя нищету и эксплуатацию на большинство народа, делая нищету и бедность явлением обыденным и общераспространенным, капиталистическое производство содействовало тому, чтобы рабочий понял, что не он, рабочий, виноват в своих бедствиях, а его эксплуататор, капиталист.

Если работа на фабрике проливает рабочему постоянный свет на взаимные отношения рабочих и капиталистов, если она дает рабочему возможность понять и разобраться в своих несчастиях, то она вместе с тем показывает ему выход из его бедственного положения.

Соединяя сотни рабочих в одно место, фабрика ставит их в одинаковые, равные условия эксплуатации. На фабрике между рабочими не существует никаких различных ступеней никаких чинов Все рабочие — простые рядовые одной промышленной армии. Если и есть рабочие, занимающие высшие места, то число их крайне незначительно и они теряются в общей массе рабочих. Огромное же большинство рабочих работает в одинаковых условиях, и отдельный рабочий не имеет возможности улучшить свое положение для себя одного. Его положение может улучшиться только тогда, когда улучшится положение всех его товарищей. Эта одинаковость условий приводит невольно рабочего к мысли о том, что интересы его солидарны с интересами других рабочих; это равенство условий труда и эксплуатации пробуждает в рабочем чувство солидарности, сознание, что все рабочие — братья.

Мало того. Работая на фабрике, каждый отдельный рабочий участвует только в создании одной какой-нибудь части предмета; весь же предмет есть продукт соединенного труда рабочих целой фабрики или даже нескольких фабрик. Эта работа научает понимать рабочего, что, взятый в отдельности, он без своих товарищей ничего не значит; она раскрывает рабочим глаза на значение совместной работы, на силу союза. Повседневная, непрекращающаяся борьба с капиталистами, каждая одержанная победа и каждое вынесенное поражение только подтверждают рабочим всю важность союза, единения, только подкрепляют в рабочих чувство солидарности.

Капиталистический способ производства способствовал, следовательно, тому, чтобы рабочие сознали противоположность интересов труда и капитала, чтоб они поняли солидарность своих собственных интересов, чтоб они сознали силу совместной сплоченной борьбы, силу и значение союза.

Иностранные рабочие не замедлили воспользоваться этим могучим орудием — союзом.

Посмотрите на эти двигающиеся в день Первого мая — этот великий международный праздник рабочих — стройные ряды рабочих, прислушайтесь к речам ораторов, взгляните на могущественные рабочие союзы и вы поймете, что рано или поздно заграничные рабочие станут такими же господами своей страны, как и нынешние капиталисты. Часы эксплуатации рабочего сочтены. В революционных песнях, распеваемых ежегодно Первого мая рабочей армией, вся иностранная буржуазия и правительство слышат свой похоронный гимн.

Капиталистический способ производства сам порождает, таким образом, людей, которые разрушат этот строй, а вместе со строем уничтожат и эксплуатацию, и рабство, и нищету, и бедность.

Капиталистическое производство само воспитывает в рабочем те качества, которые делают из него непобедимого врага.

Раз, следовательно, в стране развивается капитализм, то этим самым можно быть уверенным в том, что с течением времени в ней вырастет рабочий класс, что он сплотится и сплоченный направится против своего общего врага — эксплуататора. Победа не заставит себя долго ждать.

Раз будет доказано, что в России развивается капиталистическое хозяйство, то отсюда само собой станет очевидным, что и рабочее движение в России является таким же непобедимым движением, как на Западе.

Что же говорит в пользу того, что в России развивается капитализм?

Прежде всего цифры, т. е. данные, касающиеся самых разнообразных сторон экономической жизни России.

Обратимся потому раньше всего к этим цифрам.

Всякое капиталистическое общество характеризуется тем, что в нем все продукты, изготовляемые трудом, становятся товарами. Чем шире становится капиталистическое хозяйство, тем больше производится товаров. По росту товаров можно потому заключить о росте капитализма. Но в капиталистическом обществе товары изготовляются в громадном количестве, причем не для местного, а для более или менее отдаленного рынка. Следовательно, большая часть товаров раньше, чем быть потребленной, должна быть перевезена с места производства на место сбыта, т. е. должна попасть на железные, водяные и другие пути сообщения. Отсюда понятно, что количество товаров, провозимых по различным путям сообщения, должно указывать довольно верно на развитие в стране капиталистического хозяйства.

По данным о перевозке товаров, по одним только железным дорогам России оказывается, что в 1881 году перевезено грузов на $2^1/_2$ миллиарда, а в 1893 г. — около 5 миллиардов, т. е. в течение 13 лет количество перевезенных грузов увеличилось вдвое, а следовательно, увеличилось вдвое количество произведенных товаров.

Для большей наглядности развития в России капитализма обратимся к отдельным отраслям производства.

Начнем с каменноугольной промышленности. Оказывается, что в 1880 году всего добыто в России угля 200 млн. пудов, а в 1893 году — 464 млн. пудов, что составляет для 13-летнего промежутка увеличение в $2^1/_3$ раза.

Каменный уголь представляет собой один из важнейших продуктов горнозаводской промышленности и является одним из самых существенных условий для процветаний других отраслей труда. Следовательно, по одному только росту каменноугольной промышленности можно безошибочно заключить о развитии всех других отраслей труда.

Возьмем далее железоделательную промышленность.

Всего чугуна, железа и стали было выработано в 1881 году около 65 млн., а в 1896 г. — около 152 млн. пуд., т. е. в течение 15 лет производство железоделательной промышленности более чем удвоилось. Это удвоившееся производство, однако, не в состоянии удовлетворить потребности в

железе, как об этом свидетельствует беспрерывное возрастание иностранного ввоза, несмотря даже на то, что железо обложено очень высокой пошлиной. Так, в 1890 г. привезено в Россию чугуна, железа и стали на 15 млн. руб., а в 1895 г. — на 26 миллионов.

Подобный же рост производства мы находим и в хлопчатобумажной промышленности, изготовляющей различного рода ткани. Обороты русской хлопчатобумажной промышленности достигали в 1883 г. около 278 млн. руб., а в 1893 г. — 385 млн. руб., т. е. за десятилетие возросли на 107 млн. рублей. «Русское хлопчатобумажное производство, — читаем в «Вестнике Финансов», — находится в настоящее время в столь цветущем состоянии, что, не довольствуясь почти полным вытеснением иностранных фабрикантов с огромного внутреннего рынка, расширяет с каждым годом отпуск своих изделий в другие государства — в Персию, Турцию, Румынию, Китай и др.».

Еще одна цифра. В начале семидесятых годов производство русского керосина едва достигало 1 млн. пуд. В 1881 году добыча нефти достигает 41 млн. пудов, а в 1895 г. — 347 млн. пудов, т. е. за последние только 15 лет добыча русского керосина увеличилась почти в десять раз. Русская нефтепромышленность удешевила керосин, доставила ему широкое распространение среди многочисленного населения России и, не довольствуясь одним русским рынком, стала искать себе выхода на иностранные рынки.

Итак, возьмем ли мы каменноугольную, железоделательную, хлопчатобумажную или нефтяную промышленность — все говорит о росте и развитии в России капиталистического производства. В самом деле. Стоит только приглядеться к действительной жизни; стоит только прочесть перечень построенных за последнее десятилетие и строющихся железных дорог, пароходов, судов; стоит только внимательно следить за числом возникающих в последнее время металлургических, машиностроительных, механических, рельсопрокатных и других фабрик и заводов и станет очевидным без дальнейших доказательств, что промышленная Россия претерпела за последние 2—3 десятилетия коренную ломку, что в экономической жизни России произошел громадный переворот.

Наряду с ростом товаров, расширением товарного рынка идет поглощение мелких предприятий крупными. Возьмем для примера снова каменноугольную промышленность. «Число небольших шахт, — говорится в отчете углепромышленников, — уменьшается, а производство крупных предприятий в то же самое время увеличивается». Действительно, в 1882 г. на одну крупную шахту приходилось 9½ тысяч вагонов (вместимость вагона 600 пуд.), а в 1896 году — 17 000 вагонов — почти вдвое большее количество угля.

Подобные же данные имеются относительно и других отраслей русской промышленности: *крупные предприятия повсюду побивают и вытесняют мелкие и становятся еще более крупными*. Во всех отраслях промышленности возникают гигантские компании с громадными капиталами. Ремесленник, кустарь, крестьянин, теряют мало-помалу почву под ногами, они не в силах уже более конкурировать с крупными предприятиями, вооруженными всеми усовершенствованиями техники. Прежний кустарь и вчерашний ремесленник бросают свое ремесло и идут в города на фабрику, где они увеличивают ряды городского пролетариата. Крестьянин же либо ищет спасения в переселении на дальний восток, либо отправляется в город на отхожие промыслы, либо становится батраком, нанимаясь на земледельческие работы и пополняя собой армию сельских рабочих. Ежегодно с наступлением весны многолюдные толпы тянутся из деревень в города. Это движение из деревни в город и происходящий отсюда, как обнаружила последняя всероссийская перепись, рост городов является новым подтверждением капиталистического развития России.

Город и деревня, фабрика и ферма, — все это живые свидетельства совершающегося в России глубокого экономического переворота. Русский капитализм пустил глубокие корни.

Так говорят бессловесные цифры.

Так вторят им своими речами и действиями те классы населения, которые являются прямым детищем капитализма.

Капитализм, как мы видели, разлагает общество на два класса, — на класс капиталистов и класс рабочих, на буржуазию и пролетариат.

Где же русская буржуазия и русский рабочий? Как и в чем они проявили себя?

В самый разгар всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, за несколько дней до приезда царя, в нижегородской газете «Волгарь» появилась передовая статья, получающая особый интерес ввиду времени и места ее напечатания. «Всероссийское купечество, — так начинается эта статья, — деятельно готовится к встрече царя на нижегородской выставке». «Составляя наиболее крепкую часть народа, — продолжает «Волгарь», — купечество наиболее всех других сословий сохранило в себе самобытный русский дух... *Оно все может... оно является именно тем оплотом, на который в праве рассчитывать государство,* при дальнейшем развитии в купеческой среде образования».

Неужели, спрашиваешь себя в недоумении, это говорит русское купечество, то самое купечество, которое еще так недавно не смело заявлять о своем существовании? Куда делось прежнее холопство, прежняя готовность во всем повиноваться? Откуда взялся этот неслыханный доселе тон? Оно все может!.. «Оно, — поясняет нам далее «Волгарь», — *единственно сильное* в наше время и своей зажиточностью... (оно) составляет оплот торгового и промышленного могущества России». Да, оно все может! Приглядитесь к тем подачкам, которые русское купечество получает от правительства; присмотритесь, как правительство печется о русских капиталистах, как оно внимательно прислушивается к их нуждам и потребностям, как оно радеет об их прибыли, как оно чутко ко всем их запросам, и вы поймете, что русское купечество действительно стало силой, что оно действительно все может. Недаром же правительство побраталось с этой силой, недаром же оно заключило с ним тесный и братский союз. Да, русская буржуазия пока еще все может. Но только пока...

Как немыслим один конец палки без другого, так и немыслима буржуазия без пролетариата. И действительно, вся история последнего пятилетия является самым убедительным подтверждением роста русского рабочего. Все стачки, бывшие в самых различных городах России, свидетельствуют о том, что русский рабочий уже сознал противоположность своих интересов с интересами капиталиста, что он уже понял, что сила его в объединении, в сплоченности, в союзе. Русский рабочий уже присоединил свой голос к международному кличу рабочих: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — кличу, переходящему из города в деревню, из страны в страну, от поколения к поколению и всюду сзывающему всех порабощенных и угнетенных сплотиться против общего врага.

В лице петербургских рабочих русский рабочий заявил о своих требованиях не менее громко, чем русское купечество.

Развитие в России капитализма является самым верным залогом того, что рабочее движение в России будет расти, что оно будет крепнуть: каждая новая фабрика, каждый новый завод означает усиление армии русского пролетариата, каждый новый день в этом развитии, каждый новый шаг на этом пути означает усиление солидарности и сплоченности русских рабочих. И все нас приближает к тому моменту, когда сорганизованный, объединенный русский рабочий разорвет все связывающие его цепи.

Первым должно пасть самодержавное правительство русского царя. С падением русского самодержавия рушатся те оковы, которые со всех сторон окружают русского рабочего, и русский рабочий очутится тогда лицом к лицу со своим ближайшим врагом — буржуазией.

С падением царского деспотизма, вместе с тем откроются те шлюзы, которые отделяли русского рабочего от иностранных рабочих. Через открывшиеся шлюзы русское рабочее движение сольется с движением иностранных рабочих в единый, мощный, всесокрушающий поток, который в своем течении разорвет все цепи рабства, разрушит все формы эксплуатации.

Этот могучий международный поток рабочих приведет страждущее человечество в царство свободы, равенства и братства.

И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескрестных могил, ни рабов,
Ни нужды беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов.

Современный век, век эксплуатации, рабства и угнетения, век нищеты и разврата, невежества и огрубения сделается для будущего общества преданием какой-то седой старины.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

2 июня издан новый закон о продолжительности рабочего дня на фабриках и заводах. Подробное изложение и критику этого закона мы дадим в следующем номере, здесь же ограничимся лишь несколькими замечаниями.

Новый закон устанавливает: 1) $11^1/_2$ часов дневной работы; 2) 10-часовую ночную работу; 3) 10 часов в субботы и канун праздников и 4) запрещает работу в воскресные и праздничные дни.

Новый закон является ответом со стороны правительства на целый ряд стачек, бывших в разных концах России, и в особенности на две последние петербургские стачки.

Единственная цель правительства — успокоить рабочих. Но этой цели оно, конечно, не достигнет. Новый закон даст русским рабочим ничтожное облегчение. Вводимое им сокращение рабочего дня слишком незначительно. Кроме того, в нем есть достаточно лазеек, дающих возможность фабрикантам не исполнять его.

Во-первых, они могут сколько угодно удлинять рабочий день при помощи сверхурочной работы. Затем они могут обращаться к министру с ходатайством об изменении того или иного постановления закона. И министру дана власть менять закон, как ему угодно.

Русские рабочие ответят на новый закон новой борьбой за 10-часовой рабочий день.

В августе этого года (от 23 по 28-е по ст. ст.) в Цюрихе (Швейцария) произойдет *международный съезд представителей от рабочих для обсуждения вопросов фабричного законодательства.* На этом конгрессе будут представители от рабочих: немецких, английских, французских, австрийских, итальянских, бельгийских, швейцарских, польских и русских. На съезде будут обсуждаться следующие вопросы: 1) воскресная работа; 2) работа детей и подростков; 3) работа женщин; 4) работа взрослых мужчин; 5) ночная работа и работа в отраслях промышленности, вредных для здоровья, и 6) средства и пути к осуществлению рабочего законодательства.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ

Стр. 1, л. ст., 21 строка сн. напечат.: «показали ясное» должно быть: «показали такое ясное». Стр. 2, л. ст., 24 стр. сн. — «является» — «тянется». Стр. 5, пр. ст. пропущено внизу след. прим. к слову «запрещены» (12 стр. сн.): «О январской стачке подробно рассказывается в рабочей газете «Петербургский Рабочий Листок»». Стр. 7, пр. ст., 3 стр. снизу — «вступили» — «выступили». Стр. 21, л. ст., 14 стр. сн. — «чтобы порядки» — «чтобы теперешние порядки».

За недостатком места ст. «Государственное управление в России и заграницей» не могла быть помещена

Типография Русских социал-демократов

Печатается по тексту «Рабочей Газеты» № 1, август 1897 г.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА № 2

Ноябрь 1897 года.

Рабочие всех стран, соединяйтесь!

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Когда говорят о рабочем движении в Англии, Германии, Франции или другой какой-либо заграничной страны, то у всякого перед глазами встает вполне ясная картина. Там существуют громадные рабочие союзы и могущественные рабочие партии. Там устраиваются многочисленные собрания и съезды, на которых открыто обсуждаются нужды и задачи рабочих. В парламентах * заседают представители от рабочих, неустанно защищающие их интересы и заявляющие их требования. Наконец, там существует рабочая пресса, распространяются в громадном количестве газеты, журналы, книги, посвященные рабочему вопросу. Короче, и словом и делом заграничное рабочее движение постоянно заявляет о себе. Его все знают и о нем все говорят. Злейшие враги рабочего движения не могут отрицать его существование и его силу.

Не то у нас. Под гнетом царского самодержавия рабочее движение не может жить открытой жизнью. У нас запрещены и преследуются рабочие союзы и собрания; у нас нет парламента, нет представителей от рабочих, у нас нет прессы, которая открыто бы защищала интересы рабочих. Во всей стране никто не может публично говорить о русском рабочем движении. И не только наши враги отрицают его существование, но немало найдется и рабочих, которые не знают, что в России существует рабочее движение.

А между тем русское рабочее движение не только существует, но и имеет уже значительную силу. Об этом свидетельствуют не только стачки и волнения рабочих, то и дело вспыхивающие в разных концах России: об этом свидетельствует и множество других фактов. Правда, у нас нет открытых, всеми признанных союзов. Но у нас существуют тайные союзы и кассы, помогающие борьбе рабочих, объединяющие их и разъясняющие им их положение. Нам запрещают устраивать собрания и публично обсуждать интересующие нас вопросы; но это не мешает нам устраивать собрания тайные. У нас запрещают книги, в которых свободно обсуждается рабочий вопрос. Но мы читаем и распространяем книги запрещенные. У нас не бывает открытых и торжественных съездов представителей рабочих, но это не мешает им съезжаться тайно, не мешает также русским рабочим посылать своих представителей на международные рабочие съезды за границей **.

* Парламент — это учреждение, издающее законы, устанавливающее подать и налоги и определяющее расходы страны. Парламент составляется из выборных от всех граждан, а следовательно, и от рабочих.

** На последнем съезде в Лондоне было 8 представителей от русских рабочих.

В России не существует парламента, мы не принимаем участия в издании законов, однако упорной борьбой и нам иногда удается вырвать у правительства полезный для нас закон. Издание закона 2 июня сего года об ограничении рабочего дня знаменует славную победу русского рабочего движения.

И с каждым днем русское рабочее движение все более и более усиливается. Тяжелое экономическое положение неудержимо толкает русского рабочего на борьбу за лучшую жизнь. Никакие притеснения правительства не в состоянии прекратить эту борьбу. На место каждого, вырванного из строя борца за рабочее дело, появляются двое других. Каждый рабочий, высланный с поля борьбы, переносит эту борьбу в новое место, способствует распространению рабочего движения в России. Каждый выстрел в толпу рабочих будит массу рабочих, внушая ей вражду и ненависть к притеснителям. Так, несмотря на тяжелое ярмо правительственных притеснений, рабочее движение растет и крепнет.

Каковы же ближайшие задачи русского рабочего движения, к чему оно, прежде всего, должно стремиться?

Русские рабочие находятся под двойным гнетом — под гнетом капиталистической эксплуатации и под гнетом правительственных притеснений. Они страдают не только от чрезмерного, изнуряющего труда и от нищенской платы, не только от вредных условий труда, порождающих болезни и раннюю старость; не только от того, что их дети вырастают без материнского ухода и обречены с детского возраста на губительную фабричную работу, не только от всех этих и еще тысячи других *экономических* условий, русские рабочие страдают еще и от своего *политического бесправия*. Они страдают от того, что по малейшему подозрению каждого из них могут оторвать от родных и друзей, бросить в тюрьму и сослать в Сибирь. Они страдают от того, что за малейшую попытку борьбы за улучшение своего положения их объявляют бунтовщиками, высылают против них, как против неприятельской армии, войско, которое не останавливается даже перед пролитием невинной крови женщин и детей. Русские рабочие страдают от того, что им запрещают читать книги, где выясняется положение рабочих, запрещают собираться, устраивать союзы, кассы. Короче, русские рабочие страдают еще от того, что они не пользуются никакими политическими правами.

Тяжела борьба с капиталистическим гнетом, не легко рабочему добиться улучшения своего экономического положения, но в тысячу раз это становится труднее, когда рабочий не имеет права ни говорить, ни писать, ни читать, ни собираться, ни объединяться, ни бороться. И хотя никакие преследования не могли остановить роста русского рабочего движения, однако неизмеримо сильнее было бы это движение и неизмеримо крупнее были бы его успехи, если бы русские рабочие пользовались политическими правами. Если бы в наши стачки не вмешивалась ни полиция, ни жандармы, ни войско, если бы наши союзы могли жить открытой жизнью, если бы голос, призывающий нас на борьбу, мог беспрепятственно раздаваться перед многотысячной массой, если бы никакие книги, газеты, прокламации не подвергались преследованию и наши лучшие товарищи не вырывались из нашей среды, — тогда русское рабочее движение играло бы такую же роль в жизни России, какую играют западноевропейские рабочие партии в жизни заграничных государств.

В железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам *политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов,* мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему

борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения.

Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать победу над царским правительством, русское рабочее движение должно еще вырасти и окрепнуть. И не только армия борющихся русских рабочих должна увеличиться в количестве, но каждый солдат этой армии должен яснее понять цели и средства своей борьбы и научиться идти дружно, в ногу со своими товарищами. Но этого мало. Подобно тому, как тысяча солдат, объединенных в один полк, имеющих одного вождя и одно знамя, проявляют в войне гораздо большую силу, чем десять тысяч разрозненных, лишенных предводителя и потерявших знамя, — *точно так же и русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией.* Уже недостаточно того, что русские рабочие сочувствуют друг другу: нужно, чтобы они содействовали. Мало того, что они понимают значение и пользу единения: нужно, чтобы они действительно объединились. *Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию.* Эта партия будет способствовать объединению русских рабочих и росту русского рабочего движения; она будет направлять силы и средства оттуда, где они в избытке, туда, где в них нуждаются; она будет руководить борьбой русских рабочих, будет стремиться к тому, чтобы сделать эту борьбу стройной и организованной. Русское рабочее движение, пока не заметное и скрытое, проявится наружу во всей своей силе.

Всякая партия, выступающая впервые на арену истории, должна прежде всего развернуть свое знамя. На этом знамени она должна начертать те цели, за которые она намерена бороться, и не только ближайшие, но и самые отдаленные, конечные цели. И русские рабочие, выступая как объединенная сила, как *партия,* должны развернуть свое знамя, должны показать своим друзьям и врагам, кто они, к каким целям они стремятся и какими средствами пользуются для достижения этих целей.

Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих Маркс и Энгельс начертали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, *к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы.* Это красное знамя *международной социал-демократии. Русская рабочая партия будет партией социал-демократической.*

Объявив себя социал-демократами, объединенные русские рабочие тем самым вполне ясно и определенно покажут, каковы их цели и стремления, каковы их ближайшие и дальнейшие задачи, каковы их средства и способы борьбы.

Развернув над собой знамя социал-демократии, они покажут, что, подобно социал-демократам всего мира, они стремятся не только к частичным улучшениям своего положения, не только к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, введению страхования рабочих, не только к приобретению политических прав, но что их конечной целью является полное переустройство общества на *социалистических началах,* т. е. создание такого общественного строя, когда фабрики, заводы, пути сообщения, земля и все вообще средства производства будут находиться в руках общества, когда все члены общества будут равны, когда не будет сытых тунеядцев и голодных работников. Далее, объявив себя социал-демократами, русские рабочие покажут, что достижение своих целей они считают возможным только путем постепенного развития самосознания в рабочем классе, его объединения и неустанной борьбы с господствующими классами. Словом, русские рабочие присоединятся к тем целям

и средствам, которые выработали их заграничные товарищи путем долгого и тяжелого опыта.

Образование *русской социал-демократической партии* даст сильный толчок развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы. А когда мы получим возможность открыто говорить и писать все, что угодно, собираться в собрания, устраивать союзы и стачки, когда мы добьемся права участвовать в издании законов и в управлении страной, тогда наша борьба пойдет вперед семимильными шагами. Наша рабочая партия вырастет и окрепнет и приобретет такое же громадное значение, какое имеют партии наших заграничных товарищей. Она сольется с ними в один международный рабочий союз, в один всемирный могучий поток, который смоет с земли нищету, рабство, невежество, преступление и создаст новый мир, — мир счастья и справедливости.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Большей части России угрожает голод. Со всех концов в газетах появляются известия о полном неурожае, о продаже скота за бесценок, о повышении цен на хлеб и на муку, о падении заработной платы сельским рабочим. Оказывается, что из 63 губерний европейской России в 44 — более или менее значительный недород ржи, а урожай пшеницы еще хуже; яровые хлеба и травы уродились тоже совсем плохо. И те хлеба, которые уродились, на умолот вышли совсем плохи. Повторится наверное то же, что было в голодный год, 1891—1892, а тогда голод принес с собой неисчислимые бедствия. По вычислению одного писателя, число жертв голода 1891—1892 гг. можно считать в миллион человек, в четыре раза больше, чем погибло в несчастную Крымскую войну. А сколько людей разорилось и перешло в разряд безземельных и безлошадных. Это повело за собой увеличение числа ищущих работу и потому — падение заработной платы, и не только в деревнях, но и в городах. Между тем цены на хлеб ведь повысились, так что рабочим пришлось пережить тоже очень плохое время. Что же делает правительство, чтобы устранить голод, чтоб доставить населению неурожайных местностей хлеб из тех мест, где урожай был лучше? Пока правительство устроило только совещание из разных чиновников, чтоб определить нужду населения в хлебе, и эти чиновники нашли, что население обойдется и своими средствами. Те учреждения, на обязанности которых по закону лежит прокормление населения, именно земства (из выборных главным образом от помещиков, хотя есть там и небольшое число крестьян), хлопочут о всяких льготах населению неурожайных мест — о невзыскании податей, например, в этот год, о понижении провозной платы за провоз хлеба в неурожайные места (чтоб хлеб стоил дешевле), наконец, о выдаче денег из государственного казначейства на покупку хлеба, на продовольствие и семена... Однако опыт 1891—1892 годов показывает, что правительство не откажется от взыскания податей. (В 1891—1892 гг. хотя само правительство объявило о существовании голода, оно не прекратило «выколачивания» недоимок.) И теперь уже в газетах были известия, что правительство приказывает взыскивать подати (например, в Ряжском уезде, Рязанской губ.), «у полиции есть уже распоряжение о взыскании всякого рода податей», и «так как от урожая продать нечего, то на уплату податей и на продовольствие производится усиленная продажа скота, отчего цены на скот весьма упали». В Донской области предписано «требование об уплате платежей (выкупных) предъявлять неукоснительно и, пользуясь всяким случаем получения, как отдельными крестьянами, так и целыми обществами, денег от заработков, промыслов, оброчных статей, продажи скота и проч.». И это именно потому

такая строгость, что «в отношении урожая настоящий год будет весьма тяжелым». Совсем как-то особенно устроена голова у царских чиновников! Взыскивать как можно строже подати *потому, что* население и без того с голоду умирает! Что касается до просьб земства о денежной помощи, то вот как правительство ответило Воронежскому земству: оно признает затруднительным (проклятый канцелярский язык!) выдать 1 560 000 рублей на продовольствие населения Воронежской губернии, так как земство не приняло во внимание заработка крестьян в отхожих промыслах, а также с продажи *не необходимого* крестьянского имущества; кроме того, из пособия в 1 500 000 руб., выданного в 1891—1892 гг., возвращено только 170 тыс. руб. Более наглого ответа нельзя себе представить. Какое это «не необходимое» имущество у голодающих крестьян? Разве неизвестно правительству, что мужик и в урожайный год живет, едва сводя концы с концами? Что же он продаст, не разоряясь вконец? А это упоминание о невозвращенной ссуде! Да ведь если воронежские крестьяне не возвратили ссуды, то, значит, они так разорены, что *не могут* ее возвратить, ведь если бы они имели хоть какую-нибудь возможность возвратить, то разве царская полиция не содрала бы с них все, что только могла? Ведь упрекнуть нашу полицию в отсутствии усердия никак нельзя. Вот они — «отеческие» заботы «царя-батюшки» о своих верноподданных, которые чуть не молятся на него! Кто же, наконец, откроет глаза русскому крестьянину? Кто разъяснит ему, что «царь-батюшка» — убийца, обрекающий на голодную смерть сотни тысяч людей, своим потом и кровью поддерживающих его самодержавие? Лишь русский рабочий, проникнутый классовым сознанием, сумеет это сделать.

В то время как России угрожает голод, ее «обожаемый монарх» после пышного приема в Петербурге различных государей, после ряда балов, обедов, смотров (на которые были потрачены сотни тысяч, содранных с нищего народа) отправился в Варшаву. В Варшаве ему был оказан блестящий прием и главное не начальством местным, не полицией и жандармами, а «всеми слоями местного населения», как выражаются казенные газеты, а за ними и частные. Что же сделалось с поляками, которых так преследует правительство и которые до сих пор так ненавидели это правительство? Почему вдруг поляки так полюбили царя и правда ли, что *все* слои населения одинаково восторженно встречали царя? На эти вопросы очень хороший ответ дает газета наших польских товарищей «Работник». В передовой статье в № 24 «Работника» говорится по поводу «союза, заключенного господами с царем», следующее: «Мы уже неоднократно указывали, как *под влиянием развития капитализма и выступления на поле битвы пролетариата* польские господствующие классы отказались от прежних своих политических планов и все свое внимание направили на то, чтобы *не допустить уничтожения существующего порядка, обеспечивающего им доходы с труда рабочих.* Сознавая свое бессилие и необходимость опереться на царское правительство, они пошли так далеко, что говорят теперь с царем таким языком, каким обращались к нему до сих пор только его вернейшие подданные в Москве». Итак, вот причина, почему *польская буржуазия и польские помещики* устроили такой прием царю: это потому, что *польский пролетариат* стал слишком грозен. Царь обошелся милостиво со своими «верноподданными»: он наградил их орденами и чинами, уверял их в своей «благосклонности» и очень скоро дал им еще более существенные доказательства своего расположения, именно выстрелами своих солдат в волновавшихся рабочих в Гуте-Банкове *. Наши польские товарищи хорошо знали и раньше, а теперь убедятся еще раз, что из себя представляет царское правительство, и когда-нибудь при помощи русских товарищей посчитаются за все жертвы, понесенные ими

* См. ниже «Новое преступление русского правительства».

в их постоянной борьбе за свое политическое и экономическое освобождение. Мы, русские рабочие, протягиваем руку нашим братьям, польским рабочим, и будем бороться дружно рука об руку с ними под знаменем социализма против наших общих врагов, царского правительства и капиталистов. Противопоставим союзу царя с капиталистами — братский союз пролетариев всех народностей русского государства, и тогда мы победим.

Подавая руку помощи польской буржуазии в ее борьбе с польским пролетариатом, русское правительство, конечно, делает все возможное, чтобы помешать пробуждению самосознания в русском пролетариате. Прежде всего оно направляет свои усилия на то, чтобы задержать распространение в России просвещения. Если бы мы захотели перечислить все то, что делает наше правительство, чтобы держать народ в невежестве, у нас не хватило бы места и времени. Страшные затруднения при открытии бесплатных народных библиотек, исключение из числа допущенных в библиотеки книг, таких, которые хоть немного могут развить читателя и т. д. и т. д., — все это ведет к одной цели, чтоб народные массы не поняли всего ужаса своего положения и не возмутились против правительства. Одним из средств достигнуть этого служит передача народных школ в руки духовенства. Все знают, конечно, что такое русское духовенство; невежественные попы и дьячки, заботящиеся только о собственном благополучии, уж никак не могут в своих школах дать что-нибудь полезное народу. Псалтырь да церковное пение — вот тот камень, который дает церковно-приходская школа вместо хлеба — хоть бы первоначального развития и умения разбираться в окружающем мире. Недавно состоялось «высочайшее повеление» «о дополнительном ассигновании из государственного казначейства по 1 500 000 р. ежегодно на церковно-приходские школы. Итак, еще полтора миллиона народных денег пойдут на распространение мрака и невежества.

Кроме искоренения просвещения, царское правительство с особым усердием уничтожает неприятные ему верования. Недавно в г. Казани собирался съезд русского духовенства, который должен был обсудить, как бороться с отступившими от православия «вредными людьми» (раскольниками, сектантами). Совещания съезда лучше всего показывают, в какой ужасной, просто бесчеловечной стране мы живем. Разве можно кого-нибудь заставить веровать не так, как он верует? Разве это не величайшее насилие над совестью — принуждать кого-нибудь отказаться от своей веры? На съезде между тем предлагались самые ужасные меры против «вредных» сект, между прочим, предлагалось хлопотать, чтоб правительство *отбирало детей у сектантов и воспитывало их в православии.* На что уж терпеливые русские газеты, дрожащие за свое существование, но и те ужаснулись при этом предложении и не хотели верить, чтоб могло быть в самом деле сделано такое предложение. По этому поводу Лев Толстой поместил в газете «С.-Петербургские Ведомости» письмо, в котором указал, что хлопотать съезду об отбирании детей было лишнее, *так как по русским законам и теперь можно отбирать детей* (по 39-й статье устава о предупреждении и пресечении преступлений). Кроме того, в письме Толстого указано, что в конце апреля этого года в Самарской губ. в 3-х молоканских семьях (молокане — сектанты) на основании этого закона *отобрали 5 детей, возрастом от 2 до 11 лет.* Все хлопоты, как сообщает Толстой, не привели ни к чему. Нам нечего прибавлять к этому письму. Пусть сами читатели подумают, можно ли жить дальше при таких законах, которые позволяют отрывать дитя от матери.

Наряду со всеми этими фактами насилия, притеснений и жестокости как-то странно слышать, что правительство издает целый ряд законов и постановлений, имеющих целью улучшить положение рабочих. Не успел появиться знаменитый закон 2 июня, ограничивающий рабочий день взрослых рабочих, как Министерство финансов издало дополнительные

к нему правила, которые заключают в себе ограничение сверхурочной работы *.

Вслед за изданием правил появилось распоряжение о распространении одной части наших фабричных законов (Правил о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих) «на некоторые ремесленные заведения». Наконец, издано распоряжение о том, чтобы фабриканты еженедельно вывешивали отчет о капитале, образующемся из штрафов. Откуда же появилась такая доброта у нашего правительства? Это понять не трудно. Закон 2 июня и дополняющие его правила явились как следствие многолетней борьбы всего русского рабочего класса за сокращение рабочего дня — и в особенности двух последних петербургских стачек. Распространение фабричных законов на ремесленные заведения было добыто волнениями и стачками наших товарищей-ремесленников в Западном крае ** и в Царстве Польском (недаром же прежде всего это распоряжение применено в Варшаве). Наконец, постановление о вывешивании отчетов о штрафном капитале является прямым ответом на стачку в Гуте-Банковой. Таким образом, все эти постановления являются не добровольным даром от чистого сердца со стороны русского правительства, а вынужденной уступкой рабочему движению в России и Польше. Эти победы рабочего движения над царским самодержавием являются единственным светлым лучом в окружающем нас мраке русской жизни. Этот луч, как первый луч восходящего солнца, наполняет душу уверенностью, что и у нас, в России, скоро наступит давно ожидаемый рассвет.

ПО РОССИИ

Москва, май и июнь. 16 мая на фабрике Габай в папиросном отделении произошла забастовка рабочих и работниц. Причина, вызвавшая эту забастовку, заключалась в следующем: владельцы фабрики вследствие промышленного кризиса задумали уменьшить рабочий день на полчаса. Рабочие, получающие здесь плату сдельно и вырабатывающие от 10 до 8 руб. в месяц, опасаясь, что сокращение рабочего дня повлечет за собой уменьшение их и без того скудного заработка, решили просить о прибавке по 6 коп. на 1000 папирос, что составляет около 9 коп. в день, так как в течение дня каждый рабочий вырабатывает до 1500. Утром 16 мая рабочие и работницы папиросного отделения в количестве 400 человек собрались на дворе фабрики, потребовали директора и заявили ему о своем требовании. Директор попросил их не бросать работы и обождать несколько дней, в течение которых будет рассмотрено их требование, и ушел со двора; приказчик же, видя, что народ не расходится, послал за полицией, которая не замедлила явиться, переписала всех рабочих и по частям отправила в Бутырскую тюрьму. Перепись продолжалась от 11 час. дня до 4 час. утра следующего дня. Рабочих и работниц, между которыми были также и дети (около 90 человек), все это время держали во дворе и в течение почти целых суток они ничего не ели. Обращение полиции, вначале довольно вежливое, к концу дня становилось все грубее и грубее. На просьбу о разрешении укрыться под навесом от довольно сильного, лившего в то время дождя, полиция отвечала отказом. Рабочие, особенно женщины и дети, были сильно измучены голодом и 18-часовым стоянием под дождем. С некоторыми из женщин сделалась истерика, а две из них, по просьбе владельцев фабрики, вместо «Бутырок», были отправлены в находящийся при фабрике приемный покой. Через два дня все рабочие были выпущены и приняты на фабрику, за исключением 10 человек, которых этапным порядком отправили на родину. Требование рабочих исполнено не было.

* Мы не говорим подробно ни о законе, ни о правилах, так как об этом будет скоро издана отдельная книжка.

** См. об этом корреспонденцию из Вильно, помещенную ниже.

* *
*

В середине июня сего года, в Москве на товарной станции Московско-Казанской жел. дор. забастовало около 160 человек «крючников». Забастовка вызвана была следующими причинами. Владельцы товаров — лабазники и скупщики заявили начальнику станции, что крючники, при перетаскивании груза, прорывают крючьями мешки и этим вводят их в лишние расходы. (Действительно убыток от прорванных крючьями при погрузке мешков бывает не малый, так как во время перевозки из них много высыпается муки, крупы и зерна.) Начальник станции, желая удовлетворить лабазников, заявил рабочим, чтобы со следующего дня клади таскались ими отнюдь не крючьями, а прямо руками. Исполнение этого требования для крючников было почти невозможно, так как для того, чтобы поднять и пронести голыми руками куль пудов 7—8 весом, пришлось бы обломать все ноги; они решили отказаться. Придя на следующий день на работу, они потребовали начальника станции и стали просить его разрешения попрежнему употреблять при нагрузке крючья. Тот ответил, что просьбы их он исполнить не может, так как это, мол, не его дело, и посоветовал им обратиться к начальнику тяги. Для переговоров с этим последним крючники отправились к правлению, около которого, несколько в стороне, их ожидал взвод казаков; однако их помощи не потребовалось. Из переговоров с начальником тяги выяснилось, между прочим, следующее обстоятельство: за выгрузку и погрузку вагона (тара 700 пуд.) правлением дороги назначается рабочим по 2 руб., платили же им лишь по 70 к. с 1000 пуд., что составляет по 49 к. за вагон. Таким образом, три четверти ассигнуемых правлением денег систематически крались у крючников их ближайшим начальством, которое и делилось между собой, придерживаясь, вероятно, в распределении украденных денег иерархической системы. На просьбу рабочих начальник тяги отвечал: «идите к своему начальнику (начальнику товарной станции) и спрашивайте у него». Выведенные из терпения крючники, видя, что просьбами ничего не добьешься, решили забастовать и разошлись по домам, сговорились не приниматься за работу до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Теперь уже, кроме разрешения таскать кладь по-прежнему при помощи крючьев, они требовали увеличения платы за выгрузку и погрузку вагона до 2 руб. и смещения старшего, наблюдающего за ними рабочего, что вызывалось грубым обращением последнего. Все время забастовки рабочие вели себя спокойно и не допускали никаких бесчинств. Управляющий дороги попробовал было заменить крючников золоторотцами, хитровцами и отчасти своими служащими; но все они, проработав лишь один день и не выработав более 20 коп., отказались продолжать работу, и на следующий день не явились. Несмотря на довольно слабое движение, получился весьма значительный застой в доставке и отправке грузов. Наконец, на 8-й день забастовки управляющий дороги, видя безвыходность своего положения, потребовал для переговоров нескольких крючников, причем произошло соглашение на следующих условиях: 1) плата за погрузку и выгрузку вагона назначалась 1 р. 40 к., 2) кладь разрешено было таскать крючьями и 3) расплату с рабочими производить вовремя. Старший остался не смененным. Стойко и дружно продержавшись 8 дней, крючники добились своего, потерявши лишь 6—7 товарищей, получивших расчет. Дело обошлось без вмешательства полиции.

Екатеринослав. Май 1897 года. В конце мая в железнодорожных мастерских произошла забастовка по следующему поводу. Расчет производится там два раза в месяц — по субботам, которые следуют за первым и пятнадцатым числом каждого месяца. Так как праздник троицы пришелся в воскресенье 1 июня, то рабочие, нуждаясь в деньгах на праздник, просили управляющего выдать им деньги в субботу перед первым июня.

Управляющий же настаивал, чтобы выдача произошла обязательно в субботу, следующую за первым числом, т. е. 7 июня. Таким образом, рабочим предстояло остаться без копейки денег на праздник и на всю следующую неделю. Чтоб добиться своего, рабочие бросили работу. Управляющий грозил рабочим ответственностью, доказывал им, что они поступают беззаконно, но, в конце концов, принужден был уступить требованию рабочих. Забастовка продолжалась всего полдня. Участвовало в ней всего 500 чел.

Село Наволоки, Костромской губ. Май 1897 г. 14 мая сего года на фабрике Т-ва Волжской мануфактуры бумажных и льняных изделий Миндовского и И. Бакакина в с. Наволоках, Кинешемского уезда, Костромской губ., ткачи в числе 1136 человек (248 мужчин, остальные — женщины), после предварительного заявления — требования об увеличении заработной платы — управляющему фабрикой Косаткину и директору фабрики А. Бакакину, прекратили работу на фабрике. 14 мая рабочие просили только о прибавке 20 проц. к существующей расценке заработной платы. Когда же их просьба не была уважена, их требования осложнились и свелись к следующему: 1) увеличение заработной платы на 20 проц.; 2) установление платы за простои станков, происшедшие не по вине рабочих; 3) установление платы за излишние против расценки выработанные аршины, так называемые *«долгие аршины»;* 4) увольнение управляющего фабрикой Косаткина, не принимающего жалоб рабочих, увольняющего рабочих с фабрики без всяких причин и вообще крайне несправедливо относящегося к рабочим. Хотя на другой же день, т. е. 15 мая, администрацией фабрики и было вывешено объявление о том, что за простои станков, происшедшие не по вине рабочих, а также за излишне сработанные аршины будет рабочим уплачиваемо, тем не менее рабочие настаивали на удовлетворении всех своих требований, и стачка продолжалась целый месяц, до 13 июня.

Эта стачка ткачей на фабрике Миндовского и Бакакина была вызвана главным образом *систематическим понижением заработной платы,* в то время как на других фабриках она повышается. Поводом к забастовке послужила вывешенная за несколько дней до пасхи новая расценка на период с пасхи по октябрь сего года, не только более низкая, чем летняя расценка 1896 года, но даже *ниже зимней* 1897 г., тогда как летняя расценка всегда и везде бывает выше зимней.

Прошлогодняя и нынешняя расценки устанавливают такую низкую заработную плату, что ткачу положительно на нее нет возможности существовать, и если фабрика, несмотря на это, все-таки имеет полный комплект рабочих, то это объясняется тем, что почти все рабочие фабрики вербуются из местного населения, с значительным преобладанием женщин. Рабочие на фабрике настолько не порывают связь с землей, что трудно решить, какое занятие является главным и какое — побочным: земледелие или работа на фабрике. Осенью прошлого года из 926 ткачей, работавших полный месяц без прогула, 410 человек зарабатывали менее 9 рублей (минимум 4 с половиной руб.), остальные по 9 руб. и выше. Такой низкий заработок и мог быть терпим только местным населением. Если же случалось, что нанимался на фабрику пришлый люд, как, например, нынешним летом вологодские рабочие, то они принуждены были после дневной работы на фабрике ночью заниматься разгрузкой судов на Волге.

Но и при таком низком уровне заработной платы рабочему приходится немало терять от так называемых «долгих аршинов» — «пример», попросту сказать, мошеннических обмеров. Эти обмеры имеют место на очень многих фабриках, и мануфактура Миндовского и Бакакина не представляет в этом отношении исключения. Так, например, на фабрике бр. Зотовых в Костроме эти обмеры практиковались в особенно широких размерах и послужили поводом к большой забастовке в прошлом году. Сущность

«долгих аршинов» заключается в следующем: практически дознано, что из основы в 65 арш. можно выткать 59 с пол., 60 или 60 с пол. арш. Эти уклонения не принимаются в расчет, и готовый кусок будет считаться за 60 арш. Но так как основа приготовляется в другом отделении, а не в ткацком, и выдается ткачам на руки уже навитой на «навой» и для них не представляется возможным проверить число аршин, то тут-то администрации фабрики открывается широкое поле для злоупотреблений и мошенничества: выдается основа с этикеткой в 65 арш.; в действительности же в ней 75 арш. и более, а выработанный кусок считается в 60 арш., в самом же деле он заключает в себе 70 арш. и более. Это злоупотребление было так хорошо обставлено, что в течение целых 16 лет не было замечено рабочими. Сколько этих «долгих аршин» даром пошло в карман фабриканта в эти долгие 16 лет! И сколько бы еще продолжалось это надувательство рабочих, если бы не обнаружили его осенью прошлого года рабочие фабрики бр. Зотовых. Как тщательно хранили фабриканты тайну появления на божий свет этого экстраординарного вида прибавочной стоимости и как ревниво заботились они о том, чтобы грязные рабочие руки не осквернили своим прикосновением девственной чистоты только что народившихся тканей, видно из того, что на фабрике Зотовых рабочие, пытавшиеся промерить сработанную ими ткань, подвергались немедленному изгнанию с фабрики.

Кроме вышеописанных обмеров, на фабрике Миндовского и Бакакина заработок ткачей еще более понижался вследствие невольных простоев станков по причине ли поломки их или от недостатка материала, неподготовки основы и т. п. За подобные простои рабочим ничего не платилось. Насколько вопияло к господу это весьма чувствительное для рабочих злоупотребление рабочим временем — это милое детище наших патриархальных фабричных нравов, — видно из того, что даже «начальство», взирающее спокойным взором на всяческие невзгоды рабочих и обладающее завидной способностью многое не видеть вовсе, а иное представлять в каком-то особенно розовом свете, — обратило на это свое внимание: незадолго до стачки фабричная инспекция отобрала от фабрикантов тайную подписку доплачивать рабочим за простой станков. Рабочие ничего об этом не знали. Рабочим готовился приятный сюрприз: сюрприз должен был размягчить суровое сердце рабочих и преисполнить его умилением к ниспосланному господом подарку и чувством благодарности за неожиданную милость к фабриканту, — исполнителю воли всевышнего. И как же должен был поморщиться фабрикант, когда увидел плату за простои станков в числе требований, выставленных стачечниками! Роль великодушного, доброхотного даятеля пришлось переменить на гораздо менее эффектную роль эксплуататора, вынужденного уступить справедливым требованиям рабочих. Неприятное разочарование!

Во все время стачки, продолжавшейся целый месяц и причинившей громадные убытки хозяевам фабрики, рабочие вели себя спокойно и сдержанно, сознавая всю важность предпринятого дела и благоприятного исхода стачки, чем поставили съехавшихся в большом количестве «властей» в довольно затруднительное положение: рабочие ведут себя настолько спокойно, что некого привлекать. Тогда прибегли к испытанному средству: во что бы то ни стало отыскать зачинщиков; это делается очень просто: кто стоит впереди и много говорит — зачинщик; кто стоит позади и молчит, несомненно, тоже зачинщик. После такого упрощенного розыска были найдены, наконец, столь желанные зачинщики, и вся свора гостей разъехалась. 7 человек рабочих были привлечены к судебному следствию: трое, в том числе один из привлеченных по представлению костромского губернатора Шидновского, были высланы административно по распоряжению министра внутрен. дел за пределы Костромской губернии с запрещением жительства в губерниях с фабричной промышленностью.

Так кончилась стачка на нашей фабрике. Кроме приведенного выше, пока удовлетворено отчасти только одно требование стачечников: повышен заработок на 10 проц. Как ни мал этот успех, это все-таки успех. Но не в этих непосредственных только результатах заключается значение стачки. Приобретенный опыт, одушевление борьбой, уверенность в единодушной поддержке товарищей — таковы неисчислимые результаты всякого одухотворенного рабочего движения, результаты, имеющие громадное значение для дальнейшей борьбы рабочего класса за свое освобождение, а вместе за освобождение и счастье всего человечества.

Вильно. Октябрь 1897 года. Не первый год рабочее население нашего города, как еврейское, так и христианское (литовское) *, ведет борьбу с хозяевами. Припомним стачку 200 рабочих и работниц на табачной фабрике Эдельштейна во II половине 1895 года, продолжавшуюся 2 недели и кончившуюся победой стачечников, настоявших на том, чтобы не ввели на фабрике женского труда вместо труда папиросников. Начав с борьбы за мелкие улучшения, рабочие нашего города дошли до сознания необходимости сокращения рабочего дня до 10 часов (не считая 2 часа на завтрак и обед), и в последние 3—4 года во многих ремеслах это требование рабочих осуществлено. Выйдите летом в 8 час. вечера на улицу, и вы убедитесь, сколь значительная часть рабочих уж не работает в это время. Этот успех борющейся части рабочих нашего города заражает и пассивные слои, и борьба за 10-часовой рабочий день становится все популярнее в нашей рабочей массе. Конец прошлого года может служить поворотным пунктом в истории нашего рабочего движения. Администрация открыла систематический и жестокий поход против рабочих нашего города. Полиция и жандармерия соперничают друг с другом, чтобы отличиться перед высшим начальством ловлей «бунтовщиков». Хозяева-евреи, бывшие прежде в презрении у властей, стали их желанными гостями. Их принимают радушно и одного их словесного доноса достаточно, чтобы засадить в тюрьму и гноить по месяцам десятки рабочих. Власти поняли, как опасны для них все попытки рабочих улучшить солидарными усилиями свое положение, они поняли, что солидарная борьба закаляет рабочих и что известный досуг, за который борется теперь масса, ей нужен для изучения своего положения, своих интересов, и что это изучение должно ее привести к сознанию, что с самодержавием связаны ее нищета и невежество, ее унижение и бесправие. Нигде, где ведется борьба еврейского пролетариата, ни в Варшаве, Белостоке, Минске, Ковне и др., нет столько жертв царского самодержавия, как у нас. И из городов с еврейским населением власти так обрушиваются на наш город, потому что они считают его рассадником идей борьбы и свободы, рассадником классового самосознания рабочих. Однако никакие преследования не в силах остановить рост нашего рабочего движения. Сила его особенно проявилась в текущем году в праздновании Первого мая. Накануне (по нашему стилю 18 апреля) по всему городу были расклеены и распространены на еврейском языке (печатные), на польском и русском (гектографированные) майские прокламации, выставлявшие требование сокращения рабочего дня и политических прав (в еврейских, кроме того, еще подчеркивалось требование гражданского равноправия). Никогда прежде ни одно явление, кажется, не взволновало так город, как эти прокламации. Как угорелые, бегали рано утром хозяева, многие с кипятком в руках, и смывали или срывали со стен листки. Несколько дней и ночей полиция и жандармы были на ногах, «предупреждая и пресекая» ожидавшиеся преступления, и, однако же, не могли предупредить майского собрания литовских рабочих, на котором восторженно были встречены посланные еврейскими рабочими делегаты. Тревога, охватившая

* Здесь будет речь преимущественно о еврейском рабочем движении, так как о христианском пишущему не удалось собрать ко времени составления корреспонденции достаточно сведений.

администрацию, убедительнее всего сказалась в следующем тайном мероприятии. 1 Мая (19 апреля по русскому) город был оцеплен войсками, как в военное время. То же повторилось и в русское Первое мая. В эти дни можно было убедиться, как глубока классовая рознь в нашем городе, этом центре мелкого производства, где, казалось, совместная работа большинства рабочих со своими хозяевами в мелких мастерских должна бы несколько смягчить отношения между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Этот город тогда представлял собою два класса людей, говорящих на разных языках, друг друга глубоко ненавидящих. Хозяева человеконенавистнически, со злобой, чуть ли не с пеной у рта отзывались о рабочем движении. К ним присоединилась буржуазная интеллигенция и духовенство, призывавшее громы небесные на мятежные головы безбожных бунтовщиков. Но рабочие иные с явной, другие с затаенной радостью читали, собравшись кучками, листки, подчеркивая особенно те места, где говорилось, что «у рабочих есть только обязанности, но нет прав, у хозяев же есть только права, но нет никаких обязанностей». Полиция была взбешена, и бессильная ее злоба сказалась в нелепых слухах, которые она стала распространять по городу о борющихся рабочих. Власти всегда так делают. Когда они замечают, что общественное мнение начинает склоняться в пользу рабочих, то прибегают к клевете и забрасывают их грязью. Администрация распространила тревожные слухи, что рабочие-христиане готовят еврейский погром, что скоро они начнут поджигать фабрики и заводы вообще. В ответ на это местная еврейская и литовская социал-демократия выпустила на еврейском и польском языках прокламации «Ко всем виленским рабочим и работницам», где разъяснялся смысл мероприятий властей в день 1 Мая и где давалась оценка вышеупомянутым слухам. «Рабочим, — так заканчиваются прокламации, — незачем бояться теперь погромов. Эти времена канули в вечность. Было время, когда правительство, чтобы отвлечь внимание рабочего класса от насущных вопросов, чтобы затемнить понимание им истинных причин своей бедности, т. е. его классовое самосознание, натравляла русских рабочих и крестьян на евреев. Но теперь рабочие уж не стадо баранов, слепо следующее указанию начальства. Теперь как в христианском, так и в еврейском пролетариате все более и более развивается и крепнет сознание, что интересы рабочих всех верований и народов одни и те же, что они в силу этого друг другу братья, и глубоко ошибутся власти в рабочих, если и теперь вздумают прибегнуть к своим старым преступным приемам, для того чтобы посеять среди них рознь и их одурачить».

Аресты и обыски тем временем шли своим чередом. Рабочее же движение не только не задерживалось, но принимало более глубокий характер и втягивало такие слои рабочих, «где — по выражению одного писателя — настолько сгустился мрак, что туда, как казалось, не мог даже проникнуть луч сознания». В городе нашем, на берегах Вилии работает около 300 (евреев преимущественно) разъемщиков плотов («вашевников» — по-местному). Работали они от зари до зари, простаивая даже в непогоду и слякоть целые дни в воде и разнимая плоты. Подростки же, «ездоки», втаскивающие на конях брусья на берег, где они складываются в дровяные кучи, по целым дням не слезают с коней. Среди рабочих этого ремесла сильно развиты профессиональные болезни — грыжи, опухоли на ногах и ревматизм. Происходит много несчастных случаев. Их чрезвычайной бедности соответствует и их низкое умственное развитие. Грамотна даже по-еврейски ничтожнейшая их часть. И вот эти, как их называют у нас «подонки рабочего сословия», оказались способными проникнуться теми высокими чувствами и мыслями, которые характеризуют рабочий класс. И они поняли, что короткий рабочий день — благо, и что солидарная борьба за него — лучшее ручательство в успехе. В июне бросили работу около 250 разъемщиков плотов, потребовав сокращения рабочего дня до

10 часов (не считая 2 часов на обед и завтрак) и некоторых других облегчений. Эта удачно кончившаяся стачка, продолжавшаяся всего два дня, подняла дух рабочего населения нашего города. В июне же евреи столяры-рабочие в количестве 200 чел. потребовали сокращения рабочего дня до 10 часов. Не прошло и двух дней, как хозяева сдались. Не успели улечься волнения от этих двух стачек, как в июле забастовало свыше 1000 * каменщиков (преимущественно христиан). Они выставили требование листка «Литовских социал-демократов», распространенного накануне стачки. Это было в разгар строительной горячки, и подрядчики и хозяева в тот же день уступили.

Никогда прежде рабочее население нашего города не переживало такого волнения, как в эти летние месяцы. Чуть ли не каждая неделя приносила свои новости. Бастовали рабочие цементной фабрики Морейно и Либо (100 человек, к ним «Литовские социал-демократы» обратились с листком), водопроводчики, рабочие столярной фабрики Вилькомирского, сапожники и портные некоторых мастерских, кожевники заводов Менке (отца и сына) и др., и везде преобладающим требованием было сокращение рабочего дня. В конце августа началось волнение среди трубочистов, кончившееся арестом чуть ли не всех рабочих-трубочистов города.

Во все эти летние месяцы повальные обыски и аресты не прекращались. В одну из пятниц на улице было забрано утром 12, вечером 8 еврейских рабочих разных ремесел. Среди каменщиков было арестовано человек 40. После начавшегося брожения среди парикмахеров, требовавших субботнего отдыха, арестовано 20 парикмахеров. По доносу хозяев-кожевников засадили в тюрьму 30 кожевников; точно так же арестовано было в июле около 15 сапожников. Среди арестованных имеются, кроме перечисленных, еще булочники, портные, разъемщики плотов и др. Можно подумать, что у нас тайная полиция действует очень успешно, но в сущности все эти аресты вызваны исключительно доносами хозяев и тех отдельных рабочих, которые перешли в ряды изменников рабочему делу (вот некоторые из них: Рафалка — бывший столяр, найденный 6 апреля с. г. убитым, и Элька — литографщик); жандармы приглашают к себе хозяев и записывают имена мало-мальски подозрительных, по мнению последних, рабочих, — и за этим следуют аресты. До последнего времени жандармы производили аресты преимущественно в рабочей среде, надеясь, что рабочие оговорят кого-нибудь из «руководителей своих» («нам «интеллигентики» нужны, ведь они у вас вершат все дела», — так говорят жандармы арестованным рабочим, давая этим знать, что они считают рабочих баранами), но местному жандармскому генералу и всей его своре пришлось убедиться, что доносы и предательства — отличительная черта евреев-хозяев, но не рабочих. Встретив отпор со стороны рабочих и разочаровавшись в возможности собрать какие-нибудь улики против подозреваемой ею интеллигенции, жандармерия в ночь с 19 на 20 сентября с. г. арестовывает 30 с лишком человек **. В эту ночь, по заявлению жандармского полковника Васильева, поставлено было на ноги 120 человек полиции, причем не соблюдали даже законных формальностей, обязывающих присутствие прокурора при обыске и представление обыскиваемому или арестуемому предписания, подписанного прокурором. Но полиция жестоко ошиблась в расчете, очевидно, она шла ощупью и набрела на первых встречных, руководствуясь простым подозрением. У арестованной интеллигенции ничего не было найдено. По городу жандармерия распространяла слухи, что она «собрала богатую жатву», что она нашла у арестованных много компрометирующих бумаг, даже пишущую машину.

---

* Цифра точно неизвестна.
** Смотри хронику арестов.

Так думают власти подавить борьбу рабочих за насущные интересы, заглушить голос протеста сознательной части местного пролетариата на вопиющее безобразие нашей жизни. Эти безобразия достигают высшей точки в пределах так называемой черты еврейской оседлости, этой истинной юдоли плача и горя. Евреи, исключая крупнейших богачей, имеют право жительства только в Северо-западном крае, Польше и некоторой части южной России, и то только в городах. В остальных местах полиция на них устраивает настоящую травлю (припомним массовые высылки преимущественно евреев-рабочих из Москвы, Риги, Киева и др.) и этапным порядком отправляет их в места еврейской оседлости. Конечно, от этого страдает главным образом только бедная часть населения — рабочие, не могущие держать полицию на откупе. Согнанная со всех концов России, скученная в городах, еврейская рабочая масса представляет ужасающую картину бедности. Заработная плата еврейских рабочих так низка, как нигде в другом месте. Квартиры их — это большей частью жалкие лачуги. К тому же присоединяется сознание полнейшего бесправия. Власти позволяют себе в отношении к евреям-рабочим такие выходки, которые себе не позволят к нееврейскому населению. Так, напр., в Минске и Вильне околоточные надзиратели по распоряжению губернских властей неоднократно ходили по городу и отбирали палки у прохожих рабочих-евреев, а сопротивлявшихся арестовывали. Но под лохмотьями столь презираемых властями еврейских рабочих бьется пролетарское сердце и из этого исстрадавшегося сердца все громче и громче раздается крик протеста, призыв к борьбе. Исключительные же политические условия, имеющие убить в еврейском пролетариате все живое и держать его на уровне животных, как раз служат лучшей почвой для распространения в нем освободительных идей. Вот почему так популярна в еврейской массе нашего города и других городов политическая нелегальная литература. Преследования властей не отпугивают массы от этой литературы и от освободительного движения, а, наоборот, все больше толкают ее на путь политического самосознания. Как раз в последний год, когда открылся вышеупомянутый поход властей против рабочего движения, последнее сделало во всех отношениях небывалые успехи. Административная высылка рабочих во время стачек все более и более научает рабочих, что бороться с хозяевами надо не так, как прежде. Прежде боролись рабочие отдельных мастерских со своими хозяевами. Теперь же все чаще и чаще выступают рабочие за свои требования *всем ремеслом*. Припомним стачку столяров, разъемщиков плотов и др. Успехи политического воспитания рабочих сказываются в том, что в последнее время появились на еврейском языке три социал-демократических органа: 1) «Еврейский работник» (издающийся с конца 1896 г. — вышло 3 номера, печатается 4 и 5); 2) «Голос рабочих» (печатается в России с августа с. г. — вышло 6 номеров); 3) «Рабочий листок» (гектографированное издание; начал выходить в марте с. г., всего вышло 9 номеров). Эти и другие издания читаются нарасхват рабочими нашего города и других городов — это служит лучшим осуждением и ответом на систему гонений нашего правительства. Но самым лучшим ответом на эти преследования может служить образовавшийся в сентябре сего года на съезде представителей еврейских социал-демократических групп *«Общееврейский рабочий союз в России и Польше»*, объявивший своими органами «Еврейский работник» и «Голос рабочих» и соединившийся с «Союзом русских социал-демократов» за границей. Наряду с общими политическими требованиями русской социал-демократии этот «Союз» особенно подчеркивает *требование гражданского равноправия для евреев.*

К этому «Союзу» примыкают с радостью еврейские социал-демократические группы разных городов, как видно из следующего сообщения 6-го № «Голоса рабочих»: «На собрании представителей «Еврейского социал-демократического рабочего союза в Варшаве» единогласно и восторженно

принято было предложение вступить в «Общееврейский рабочий союз в России и Польше».

Еврейский народ долго гнул шею, безропотно перенося гонения царского правительства, тщетно ожидая пришествия мессии, спасителя и избавителя, и вот мессия пришел; этот спаситель и избавитель — восставший еврейский пролетариат; он-то, совместно борясь с рабочими русскими, польскими, литовскими и других народностей, населяющих наше отечество, добьется лучших дней.

* *
*

В момент образования «Общееврейский рабочий союз в России и Польше» послал заседавшему в Гамбурге годичному съезду германской социал-демократической партии телеграмму следующего содержания:

«Вновь образовавшийся «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше» поздравляет съезд германской социал-демократической партии и желает его трудам наилучших успехов. Долой русское самодержавие! Да здравствует интернациональная социал-демократия».

По поводу этой телеграммы в одном из октябрьских номеров немецкой социал-демократической газеты «Форвертс» («Вперед») была помещена следующая редакционная заметка:

«Вот уже несколько лет, как наши еврейские товарищи, невзирая на сильные затруднения, с неослабной энергией работают над созданием и распространением тайных рабочих союзов в большей части городов Западной России. До сих пор эти организации различных городов находились в случайной связи друг с другом. Теперь же, по-видимому, как это можно заключить из поздравительной телеграммы наших еврейских товарищей в России, эти местные союзы настолько уже окрепли, что стало возможным соединить многие из них в один общий союз. Есть несколько причин, почему в еврейском пролетариате раньше, чем в русском, пробудилось классовое и политическое самосознание; между этими причинами нужно отметить близость Западной Европы. Отсюда следует также, что еврейские рабочие должны были раньше, чем их русские товарищи, соединиться в общий союз, выходящий за пределы местных организаций. Но еврейские рабочие, как это было указано в докладе русской социал-демократии на лондонском социалистическом конгрессе, являются в некотором смысле авангардом всероссийского пролетариата; поэтому все, что достигнуто в настоящее время еврейскими рабочими, будет без сомнения достигнуто и прочими российскими рабочими. Мы с большой радостью приветствуем вновь образовавшийся еврейский рабочий союз и видим в его возникновении первый шаг к образованию союза всероссийского пролетариата, общерусской рабочей партии».

НОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Домброво, Петроковской губ. Еще раз прогремела слава русского победоносного оружия, прогремела, разнеслась по белому свету и глубоко запала в сердце каждому рабочему. Русских воинов было всего один полк, а неприятелей — более четырех тысяч. И кто же были эти неприятели? Это были мирные рабочие завода «Гута-Банкова», находящегося в местечке Домброво, Петроковской губернии.

При «Гуте-Банкове» существовала касса взаимопомощи, составленная из взносов, взимаемых с рабочих. Директор «Гуты» Гартинг произвольно распоряжался деньгами, бывшими в кассе, не отдавая, вопреки закону,

отчета в состоянии кассы и не допуская контроля над нею со стороны рабочих. Деньги шли на личные расходы Гартинга, на содержание больницы и врачей *, а рабочим в случае увечий и болезни выдавались жалкие гроши. 2 сентября сего года 2000 рабочих, вызвав Гартинга и окружного инженера Кондратовича, потребовали возвращения взятых у них в кассе денег и замены директорских правил постановлениями, утвержденными министром. Директор и инженер обещали ответить через 2 недели. За это время Гартинг то хитростью, то любезностью пытался примирить рабочих с мыслью, что денег им не придется получить. Раньше славившийся своей грубостью, он вдруг стал называть рабочих «милыми детьми», «дорогими господами». О деньгах он говорил: то — что они высланы в Варшаву, то — что они хранятся у правительства, то — что он их намерен пожертвовать на костел (Домброво — польское местечко). Рабочие, однако, оставались твердыми в своем решении не допускать явного грабежа своих трудовых денег. Назначенный двухнедельный срок уж был на исходе, а рабочие не думали отказаться от своего требования. Гартинг увидел, что выручить его могут одни жандармы. Он обратился к ним за дружеской помощью и получил ее. В ночь на 15 сентября было арестовано 8 рабочих. Гартинг, по-видимому, полагал, что этот арест запугает рабочих и лишит их «подстрекателей». Однако же и на этот раз он промахнулся в своих расчетах. На следующий день все рабочие бросили работу, обещая возвратиться к ней лишь после освобождения арестованных товарищей. В тот же день, 15 сентября, в Домброво прибыл начальник уезда с казаками, 16 сентября — 2 роты стрелков, 17 сентября — еще 2 роты и вице-губернатор и, наконец, 18-го — помощник генерал-губернатора жандармский генерал Оноприенко. Некоторые рабочие предполагали, что Оноприенко приехал разобрать дело по-справедливости, но жандармский генерал не замедлил доказать, что рассчитывать на заступничество и справедливость жандармов — величайшее заблуждение со стороны рабочих. Начальник уезда Данильчук велел рабочим собраться к 5 часам вечера перед конторой. Толпу рабочих, женщин и детей с двух сторон окружило войско. Начальник уезда прочел им объявление правления «Гуты» об увольнении всех рабочих за самовольное оставление работы. Затем объявление было прочтено вторично, и Данильчук стал уговаривать толпу и особенно женщин и детей, разойтись по домам. Он прочел объявление еще раз, и после этого раздалась первая команда. Толпа немного отодвинулась. Послышалась вторая команда и холостой залп. Рабочие стали медленно расходиться: выбраться из тесного проулка было не легко. Оноприенко крикнул: «Пли!». На земле лежало трое убитых и 4 тяжело раненых.

Правительство нашло, что оно оказало еще слишком небольшую помощь проворовавшемуся Гартингу. 19 сентября петроковский губернатор Миллер объявил, что если рабочие не примутся за работу, то будут высланы: иностранные подданные — за границу, а русские подданные — на родину. Заграничные рабочие тотчас же возвратились в «Гуту», а за ними и все остальные. Рабочим было объявлено, что деньги из кассы взаимопомощи уже не принадлежат им. 50 рабочих арестовали. Прокурор, прибывший несколько дней спустя, стал допрашивать рабочих, разыскивая между ними «зачинщиков».

А Гартинг не нарадуется на такое ловкое обращение рабочей кассы в его личную собственность. Губернатор, вице-губернатор, начальник уезда и жандармский генерал продолжают занимать свои должности, ищут новых жертв для правительственного произвола, берут взятки и ждут орденов и повышений.

---

* По закону, расходы на больницу, врачей и фельдшеров должны покрываться самим заводом.

ПРАВИТЕЛЬСТВО, СОЛДАТЫ И РАБОЧИЕ

Хозяин одного лесопильного завода в Рязанской губ. устроился очень удобно с местным батальонным командиром, который обещал ему отпускать в течение 8 месяцев солдат на все работы при заводе. Таким образом, находчивый капиталист избавлялся от обязанности подчиняться даже тем немногим ограничениям, которыми обставлен у нас произвол капиталистов. Солдаты не имеют права заключать контрактов, а потому им нельзя выдать расчетных книжек и условия их работы и договора совершенно уходят из-под контроля фабричной инспекции. Вообще наем солдат на работы служит очень часто в руках нанимателей удобным орудием против требований рабочих. Содержимый на счет государства (т. е. тех, с кого государство берет налоги), солдат охотно берет за свой труд ничтожную плату, сверх того солдат всегда может быть усмирен в случае «неповиновения» — стоит только поговорить с его начальником; наконец, работа солдат не подчиняется надзору фабричной инспекции. Старший фабричный инспектор Рязанской губ., узнав об этом случае, обратился к министру финансов с запросом, как ему поступить; ведь по закону все, работающие на фабриках, должны быть снабжены расчетными книжками, а солдаты не могут вовсе подписывать договора. Министр финансов обратился за разъяснениями к военному министру и последний, конечно, с ведома первого, издал распоряжение, безусловно воспрещающее посылать солдат на фабричные и заводские работы, «так как они в большинстве связаны с чрезмерным трудом и вредны для здоровья». Таким образом, военный министр, повторяем, с ведома всемогущего министра финансов, признал, что фабричные рабочие в большинстве случаев трудятся чрезмерно, в условиях, гибельных для здоровья.

Когда писатель говорит в книжке или газете о том, что положение рабочего в России тяжелое и что фабрика разрушает его жизнь, то такая книга запрещается правительством, и только тайно, незаконно, под страхом преследования можно распространять такие мысли. Когда рабочие говорят о том, что их труд чрезмерно продолжителен и просят об его сокращении, им отвечают, что их требование незаконно и несправедливо. Не далее как в прошлом году циркуляр министра финансов к фабричным инспекторам объявил, что у нас отношения хозяев к рабочим самые отеческие и что недовольство рабочих и их беспорядки происходят лишь благодаря лентяям и безнравственным личностям или же под влиянием бунтовщиков, желающих поссорить рабочих с хозяевами. Отчего же то положение рабочего, которое в прошлом году объявлено не оставляющим желать ничего лучшего, ныне официально признано тяжелым? Отчего лживый язык министра изрек внезапно правду, а его привыкшее к подлогам перо написало те самые слова, под которыми готовы подписаться мы, социалисты, «бунтовщики»? Потому, что речь зашла о кровном, живом интересе правительства, а следовательно, и тех владеющих классов, господство которых правительство отстаивает. Речь шла о сохранении сил и здоровья солдат, а вооруженное войско — это та сила, которая оберегает существующий порядок, господство богатых классов. Кто такой солдат? Ведь в большинстве случаев это тот же рабочий, временно оторванный от обычной трудовой жизни для того, чтобы защищать государство эксплуататоров от его врагов: внешних, т. е. конкурентов, и внутренних, т. е. угнетенных, стремящихся избавиться от своего угнетения. Оторванный насильно от своей семьи, вынужденный служить под угрозой арестантских рот за попытку уклониться от исполнения «священного долга», рабочий становится солдатом и с этих пор попадает в привилегированное положение: его силы и здоровье принадлежат государству эксплуататоров и не должны расточаться направо и налево: их берегут и охраняют, и труд, которым заняты

его братья — рабочие, считается для него чрезмерным и вредным для здоровья, как оно и есть на самом деле.

А когда рабочий, занятый на фабрике, сознает и почувствует, что его труд чрезмерен и опасен для здоровья, когда он потребует более человеческой жизни, когда он вступит в стачку, — тогда правительство вышлет для его усмирения солдата, который должен быть достаточно силен и здоров, чтобы успешно выполнять свои обязанности. Тогда рабочего силой заставят вернуться к «чрезмерному и вредному для здоровья» труду и тогда ему снова будут внушать, что жизнь его на фабрике прекрасна и только лентяи и негодяи с этим не согласны. Когда же солдат проведет свои несколько лет в казарме и вернется к прежней трудовой жизни, тогда он может снова и беспрепятственно предаться чрезмерному труду, вредному для здоровья, тогда он может, в свою очередь, наслаждаться прелестью той фабричной жизни, того порядка вещей, поддержке которого он служил, для охраны которого государство ему даровало 3—4 года свободы от чрезмерного и тяжелого труда; а на его место вновь отрываются свежие, непочатые силы; все идет к лучшему в этом лучшем из миров. А потому нет ничего удивительного, если правительство, защищающее интересы капиталистов, своим новым распоряжением лишило некоторых хозяев возможности на выгодных условиях пользоваться трудом солдат. Поступая так, правительство имело в виду высшие интересы всего класса эксплуататоров, интересы порядка, который обеспечивает их эксплуатацию; оно действовало, как и всегда, в интересах капиталистов, и каждый разумный капиталист отлично понимает, что в этом случае надо смирить свой аппетит и что сохранение бодрости и здоровья солдат важнее тех лишних рублей, которые может ему дать их бесконтрольная эксплуатация.

Поэтому, когда мы видим, что тот или другой министр неожиданно высказал открыто правду, мы можем более не сомневаться в том, что и это редкое явление произошло в тех же великих целях, ради которых наши правители все вместе и каждый порознь так часто и нагло лгут: мы можем не сомневаться, что правда на этот раз, как во всех других случаях ложь, употреблена для одной и той же священной цели — упрочения и оберегания того порядка, который означает наше порабощение.

ПОЛОЖЕНИЕ ТКАЧЕЙ И ПРЯДИЛЬЩИКОВ В ШУЙСКО-ИВАНОВСКОМ ФАБРИЧНОМ РАЙОНЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

(Из доклада, предназначенного для Международного конгресса ткачей в Рубе (Франция) 1897 г.)

Неплодородная почва и густое население давно уже побудили жителей Владимирской губ. искать в торговле и во внеземледельческих промыслах средства для своего существования. С давних пор владимирцы занимаются ткачеством и прядением, и в настоящее время Владимирская губерния по своему промышленному развитию занимает первое место после С.-Петербургской и Московской губерний. В дальнейшем изложении мы будем говорить преимущественно о ткацкой и прядильной промышленности Шуйско-Ивановского фабричного района, но при этом мы отметим также те явления, которые имеют место не только в исследуемом районе, но и в других местах Владимирской губернии.

Число и размер ткацких, прядильных и ситцепечатных фабрик растет не по дням, а по часам, фабриканты получают себе от 15—30 проц. на свой

капитал и все идет прекрасно. Плохо живется лишь творцу этого капитала и этих процентов, нашему брату рабочему. Он не только получает жалкую плату (10—15 руб. в месяц), живет в конурах и впроголодь, но должен еще напрягать все свои силы на борьбу с ухищрениями фабрикантов, имеющими целью его дальнейшее обездоление. К счастью, рабочие поняли угрожающую им опасность и начали оказывать сопротивление. Хотя рабочие борются с фабрикантами сравнительно слабым оружием, так как у них нет прочной организации, им все же удалось достигнуть кое-чего и предотвратить многое.

Началом борьбы владимирских рабочих с фабрикантами следует считать 1883—1885 гг. С этого времени каждый год рабочие волновались и устраивали стачки то на той, то на другой фабрике, а иногда волнения разом охватывали рабочих нескольких фабрик. Во время этих стачек рабочим приходилось выносить и голод, и казацкие нагайки, а затем тюремное заключение по приговору суда, но все это не уменьшало движения среди рабочих; напротив, за последние годы стачки устраиваются чаще, чем раньше. Относительно приемов борьбы следует сказать, что в 80-х годах рабочие довольно часто прибегали к насилиям: они выбивали стекла в фабричных корпусах, уничтожали имущество, избивали нелюбимых мастеров и даже вступали в борьбу с солдатами, казаками и полицией. Такие *«боевые»* стачки продолжались приблизительно до 1890 г., а затем рабочие перешли к «мирным» стачкам. Такой переход к *мирной* борьбе был вполне понятен: на стороне фабрикантов всегда была организованная военная сила, открыто бороться с которой было бы безумно. Мы не будем описывать всех жестокостей, которые допускались солдатами и в особенности зверями-казаками в отношении рабочих. Скажем только, что не раз приходилось видеть, как солдаты нападали на рабочих, сбивали их на землю и прикладами били лежачих. В 90-х годах, как мы сказали выше, тактика рабочих изменилась: рабочие никого и ничего не трогают *, спокойно выходят из фабрики и заявляют фабриканту, что они не войдут в корпус до тех пор, пока не будет удовлетворено то или другое их требование. В настоящее время как правительство, так и фабриканты прекрасно понимают, что для нынешних стачек войска не нужны, так как сила рабочих кроется не в кулаке, а в товарищеской поддержке. Тем не менее правительство продолжает посылать войска в те места, где происходят стачки. Вместе с войсками к стачечникам являются разные власти: губернатор, жандармский полковник, прокурор и фабричный инспектор. Власти начинают уговаривать «бунтарей», а в это время шпионы рыщут среди стачечников, отыскивая «руководителей». Ночью эти «руководители» попадают в тюрьму. Жаловаться на такие беззаконные аресты некуда и некому. За отсутствием организации среди рабочих и поддержки со стороны рабочих других городов стачечникам приходится выносить страшную нужду и нередко даже и голод. Вот почему стачки среди русских рабочих вообще и, в частности, в Шуйско-Ивановском фабричном районе продолжаются не более 1—2 недель, если только фабрикант не уступит раньше.

В стачках всегда принимают участие и женщины; правда, инициатива в стачках принадлежит мужчинам, но женщины в этих случаях всегда поддерживают требования мужчин. После стачки бывает суд, который приговаривает так называемых зачинщиков (всех судить невозможно) к тюремному заключению на время от нескольких недель до одного года и

* Правда, в 1895 г. в селе Тейкове был убит директор англичанин Крошо, но это убийство было вызвано высокомерным и заносчивым обращением директора с рабочими. Крошо первый и без всякого основания выстрелил в толпу рабочих. Толпа заволновалась и подступила к дому директора, который в это время продолжал стрелять в рабочих; одного из них он убил и нескольких ранил. Тогда рабочие стащили Крошо с лестницы и буквально растерзали его. Замечательно, что даже в это время фабричное имущество нисколько не пострадало. Работа возобновилась через 2—3 дня.

4 месяцев. Более же выдающиеся рабочие не отдаются под суд: их административным порядком ссылают или подвергают одиночному заключению на 1—2 года.

И несмотря на такие суровые наказания стачки не прекращаются и, как мы сказали выше, повторяются чаще и чаще. За что же борются русские рабочие?

Рабочий день. Самая упорная и продолжительная борьба велась за уничтожение ночной работы и вообще за сокращение рабочего дня. *Ткачи и прядильщики города Шуи и Иваново-Вознесенска путем неустанной борьбы добились отмены ночных работ.*

До последнего времени в городе Иваново-Вознесенске была только одна фабрика (прядильная фабрика торгового дома Н. Гарелина и С-вья), где производилась ночная работа; рабочие потребовали уничтожения ночной работы, и фабрикант, боясь стачки, уступил; с пасхи текущего (1897) года ночных работ нет и на этой фабрике. Таким образом, в настоящее время ни на одной ткацкой и прядильной фабрике в Шуе и Иваново-Вознесенске работы по ночам не производятся. Любопытно, что борьба за уничтожение ночных работ из городов перешла на фабрики, расположенные в глухих деревнях. Здесь так же, как и в городах (Шуе и Иваново-Вознесенске), ткачи требуют уничтожения ночных работ (от 10 ч. вечера до 4 час. утра). Борьба ведется очень успешно. Так, в сентябре 1896 г. ткачи (500 чел.) на фабрике Товарищества мануфактур Н. Дербенева С-вья (при деревне Каменкове, Ковровского уезда) после 7-дневной стачки добились отмены ночной работы. 9 мая 1897 года получено известие, что такую же победу одержали ткачи (1500 чел.) на фабрике товарищества Горканской мануфактуры (при деревне Горках, Ковровского уезда). Пройдет 2—3 года и ночных работ не будет нигде во всем Шуйско-Ивановском фабричном районе. А между тем 15 лет тому назад, в 1882 г., решительно на всех ткацких и прядильных фабриках работа производилась целые сутки двумя сменами, из которых каждая работала или по 12 часов (в 2 приема), или же одну неделю по 8 час., а другую по 16 часов ежедневно. Нужно заметить, что в борьбе с фабрикантами принимали участие исключительно одни прядильщики и ткачи, но зато только они одни добились уничтожения ночных работ, 9-часового рабочего дня (в г. Иваново-Вознесенске) и более высокой платы, тогда как рабочие ситцепечатных фабрик *, никогда не участвовавшие в борьбе, работают от 5 час. утра до 8 час. вечера и имеют меньшую заработную плату. В заключение нужно сказать, что борьба рабочих Шуйско-Ивановского района за сокращение рабочего дня не мало способствовала той победе, которую недавно одержал весь борющийся русский пролетариат. Мы говорим об издании правительством закона о сокращении рабочего дня.

Заработная плата. Борьба рабочих *за заработную плату* не отличалась таким постоянством и таким успехом, как борьба за сокращение рабочего дня. Рабочим чаще приходилось бороться против ее понижения, чем за ее повышение. Одним из чаще всего употребляемых способов понижать заработную плату является система расплаты с рабочими товарами и особыми ярлыками.

В настоящее время на всех фабриках, подчиненных контролю фабричной инспекции, эта система уже отжила свой век, а между тем еще так недавно эта система была страшным средством для эксплуатации рабочих

---

* На ткацких (и отчасти на прядильных) фабриках работа производится в громадных комнатах, а при сдельной плате все рабочие заинтересованы в каждом изменении расценки. Не то на ситцевых фабриках: там рабочие разбросаны небольшими группами по многим отделам и при том каждый рабочий получает свое особое месячное или денное вознаграждение. Понятно, что насколько условия работы на ткацкой и прядильной фабрике соединяют рабочих, настолько работа на ситцепечатных фабриках разобщает их. Вот те условия, которые содействовали выработке боевого характера ткачей и прядильщиков.

и причиной многих волнений и забастовок. Правда, в городах эта система практиковалась менее, чем на фабриках, находящихся в уезде. По крайней мере, в 1883 г. в г. Иваново-Вознесенске эта система совсем не практиковалась, а в Шуе она имела место только на двух фабриках. Не то было по деревням. Обыкновенно каждый фабрикант имел при фабрике харчевую лавку (а иногда и кабак), где рабочим отпускались в кредит все товары, по ценам, произвольно назначенным фабрикантом. Если у фабриканта не было своей лавки, то он входил в соглашение с соседним торговцем. Рабочий в таком случае получал ярлык, по которому и отпускались ему товары; а потом вся сумма забранного товара вычиталась фабрикантом при выдаче заработной платы. Так как цены на товары в том и другом случае были чрезмерно высоки, то рабочий очень часто не только не получал денег от фабриканта, но даже оставался у него в долгу. Правильных выдач денег не было, а потому рабочий, нуждаясь в деньгах и не имея возможности получить их из фабричной конторы, шел в лавку, брал первый попавшийся товар и на стороне продавал его за то, что дадут, теряя от 25 до 50 проц. той стоимости, за которую он отпущен из лавки, а для удовлетворения потребности рабочих к водке им обыкновенно выдавались записки в ближайший к фабрике кабак или трактир. Фабриканты имели от лавок дохода от 40 до 80 проц. на затраченный капитал, и разница в ценах одних и тех же продуктов даже на соседних фабриках колебалась от 20 до 100 проц. Недовольство рабочих этой системой расплаты товарами побудило русское правительство издать закон (3 июня 1886 г.), по которому «расплата с рабочими вместо денег — купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами воспрещается» под угрозой штрафа от 50 до 300 руб. Русское правительство хорошо знает, насколько неприятна такого рода расплата рабочим, а потому в то же время был издан другой закон: если фабрикант будет принуждать рабочих получать плату товаром и последствием этого будут *волнения рабочих,* то фабрикант подвергается аресту до 3 месяцев. Правда, этот закон остался только на бумаге и никогда не применяется в действительности.

Штрафы и вычеты. Штрафы и разные вычеты — могучее средство в руках фабрикантов против рабочих, а потому и понятно, что борьба рабочих против чрезмерных штрафов и вычетов отличалась такой же интенсивностью, как и борьба за сокращение рабочего дня. В прежнее время штрафам положительно не было конца, а так как размер штрафа зависел всецело от усмотрения фабричной администрации, то очень часто штрафы составляли значительную статью дохода. Разным вычетам с рабочих также не было конца: вычитывали не только за баню, дрова, уголь, воду, инструменты, но даже за медикаменты, хотя по закону, изданному еще в 1866 году, фабриканты обязаны лечить рабочих бесплатно. В отчете за 1882—1883 годы фабричный инспектор д-р Песков приводит несколько примеров, из которых видно, что в одном случае было взыскано с рабочих на содержание больницы 2400 руб., тогда как содержание больницы обходится в 1845 руб., в другом случае было взыскано 4003 руб., а содержание больницы стоит только 2579 руб. и т. п.

На одной фабрике взыскивалось 60 коп. за пользование челноком, а на другой взыскивалось за утраченную расчетную книжку в первый раз 30 коп., а во второй — 50 коп. Приводить другие примеры мы не будем; скажем только, что такие чрезмерные штрафы, постоянно раздражая рабочих, вели к частым беспорядкам и волнениям. Наиболее сильные беспорядки были произведены в 1885 году рабочими на фабрике товарищества Никольской мануфактуры, Саввы Морозова, когда сразу забастовало 7000 рабочих. Правительство поняло, что произвол фабрикантов должен быть ограничен и издало 3 июня 1886 г. закон, по которому штрафы, взысканные с рабочих, должны идти не в карман фабриканта, а исключительно на удовлетворение нужд самих рабочих.

Но и после всех этих побед положение рабочих в Шуйско-Ивановском районе еще крайне печально. Никаких организаций в виде обществ *взаимопомощи нет,* да и трудно ожидать, что такие общества будут разрешены русским правительством, которое так подозрительно относится к самым невинным культурным начинаниям, вроде народных чтений, библиотек и т. п. О семейных квартирах рабочих (в фабричных казармах) один писатель (Любимов) говорит следующее: «Общее впечатление, получаемое при взгляде на эти миниатюрные клетки, в которых теснятся целые семьи с грудными и разного возраста детьми, тяжелое, безотрадное. Везде, по большей части, устроены деревянные нары, покрытые каким-нибудь тряпьем; на немногих нарах было замечено присутствие одеял и подушек. Воздух до крайности спертый, влажный и не чистый. Стены везде покрыты темными пятнами сырости, грязны и запачканы. В общем, вид этих каморок внушает сожаление к их обитателям». Прибавим, что каждая каморка (одна комната) служит помещением для 2—3 семей. Не лучше на фабриках и помещения для холостых рабочих. Порядка и опрятности в них еще меньше, чем в семейных каморках. Общие казармы представляют из себя громадные комнаты, сплошь заставленные нарами или изредка железными кроватями. Часто одна комната служит помещением для 200—300 и даже 400 человек. Ни столов, ни стульев нет, очень шумно, одним словом, приходится жить точно на базаре. Владимирские рабочие «питаются единственно почти одним только хлебом, пустыми щами да гречневой кашей с салом или постным маслом, и лишь весьма редко позволяют себе лакомиться говядиной, солониной или головниной». Просматривая в 1883 году книжки рабочих по забору харчей, доктор Песков нашел, что рабочие одной фабрики только в мае и октябре имели мясо, а в остальные месяцы питались исключительно постной пищей. Мы видим, таким образом, что у наших владимирских товарищей осталось еще много работы: долго и упорно придется им еще бороться для того, чтобы достигнуть такого положения, при котором им возможно будет вести более человеческий образ жизни. Пожелаем им успеха в этой тяжелой борьбе! Победа, одержанная рабочими одного района, представляет шаг к улучшению участи всего русского рабочего класса.

ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ

Нам доставлено несколько изданий, появившихся за последнее время в разных городах России. В августе в Кременчуге была распространена прокламация по поводу стачки портных с просьбой о поддержке стачечников.

В Клинцах (Черниговской губернии) в октябре появился листок, в котором рабочие призываются к объединению и борьбе с хозяевами против вводимой с наступлением зимы пониженной расценки.

Из Киева нам прислан отчет Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» за время от 1 февраля по 1 августа 1897 г. Из отчета видно, что за отчетный период бюджет «Союза» равен 1300 р. 71 к. и что «Союзом» распространено 14 прокламаций. Кроме отчета прислано 12 прокламаций, распространенных после издания отчета; все они касаются различных фактов из повседневной жизни рабочих. Из листков общего характера отметим «Письмо ко всем киевским рабочим о новом законе».

В одном из южных городов появился № 1 рабочей газеты «Наше Дело». Там же распространены были две прокламации.

В Фастове (Киевской губернии) появился листок на машиностроительном заводе.

ЗАГРАНИЧНАЯ ЖИЗНЬ

СТАЧКА РАБОЧИХ НА ВИНОГРАДНИКАХ В ИТАЛИИ

В Италии очень распространены виноградные плантации. Число занятых на них рабочих и работниц очень значительно. В последнее время вследствие большого предложения свободных рук предприниматели во всех производствах, между прочим, и хозяева виноградников пытаются уменьшить поденную плату и удлинить рабочий день. Одну из таких попыток, вызвавшую дружный и сильный отпор со стороны рабочих, я хочу здесь изложить. В Болонской долине есть местечко Молинелла, все окруженное виноградниками, где работает очень много народу. Место там очень болотистое и лежит далеко от рабочих квартир, так что работницам приходится мало того, что стоять весь день в болоте, но еще терять полтора часа на ходьбу из дома. Поэтому здешние работницы получали на 25 сантимов в день больше, чем работницы других виноградников. В начале июня 1897 года хозяева болотистых виноградников попытались воспользоваться безработицей и сбавить плату работницам на все 25 сантимов. На это рабочие и работницы ответили общей стачкой. К ним сейчас же присоединились и работницы других виноградников, так как знали наперед, что если хозяевам удастся понизить заработок тем, то сейчас же попытаются то же сделать и с ними. Хозяева тотчас же обратились к правительству с просьбой о высылке войска и полиции, чтобы наблюдать за работами и чтобы стачечники не мешали работать тем, которые, будучи довольны своим положением, хотели продолжать свои работы. Но увы! явившимся войскам нечего было делать: ни одного рабочего — виноградники совершенно пусты. Стачку, как видите, начали очень дружно.

Сейчас же работницы и рабочие устроили общее собрание и постановили следующие требования хозяевам: 1 лиру 10 сант. в день на болотистых виноградниках, а 1 лиру на сухих; 11-часовой рабочий день с 2 часами отдыха. Хозяева же хотят 12-часового рабочего дня и предлагают гораздо меньшую заработную плату. 13 июня условились собраться для переговоров хозяева и представители рабочих. Но хозяева не явились, надеясь, что голод заставит рабочих уступить. Но они жестоко ошиблись. Стачка все разрасталась. К стачечникам стали присоединяться и рабочие соседних виноградников. Пронесся слух, что в одной деревушке работа на виноградниках не прекращена. Тогда собралась громадная толпа работниц и рабочих и отправилась туда уговаривать своих товарищей оставить работу. Удалось и этих привлечь к стачке. Домой в свои деревни стачечники вернулись с твердой верой в свои силы, в свою солидарность и с пением социалистического гимна.

Встревоженное правительство прислало артиллерию и пехоту для защиты хозяев, хотя никто их не трогал; рабочие держали себя спокойно, только вели оживленную агитацию и настойчиво требовали улучшения условий труда. Несмотря на нужду, голод, аресты, преследования, они не уступали. В местечко Ардженту, где сидели арестованные рабочие, стали стекаться из деревушек стачечники и с криками «Да здравствует социализм! Да здравствует солидарность рабочего класса! Все или ничего!» подступили к тюрьме. На их требование выпустить товарищей офицер ответил командой «пли». Две женщины тяжело ранены. Подоспел еще народ, собралось около 600 работниц, которые расположились перед тюрьмой и решительно заявили, что не уйдут, прежде чем не выпустят их товарищей. Властям пришлось уступить, и арестованные были освобождены. Хозяева, наконец, соглашаются увеличить заработную плату, но с тем, чтобы удлинить рабочий день на полчаса. Работницы и слушать не хотят о таких условиях и настаивают на исполнении всех своих требований. Волнение среди стачечников увеличивается. Стачечный фонд истощается, аресты усиливаются, обращение полиции и солдат самое грубое и вызывающее. Сама

полиция вызывает рабочих на столкновение, чтобы придать всей стачке характер бунта и подавить ее вооруженной силой. Но приезжает из Рима рабочий депутат Андрей Коста и держит горячие речи на целом ряде собраний. Он убеждает рабочих вести себя спокойно, стойко бороться друг за друга, не уступать хозяевам ни в каком случае, организует денежную помощь стачечникам и входит в переговоры с хозяевами. «Товарищи, — говорит он на одном собрании, — мужества, побольше мужества! В этой борьбе на нашей стороне стоят тысячи рабочих, которые, хотя и живут в иных условиях, чем вы, но также являются жертвами современного социального строя, также в награду за свои труды ничего не видят, кроме нищеты. Борясь за себя, вы боретесь за других, вы боретесь за всех эксплуатируемых и обиженных». И мужество, единодушие и дисциплина рабочих одержали верх над скряжничеством, разнузданностью, грубостью и произволом хозяев и их всегдашних защитников — полиции и солдат. Через несколько дней все требования стачечников были удовлетворены, и на виноградниках опять закипела работа.

Такой блестящий успех Болонской стачки приободрил остальных рабочих, и теперь на виноградниках почти всей долины рабочие волнуются и требуют улучшения своего жалкого, нищенского существования. Где рабочие выступали дружно, смело, единодушно, там хозяевам ничего не оставалось делать, как уступить рабочим: иначе им пришлось бы разориться.

ЦЮРИХСКИЙ СЪЕЗД

Одним из вопросов, наиболее интересующих в настоящее время заграничных рабочих, является вопрос о фабричном законодательстве. Проведение таких законов, которые защищали бы рабочих от эксплуатации фабрикантов, — законов, устанавливающих нормальный рабочий день, ограничивающих работу детей и женщин, законов о страховании рабочих от болезни, старости, безработицы и пр. — проведение подобных законов является ближайшей задачей рабочих всего мира. Это именно та задача, относительно которой рабочие проявляют больше всего единодушия. По всяким другим вопросам, например религиозным, не существует еще полного единогласия между рабочими. Так, например: не все еще рабочие за границей примкнули к социализму, не все еще считают своей конечной целью полное уничтожение современного капиталистического строя и создание на его развалинах социалистического строя. Более отсталые рабочие придерживаются еще буржуазных взглядов и думают, что изменить существующий строй невозможно. Существуют даже такие рабочие, которые находятся под влиянием духовенства и проявляют преданность богу и царю. Конечно, в конце концов, все эти разногласия исчезнут. С каждым днем все больше и больше рабочих становится под знамя социализма. Но есть вопросы, в которых и теперь, несмотря ни на какие разногласия, все рабочие проявляют полное единодушие. Все признают необходимость улучшения положения рабочих в настоящее время и одним из самых лучших средств для этого считают издание законов, охраняющих рабочих.

Вот почему на бывшем в августе месяце в Цюрихе (Швейцария) международном конгрессе (съезде) для обсуждения вопросов законодательной защиты рабочих сошлись представители от рабочих союзов самых разнообразных направлений, начиная от союзов социал-демократических и кончая самыми религиозными католическими союзами. На этом съезде было около 400 представителей от рабочих союзов Швейцарии, Германии, Италии, Австрии, Франции, Бельгии, Англии. Были на съезде и три представителя от рабочих некоторых городов России *.

* Приветствие этому съезду от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и от Еврейской рабочей социал-демократической организации одного из городов Западной России мы помещаем ниже.

Первый вопрос, обсуждавшийся на съезде, был вопрос о воскресном и праздничном отдыхе. Работа в воскресные и праздничные дни вредна не только потому, что она изнуряет силы рабочего, отнимая у него время, необходимое для отдыха, но еще потому, что она лишает его возможности пользоваться его политическими правами. Работая в воскресенье, рабочий не имеет ни одного дня для того, чтобы посетить какое-нибудь рабочее собрание, послушать своего оратора, принять участие в обсуждении какого-нибудь жгучего вопроса. Таким образом, воскресная работа задерживает рост самосознания рабочих. Поэтому конгресс высказался *за полное воспрещение воскресной работы для всех рабочих* без различия профессий. В тех же производствах, где нельзя прерывать работы ни на один день, рабочий, занятый в воскресенье, должен иметь свободным другой день недели.

По вопросу о работе детей и подростков съезд постановил, чтобы работа детей моложе 15-летнего возраста была совершенно воспрещена. В погоне за прибылью капиталист не останавливается перед самой страшной эксплуатацией детского труда. До издания законов, ограничивающих детский труд, английские капиталисты, например, не гнушались заставлять 5—7-летних детей работать в копях по 12 часов в сутки. Легко понять, как отражалась такая работа на здоровье малюток и какие могли вырастать из них рабочие. В настоящее время работа детей ниже известного возраста почти везде запрещена, но самый возраст этот слишком низок. (Так в России разрешается работа детей с 12-летнего возраста.) Конгресс нашел, что *только с 15 лет можно пускать рабочего на фабрику и что до этого времени он должен посещать школу.*

По вопросу о труде взрослых мужчин конгресс высказался *за установление законом 8-часового рабочего дня.* Там, где нельзя сразу сократить рабочий день до 8 час., должен быть временно установлен рабочий день, возможно близкий к 8-часовому. *Сверхурочная работа должна быть ограничена,* и в законе должно быть точно указано, сколько часов сверхурочной работы разрешается в течение дня и в течение года.

Более всего прений возбуждал вопрос о работе женщин. Представители от рабочих союзов, находящихся под влиянием духовенства, высказались за полное воспрещение женского труда. Это, по их мнению, восстановит семью рабочего, разрушенную фабрикой. Такое требование вызвало горячий отпор со стороны представителей социал-демократов. «Неужели, — сказал вождь немецких рабочих Бебель, — вы думаете, что ваше решение устранит капиталистический строй? А если нет, то что будут делать массы выброшенных из фабрик женщин? Им останется одно из двух: или брать работу на дом — а это еще хуже, чем работать на фабрике, — или же обратиться к проституции». Но воспрещение женской работы не в состоянии даже восстановить семью. Оно повлечет за собой большее обременение работой мужа и, следовательно, еще более удалит его от жены и детей. Далее, женщина, прикованная к кухне и к детской, не может быть развитым человеком и, следовательно, не может быть настоящим товарищем и другом своему мужу. «Только трудящаяся и всесторонне развитая женщина, — сказала Клара Цеткин, представительница немецких работниц, — будет настоящей женой своему мужу и истинной матерью своим детям». Предложение о воспрещении женского труда было отвергнуто на конгрессе 165 голосами против 98. Вместо этой меры конгресс высказался за целый ряд других мер с целью защиты женского труда. Эти меры суть следующие: 1) *Рабочий день женщины не должен продолжаться более 8 часов в сутки и 44 часа в неделю* (в субботу работа должна кончаться в 12 часов дня). 2) Предпринимателям должно быть воспрещено по окончании работы давать работницам работу на дом. 3) Роженицы не должны быть занимаемы промышленным трудом в продолжение 8 недель. 4) *За равную работу женщины должны получать одинаковую плату с мужчинами.*

Особенно интересно для нас, русских рабочих, те постановления, которые сделаны съездом по последнему обсуждавшемуся ими вопросу, — по вопросу о том, какими средствами могут быть осуществлены все выставленные выше требования. Съезд постановил: что для этого необходима прежде всего инспекция, в которую по возможности входили бы сами рабочие, которая была бы достаточно многочисленна и которая бы не находилась ни под каким давлением начальства. Но одной инспекции мало. Нужно, чтобы сами рабочие умели себя защищать. А для этого съезд требует:

1) *Полной свободы рабочих союзов.*

2) *Введения всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права* при выборах в парламенты, в учреждения городского и сельского управления и пр.

Таковы главнейшие постановления, сделанные цюрихским конгрессом по вопросам законодательной защиты рабочих. Читатель, конечно, сам понимает, какое громадное значение имеет такой съезд для наших заграничных товарищей. Каждый член съезда, уезжая к себе на родину, уносил с собой ясное сознание предстоящих ему и его товарищам задач и твердую уверенность в международной общности рабочих на пути к намеченным целям. Нам, русским рабочим, этот съезд еще раз показал, как далеко отстали мы от наших заграничных товарищей, как *много* еще нужно нам бороться для того, чтобы добиться тех требований, которые они наметили как свою *ближайшую* задачу.

МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ДЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДА, СОБИРАЮЩЕМУСЯ В ЦЮРИХЕ В АВГУСТЕ 1897 ГОДА

От «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и Еврейской рабочей социал-демократической организации одного из городов Западной России

Фабричное законодательство царской России так же молодо, как и вызвавшее его рабочее движение. Волнения рабочих 1884 и 1885 гг. вызвали законы от 3 июня 1885 г. о воспрещении ночной работы женщинам и подросткам на фабриках по обработке волокнистых веществ и в особенности закон от 3 июня 1886 г. о взаимных отношениях между фабрикантом и рабочими. Волнения же 1896 и 1897 гг. вызвали к жизни закон 2 июня 1897 г. об ограничении продолжительности рабочего дня *. Рядом с этим шло распространение фабричного законодательства и специального фабричного надзора на все большее и большее пространство Российской империи. Так, первоначально (в 1886 г.) особые правила об отношениях фабрикантов и рабочих имели силу только в 3 губерниях, в 1893 г. — в 5 губ., в 1894 г. уже — в 18 губ., в 1896 г. — в 26 губ.; теперь же на основании нового закона уже все 34 губ. России подчинены фабричному надзору. Но русское фабричное законодательство — это единственная область общего русского законодательства, обнаруживающая некоторые признаки идущей вперед жизни. Остальные же области русского законодательства обогащаются все новыми поправками, сводящими на нечто почти всю либеральную реформу Александра II. Кроме поправок, открыто вводимых в законодательство и урезывающих права русских обывателей, министерства действуют еще путем обязательных для подведомственных им областей секретных предписаний. Каждое новое движение русского пролета-

* Чтобы резче отметить, насколько развитие фабричного законодательства зависит всецело от рабочего движения, укажем на крайнюю отсталость законодательства о найме на сельские работы. Недавно же выработанный проект сенатора Звягинцева является положительно драконовским.

риата создает ряд таких секретных предписаний. Так, например, во время стачек наших товарищей в Петербурге в 1896 и 1897 гг. министерство внутренних дел разослало редакциям журналов и газет секретные циркуляры, запрещающие помещать какие-либо заметки, статьи, сведения о рабочем деле, заработной плате и вообще об отношениях фабричных рабочих к хозяевам — фабрикантам (январский циркуляр 1897 г.), а также сведения о стачках и волнениях на наших фабриках и заводах (июньский циркуляр 1896 г.). Ввиду всего этого, ввиду отсутствия всяких прав у русских рабочих может показаться совершенно призрачным значение фабричного законодательства в России тем более, что ответственность перед судом нарушителей фабричных законов совершенно ничтожна, а новый закон о сокращении рабочего дня даже никаких специальных наказаний не устанавливает за нарушение его, и, следовательно, оно будет наказываться лишь 29 ст. устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений правительственных или полицейских властей, а равно и земских и общественных учреждений. За такое неисполнение полагается наибольший штраф в 50 руб.

Это все может привести к выводу, что участие русских рабочих в конгрессе для законодательной защиты труда не имеет для них особого значения.

Но мы, русские рабочие, несмотря на отсутствие у нас каких бы то ни было прав, которые обеспечивали бы точное исполнение фабричного законодательства, заинтересованы в его расширении. Вам, западноевропейским собратьям нашим, давно уже пользующимся свободой печати, сходок, стачек, свободой устраивать союзы и прочими политическими правами, вам, которые настолько срослись со всем этим, что лишение этой свободы равносильно для вас лишению возможности дышать, — может показаться непонятной, прямо призрачной борьба рабочих, не пользующихся хотя бы частью из перечисленных прав. Между тем такая борьба имеет место в нашем отечестве. Встают впервые на защиту своих интересов русские пролетарии, до сих пор безропотно сносившие иго бесправия, для которых нищета, мрак и невежество были родной стихией. И русский рабочий, воспитанный в духе покорности, встречает в первый же период своего пробуждения в законодательной защите некоторую опору, которая позволяет ему вырасти в меру человека.

Закон о 12-часовом рабочем дне для ремесленников, изданный еще в 1785 г., создал законную почву для рабочей агитации, особенно проявившейся в Западном крае. Понятно, что до недавнего времени этот закон существовал на бумаге, и по мере роста промышленности в России рабочий день в ремесленных мастерских все более удлинялся. Обычным явлением пять лет тому назад было 15, 16 и еще более рабочих часов в сутки в ремесленных мастерских. Но все ухудшающееся положение вызвало ремесленных рабочих на борьбу. И этот покрытый плесенью закон был откопан ими и стал боевым кличем агитации. Сама полиция, фабричная инспекция и прочие власти бывают вынуждены стать в этом требовании на сторону волнующихся рабочих. Но, чтобы добиться введения этого закона, рабочим приходилось и приходится предварительно собираться для обсуждения способов действий. Собрания вели и ведут к организации тайных союзов с целью борьбы с хозяевами вообще, и за законный 12-часовой рабочий день, в частности. А введение 12-часового рабочего дня таким путем указывает рабочим, что закон этот становится фактом только благодаря *их союзным* усилиям, это же в свою очередь расширяет и увеличивает союзы. Так шло и идет рабочее движение в ремесленном производстве той части России, которая охвачена движением. Закон о 12-часовом рабочем дне играет, следовательно, существенную роль в расширении агитации за сокращение рабочего дня, в развитии чувства общности, солидарности. Закон этот способствует развитию потребности в собраниях, союзах и свободе

слова. Рабочие при отстаивании этого закона все более убеждаются, что хозяева — класс враждебный им, что для надлежащей борьбы с ними у них недостает известных прав. Они убеждаются, что полиция, жандармерия и другие власти — их отъявленные враги, с особенной яростью преследующие их общее, солидарное выступление хотя бы на защиту закона. Защищать закон можно, но только не скопом, а в одиночку, — говорит русский закон, говорят власти. Но защищать закон в одиночку для рабочих обозначает подчинение произволу, и выход из этого противоречия рабочие находят один — в требовании политических прав.

Такую же роль играют и сыграют и другие русские фабричные законы. В особенности крупное значение будет иметь закон о сокращении рабочего дня для фабричных рабочих, изданный 2 июня сего года. Такая поразительно быстрая уступчивость со стороны правительства требованиям рабочих, впервые выставленным 1896 г., объясняется боязнью правительства, чтобы экономическая агитация рабочих не перешла в политическую, чтобы борьба против фабрикантов не перешла в борьбу против правительства. И эта боязнь служит лучшим ручательством, что впредь правительство будет уступать напору экономических требований рабочих. Этот закон окрыляет надежды и поднимает энергию сознательной части русского пролетариата, потому что, как он ни несовершенен и ни жалок, он все же показывает рабочим их силу, если они выступают сообща, солидарно, силу, которая вырвала у правительства эту уступку требованиям рабочих. Этот закон убеждает рабочих, насколько ведет к цели их массовое, запрещенное законом движение против чрезмерно длинного рабочего дня, и следовательно как бы освящает агитацию за сокращение рабочего дня, которая, мы в этом убеждены, в скором времени в силу этого закона охватит все фабричные города нашего отечества и рядом с этим вызовет и упрочит потребность в свободе слова, союза, стачек и пр. Забитый русский пролетарий, встречая защиту в созданном его волнениями законодательстве, поднимается в собственном мнении о себе, как о человеке и как о члене рабочего класса, и развитие русского фабричного законодательства в этом смысле важно для русского пролетариата как одно из условий, неизбежно ведущих к постепенной гибели самодержавия. Вы видите, товарищи, что для нас, русских рабочих, в настоящий исторический момент расширение фабричного законодательства важно не только само по себе как некоторая защита нашего здоровья, наших жен и детей, но и как фактор, воспитывающий наше классовое и политическое самосознание, следовательно, как фактор, подтачивающий русское самодержавие.

Привет вам горячий, товарищи, и пожелание успешного окончания предпринятых вами трудов. Труды ваши дадут и нам, как и западноевропейским собратьям нашим, агитационный боевой клич в борьбе с нашими эксплуататорами.

Долой русское самодержавие!

Да здравствует международная социальная демократия!

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»
и Еврейская рабочая социал-демократическая
организация одного из городов Западной России.

Конец июля 1897 г.

ЗАМЕТКА О СЕКРЕТНОМ ЦИРКУЛЯРЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 12 АВГУСТА 1897 г. № 7587

Обращаем внимание наших читателей на чрезвычайно интересный «секретный циркуляр министра внутренних дел от 12 августа 1897 г.», изданный недавно в виде отдельной брошюры «Группой рабочих революционеров». Этот циркуляр так хорошо обрисовывает отношение правитель-

ства к рабочему движению, что о нем стоит поговорить. Вот в кратких словах его содержание. Начиная с мая прошлого года в Петербурге, Москве и других больших городах России происходят очень частые стачки и вообще волнения среди фабричных, заводских и «даже цеховых» рабочих. Расследование обнаружило, что это движение среди рабочих принимает свой стройный вид под влиянием преступной пропаганды «интеллигентов», заключающейся в кружках рабочих «преподаванием» «новейших (?) политико-экономических и социалистических теорий», развивающих рабочих в «противоправительственном направлении» и распространяющих через своих слушателей «возмутительные» воззвания к рабочим. Те улучшения в положении рабочих, которые предпринимаются правительством и фабрикантами, приписываются исключительно влиянию стачек и укрепляют в рабочих веру в полезное действие «всякого рода действий скопом, самоуправства и насилия как по отношению к правительственной власти, так и в отношении фабрикантов». Признавая, что рабочее движение «является весьма опасным для государственного порядка и общественного спокойствия», министр приказывает губернаторам предпринять против рабочего движения целый ряд мер (в 11-ти пунктах). Вот главные из этих мер: 2) предписать полиции установить самое строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами расселения рабочих, донося о всяких волнениях и *устраняя поводы к неудовольствиям, «когда рабочие имеют основание жаловаться»;* 3) обратить внимание полиции на появление интеллигентов среди рабочих и на распространение «преступных изданий»; подозрительных интеллигентов арестовывать и передавать жандармам; 4) «безусловно воспрещать всякие сходки рабочих» и зачинщиков арестовывать, если сходка собиралась для уговора к стачке; 5) в случае стачки, если не удастся устроить соглашение рабочих с фабрикантами, объявлять срок стать на работу или получить расчет; тех рабочих, которые не станут на работу, *если они не нарушили законных сроков, высылать на родину,* если же нарушили, то высылать *по этапу...* 10) всех рабочих, которые будут сопротивляться администрации или будут подстрекать к этому других рабочих, арестовывать и ходатайствовать перед министром внутренних дел об их высылке из данного места и 11) объявлять на тех фабриках, где обнаруживается волнение, что рабочие, которые будут мешать товарищам стать на работу или будут наказывать их за это, будут арестованы и высланы под надзор полиции в «отдаленные губернии». Особенно замечательно следующее место циркуляра: «во всех случаях стачек и забастовок я (министр внутр. дел) рекомендую» передавать дела жандармам, *так как часто по закону в этих делах нет никакого преступления,* да если и найдет судебный следователь преступление, то такое неважное, что по закону не имеет права арестовать обвиняемого, *а жандармы могут арестовать без всяких признаков преступления* (законы, конечно, не про них писаны), что очень важно при волнениях рабочих.

Вот каков новый циркуляр правительства. Правительство так боится рабочего движения, что даже свои собственные законы находит слишком слабыми для борьбы с ним. Оно прямо говорит: по отношению к рабочим вместо закона должно быть беззаконие, потому что так для фабрикантов и для меня выгоднее. Ну, что ж, так и запишем. На войне, как на войне. Чего ж и ждать нам от своих заклятых врагов?

СЕКРЕТНЫЕ ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ

гг. чинам фабричной инспекции от 2-го июля 1896 года

Согласно распоряжению его превосход. г-на министра финансов и в дополнение к циркуляру от 7 июня 1895 года № 199, Департамент торговли и мануфактур долгом считает уведомить вас, что о всяком замеченном

вами явлении, указывающем на преступную пропаганду среди рабочих, как и вообще о стачках на фабриках и заводах, вам надлежит незамедлительно сообщать не только Департаменту торговли и мануфактур, но и местной полиции.

За директора вице-директор *Ланговой*
Начальник Отделения *Кобеляцкий*

ОТ 13 СЕНТЯБРЯ 1897 г. ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ФАБРИЧНЫХ ПРИСУТСТВИЙ

Из имеющихся в министерстве финансов сведений усматривается, что данные о налагаемых на основании п. 2, ст. 52 уст. промышленности присутствиями по фабричным делам на заведующих промышленными заведениями взысканиях за нарушение закона о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих помещаются иногда в местных периодических изданиях и что сведения эти черпаются иногда в канцеляриях присутствий. Относясь всегда с надлежащей строгостью ко всем закононарушениям фабрикантов и заводчиков, министерство финансов тем не менее находит, что отягчение наказания опубликованием постановления присутствия представляется едва ли справедливым, так как подобная мера по иностранным законам, однородным с упомянутым выше (напечатание в газетах решения на счет обвиняемого) считается дополнительным и весьма строгим наказанием. Вследствие сего министерство финансов по соглашению с министром внутренних дел признало соответственным установить, чтобы вышеприведенные решения присутствий на будущее время не разглашались.

Об изложенном долгом считаю сообщить вам, милостивый государь, для зависящих распоряжений, присовокупляя, что подлежащие чины фабричной инспекции поставлены уже в известность о настоящем разъяснении.

За мин. финансов, товарищ министра
Сенатор *Иващенков*
За директора вице-директор *Ланговой*

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ *

1) 18 января 1880 г. О воспрещении печатать какие-либо сведения об арестах по политическим делам и о производимых по ним дознаниям и следствиях.

2) 29 сентября 1882 г. О безусловном запрещении печатать какие-либо сведения о политических преступниках.

3) 25 апреля 1883 г. О запрещении печатать сведения как о личном составе сыскной полиции, так и деятельности её.

4) 29 апреля 1895 г. О запрещении печатать статьи, касающиеся внутренней жизни отдельных войсковых частей и могущие колебать основы военной дисциплины.

5) 8 июня 1895 г. О запрещении печатать статьи, трактующие о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам.

6) 4 января 1897 г. О запрещении печатать какие-либо статьи, заметки и рассуждения о заработной плате, рабочем дне и отношении фабричных рабочих к фабрикантам-хозяевам.

---

* Мы получили список секретных распоряжений министра внутренних дел, объявленных редакциям газет (на основании ст. 140 устава о цензуре и печати) и сохраняющих до сих пор обязательную силу. Печатаем наиболее интересные распоряжения.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Петербург. Октябрь 1897 года. На Митрофаньевской мануфактуре в субботу 11-го и понедельник 13-го забастовали 500 ткачей. Требовали повышения расценки. Теперь в среднем 60 коп. в день. Обещано рассмотреть. Стали на работу.

Одесса. Октябрь 1897 года. В сентябре произошла стачка портных в мастерской магазина готового платья М., где работают 21 человек. Требовали увеличения поштучной платы. Простояли полтора дня, и хозяева сдались.

ХРОНИКА АРЕСТОВ

Рига. В июле и августе арестованы редактор латышской газеты, его соредактор, несколько студентов и трое рабочих.

Либава. В апреле арестовано 17 чел., среди них несколько рабочих. В июле полиция заманила в таможню кочегара иностранного подданного и арестовала его; обвиняют его в перевозке нелегальной литературы.

Ковно. В конце июня здесь арестован *Феликс Деружинский* и 11 рабочих.

Минск. Здесь сидят уже семь месяцев 8 рабочих; все они обвиняются в пропаганде и агитации. В октябре арестован рабочий *Кейлер* с женою.

Лодзь. В августе взято 7 столяров; все еще сидят.

Киев. В сентябре арестован студент Евтихий Савостьянов.

Вильно. В последние два месяца взяты: *Рувим Челахович, Швечь,* жена *Трусевича* (сам Трусевич сидит уже несколько месяцев). В ночь с 19 на 20 сентября арестованы: доктор *Домашевич*, дантист *Мозес*, дантистка *Средницкая*, домохозяин *Твардовский,* фотограф *Козловский* (в последних градусах чахотки), *Касперович*, служащий в управлении Полесских железных дорог, *Преображенский,* один еврейский частный учитель и еще несколько интеллигентов и много рабочих. В настоящее время во всех трех виленских тюрьмах сидит около ста рабочих.

Екатеринослав. В октябре в железнодорожных мастерских арестован рабочий *Корецкий* и еще 9 рабочих.

Одесса. В сентябре арестованы рабочие: *Гринштейн, Левинская, Макодзюб* и *Финкельштейн.*

Вышли следующие новые издания.

«Союза борьбы за освобождение рабочего класса»:

1) С.-Петербургский рабочий листок № 2-й.
2) Десятилетие Морозовской стачки.
3) Объяснение закона о штрафах.
4) Что нужно знать и помнить каждому рабочему.

Издания «Союза русских социал-демократов»:

5) Работник 3—4.

Другие социал-демократические издания:

6) Что цари сделали для народа.
7) Об агитации.

Издания Группы рабочих-революционеров:

8) Циркуляр министра внутренних дел губернаторам.

Пожертвование. От рабочих 33 рубля.

Поправка: На странице 22 в статье «Из разных мест» в заметке «Из Киева» пропущено: «Последние листки подписываются Киевский рабочий комитет, издание Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Содержание. I. Ближайшие задачи русского рабочего движения. II. Внутреннее обозрение. III. *По России:* 1) Москва, 2) Екатеринослав, 3) с. Наволоки, Костромской губ., 4) Вильно. IV. Новое преступление русского правительства. V. Правительство, солдаты и рабочие. VI. Положение ткачей и прядильщиков в Шуйско-Ивановском фабричном районе. VII. *Заграничная жизнь:* 1) Стачка рабочих на виноградниках в Италии, 2) Цюрихский съезд. VIII. Международному конгрессу для законодательной защиты рабочих. IX. Заметка о секретном циркуляре министра внутренних дел. X. Секретные циркуляры. XI. Последние известия: 1) Петербург. 2) Одесса. XII. Хроника арестов. XIII. Список новых изданий.

За недостатком места статья «Рабочие собрания в Берлине» будет помещена в следующем номере.

Типография русских социал-демократов

Печатается по тексту «Рабочей Газеты» № 2, ноябрь 1897 г.

ПОКАЗАНИЯ А. А. и В. А. ВАННОВСКИХ ПРИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ДОЗНАНИЯХ

ПРОТОКОЛ №

1898 года октября 28 дня в городе Москве я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035[7] Уст. угол. суд. изд. 1892 г. в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих объяснений от 27 сего октября показал:

Зовут меня Александр Алексеевич *Ванновский.*

Книги, какие я передал Биску, предназначались для одного лица, фамилии которого я не знаю, так как брат сообщил мне лишь условное слово (пароль), кажется, название какой-то вещи или книги. Но я знаю наверно, что Анна Николаевна Варыпаева к этому факту не имеет никакого отношения, т. е. не ей должен был Биск передать книги. Содержание записки я не понимаю, ибо я писал ее под диктовку брата, как он сам это подтверждает. Ситнин пишет, что он ездил по моему поручению в Минск за нелегальной литературой. Я могу в дополнение его показания сказать лишь немного, ибо сам знаю об этом очень мало. Я дал Ситнину адрес, куда он должен был явиться по прибытии в Минск. Адреса этого я уже не помню; помню только, что подобная улица есть где-то в Москве (т. е. носит одно и то же название). Я также теперь не помню, передавал ли я ему деньги для поездки, кажется, что передавал, но утверждать не решаюсь. Указания, необходимые Ситнину для поездки в Минск, я получил от брата, но теперь я уже ничего не помню. Знаю еще, что Ситнин благополучно исполнил поручение и привез литературу; остаток от нее впоследствии был найден у Биска. Теперь я перехожу к своей деятельности и постараюсь определить свою роль и отношение к организации. Я не могу считать себя членом «Союза», так как я действовал в силу личных отношений, а не по долгу, т. е. я не был связан с организацией никакими постоянными обязательствами. Я не считаю также себя социал-демократом, ибо не занимался развитием сознания рабочих. Я исполнял лишь различные поручения брата, часто не зная о их конечной цели и об их значении для общего дела, но иногда мне ставились общие задачи, в сфере которых я не мог проявить самодеятельность. Это поиски квартир, доставка денег и выбор подходящих людей для мелких поручений, как, напр., это было с Биском. Я имел дело исключительно с интеллигентами, но не как уполномоченный от «Союза», а как частное лицо. Показания брата относительно меня совершенно справедливы, и я их подтверждаю. Название Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» было лишь рекламой, так как,

сколько мне известно, никакого «Союза» в действительности не было. На предложенный мне вопрос: был ли я делегатом от «Союза» — я отвечаю отрицательно. Я не был на съезде в Минске и знаю о нем лишь в общих чертах. Я знаю, что произошло объединение местных групп в одну «партию». Но кто был депутатом от Москвы — мне это неизвестно. На собрании 10 марта у Павликовской говорилось об объединении, но в общих чертах, так что подробных сведений я не имею. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*

ПРОТОКОЛ №

1898 года ноября 9 дня, в городе Москве я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, на основании ст. 1035[7] Уст. угол. суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 28 октября с. г., показал:

Зовут меня Александр Алексеевич *Ванновский.*

Я ездил делегатом от Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» на съезд, бывший в Минске, в конце февраля. Брат снабдил меня необходимыми инструкциями и дал бумагу с ответами на те вопросы, какие должны были разбираться на съезде. Он говорил мне, что я неопытен, что я должен больше молчать и слушать, что будут говорить другие, — иначе, по его словам, я могу скомпрометировать организацию. В Минск я приехал 28 февраля, утром или вечером, — хорошо не помню, — кажется, вечером. На вокзале меня встретило одно лицо (все это было условлено еще раньше, через газеты, мой костюм, пароль и прочее), которое проводило меня в гостиницу — почти в центре города. Название гостиницы я не помню, наверно, кажется, «Виктория». Мне было сказано, что на другой день в 6 часов вечера за мной зайдет человек, с которым я должен буду идти туда, куда он меня поведет. Я все утро бродил по городу без всякой цели, был в городском сквере и проч. В назначенный час за мной действительно пришел один человек, сообщил мне пароль, и мы пошли с ним на место собрания. Уже стемнело, когда мы вышли, фонарей еще не зажигали, и я скоро сбился с дороги, т. е. не мог ориентироваться. Через час или немного раньше мы пришли к какому-то маленькому деревянному дому, и мой спутник постучал в дверь — ему тотчас же отворили... Небольшая комнатка, на стуле сидел один человек, другой стоял у окошка, я сообщил одному из них, откуда я приехал, и передал эту бумагу, какую получил от брата. Через четверть часа еще вошел один человек и завязался общий разговор. Меня спрашивали, как идут дела в Москве, я отвечал, что организация создалась очень недавно, что она существует всего три недели и еще не успела проявить себя чем-либо серьезным. Говорили о разных общих вопросах, о тактике, об отношении местных групп к Центральному Комитету, об отношении будущей социал-демократической партии к другим организациям, как-то: партии народных прав, социал-революционной партии. Я больше слушал, так как все эти вопросы для меня были совершенно новы. Разошлись около 11 часов вечера. Я прямо отправился в свой номер и тотчас же лег спать. На следующий день, в то же время (т. е. в 6 ч.) за мной опять зашел человек, и мы отправились на ту же квартиру. Всего было человек семь — те лица, какие я видел вчера, и еще новых два лица. Я держал себя точно так же,

как и вчера, т. е. слушал и молчал. Одно лицо прочло вслух все вопросы, подлежащие обсуждению, и затем все остановились на первом вопросе. Долго говорили о названиях местных групп, наконец, все решили заменить прежние названия одним общим для всех организаций. Каждая группа должна была назваться после съезда местным «социал-демократическим комитетом». Многие стояли за сохранение слова «союз», так как рабочие привыкли к этому слову, и оно вполне отвечает основной задаче социал-демократов — это организовать весь рабочий класс в один общий союз. Но все-таки в конце концов большинство пришло к тому заключению, что необходимо заменить «союз» словом «комитет», так как последнее слово обнимает собой не только интеллигентскую организацию, но и рабочую. Я присоединил свой голос к большинству, вообще и в последующих вопросах я поступал точно так же. Все вопросы, какие разбирались на съезде, решено было поместить в «Манифесте партии» в форме постановлений съезда. В конце собрания мне сообщили, что я могу завтра ехать домой и передать пославшему меня, что съезд состоялся. На другой день часам к десяти ко мне зашел один из членов новообразовавшейся партии и сказал, что принес для московских товарищей маленький гостинец; гостинец состоял из сотни с лишком брошюр, завернутых в газету. Я согласился принять книги и обещал выслать деньги по приезде в Москву. Когда он ушел, я занялся просмотром книг: здесь было несколько десятков «Работника» №№ 5—6, сказка «Стачка лжи», «Петербургский рабочий листок» № 2, «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «10 лет Морозовской стачки» и другие... В Москву я приехал числа второго или третьего марта — точно не помню. На вокзале меня никто не встречал, и я прямо отправился домой — на Земляной вал (эти книги были найдены впоследствии у Биска — я передал их ему в день ареста). Незадолго до ареста, кажется, я говорил Малинину, что ему скоро придется быть на Брестском вокзале — встречать транспорт с нелегальными книгами, который должен прибыть в половине марта. Я не помню хорошо, говорил ли я ему это, но если говорил, то это относилось к «Манифесту», прибытия коего ожидали в самом непродолжительном времени. В предъявляемой мне карточке я узнал то лицо, какое я видел в Минске на Новой Мясницкой ул., д. Клотца, я заходил туда, чтобы встретить там лицо, какое должно было отвести меня на квартиру, где было собрание. Первое лицо не было на собраниях, и вообще я ни разу после не встречал его. Мне было сказано, что в доме Клотца живет Вульф Хан. (Была предъявлена карточка Вольфа Гершенова *Хана.*) Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*

ПРОТОКОЛ №

1898 года ноября 6 дня в городе Москве я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко на основании ст. 1035[7] Уст. угол. суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от сего числа показал:

Зовут меня Виктор Алексеевич *Ванновский.*

В декабре месяце 1897 г. я получил из того же источника, каковой у меня имелся в провинции, указание, что есть в Москве одна личность, которая может быть полезна для «Союза»; фамилии этой личности мне не было дано, а дан был лишь адрес для написания этому господину

письменного приглашения (с обозначением времени и места, т. е. я должен был обозначить время и место свидания сам) и условленный пароль. Я дал адрес Елизавете Казимировне Павликовской и в декабре (кажется, перед рождеством) виделся с этим господином у Елизаветы Казимировны. Разговор наш был самого общего характера — говорили, например, о материализме, о новых статьях, журналах и т. д. Ни он, ни я не делали шага по направлению к действительной цели нашего свидания; в конце свидания я заключил, что имею дело с человеком хотя и очень образованным, искусным диалектиком, но мало пригодным для практического дела (я заметил, что он слишком много читает и слишком охотно говорит на отвлеченные темы: признак кабинетного человека). В конце беседы я задал ему несколько вопросов касательно новой нелегальной литературы, желая узнать, насколько он знаком с нею; он отвечал мало и в общих фразах. Свидание наше кончилось, и я решил, что этот господин не может быть полезен «Союзу». Затем я узнал, что у него был вскоре обыск, и вследствие этого мое намерение не продолжать свое знакомство увеличилось. Вот и все отношение ко мне этого лица, которое я узнаю в предъявленной мне карточке и которое вы называете Александром Александровичем Иогансоном. Прибавляю, что Александр Николаевич Покровский мне не известен; отношения к «Союзу» это лицо не имело никакого, равно как и к устройству моего свидания. Мои деловые отношения происходили исключительно через Минск, хотя я и не знаю, кто и откуда присылал мне через этот город шифрованные газеты, а также рекомендовал Константина Константиновича Солодуху и, наконец, предложил знакомство с Александром Александровичем Иогансоном. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*

ПРОТОКОЛ №

1898 года ноября 6 дня в городе Москве я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко на основании ст. 1035[7] Уст. угол. суд., изд. 1892 г., в присутствии товарища прокурора московского окружного суда А. И. Короткого допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 24 сентября с. г., показал:

Зовут меня Виктор Алексеевич *Ванновский*.

В ноябре 1897 г. у меня явилась мысль организовать кружок для того, чтобы при содействии его сблизиться с рабочими. Определенной программы и плана действий у меня тогда не было, так как не имелось еще никаких средств для приведения в исполнение моих планов. За неимением подходящих людей для дела я принужден был выбирать из числа лиц, известных мне по кружку для самообразования, который устроился еще в начале года между студентами-техниками. Не было ни средств, ни людей, не было также нелегальной литературы, которая придает обыкновенно значение кружку и вызывает доверие к его силам. Сближаясь с рабочими, я вынес убеждение, что в среде их очень популярно имя Рабочего союза, слухи о котором распространялись широко. У меня явилась мысль свой кружок превратить в этот союз, хотя, несомненно, кружок был очень незначителен по своему составу и своим средствам и явно не соответствовал своему новому названию; но у меня был расчет, что кружок этот в виде «союза» скорей привлечет к себе силы и средства, и поэтому я объявил своим товарищам об основании союза, чему они, кажется, не придали большого значения, считая, конечно, союз этот фикцией. В декабре, таким

образом, было положено основание Московскому «Союзу борьбы». В числе изданий «Союза» в управлении имеется программа «Союза». Этот листок написан мною, но считаю не лишним несколько оговориться по поводу его действительного значения. Написан этот листок в декабре; его литературные недостатки, бессвязность, а главное совершенное несоответствие его положений и всего тона с духом социал-демократических программ и с реальными целями «Союза», объясняются, с одной стороны, моим болезненным состоянием, в котором я писал этот листок (я был раньше болен в течение трех лет душевным расстройством, и у меня осталось, как последствие болезни, периодическое возвращение ее в виде умственной неясности и тому подобное), с другой стороны, я еще в бытность мою студентом читал произведения народнической революционной литературы и усвоил присущий ей тон; ознакомившись с современной социал-демократической литературой, я, разумеется, забраковал свою программу, которой, впрочем, и раньше не придавал значения; не уничтожил я ее только ради того, чтобы не вредить своему авторитету среди товарищей, признав эту программу негодной; впрочем, она была сдана, что называется, в архив и не распространялась. Возвращусь к истории Московского «Союза»; благодаря единственно случаю, я завел связи с одним лицом из провинции; это лицо, доверяя мне, вступило со мною в шифрованную переписку; положение этого лица, его связи я знать не мог еще, но, разумеется, подозревал, что имею дело с группой, а не с личностью только; мне была обещана литература с уплатою за нее денег, и поездка Ситнина, по моему поручению, доставила «Союзу» эту литературу. Относительно других предложенных вами вопросов имею сказать следующее: ни Пилецкого, ни Ефимова я совершенно не знаю; что касается содержания расшифрованной корреспонденции из Минска, где упоминается доктор Ефимов, то признаюсь, что ее содержание мне неясно; могу себе объяснить это обстоятельство только тем, что раньше была зашифрованная корреспонденция, которая не попала в мои руки и где, может быть, и содержится объяснение второй корреспонденции. Относительно Константина Константиновича Солодухи имею сказать только то, что приехал он в Москву, имея ко мне рекомендацию; не имея больше никого из числа членов «Союза» для посылки в Иваново-Вознесенск, я принужден был обратиться к Конст. Констант. Солодухе с предложением ехать туда, это предложение он и принял. Раньше я с ним нигде не встречался и вообще знаю о нем только то, что мною сейчас показано. В феврале 1898 г. я получил через шифрованную корреспонденцию от своего знакомого из провинции предложение быть на съезде делегатов от рабочих союзов; предложение было сделано в такой форме: я должен был держать в полном секрете, не сообщая даже своим товарищам все сведения, сообщенные мне в шифрованной записке относительно условий съезда и программных вопросов, имеющих быть разрешенными на съезде. Вопросы эти были таковы: 1) Как назвать будущую партию: «социал-демократической» или «рабочей». 2) Какова должна быть организация партии; степень автономности отдельных союзов. 3) Как должен быть выбран «центральный комитет» партии, т. е. из числа ли лиц, принадлежащих съезду, или же могут быть выбраны и другие лица. 4) Вопросы о литературе; предполагалось литературу сделать бесплатной, не взимая вообще за нее денег с кого бы то ни было. Средствами для покупки литературы должны были служить взносы отдельных союзов в кассу партии. Затем еще ряд второстепенных вопросов, которые я уже не помню точно; впрочем, все эти вопросы в их положительном решении заключаются в «Манифесте» партии, именно там, где говорится об организации партии и т. д. Я решил, что ехать сам не могу, считая себя под надзором, послать было некого; пришлось сделать так: послать на съезд делегата с подробными инструкциями, с просьбой больше молчать, дабы не обнаружить свою неподготовленность к обсуждению важных вопросов партийной программы. Делегат ездил и привез мне решение

съезда; формальное присоединение «Союза» к партии, следовательно, состоялось; но фактически присоединиться я еще колебался, не зная хорошо, с кем имею дело; я решил выждать, во-первых, получения обещанного «Манифеста» партии, во-вторых, проявления вообще действий партии. Делегата, посланного мною на съезд, я хотя и отказываюсь назвать, но предлагаю ему сделать это самому, ввиду интересов других товарищей. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подп.) *Ратко*

Напечатано в журнале «Красная Летопись» № 7, 1923 г.

Печатается по тексту журнала

ПЕРЕПИСКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О I СЪЕЗДЕ РСДРП

Д. П.
24 декабря 98 г.
по 4 д.
№ 4726

Постановлениями от 5 октября с. г. начальник московского губернского жандармского управления просил департамент полиции сообщить к дознанию сведения о бывшем в марте месяце с. г. в г. Минске съезде представителей нескольких социал-демократических организаций, объединившихся впоследствии в одну «Российскую социал-демократическую партию», делегатах этого съезда и данных, касающихся связей Киевского «Союза борьбы» с Московским.

В ответ на это, согласно отзыву особого отдела от 13 октября за № 1735, Г. Л. Шрамму было отвечено, что: «сведения д-та о Минском съезде ограничиваются лишь агентурными указаниями, что съезд этот действительно происходил в Минске в марте месяце 1898 г., но кто участвовал на съезде в качестве делегатов, сведений не имеется. Связь Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с другими была, по всей вероятности, осуществляема при посредстве Бориса Эйдельмана, который в марте с. г. временно находился в Минске и там поддерживал сношения с обвиняемыми Мутником и Кремером, принимавшими, по-видимому, также участие в комиссиях съезда. Связь же Киева с Москвою по революционным делам вообще и рабочему вопросу в особенности поддерживалась, вероятно, при посредстве Александра Иогансона и его группы».

Ныне Г. М. Новицкий с своей стороны обратился в департамент с ходатайством о сообщении ему имеющихся в департаменте сведений о Минском съезде социал-демократов и об участии в этом съезде Эйдельмана, Павла Тучапского и Казимира Петрусевича.

По поводу указанного запроса IV делопроизводство представило г-ну вице-директору проект ответа нач-ку киевского ГЖУ о том, что делегаты Минского съезда д-ту не известны и что сведения д-та ограничиваются лишь агентурными данными, что съезд действительно происходил в марте с. г.

На означенном проекте его прев-ство изволил наложить резолюцию: «Так ответить нельзя. Очевидно, участвовали Эйдельман, Кремер и К°. Редактировать по соглашению с особым отделом и московским охранным отделением (хотя бы в смысле предположений)».

Об изложенном IV делопроизводство и. ч. уведомить особый отдел, покорнейше прося не отказать в доставлении, согласно резолюции г. вице-директора, вышеупомянутых сведений для сообщения таковых начальнику московского и киевского губернских жандармских управлений.

НАЧАЛЬНИК
отделения по охранению
общественной безопасности
и порядка в Москве

№ 890
29 января 1899 г.
Москва

Копия
Совершенно секретно

Милостивый государь
Леонид Александрович

Вследствие письма от 29 декабря минувшего года за № 2277 имею честь уведомить ваше высокоблагородие, что по имеющимся вполне конфиденциальным сведениям съезд представителей нескольких местных революционных организаций, на котором было провозглашено объединение последних под общим названием «Российской социал-демократической рабочей партии», происходил в г. Минске с 28 февраля по 4-е марта 1898 г. Участниками означенного съезда были привлеченные уже к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях: Борух *Эйдельман* — представитель группы, издававшей «Рабочую Газету»; Абрам *Мытникович* * и Арон *Кремер* — от «Общееврейского рабочего союза в России и Польше»; Казимир *Петрусевич* — от Екатеринославского кружка; Павел *Тучапский* — от Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; Александр *Ванновский* — от Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; один делегат минских социал-демократов и одно лицо, оставшееся неарестованным. Два общих собрания участников съезда (7—8 человек) имели место вечерами 1 и 2 марта в одном из домов на Захарьевской улице, вероятно, в квартире задержанного в июльскую ликвидацию Петра *Румянцева*. Предметами обсуждения съезда были заранее составленные по особой программе вопросы: о компетенции Центрального Комитета вновь образовавшейся партии, о степени автономности местных групп, их единообразном наименовании, об отношениях к партиям социалистов-революционеров, народных прав, польской социалистической и т. д. Главнейшие постановления съезда вскоре же были опубликованы во второй части известного «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии». По имеющимся некоторым данным есть основание предположить, что инициатива и организация съезда принадлежали общему руководителю южно-русских рабочих организаций — Боруху *Эйдельману*, а главными сотрудниками его в этом деле были *Мытников* *, *Кремер* и *Румянцев*.

К сему имею честь присовокупить, что о всем вышеизложенном устно осведомлен и отдельного корпуса жандармов ротмистр Ратко, имеющий производить при московском губернском жандармском управлении дознание о тайных типографиях, обнаруженных минувшим летом в гг. Бобруйске и Минске.

Покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном почтении и глубокой преданности.

Подписал: *С. Зубатов*

Напечатано в журнале «Красная Летопись» № 7, 1923 г.

Печатается по тексту журнала

* — А. Мутник (Глеб). *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Проект и объяснение программы социал-демократической партии»* написаны Лениным в Петербурге, в тюрьме: «Проект программы» — в конце 1895 года, «Объяснение программы» — летом 1896 года (к сожалению, конец его до нас не дошел). По сведениям Н. К. Крупской и А. И. Елизаровой-Ульяновой, текст «Проекта программы» был написан молоком между строк одной книги и передан на волю летом 1896 года. «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» были составлены Лениным для Петербургского «Союза борьбы» и явились важными документами для создания единой централизованной общероссийской партии.

Летом 1898 года, уже после I съезда партии, группа «Освобождение труда» предполагала издать сборник, в который вошли бы «Программа» и комментарий к ней Ленина, «Манифест» I съезда и перевод статьи Аксельрода «Историческое оправдание русской социал-демократии» (см. «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II, стр. 38). Сборник, однако, в свет не вышел. Проект партийной программы Ленина был впервые напечатан только в 1924 году. — *3.*

[2] В 1880—1890 гг. термин «Земский собор» употреблялся русскими революционерами в значении учредительного собрания. — *4.*

[3] Циркуляр министра финансов Витте *«Чинам фабричной инспекции»* был напечатан в апреле 1896 года почти во всех русских газетах и перепечатан «Союзом русских социал-демократов» в сборнике «Работник» № 3—4, 1897, Женева. Еще раньше этот циркуляр был опубликован в центральном органе германской социал-демократии — «Vorwärts» («Вперед») № 62, 13 марта 1896 г., приложение 2, стр. 1. — *20.*

[4] Работа *«Задачи русских социал-демократов»* написана В. И. Лениным в сибирской ссылке в конце 1897 года и впервые издана в 1898 году группой «Освобождение труда» отдельной брошюрой в Женеве, с предисловием П. Б. Аксельрода.

Брошюра с чрезвычайной отчетливостью формулировала задачи политической борьбы и решительно призывала к созданию социал-демократической рабочей партии.

В предисловии ко 2-му изданию брошюры (август 1902 г.) В. И. Ленин следующим образом характеризовал свою работу: «Предлагаемая брошюра... отражает в себе особенности тогдашнего положения

и тогдашних «задач» социал-демократии. Брошюра зовет к углублению и расширению практической работы, не видя никаких «препятствий» к этому в невыясненности каких-либо общих взглядов, принципов и теорий, не видя (не существовавшего тогда) затруднения в сочетании политической и экономической борьбы» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 6, стр. 188).

По словам Б. Л. Эйдельмана — участника I съезда РСДРП, рукопись работы В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» была послана Петербургским «Союзом борьбы» в Киев и читалась там до I съезда РСДРП всеми руководителями киевской социал-демократической организации. — *24.*

5 Партия *«Народного права»* — нелегальная организация мелкобуржуазной интеллигенции народнического толка; образована в 1893 году бывшими народовольцами: М. А. Натансоном, О. В. Аптекманом, Н. С. Тютчевым, В. М. Черновым и др. Близко к партии стояли и поддерживали ее Н. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. И. Богданович.

Отказываясь от борьбы за социализм, народоправцы ставили своей задачей безоговорочное объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы с самодержавием во имя политической свободы.

Народоправцы издали свой «Манифест» и программную брошюру «Насущный вопрос», написанную А. И. Богдановичем. В 1894 году партия была разгромлена правительством. Впоследствии большинство народоправцев вошло в состав эсеровской партии. — *24.*

6 *«Группа народовольцев»* организована осенью 1891 года в Петербурге; пыталась возродить традиции народовольцев 80-х годов. В состав группы входили: М. С. Ольминский, Е. М. Александрова, Н. Л. Мещеряков, Л. К. Чермак, А. Ю. Фейт, А. А. Федулов, А. Ергин и др. Группа имела свою типографию и выпустила ряд нелегальных брошюр и прокламаций, «Рабочий Сборник» и два номера «Летучих Листков». В апреле 1894 г. группа была разгромлена полицией, после чего руководящая роль в группе перешла к А. С. Белевскому, А. Е. Прейс и др. С этого времени под влиянием роста рабочего движения группа начала склоняться в сторону социал-демократии. Последний, вышедший в декабре 1895 г., № 4 «Летучего Листка» группы носил явные следы социал-демократического влияния, вызвав протесты против себя других народовольческих групп.

«Группа народовольцев» находилась в сношениях с Петербургским «Союзом борьбы» и печатала некоторые издания Союза, в том числе брошюры Ленина «Объяснение закона о штрафах», «О стачках». В июне 1896 г. группа была снова разгромлена полицией. Часть группы позднее примкнула к социал-демократам. — *24.*

7 *«Работник»* — непериодический сборник, журнал «Союза русских социал-демократов» за границей; выходил в 1896—1899 годах в Женеве под редакцией группы «Освобождение труда». Инициатива издания сборника исходила от социал-демократов, работавших в России, и главным образом от В. И. Ленина. В феврале 1895 г. в Петербурге состоялось совещание социал-демократов различных местностей России, на котором присутствовали: В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский (от Питера), Е. И. Спонти (от Москвы), Я. М. Ляховский (от Киева) и Ц. Гришин-Копельзон (от Вильно). Совещание решило поставить за границей дело издания популярной литературы для рабочих. Главным образом с этой целью весной 1895 года за границу была предпринята поездка В. И. Ленина. В результате переговоров Ленина с представителями

группы «Освобождение труда» и было принято решение об издании сборников.

На себя и на русские организации Ленин взял обязательство финансировать «Работник» и снабжать его статьями и материалами по рабочему вопросу. Вернувшись в Россию, В. И. Ленин организовал систематическую посылку материалов в Швейцарию, где находился в то время Г. В. Плеханов. Ленин лично для «Работника» написал статью «Фридрих Энгельс» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 1—13), напечатанную в № 1—2 «Работника».

Всего вышло 6 номеров «Работника» в трех книгах. Кроме него, выходили еще «Листки «Работника»», из которых №№ 1—8 (1896—1898) под той же редакцией; последний же, 9—10 номер (ноябрь 1898 года) — под временной редакцией, после отказа группы «Освобождение труда» от редактирования изданий Союза. — *24.*

8 *«Союз русских социал-демократов»* за границей основан в конце 1894 года в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда». В задачи Союза входило издание брошюрной и периодической литературы для России. Союз работал под руководством группы «Освобождение труда», которая редактировала все его издания. Под редакцией группы в 1896—1899 гг. Союз издавал непериодический сборник «Работник». К концу 1898 года в Союзе получили преобладание сторонники «экономизма» («молодые») и в ноябре на I съезде Союза группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования изданий Союза, оставив за собой лишь редактирование № 5—6 «Работника» и брошюр Ленина: «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон». Оппортунистическое («экономистское») течение в Союзе в лице созданного им органа «Рабочее Дело» политически оформилось к 1900 году. На II съезде Союза, в апреле 1900 года, произошел раскол. Группа «Освобождение труда» вышла из Союза, создав особую революционную организацию «Социал-Демократ». «Союз русских социал-демократов» за границей и его орган «Рабочее Дело» стали выразителями оппортунистического течения в русской социал-демократии — «экономизма».

Союз был распущен II съездом РСДРП (1903) в числе других отдельных организаций. — *24.*

9 *Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»* был организован по инициативе и под руководством В. И. Ленина в конце 1894 года. Официально название свое Союз получил только год спустя, в декабре 1895 года, уже после ареста своего основного ядра во главе с Лениным. Основное ядро Союза составил кружок интеллигентов, существовавший в Петербурге с 1892 года, так называемые «старики» (С. И. Радченко, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская и с 1894 года — В. И. Ленин) и группа рабочих во главе с В. А. Шелгуновым. В 1895 году к этому основному ядру примкнул кружок Л. Мартова, несколько позднее — группа студентов-медиков во главе с К. М. Тахтаревым и группа «молодых» во главе с И. Чернышевым.

Союз строился по принципу строжайшего централизма. Во главе его стояла Центральная организационная группа, которая руководила пропагандой и агитацией, писала листки и брошюры, держала связь с другими городами. Рабочие, организованные в кружки, были связаны с Центральной группой через организаторов района. Во главе Центральной группы стояли: В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, Л. Мартов.

По словам В. И. Ленина, Петербургский «Союз борьбы» явился первым зачатком революционной партии, опирающейся на рабочее движение. Программа Союза, руководимого Лениным, и деятельность Союза

носили ярко революционный, социалистический характер. Союз первым осуществил переход от пропаганды идей социализма в узких, замкнутых кружках к широкой агитации среди масс пролетариата и впервые связал эту агитацию и призыв к борьбе против капитализма с политической борьбой против самодержавия.

Особенно сильно Союз окреп, вырос и приобрел большое влияние в рабочих массах в связи с руководством стачками 1895—1896 гг. В период этого подъема Союз выпустил ряд политических прокламаций и принял непосредственное участие в руководстве стачками.

Широко устанавливая связи с социал-демократическими организациями других городов, Союз проводил ленинскую линию на организацию единой социал-демократической партии, на подготовку и созыв партийного съезда, предприняв в этом отношении и соответствующие организационные шаги (см. воспоминания Н. К. Крупской, настоящее изд., стр. 130). В конце 1895 года Петербургский «Союз борьбы» создал свой орган «Рабочее Дело».

В декабре 1895 года основное руководящее ядро Союза («старики») — В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, В. В. Старков были арестованы. Оставшиеся руководители Союза некоторое время продолжали еще вести начатую Лениным революционную линию. К 1897 году состав Союза почти весь изменился, а начиная с половины 1898 года руководство Союзом перешло к оппортунистически настроенным «молодым», оформившимся к тому времени в самостоятельную «экономистскую» группу.

Через своего представителя, последнего из «стариков» — С. И. Радченко, Союз принял активное участие в подготовке и работе I съезда РСДРП. — *24.*

10 *Группа «Освобождение труда»* — первая социал-демократическая организация, основоположница марксизма в России, как идейно-литературного течения. Образована в 1883 году в Швейцарии эмигрировавшими за границу народниками-чернопередельцами — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и В. Н. Игнатовым.

В своей теоретической деятельности группа подвергла резкой критике народнические идеи, нанеся решающий удар народничеству.

Группа пыталась завязать связи с массовым рабочим движением в России, но ее организационная деятельность в России не оказалась успешной. Группа явилась теоретическим основоположником социал-демократии в России, сделав лишь «первый шаг навстречу рабочему движению» в России (*В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 20, стр. 255).

Группа «Освобождение труда» издавала «Библиотеку современного социализма», в которую входили переведенные на русский язык работы Маркса и Энгельса («Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах» и другие), а также работы Плеханова: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и другие. В 1884 году группой «Освобождение труда» был составлен первый проект программы социал-демократии, в котором отразились еще некоторые народнические пережитки: переоценка роли интеллигенции, требование индивидуального террора и т. д. Во втором проекте программы, составленном в 1887 году, группа дала более четкую марксистскую формулировку пунктов о роли рабочего класса в революции и требование завоевания пролетариатом политической власти. (Разбор проекта программы группы «Освобождение труда» см. в статье В. И. Ленина «Проект программы нашей партии», настоящее изд., стр. 56—76.)

В 1888 году группой был основан Русский социал-демократический союз, объединивший социал-демократов за границей. Союз выпускал

под редакцией группы сборник «Социал-Демократ». В конце 1894 года по инициативе группы был основан «Союз русских социал-демократов» за границей, редакция изданий которого принадлежала группе «Освобождение труда». Группой редактировались сборники «Работник», организованные по инициативе и при участии В. И. Ленина.

Постепенно группа разошлась с большинством членов Союза, среди которых преобладающую роль стали играть оппортунистически настроенные «молодые», и на I съезде Союза в ноябре 1898 года отказалась от редактирования изданий Союза. На II съезде Союза в апреле 1900 года она окончательно порвала с Союзом и вместе с некоторыми членами Союза, ушедшими из него, основала революционную организацию «Социал-Демократ».

Вместе с Лениным, вернувшимся из ссылки, группа приняла участие в организации «Искры».

Формально группа «Освобождение труда» прекратила свое существование на II съезде РСДРП в 1903 году. — *32.*

11 Сборники ***«Материалы по истории русского социально-революционного движения»***, о которых говорит здесь В. И. Ленин, выходили за границей с 1893 года в издании «Группы старых народовольцев» (П. Лавров, Н. Русанов, Е. Серебряков и др.) и являлись органом старых народовольческих групп в конце 90-х годов.

Летом 1897 года Г. В. Плеханов опубликовал брошюру: «Новый поход против русской социал-демократии», которая явилась ответом одновременно и на статью П. Лаврова «О программных вопросах», напечатанную в № 4 «Летучего Листка «Группы народовольцев»», и на «Открытое письмо к народовольцам — издателям «Летучего Листка»» *Старого народовольца* (Е. Г. Левита), опубликованную в № 6—7 «Материалов». Эту брошюру Плеханова и имеет в виду Ленин (см. *Г. В. Плеханов.* Соч., т. IX, стр. 293—337).

№ 5 «Летучего Листка» не вышел. — *33.*

12 *Закон 2 июня 1897 года* был издан царским правительством под напором забастовок петербургских текстильщиков 1895—1897 гг., руководимых ленинским «Союзом борьбы». Закон ограничивал продолжительность рабочего дня для всей России, доходившего до 14—15 часов, $11^1/_2$ часами и устанавливал обязательный воскресный отдых.

Всесторонний разбор этого закона и критику его Ленин дает в популярной брошюре «Новый фабричный закон», написанной им в ссылке летом 1897 года и напечатанной группой «Освобождение труда» в Женеве в 1899 году (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 243—291). — *35.*

13 *«Рабочая Газета»* — нелегальный орган киевской группы социал-демократов; выходил в Киеве при участии и под редакцией Б. Эйдельмана, П. Тучапского, Н. Вигдорчика и других. Всего вышло два номера газеты: № 1 в августе 1897 года и № 2 в декабре (помечен ноябрем) 1897 года. Группировавшиеся вокруг «Рабочей Газеты» социал-демократы вели подготовительную кампанию за созыв I съезда партии. Первым съездом РСДРП «Рабочая Газета» была признана Центральным Органом партии. После съезда возобновить издание газеты не удалось в связи с арестом участников съезда. Намечавшийся к печати № 3 газеты не вышел.

Статьи В. И. Ленина *«Письмо к редакторской группе»*, *«Наша программа»*, *«Наша ближайшая задача»*, *«Насущный вопрос»* были написаны Лениным в ссылке во второй половине 1899 года. Они предназначались для предполагаемого к изданию № 3 «Рабочей Газеты».

Попытку возобновить издание разгромленной после съезда «Рабочей Газеты» взял на себя уцелевший от разгрома ЦК Бунда. Через посредство Л. Мартова, жившего в ссылке в Туруханске, ЦК Бунда обратился к находившемуся в ссылке В. И. Ленину с предложением редактирования, а потом сотрудничества в «Рабочей Газете», на что и получил согласие Ленина. Попытка издания газеты, однако, не осуществилась. Написанные Лениным и посланные для № 3 «Рабочей Газеты» статьи остались неизданными. Вот как об этом рассказывает сам Ленин в работе «Что делать?»: «Центральный комитет Бунда через посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» (Ленину. — *Ред.*) с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется, согласие. Посылаются статьи (которые удалось сохранить)...» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 463—464). — *40.*

14 Речь идет о работе немецкого ревизиониста Эд. Бернштейна «Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Social-demokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), вышедшей в начале 1899 года. Полемизируя с Г. В. Плехановым, Бернштейн в одной из глав своей работы писал: «Чтобы выставить в их надлежащем свете полемические приемы Г. Плеханова, я должен упомянуть, что большая, если не бóльшая часть работающих в России русских социал-демократов, в том числе редакция русской рабочей газеты, решительно присоединились к точке зрения, близкой к моей, и что в этом смысле некоторые мои «бессодержательные» статьи были переведены по-русски и распространены в отдельных изданиях» (см. стр. 170 первого немецкого издания). Во многих изданиях книги Бернштейна на русском языке это место или выпущено или дается в сокращенном виде.

Под редакцией «русской рабочей газеты», «решительно присоединившейся» к оппортунистической позиции ревизионизма, Бернштейн имел в виду, по-видимому, «экономистскую» «Рабочую Мысль» и выдавал ее согласие со взглядами Бернштейна за согласие большинства русских социал-демократов. — *40.*

15 В. И. Ленин имеет в виду раскол на I съезде «Союза русских социал-демократов» за границей в ноябре 1898 года в Цюрихе (Швейцария). На съезде в связи с тем, что большинство членов Союза (так называемые «молодые») примкнуло к «экономизму», группа «Освобождение труда» отказалась сначала от редактирования изданий Союза, а затем откололась от него. — *41.*

16 *«Рабочая Мысль»* — газета, наиболее яркий орган оппортунистического течения в русской социал-демократии — «экономизма»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года (№№ 3—11 и № 16 вышли за границей (Берлин), остальные в России) под редакцией К. Тахтарева-Петербуржца и М. Лохова-Ольхина. Газета все внимание сосредоточивала на узко экономической борьбе, противопоставляя ее борьбе политической, якобы не входящей в задачи рабочего класса. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, газета враждебно относилась к централистическому принципу организации партии.

Заметка «Мимоходом», на которую ссылается Ленин, была напечатана в № 7 «Рабочей Мысли» в июле 1899 года. Заметка направлена против статей № 5—6 «Работника», редактировавшегося группой «Освобождение труда»,

Критику позиции «Рабочей Мысли» В. И. Ленин дает в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» и в работе «Что делать?» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 4, стр. 234—262 и т. 5, стр. 350—358). — *41.*

17 *«Пролетарская Борьба»* № 1 — 1899 года — сборник, изданный «Уральской социал-демократической группой» (М. М. Берцинская, А. А. Санин, Н. Н. Кудрин и другие); напечатан зимою 1898—1899 года в типографии группы, устроенной на прииске около станции Бишкиль, Самаро-Златоустовской ж. д. Авторы сборника, стоявшие на позиции «экономизма», отрицали необходимость создания самостоятельной политической партии рабочего класса, они считали, что «политическую революцию» можно совершить путем всеобщей стачки. Критику статей сборника Ленин дал в IV главе своей работы «Что делать?» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 415). — *41.*

18 Имеется в виду II съезд РСДРП, созыв которого намечался весной 1900 года.

Идея созыва съезда принадлежала заграничному «Союзу русских социал-демократов», возглавлявшему тогда уже оппортунистическое крыло («экономизм») в русской социал-демократии. План немедленного созыва съезда со стороны Союза явился, по существу, попыткой объединить русскую социал-демократию на основе «экономизма», ослабить «слишком политический уклон» и оттеснить революционное крыло социал-демократии, возглавляемое за границей группой «Освобождение труда». Идея немедленного созыва съезда нашла горячий отклик со стороны Бунда и группы «Южный Рабочий», солидаризировавшихся со взглядами «экономистов». О немедленном созыве съезда представителями заграничного Союза велись переговоры и с В. И. Лениным. Но Ленин к мысли созыва съезда при наличии тогда идейного «разброда и шатаний» отнесся отрицательно. Ленин считал необходимым до созыва съезда провести работу по идейному и организационному укреплению местных организаций, сплотить их на основе революционного марксизма и только после этой предварительной работы созвать съезд, который бы организационно закрепил уже достигнутое единство и создал бы действительно централизованную и монолитную партию.

Практической мерой проведения этой досъездовской предварительной работы по созданию единства партии Ленин считал издание общерусской социал-демократической газеты, которое и было вскоре осуществлено Лениным в виде газеты «Искра». — *41.*

19 Речь идет о статье Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», напечатанной в № 44 «Neue Zeit» («Новое Время») — журнале германской социал-демократии, в июле 1898 года. Статья направлена против печатавшихся там же статей Эд. Бернштейна «Проблемы социализма». В русском издании см. Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 9—22. — *43.*

20 *Съезд германской социал-демократии в Ганновере* происходил 9—14 октября н. ст. 1899 года. Основной вопрос, стоявший на повестке дня съезда, носил название: «Нападения на основные взгляды и тактику партии». Постановка этого вопроса была вызвана появлением в партии ревизионистского течения, возглавлявшегося Эд. Бернштейном и требовавшего пересмотра политики и тактики социал-демократии и превращения ее в партию демократических реформ. Официальным докладчиком по этому вопросу выступал А. Бебель, точку зрения Бернштейна защищал находившийся в эмиграции в Англии Давид. Съезд

высказался за сохранение партией ее прежней тактики, приняв резолюцию сравнительно умеренного характера, осуждавшую ревизионизм. — *43.*

21 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», М., 1958, стр. 42. — *46.*

22 *«Проект программы нашей партии»* написан В. И. Лениным в период ссылки в конце 1899 года. «Проект» предназначался, как видно из «Письма к редакторской группе» (см. наст. изд., стр. 41), для дальнейших номеров «Рабочей Газеты». Упоминание в тексте статьи *1900 года* (см. стр. 59) объясняется тем, что номер «Рабочей Газеты», для которого проект предназначался, должен был выйти не раньше этого времени. — *56.*

23 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 7. — *56.*

24 *«Проект программы русских социал-демократов»* написан Г. В. Плехановым в 1887 году и впервые опубликован в брошюре «Чего хотят социал-демократы?» в 1888 году в Женеве (см. *Г. В. Плеханов.* Соч., т. II, стр. 400—404 и наст. изд., стр. 235—238). В. И. Ленин ошибочно относит этот проект к 1885 году, повторяя неточность Аксельрода в его брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», где проект группы «Освобождение труда» помечен 1885 годом. — *58.*

25 См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 766. — *59.*

26 Речь идет о книге К. Каутского «Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия» (нем. изд. 1893 года). — *63.*

27 *Сервитут* — право пользования чужой собственностью. В данном случае В. И. Ленин имеет в виду остатки крепостнических отношений в Западном крае. После реформы 1861 года крестьяне были вынуждены нести дополнительные повинности в пользу помещиков за право пользования общими дорогами, сенокосами, пастбищами, водоемами и т. п. — *69.*

28 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 8, стр. 208—209. — *70.*

29 В. И. Ленин цитирует книгу К. Каутского «Аграрный вопрос», см. нем. изд. 1899 года, стр. 385 и 437. — *73.*

30 *Международный рабочий социалистический конгресс в Лондоне* состоялся в конце июля 1896 года. На конгрессе присутствовали представители рабочих Америки, Австралии и почти всех европейских стран: Англии, Франции, Италии, Германии, Болгарии, Польши и России. В состав русской делегации входили: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Р. М. Плеханова, Б. А. Гинзбург-Кольцов, А. Л. Парвус-Гельфанд и В. А. Бухгольц. В работах делегации приняли неофициальное (из конспиративных соображений) участие А. Н. Потресов и П. Б. Струве, специально приехавшие из России.

Появление на Лондонском съезде русских делегатов, впервые участвовавших на международных социалистических конгрессах, было встречено «как совершенно неожиданный, но необыкновенно приятный сюрприз». Свое отношение по поводу присоединения русских рабочих к международной освободительной армии конгресс выразил в следующей резолюции: «Конгресс считает нужным указать на чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от

русских рабочих организаций на международном съезде. Он приветствует пробуждение русского пролетариата к самостоятельной жизни и от имени борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции» (см. «Листок «Работника»» № 2, декабрь 1896 года, стр. 10).

Русская делегация представила конгрессу доклад о рабочем движении в России, который и был опубликован «Союзом русских социал-демократов» отдельным изданием в Женеве в 1896 году. В качестве «Приложения» к докладу была напечатана статья «Аграрный вопрос и социальная демократия в России», написанная легальным марксистом П. Б. Струве. Это «Приложение» к докладу русских социал-демократов на международном конгрессе в Лондоне и имеет в виду Ленин. — *74.*

31 *«Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России»* (Бунд) — был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. К концу 90-х годов Бунд представлял собой довольно крупную социал-демократическую организацию в России. Бунд принял активное участие в созыве и работе I съезда партии и на съезде вошел в состав РСДРП.

На II съезде РСДРП, после того как съезд отверг бундовский организационный национализм, Бунд вышел из партии и в 1906 году, на основании решения IV (Объединительного) съезда, вновь вошел в РСДРП.

Внутри РСДРП бундовцы оказывали постоянную поддержку меньшевикам и вели непрерывную борьбу против большевиков. Программному требованию большевиков — право наций на самоопределение — Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии. Во время первой мировой войны 1914—1918 годов бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма; в 1917 году Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство, боролся на стороне врагов Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны видные бундовцы сомкнулись с силами контрреволюции. Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда начался перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. Когда ясно обнаружилась победа диктатуры пролетариата над внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, Бунд заявил, что он отказывается от борьбы против Советской власти. В марте 1921 года Бунд самоликвидировался, часть его членов вошла в РКП(б) на общих основаниях. — *81.*

32 Абзац «Манифеста» о преемственности партией наследства «Народной Воли» включен в «Манифест» по желанию съезда, в частности, по предложению на съезде Б. Л. Эйдельмана (см. наст. изд., стр. 212—213). — *81.*

33 Решение I съезда о Бунде как автономной организации в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата, было принято по требованию делегации Бунда. Решение это обеспечивало Бунду большую самостоятельность: пропаганду на жаргоне, литературу и созыв съездов, удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта.

После съезда, однако, среди деятелей Бунда стали распространяться и получили перевес националистические и сепаратистские тенденции, противоречащие всему мировоззрению социал-демократии.

«Вместо того, — писал Ленин, — чтобы стремиться к сближению еврейских рабочих с нееврейскими, Бунд начал вступать на путь отрыва первых от последних, выдвигая на своих съездах обособленность евреев, как нации. Вместо того, чтобы продолжать работу I съезда Российской социал-демократической партии в сторону еще более сильного объединения Бунда с партией, Бунд сделал шаг к своему отделению от партии...» (*В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 8, стр. 462).

В апреле 1901 года на своем IV съезде Бунд высказался за отмену организационных отношений, принятых первым съездом, и принял резолюцию о замене автономии федерацией. В законченном виде федералистическая система была развернута Бундом на его V съезде в июле 1903 года. В резолюции «О положении Бунда в РСДРП» съезд выдвинул в качестве ультиматума, с которым Бунд должен был выступить на II съезде РСДРП, требование признания его «федеративной частью РСДРП» и «единственным представителем еврейского пролетариата». II съезд отверг требование Бунда, после чего бундовская делегация заявила о выходе Бунда из РСДРП и покинула съезд. С этого времени до IV (Объединительного) съезда РСДРП (1906) Бунд существовал обособленно от РСДРП как самостоятельная организация. На IV съезде РСДРП Бунд отказался от своего прежнего требования на единственное представительство еврейского пролетариата, но был признан съездом при объединении с РСДРП организацией, не связанной в своей деятельности никакими территориальными рамками (см. «Протоколы IV (Объединительного) съезда РСДРП», М., 1934, стр. 551—552). — *82.*

34 Решение съезда об автономии местных комитетов было принято по предложению делегата екатеринославской организации, как и пункт о предоставлении автономии Бунду. — *83.*

35 Национальный вопрос, выросший из более частного вопроса об отношении партии к ППС, был почти единственным программным вопросом, обсуждавшимся на съезде. Решение съезда о признании за каждой национальностью права самоопределения было принято съездом на основании постановления Лондонского международного социалистического конгресса (1896), предложившего всем социалистическим партиям добиваться обеспечения права наций на самоопределение. — *83.*

36 *Проект манифеста социал-демократической партии,* написанный к съезду П. Л. Тучапским, одновременно являлся и наметкой программы партии. Проект предварительно обсуждался киевской группой «Рабочей Газеты», но был ею отклонен. О причинах отклонения его Б. Эйдельман, один из организаторов и участников съезда, писал: «Манифест Тучапского был в сущности программой. И как программа он имел большой недостаток. В ней ничего нет об аграрном вопросе, о крестьянстве. Общего мнения у нас в группе не было. А программа без аграрной части была немыслима. Это раз. Кроме того, когда мы в группе читали проект Тучапского, у нас могли быть надежды на большее. Мы еще тогда надеялись иметь программу. Но если бы не было арестов, и мы стали бы перед единственным документом Струве, то, может быть, подумали бы и о проекте Тучапского» (см. наст. изд., стр. 211—212).

Проект манифеста П. Л. Тучапского в рукописном виде был отобран полицией во время обыска и ареста Б. Л. Эйдельмана в Екатеринославе в ночь с 11 на 12 марта 1898 года. Впервые он был напечатан в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 1. — *84.*

37 «*Устав коллоквиума*» (из конспиративных соображений конференция и съезд назывались «коллоквиумом») был составлен к съезду Б. Эйдель-

маном. Он представлял собою перечень вопросов, подлежащих обсуждению съезда. Переписанный в нескольких экземплярах членом киевской с.-д. организации — Шуляковским, он был разослан вместе с приглашением на съезд по организациям разных промышленных центров. На съезде «Устав коллоквиума» служил порядком дня и одновременно явился наметкой устава партии, принятого съездом (см. «Решения съезда», наст. изд., стр. 82—83).

Оригинал документа был взят жандармами при аресте Л. В. Теслера. На допросе Шуляковского, между прочим, жандармский ротмистр Беклемишев, сравнивая этот проект с организационными решениями съезда, заметил: «Вы не имеете оснований жаловаться на съезд: он внес в устав партии целиком выработанный вами проект». Впервые «Устав коллоквиума» был опубликован в 1923 г. в «Красной Летописи» № 7. — *86.*

38 Так называемый *«Питерский устав»* впервые был напечатан вместе с «Манифестом РСДРП» отдельной брошюрой в Женеве в 1903 году в издании Г. А. Куклина под общим названием: «Материалы для истории первого съезда (весной 1898 г.) Российской социал-демократической рабочей партии (из материалов, переданных в архив группы «Рабочей Мысли»)».

Документ являлся проектом программы съезда и, судя по содержанию, был составлен к съезду петербургской социал-демократической организацией. Ни автора проекта, ни точной даты его написания установить не удалось. По сведениям участника съезда Б. Эйдельмана, документ этот на съезде не фигурировал. — *88.*

39 Обещая представить со своей стороны «мотивированный проект программы», Петербургский «Союз борьбы», по-видимому, имел в виду и рассчитывал на «Проект и объяснение программы социал-демократической рабочей партии» В. И. Ленина (см. наст. изд., стр. 3—23). — *90.*

40 Известный под названием *«Киевского устава»* документ был представлен на съезд Киевской социал-демократической организацией и, судя по содержанию, являлся вариантом проекта порядка дня Киевского «Союза борьбы» (см. «Устав коллоквиума», наст. изд., стр. 86—87).

Документ этот был отобран жандармами при обыске после съезда у Б. Л. Эйдельмана в числе других рукописей и впервые опубликован в 1921 году. — *91.*

41 Признанная съездом Центральным Органом партии «Рабочая Газета», два номера которой вышли в 1897 году в Киеве, была разгромлена вместе с киевской социал-демократической организацией тотчас же после съезда.

Печатаемый здесь документ «Порядок (оглавление) № 3 *«Рабочей Газеты»»* остался от проектируемого к изданию киевской организацией № 3 «Рабочей Газеты». Документ этот был отобран при аресте у Б. Эйдельмана в Екатеринославе, куда переехала редакция «Рабочей Газеты» и где готовилось издание № 3 газеты. Впервые документ был опубликован в 1923 году. — *93.*

42 Документы: *«К манифесту Российской социал-демократической партии»* и *«Организация Российской социал-демократической партии»* являлись комментариями к «Манифесту» и «Решениям съезда», распространявшимися после съезда в Москве отдельными листками. Оригиналы сохранившихся листков имеются в Центральном государственном историческом архиве (см. ДО, 1898 г., № 5, ч. 22, т. 1, лл. 131—132). — *97.*

43 Письмо *«Союзу русских социал-демократов»* только что избранного съездом Центрального Комитета партии было послано сразу же после съезда. По сообщению Б. Николаевского (см. «Каторга и Ссылка» № 3, 1928 г.), письмо это, очевидно, по поручению ЦК, было написано еще в Минске делегатом съезда от Бунда А. Я. Мутником под диктовку участника съезда, представителя группы «Рабочей Газеты» Н. А. Вигдорчика.

Письмо интересно, между прочим, и тем, что дает документальное подтверждение когда-то оспариваемому факту о том, что в принятом съездом названии партии слово «рабочая» действительно отсутствовало.

Для заграницы письмо это явилось уже вторым известием о съезде. Первым было краткое сообщение А. И. Кремера (см. наст. изд., стр. 103). — *99*.

44 *«Манифест»* и *«Решения съезда»* были впервые опубликованы в апреле 1898 года отдельным листком, выпущенным «Типографией партии».

За границей «Манифест» и «Решения съезда» были опубликованы в органе германской социал-демократии «Vorwärts» 7 июня 1898 года и в журнале «Листок «Работника»» № 8 в июне 1898 года. Печатая «Манифест» и «Решения съезда», редакция «Листка «Работника»» (т. е. группа «Освобождение труда») писала:

«Появление «Российской социал-демократической рабочей партии» и ее манифеста, который мы здесь перепечатываем, является, таким образом, очень крупным шагом вперед в движении нашего рабочего класса. Быстрый рост этого движения в последние годы усилится еще больше, когда наши товарищи проникнутся сознанием общности интересов пролетариата всего русского государства и когда каждый из них будет чувствовать и сознавать, что ему всегда готовы помочь и действительно помогают остальные товарищи...

Мы убеждены, что общая организация русских социал-демократов будет все больше расти и крепнуть, пока движение рабочего класса не превратится в громадный поток, который, облегчая по пути экономическое положение пролетариата, снесет, наконец, своим могучим течением тяготеющий над Россией политический гнет и расчистит дорогу для свободной, широкой борьбы за полное, всестороннее освобождение всех трудящихся» (см. «Листок «Работника»» № 8, июнь 1898 г., стр. 2—3).

«Манифест РСДРП» и «Решения съезда» были опубликованы отдельным изданием в Женеве в 1903 году. — *99*.

45 Постановление послать приветствие за границу Г. В. Плеханову было принято по предложению П. Л. Тучапского 3(15) марта 1898 года, во время вечеринки, которой делегаты съезда отпраздновали окончание съезда (см. воспоминания П. Л. Тучапского, наст. изд., стр. 223). Это постановление, по-видимому, и было осуществлено в письме ЦК «Союзу русских социал-демократов» в виде приветствия всем трем членам группы «Освобождение труда». — *100*.

46 Письмо *«Немецкой социал-демократии»*, посвященное пятидесятилетнему юбилею революции 1848 года в Германии, было напечатано в № 65 «Vorwärts» 18 марта 1898 года. Судя по подписи и характеру письма, оно было составлено в последний день заседаний съезда, 3(15) марта, и послано от имени организаций, участвующих на съезде.

В русском издании за границей письмо было перепечатано в № 8 «Листка «Работника»» в июне 1898 года. — *101*.

47 *Письмо П. Б. Аксельроду* с кратким сообщением А. Кремера о состоявшемся съезде явилось первым извещением для заграницы о съезде

социал-демократических организаций России и образовании партии. Известие о состоявшемся съезде было послано из России А. Кремером в Женеву в виде газеты, в которой точками под нужными буквами сообщалось о событии. Газету в Женеве получил и расшифровал И. С. Блюменфельд, который тотчас же и сообщил об этом в Цюрих в печатаемом здесь письме П. Б. Аксельроду. — *103.*

48 Прокламация *«Письмо киевским рабочим»* была выпущена вскоре после I съезда социал-демократической группой, работавшей в Киеве после провала съездовцев. Судя по содержанию, прокламация явилась ответом на аресты, последовавшие после съезда в разных местах России. По полицейским сведениям, прокламация эта в числе 16 экземпляров «без обозначения времени в числе» была найдена «в ретирадном месте завода «Гретера, Криванек и К°», находящегося в 2-верстном расстоянии от г. Киева, 26 марта 1898 г. рано утром». Прокламация носит ярко политическую окраску, призывая рабочих к объединению и борьбе с самодержавным правительством. — *104.*

49 *«Ко всем екатеринославским рабочим»* — прокламация, выпущенная Екатеринославским «Союзом борьбы» в январе 1899 года. Разъясняя цель и значение возникшей на I съезде рабочей партии, прокламация заявляла о присоединении к ней Екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Участвовавший на I съезде РСДРП Екатеринославский «Союз борьбы» тогда же вошел в состав вновь организованной партии и вскоре после съезда был реорганизован в социал-демократический комитет. Широко оповестить в 1898 году о присоединении к РСДРП и о своей реорганизации он, по-видимому, не смог и впервые заявил об этом только в печатаемой здесь прокламации в 1899 году. Подробнее о Екатеринославском «Союзе борьбы» см. наст. изд., стр. 166—188. — *106.*

50 Прокламация *«Письмо к екатеринославским рабочим»* была выпущена Екатеринославским комитетом РСДРП в начале июля 1899 года. Прокламация интересна обращением к рабочим с призывом к объединению под знаменем существующей Российской социал-демократической рабочей партии. — *109.*

51 Доклад о рабочем движении в России, представленный русскими социал-демократами Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 году, был написан Г. В. Плехановым и А. Н. Потресовым. Доклад был издан на английском и немецком языках и роздан делегатам конгресса. Деньги для издания доклада, а также и средства на поездку делегатов в Лондон были присланы из России, главным образом от Петербургского «Союза борьбы». — *113.*

52 Международный социалистический конгресс в Брюсселе состоялся 10—23 августа 1891 года. «Доклад» конгрессу, который имеется в виду и цитируется здесь, был представлен группой «Освобождение труда» от имени редакции сборника «Социал-Демократ» за подписью Г. В. Плеханова и В. И. Засулич.

Доклад перепечатан в «Приложениях» к Сочинениям Г. В. Плеханова, т. IX, стр. 341—351. Цитируемое место см. на стр. 351. — *113.*

53 Переход в петербургской социал-демократической организации от теоретической пропаганды в замкнутых кружках к агитации в массах произошел в конце 1894 года по инициативе и под руководством В. И. Ленина. Непосредственным поводом к переходу к новым методам

борьбы явились волнения на Семянниковском заводе 23 декабря 1894 года. Волнения эти, вызванные задержкой заработной платы рабочим, привлекли внимание петербургских социал-демократов. При деятельном участии рабочего И. В. Бабушкина В. И. Лениным был составлен листок к рабочим Семянниковского завода — первый агитационный листок русских марксистов. Переписанный от руки печатными буквами в четырех экземплярах, листок был распространен по заводу Бабушкиным (к сожалению, листок не сохранился). — *113.*

54 *Листовка к бастующим рабочим и работницам фабрики Торнтона* была написана В. И. Лениным в ноябре 1895 года. Фабрика Торнтона принадлежала английским капиталистам. При нищенской зарплате рабочий день на фабрике продолжался больше 14 часов. 5 ноября 1895 года под руководством Петербургского «Союза борьбы» на фабрике вспыхнула забастовка 500 ткачей. Ленинская листовка, выпущенная в связи с этой забастовкой, призывала рабочих и работниц поддержать бастующих ткачей. В листовке были приведены материалы из жизни торнтоновских рабочих, тщательно собранные самим Лениным. Листовка произвела на рабочих огромное впечатление. Забастовка кончилась успешно.

Листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтона» была перепечатана весной 1896 г. за границей в № 1—2 сборника «Работник». См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 66—70. — *114.*

55 Имеется в виду и цитируется прокламация «От Союза борьбы за освобождение рабочего класса», датированная 15 декабря 1895 г. (см. сб. «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 гг.», М., 1934, стр. 14—16). — *117.*

56 См. прим. 3. — *117.*

57 Листок *«Рабочий праздник 1-го мая (по-нашему 19 апреля)»* 1896 г. был распространен на 40 фабриках и заводах Петербурга в количестве 2000 экземпляров. По воспоминаниям участников социал-демократического движения в Петербурге, листок этот явился первым толчком к знаменитым летним стачкам 1896 года (см. сб. «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895 — 1897 гг.», М., 1934, стр. 42—45). — *118.*

58 См. сб. «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 гг.», М., 1934, стр. 51—52. — *119.*

59 Обращение министра финансов Витте к бастующим рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик Петербурга 15 июня 1896 года, с требованием не верить «подметным листкам» «подстрекателей», было напечатано вместе с прокламацией Петербургского «Союза борьбы» («К петербургским рабочим») — ответом на заявление министра — в «Листке «Работника»» № 1, ноябрь 1896 г., стр. 14—16. — *121.*

60 Прокламацию (обращение) Петербургского «Союза борьбы» к «Русскому обществу», датированную 10 июня 1896 г., см. в сб. «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897», М., 1934, стр. 65—67. — *121.*

61 Речь идет о брошюре виленского социал-демократа А. Кремера «Об агитации», появившейся в рукописном виде поздней осенью 1894 г. (напечатана за границей в 1896 г.). Брошюра призывала социал-демократов к переходу от замкнутой кружковой пропаганды к массовой агитации на почве мелких экономических нужд и требований.

В принципиально-теоретическом отношении брошюра была, однако, составлена в духе «экономизма». Считая брошюру полезной для ускорения перехода к новым методам борьбы, В. И. Ленин решительно отмежевался от ее принципиальной («экономистской») стороны. «...*Первые* социал-демократы этого периода, — писал Ленин в 1902 году в «Что делать?», — *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 348). — *127.*

62 Речь идет о легальном издании сборника, направленного против народничества, *«Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».* Сборник был отпечатан в количестве 2000 экземпляров и в мае 1895 года сдан в цензуру, где, пролежав до марта 1896 года, был уничтожен (сожжен) постановлением комитета министров. Удалось спасти только около 100 экземпляров, которые тайно распространялись среди социал-демократов Петербурга и других городов.

Статьей В. И. Ленина, вошедшей в этот сборник за подписью К. Тулина, была статья против легального марксиста П. Струве «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги *П. Струве:* «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»». Спб., 1894 г. См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. I, стр 315 — 484. — *128.*

63 Брошюра *«Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»* была написана В. И. Лениным осенью 1895 года и напечатана в количестве трех тысяч экземпляров в начале декабря. См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 15—57. — *129.*

64 Брошюра *«О стачках»,* написанная В. И. Лениным в тюрьме и переданная на волю, погибла при аресте Лахтинской типографии, где она печаталась в июне 1896 года.

Позднее, находясь в ссылке в Сибири, Ленин написал одноименную статью «О стачках» (начало задуманной им статьи для «Рабочей Газеты»), в которой, по-видимому, восстановил по памяти часть погибшей брошюры. См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 4, стр. 286—295. — *129.*

65 *«Рабочее Дело»* — подготовлявшаяся в конце 1895 года к изданию подпольная социал-демократическая газета — орган Петербургского «Союза борьбы». Первый номер газеты (под редакцией В. И. Ленина, Г Кржижановского и Л. Мартова), состоящий из статей Ленина и серии корреспонденций о стачках рабочих в Петербурге, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Вильно и Минске, был готов к печати. Номер должен был быть уже сдан в типографию, но в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. полиция произвела аресты главнейших руководителей «Союза борьбы» во главе с В. И. Лениным, и все рукописи «Рабочего Дела» были захвачены.

По воспоминаниям Н. К. Крупской (см. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», часть I, М., 1956 г., стр. 92—93) рукописи «Рабочего Дела» существовали в двух экземплярах. Один экземпляр взял для окончательного просмотра Ванеев, у которого он и был отобран полицией, другой остался у Н. К. Крупской, которая передала его на хранение Н. А. Герд (будущей жене П. Струве). Обе рукописи до сего времени не разысканы. Из трех ленинских статей в первом номере

«Рабочего Дела» до нас дошла только одна — «О чем думают наши министры?» (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 71—76). Две другие статьи: «Фридрих Энгельс» и передовица «К русским рабочим», не найдены. Под названием «Фридрих Энгельс» в 1896 году была напечатана статья В. И. Ленина в № 1—2 «Работника». Передовая статья носила программный характер и, по словам Ленина, «обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы». О характере и значении «Рабочего Дела» — первой революционно-марксистской газеты на русской почве — Ленин писал: «...если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение» (*В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 348, 349). — *129.*

66 Речь идет об оппортунистическом органе заграничного («экономистского») «Союза русских социал-демократов», журнале «Рабочее Дело»; выходил взамен «Листка «Работника»» в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года, после отказа группы «Освобождение труда» от редактирования изданий Союза; редактировался Б. Кричевским, Сибиряком (П. Теплов) и В. Иваньшиным. Позднее редактором «Рабочего Дела» являлся А. Мартынов (Пиккер). Всего вышло 12 номеров газеты. В 1900—1901 гг. под редакцией «Рабочего Дела» выходили также «Листки «Работника»» (вышло 8 номеров) и гектографированные бюллетени под названием «Из материалов редакции» (1902 г.). После прекращения издания «Рабочего Дела» и «Листков» «Союз русских социал-демократов» выпустил 3 номера «Красного Знамени» (ноябрь 1902 — январь 1903 г.). — *129.*

67 Листком от 15 декабря 1895 года — *«От Союза борьбы за освобождение рабочего класса»* Петербургский «Союз борьбы» впервые официально заявил о своем существовании. См. сб. «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 гг.», М., 1934, стр. 14—16. — *130.*

68 *Вопрос о новых методах работы* (переход к агитации) в петербургской организации обсуждался на ряде совещаний узкого и расширенного составов (с привлечением возможно большего числа рабочих) осенью и зимой 1894—1895 годов. Одно из расширенных совещаний с присутствием ткачей фабрики Торнтона состоялось в начале ноября 1895 года в связи с назревавшими событиями на торнтоновской фабрике. На повестке дня совещания стоял вопрос о задачах социал-демократии в связи с подъемом рабочего движения вообще и в частности в связи с подъемом рабочего движения на фабрике. В числе присутствующих, приглашенных на совещание, находился представитель будущего «экономизма» Тахтарев, возглавлявший тогда особый кружок, находившийся вне рамок социал-демократической организации «стариков». По вопросу о переходе к агитации на совещании возник горячий спор. Ленин, поддерживаемый рабочими социал-демократами: Шелгуновым, Бабушкиным, Б. Зиновьевым, настаивал «на немедленном переходе к агитации и ведении ее в самых широких размерах». Тахтарев, представлявший на совещании оппозицию, выступал против перехода к аги-

тации, опасаясь, по его словам, «сосредоточения... сравнительно немногочисленных сил на агитации, которая грозила кружковым рабочим скорым провалом и казалась... очень опасной» (см. К. М. Тахтарев. «Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 гг.)», Л., 1924 г., стр. 47—48). Оппортунистическая позиция Тахтарева, советовавшего по существу плестись в хвосте рабочего движения, была большинством собрания отвергнута. Совещание приняло точку зрения Ленина, решив немедленно перейти к широкой агитации в массах во всех районах. — *135.*

69 Речь идет, по-видимому, об отколе от основного ядра петербургской организации «стариков» одного из старых членов группы — Г. Красина. Недовольный новыми методами работы и тактики, по его мнению преждевременными, Г. Красин внутри группы выступал против перехода к агитации. Борьба внутри основного ядра организации кончилась победой сторонников агитации и выходом в связи с этим из группы Г. Красина (см. воспоминание В. А. Шелгунова в сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.)», 1921, стр. 57). — *135.*

70 Свои впечатления о встрече с В. И. Лениным, ездившим в 1895 году за границу для установления связи с группой «Освобождение труда», Г. В. Плеханов изложил в письме П. Б. Струве. Письмо Г. В. Плеханова не сохранилось. По словам Г. М. Кржижановского, который был знаком с содержанием письма, Плеханов писал, «что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым». Г. В. Плеханов отмечал в письме «удивительную эрудицию Владимира Ильича, и цельность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию» (см. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. I, 1956, стр. 177). — *136.*

71 *Седьмой съезд РСДРП(б)* состоялся в Петрограде 6—8 марта 1918 г. Кроме основного вопроса о заключении Брестского мира съезд на заседании 8 марта принял, по предложению Ленина, решение о переименовании партии из Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) — РСДРП(б) — в Российскую коммунистическую партию (большевиков) — РКП(б). — *138.*

72 Документ *«Рабочее движение в Москве»* был послан комитетом Московского «Рабочего союза» за границу в качестве отчета о работе Союза за 1895—1896 года для опубликования в сборнике «Работник». Отчет был напечатан в № 3—4 «Работника» (1897 г., Женева, отдел второй, стр. 33—52, 94—99). — *139.*

73 Празднование 1 Мая, о котором говорится здесь, происходило 30 апреля 1895 года за Москвой, около станции Перово. На маевку, по словам участника ее, М. Лядова, собралось свыше 250 рабочих, представлявших до 30 фабрик и заводов. Интеллигентов было человек 5. За городом провели целый день, говорили речи резко политического характера, раздавали прокламации. На маевке единогласно было принято решение немедленно приступить к созданию рабочей организации. Здесь же, на маевке, было вынесено решение и о необходимости организации кассы для рабочих (см. М. Н. Лядов, «Как начала складываться РКП», М., 1926 г., стр. 106—107). — *139.*

74 *«Адрес московских рабочих рабочим Франции»* по случаю 25-летия Парижской Коммуны датирован 29 февраля 1896 года. Адрес был напечатан в № 1—2 сборника «Работник», изд. «Союза русских социал-демократов», Женева, 1896 г., стр. 100—102. — *141.*

75 См. брошюру Московского «Рабочего союза»: «Касса, для чего она нужна рабочим и как ее устроить». 1896 г., сентябрь. — *144*.

76 Речь идет о Международном социалистическом рабочем конгрессе в Лондоне в 1896 году. Для представительства на конгрессе Московским «Рабочим союзом» был послан в июне 1896 г. мандат на имя В. И. Засулич. — *144*.

77 Воззвание по поводу петербургских забастовок, о котором идет речь, было написано П. Н. Колокольниковым. Воззвание излагало требования петербургских рабочих и приглашало московский пролетариат поддержать петербургских товарищей. Оно кончалось следующим призывом: «Товарищи! Не забывайте, что у нас с петербургскими рабочими, как и с рабочими всего мира, один общий лютый враг — ненасытные и безжалостные эксплуататоры — капиталисты! А с общим врагом надо и дело вести сообща. Так протянем же братскую руку помощи нашим товарищам, нестерпевшим ненавистного гнета хозяев» (см. В. Невский. «Очерки по истории РКП», 2 изд., т. I, Л., 1925, стр. 453). — *147*.

78 *Демонстрация у Казанского собора* — известная демонстрация в Петербурге 6 декабря 1876 года; организована студентами-народниками с привлечением рабочих по поводу чествования Н. Г. Чернышевского, сосланного в 1864 году на каторгу. Видное участие в демонстрации принимал Г. В. Плеханов, тогда еще молодой студент, член народнической организации «Земля и Воля». Плеханов выступил на демонстрации с речью, в которой заявил о солидарности собравшихся с лучшими сынами русского народа — Н. Г. Чернышевским и другими, и о готовности продолжать борьбу за дело народа (см. «Рабочее движение в России в XIX веке». Сборник документов и материалов, т. II, часть вторая, 1875—1884, [М.], 1950, стр. 189). После речи Плеханова над толпой было поднято рабочим Я. Потаповым красное знамя с надписью «Земля и Воля». Демонстрация была разогнана полицией; многие ее участники арестованы и сосланы. — *147*.

79 Второе воззвание по поводу петербургских событий было написано также П. Н. Колокольниковым. См. его в кн. Н. Милютиной «Первые годы», изд. Истпарта, М. — Л., [1928], стр. 108—110. — *147*.

80 Вторая часть отчета Московского «Рабочего союза» была прислана в редакцию «Работника» несколько позднее первой и напечатана отдельной главой в № 3—4 «Работника», стр. 94—99. Посылая эту последнюю часть отчета для «Работника», Московский «Рабочий союз» писал 3(15) февраля 1897 года группе «Освобождение труда», редактировавшей издание сборника: «Товарищи! Мы уже прислали вам часть нашего отчета для напечатания на страницах «Работника», теперь же присылаем продолжение. Если вы не напечатали еще отдельные оттиски нашего отчета, то соблаговолите присоединить к нему настоящую присылку, т. е. продолжение отчета или материалов и кассовый отчет за 1896 г. Что же касается до воззваний, то мы не считаем нужным печатать их, но если вы расходитесь с нами в этом отношении, то дайте им место лишь в виде приложения. Нами получено для пересылки «Работнику» 10 руб. и мы медлим пересылать их лишь в силу того, что думаем прислать их вместе с нашей помощью.

«Материалы» желательно было бы отпечатать и отдельными оттисками с пометкой, что это «Отчет Рабочего союза в Москве за 1896 год»».

Письмо Московского «Рабочего союза» к группе «Освобождение труда», напечатано полностью в сб. «Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП», М. — Л., 1930, стр. 154—155. — *152*.

81 Речь идет о выступлении В. И. Ленина против известного народника В. В. (Воронцова) на нелегальной вечеринке, устроенной народоправцами 9(21) января 1894 года в Москве. На вечеринку Ленин попал случайно, получив билет от знакомых. Из марксистов, кроме Ленина, на вечеринке присутствовали: В. Старков, М. Лядов, А. Ульянова, студент Давыдов. Созванная для пропаганды народнических идей, вечеринка открылась вступительной речью лидера народников — Воронцова. Но против Воронцова выступили марксисты (Давыдов, Ленин), и вечеринка неожиданно превратилась в дискуссионное собрание с явным успехом на стороне марксистов.

Вот как описывает выступление Ленина против Воронцова А. И. Ульянова: Владимир Ильич, «тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов (замечаний с мест. — *Ред.*), заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово. Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно, если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще бо̀льшим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался. Марксистская часть молодежи торжествовала победу» (см. «Пролетарская Революция» № 2 (14), 1923, стр. 58—59; см. также «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I, М., 1956, стр. 152—153). — *156.*

82 Речь идет о работе В. И. Ленина *«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»,* написанной им в 1894 году. Ленин начал работать над своей книгой еще в Самаре в 1892—1893 годах. В самарском кружке марксистов он читал рефераты, в которых подвергал резкой критике противников марксизма — либеральных народников: В. В. (Воронцова), Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, С. Н. Кривенко. Эти рефераты, явившиеся подготовительным материалом к книге «Что такое «друзья народа»?» и имеет в виду А. И. Елизарова (см. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. I, стр. 111—313). — *156.*

83 В состав социал-демократического кружка С. И. Мицкевича входили: С. И. Мицкевич, М. Н. Лядов, А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Спонти, С. И. Прокофьев. Позднее в него вошли братья А. Н. и В. Н. Масленниковы, А. В. Кирпичников, А. Ганшин и другие. Подробнее о работе кружка см. статью С. Мицкевича «Очерки истории Московской партийной организации» в сб. «На заре рабочего движения в Москве», М., 1919 г., стр. 12—52. — *156.*

84 Для налаживания связи с группой «Освобождение труда» от Москвы в Швейцарию ездил весной 1895 года Е. И. Спонти. — *159.*

85 *Сопроводительное письмо Полю Лафаргу* было напечатано вместе с «Адресом московских рабочих рабочим Франции» в № 1—2 «Работника». В письме сообщалось о посылке от имени московских рабочих 50 руб. на венок на «могилы героев Коммуны».

Указание на то, что «число подписей могло быть удвоено, если бы не необходимость спешить с отправкой адреса», было дано в приписке редакции «Работника» к «Адресу», а не в сопроводительном письме Лафаргу, как ошибочно указано в тексте статьи (см. «Работник», Женева, № 1—2, стр. 102). — *164.*

86 *Проект программы I съезда*, выработанный Центральной группой московской социал-демократической организации, не сохранился. По воспоминаниям Р. Арского, программа была переписана в трех экземплярах на небольших листах почтовой бумаги с тем, чтобы один экземпляр отправить в Киев, другой в Нижний Новгород, а третий — за границу. Последний должен был отвезти туда А. Ю. Финн-Енотаевский. Однако планы эти были расстроены, так как в Москве в это время в связи с приездом туда царя начались массовые аресты. Финн-Енотаевскому, у которого был произведен обыск, удалось якобы «проглотить листок с программой предполагаемого съезда» (см. «Красная Летопись» № 1, 1928 г., стр. 17—18). — *164.*

87 *«Отчет Екатеринославского комитета РСДРП»* был прислан в середине 1899 года в редакцию изданий «Союза русских социал-демократов» как отчет о деятельности Комитета и материал для общего доклада о русском рабочем движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 года. Отчет был напечатан в 1900 году в Женеве отдельной брошюрой «Рабочее движение в Екатеринославе» в издании «Союза русских социал-демократов». — *166.*

88 *«Вперед»* — киевская рабочая газета, одна из первых социал-демократических газет в России; выходила в 1897—1900 годах; всего вышло 10 номеров. Номера: первый (на гектографе), вышедший 6 января 1897 года (помечен 8 декабря 1896 г.), и второй (28 февраля 1897 г.) были изданы киевской социал-демократической группой «Рабочее Дело» (Ю. Мельников, П. Тучапский, Б. Эйдельман, Н. Вигдорчик). Начиная с третьего номера газета выходила как орган Киевского «Союза борьбы» (после I съезда — Комитета РСДРП). Последний, 10-й, номер «Вперед» вышел в декабре 1900 года. Газета не носила четко выдержанного политического характера. Последние номера газеты выражали явно «экономистское» направление. — *171.*

89 В «Приложении» к брошюре «Рабочее движение в Екатеринославе», Женева, 1900 г., см. Хронику рабочего движения на юге России, стр. 14—20. — *172.*

90 *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 года. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников и редактировался Воронцовым (В. В.), Кривенко и Михайловским. Журнал проповедовал примирение с царским правительством, отказ от всякой революционной борьбы с ним и вел ожесточенную борьбу против марксизма. — *181.*

91 Интеллигентом, объявившим о состоявшемся I съезде РСДРП, был И. Х. Лалаянц. «Манифест РСДРП», составленный после съезда, упоминается И. В. Бабушкиным ошибочно. — *188.*

92 Делегатом на I съезде РСДРП от Екатеринославского «Союза борьбы» был К. А. Петрусевич. Вернувшись в Екатеринослав после съезда вечером 10 марта, он успел изложить решения съезда одному члену Комитета — И. Х. Лалаянцу, и ночью в тот же день был арестован. — *188.*

93 Воспоминания о I съезде РСДРП Б. Л. Эйдельмана представляют собой отдельные главы из статей и воспоминаний его, написанных и напечатанных в разное время и выпущенных в 1926 году отдельным изданием «Первый съезд РСДРП». В настоящем издании печатается последняя глава из книги Б. Эйдельмана.

Воспоминания вновь просмотрены и несколько дополнены автором в 1934—1935 годах для предполагавшегося тогда к изданию Институтом Маркса — Энгельса — Ленина сборника документов о I съезде РСДРП.

В дополненном и вновь просмотренном автором виде публикуемая здесь глава из воспоминаний Б. Л. Эйдельмана печатается впервые. Встречающиеся в тексте статьи ссылки автора на предыдущие главы см. в кн. Б. Эйдельмана «Первый съезд РСДРП», М. — Л., 1926 г. — *189.*

94 См. примечание 6. — *191.*

95 *«Наше Дело»* — рабочая газета, издававшаяся Николаевской социал-демократической группой в 1897 году; всего вышло 3 номера. В 1902 году газета была возобновлена и выходила под тем же названием как орган Николаевского комитета РСДРП. Последний № газеты, девятый, вышел в июне 1903 года. — *193.*

96 Речь идет, по-видимому, о прокламации *«Письмо к киевским сознательным рабочим»,* выпущенной социал-демократической группой «Рабочее Дело» 23 (а не 18) марта 1897 года. Прокламация опубликована в «Пролетарской Революции» № 1, 1921 года, стр. 108—110. — *193.*

97 *Группа «Рабочего Знамени»* — социал-демократическая группа в России, основанная в 1896 году и именовавшаяся первоначально «Группой рабочих революционеров». В 1898 году группа приняла название «Русской социал-демократической партии» и стала издавать нелегальную газету «Рабочее Знамя» (вышло три номера: 1-й — в Белостоке, в мае 1898; 2-й — в Лондоне, в марте 1900 и 3-й — последний номер — в Киеве, 7 февраля 1901 года). Партийные группы «Рабочего Знамени» имелись в Петербурге, Вильно, Белостоке и некоторых других городах. В 1898 году группа выпустила программную брошюру «Задачи русской рабочей партии». В состав РСДРП группа не входила. Выступая против экономизма, она занимала неверную позицию по национальному вопросу, отстаивая создание национальной социал-демократической партии, и не отмежевывалась резко от групп полународнического толка.

В 1901 году группа была разгромлена царским правительством; часть ее примкнула к эсерам, часть к «Искре». — *198.*

98 См. брошюру группы «Освобождение труда» «Чего хотят социал-демократы?» (заимствована из «Программы рабочей партии» Ж. Геда и П. Лафарга), изд. «Союза русских социал-демократов», Женева, 1888 г. — *199.*

99 *Махаевщина* — близкое к анархо-синдикализму течение, возглавлявшееся В. К. Махайским (писал под псевдонимом А. Вольского, ум. в 1927 г.). Резко враждебное отношение к марксизму, социализму и революционной интеллигенции, которую Махайский считал «паразитиче-

ским» классом — таково было специфическое содержание махаевщины. Программа махаевцев была изложена в книге Махайского «Умственный рабочий», изданной в 3 частях-выпусках: 1-й выпуск напечатан на гектографе в Сибири в 1899 году; 2-й — там же в 1900 году и 3-й в 1904 году в Женеве, где в 1905 году были переизданы все 3 части. В 1902 году в Иркутске махаевцами была выпущена первомайская прокламация. Какого-либо значительного влияния на рабочие массы махаевцы не имели. Отдельные группы махаевцев имелись в Одессе, Варшаве и Петербурге. — *200.*

100 Имеются в виду «Воспоминания о съезде» П. Румянцева, напечатанные 14 марта 1923 года в № 59 газеты «Звезда» — органе Коммунистической партии Белорусской ССР (выходит в Минске с 1917 года). — *209.*

101 См. книгу Н. Батурина «Очерк истории социал-демократии в России». В пятом, исправленном автором, издании книга вышла в 1923 году в петроградском издательстве «Прибой». — *209.*

102 Речь идет о статье А. Потресова «Памяти Ст. Ив. Радченко» в № 7 — 8 журнала «Наша Заря», 1911 года. Посвящая статью преждевременной смерти С. И. Радченко, Потресов, между прочим, писал: «Он (Радченко. — *Ред.*) был одним из устроителей съезда 1898 г. и одним из вдохновителей знаменитого «Манифеста». Выбранный на съезде в Центральный Комитет, он после разгрома, непосредственно сопровождавшего съезд, остался единственным уцелевшим тогда представителем партийного центра и — прибавлю — он остался, мне думается, также и жертвой пришедшего в тупик торопливого процесса централизации».

«Наша Заря» — меньшевистско-ликвидаторский ежемесячный журнал, посвященный общественно-политическим и научным вопросам; выходил в Петербурге в 1910—1914 годах при ближайшем участии Л. Мартова, А. Потресова, П. Маслова, В. Левицкого, Д. Кольцова, Н. Череванина и других меньшевиков. — *212.*

103 II съезд РСДРП происходил в Брюсселе и Лондоне с 30 июля по 23 августа 1903 года. См. «Протоколы II съезда РСДРП», 1932 г. — *213.*

104 Книга *«Как министр заботится о рабочих»* Н. А. Вигдорчика была напечатана в Женеве в 1896 году типографией «Союза русских социал-демократов». — *214.*

105 Речь идет о статье Б. Эйдельмана «К истории возникновения РСДРП», впервые напечатанной в 1907 году в историческом сборнике «Наша страна» № 1. — *215.*

106 *Письмо Г. В. Плеханова* в редакцию «Рабочей Газеты» (см. «Приложения» к наст. изд., стр. 239—240) написано вскоре после выхода первого номера «Рабочей Газеты». Письмо было привезено в Киев в конце 1897 года членом Цюрихского социал-демократического студенческого кружка Л. В. Теслером и должно было появиться в № 3 «Рабочей Газеты». Но предполагаемый номер в свет не вышел вследствие ареста и разгрома Екатеринославской типографии, где он печатался. Вместе с другими документами «Письмо» Г. В. Плеханова было захвачено полицией при аресте Б. Л. Эйдельмана.

Членов группы «Рабочей Газеты» «Письмо» Плеханова не вполне удовлетворило. Особенно им не понравился упрек Плеханова «в игнорировании политической борьбы», упрек, по мнению группы, «не вполне ею заслуженный». Позднее при обыске у Теслера был найден ответ

Плеханову, написанный Теслером и излагавший мнение группы о письме Плеханова. Ответ гласил: «Письмо ваше к товарищам, издающим «Рабочую Газету», я своевременно передал. Будучи весьма вам благодарной за посылку письма и считая крайне необходимым поместить его в ближайшем № «Рабочей Газеты», группа тем не менее сильно затрудняется сделать это без некоторых поправок. Дело в том, что группа не считает удобным поместить то место вашего письма, где вы упрекаете русские соц.-дем. кружки в частом забвении значения политической борьбы, — упрек, по мнению группы, совершенно не заслуженный ни ею, ни какой-нибудь другой, проявившей себя социал-демократической, группой.

Группа полагает, что вряд ли вы и сами упрекнули бы теперь в этом русских с.-д., в частности издателей «Рабочей Газеты», по прочтении № 2 «Рабочей Газеты» (см. передовицу «О ближайших задачах русского рабочего движения»). Неудобен далее и конец вашего письма (совет внимательно прочесть «Послесловие» Павла Борисовича к брошюре «Об агитации»). Если вы найдете возможным согласиться на эти маленькие поправки, то будьте добры и дайте по возможности скорей знать об этом (через Кольцова), так как, повторяю, группа считает крайне важным поместить ваше письмо в № 3 «Рабочей Газеты», который должен выйти не позже, чем через 3 недели» (см. «Красный Архив» № 19, 1926, стр. 208).

Письмо Г. В. Плеханова сыграло, по-видимому, известную роль в усилении политических моментов во 2 номере «Рабочей Газеты». — *220.*

СОДЕРЖАНИЕ

III

МАТЕРИАЛЫ И ИЗВЕЩЕНИЯ О СОСТОЯВШЕМСЯ СЪЕЗДЕ

IV

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Иллюстрации

Сдано в набор 21 января 1958 г. Подписано к печати 11/VI 1958 г. Формат 60×92¹/₁₆. Физ. печ. л. 22¹/₄+2 вклейки ¹/₄ печ. л. Условн. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 23,84. Тираж 35 тыс. экз. Заказ № 1309. Цена 7 р. 75 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1958